

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ»**

№ 3

**Москва
Издательство МГОУ
2009**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. – проректор по научной работе и международному сотрудничеству, кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н. И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Абрамов А. В. – кандидат политических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В. В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, доцент
Сейранян Ф.Г. – доктор исторических наук, профессор
Яровой Е.В. – доктор исторических наук, профессор
Фукс А.Н. – кандидат исторических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – № 3. – 2009. – М.: Изд-во МГОУ. – 220 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5 и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г. и в редакции апреля 2008 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2009

© Издательство МГОУ, 2009

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47).02

Фомина Т.Ю.

ПОВСЕДНЕВНО-БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА X-XII ВВ. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ И ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)*

Аннотация: В рамках данной работы обобщены результаты научных исследований, материалы исторических источников и археологических раскопок, характеризующие повседневную культуру Великого Новгорода X-XII вв. На богатом источниковом материале прослеживается влияние церкви на повседневную жизнь горожан, семейные взаимоотношения новгородцев того времени, их домашние заботы и часы досуга.

Ключевые слова: история, культура, Великий Новгород, археология, берестяные грамоты

Новгородская земля в X-XII вв. сыграла значительную роль в становлении Древнерусского государства, в рамках которого новгородцы сумели создать уникальную, отличающуюся от других русских земель, политическую структуру, административное управление, развитую экономику, самобытную культуру и жизненный уклад. Безусловно, именно в повседневной жизни человек раскрывается наиболее полно и обращение к данному аспекту позволяет понять и почувствовать «дух эпохи», окунуться в мир забот, тревог, переживаний и радостей людей того времени. Поэтому в рамках нашего исследования мы попытаемся обобщить научные исследования, материалы исторических источников и археологических раскопок, характеризующие повседневную культуру Великого Новгорода X-XII вв.

В средневековье, как и в любой другой исторический период, носителем повседневной бытовой культуры является семья. Берестяные грамоты, найденные в ходе раскопок в Великом Новгороде, позволяют сделать вывод о том, насколько важны были для новгородцев родственные связи. Новгородец не мыслил себя вне семьи, и поэтому самым страшным наказанием для него было исключение из ее рамок. Обращение к семейным узам проникло даже в этикетные формулы берестяной переписки, хотя далеко не всегда автор и адресат состояли в кровном родстве. «Брат Милята!» – обращается купец своему компаньону в Киеве [Зализняк А.А.1995, 265]. Анна, обращающаяся за помощью к своему брату Климяте, в отчаянье пишет, что если в суде докажут то, в чем ее ложно обвиняют – «Я тебе не сестра, а мужу не жена» [2, 274].

Время сохранило берестяные послания, полные любви и заботы о близких. Например, для Онтана, жившего в середине XII в., так же, как и для многих из нас, очень

* © Фомина Т.Ю.

важна весточка от матери о том, что все живы – здоровы [2, 334]. Находясь в Смоленске, Гюргий беспокоится за родителей, оставшихся в голодающем Новгороде [2, 248].

Создание семьи было важным событием в жизни новгородца. В рассматриваемый период в Новгороде уживалось несколько обычаев образования семейных союзов. Обряд введения невесты в дом жениха «вечером» оказался наиболее долго живущим, его отголоски встречаются вплоть до XVI в. [Рабинович М.Г.1988, 256] Наряду с этим обычаем широко был распространен брак с похищением невесты или «умычка». Похищение стало неотъемлемой частью уже христианизированного обряда, который жив и по сей день.

В XII веке, согласно дошедшим до нас источникам, было вполне обычным явлением образование семьи без всяких обрядовых действий, или, как говорил очевидец тех событий священник Кирик, «положить девку жене без всякого обряда» [Вопрошание Кириково.1906, 34]. Церковь не признавала подобных форм и требовала обязательного венчального брака. Однако церкви приходилось мириться со многими существующими в Новгороде обычаями, даже с тем, что в таких браках были нажиты дети. Новгородский архиепископ Илья говорил: «... венчайте, же аще и с детьми» [Поучение архиепископа Ильи.1906, 371].

При этом священник должен был тщательно следить за тем, чтобы венчаемые не были в кумовстве, сватовстве, крестном братстве или свойстве до шестого, седьмого колена [Романов Б.А.1947, 74].

При заключении брака одной из древнейших церемоний было поедание каравая и сыра. Этот обычай сегодня трактуют как символ будущей безбедной жизни супругов или как символ плодородия. Вероятно, традиция устраивать свадьбу только в доме жениха или невесты в XII в. еще не сложилась. Гуляние устраивалось прямо на улице после венчания в церкви. Брак, заключенный с благословения духовника, и дальше оставался под его покровительством. [Пихоя Р.Г.1974, 68]

Безусловно, главой семьи был мужчина, он занимался хозяйственными вопросами, ему подчинялись все домочадцы. Сохранилась берестяная грамота, посланная хозяином усадьбы Василем к своему управляющему или домочадцу Ростиху. Распоряжения Василя сухи и конкретны: «Продайте полового коня, а рыжего купите в конюшню, а бурого запишите (по-видимому в какую-то опись). Отрядите человека, отправьте с ним 4 резаны» [2, 267]. Другое письмо «от Завида к жене и детям» содержит инструкцию, как последним вести себя дальше в известной адресатам судебной тяжбе: «А вот женщину-то били, почему же не поставили ее на пытку?» И приписка: «К Луке иди» [2, 366]. Таким образом, даже находясь в отъезде, хозяин стремился регулировать все стороны жизни семьи.

Влияние на семейный быт новгородцев стремилась оказывать и церковь. Особое внимание духовенство уделяло новорожденным, дабы привлечь новгородцев к христианским основам как можно раньше. Сами роды церковь считала делом нечистым, но при этом крещение новорожденного для церкви было жизненно важным обрядом, так как некрещеный не имел права даже на погребение по христианскому канону. Ребенка крестили, как правило, на восьмые сутки после рождения. Священник мог даже оставить службу и идти крестить младенца к горожанину на дом: «Любо си и службу церковную оставити, нетуть в том греха» [9, 367].

Имя младенцу обычно давалось при крещении на основе святцев. Несмотря на это, в Новгородской земле того времени были широко распространены имена христианского происхождения [2, 52]. Наиболее часто встречались имена: Радонег и Богуслав, Творимир и Братонег, Седослав, а так же более простые: Завид, Некрась, Хроп, Крив и т.д. Бытовали в Новгороде и имена греческого происхождения, но в жи-

вой обиходной речи они сильно видоизменялись. К членам своей семьи и соседям новгородцы обращались просто: Марфуша, Микитка, Янка, Тимошка.

Детей в семье надлежало воспитывать в строгости и уважении к родителям. Дети, будучи уже взрослыми, обязаны были заботиться о родителях на протяжении всей жизни и «читать родителей яко бога».

Однако семейная жизнь новгородцев не была безоблачной идиллией. Их брачные союзы, даже скрепленные церковным венчанием, были весьма непрочными. Несмотря на проклятия духовенства, новгородцы весьма свободно относились к браку, сожительствова без духовного благословения и расставаясь вопреки церковным законам после венчания [2, 312]. Берестяные грамоты сохранили драматические эпизоды из жизни женщины того времени. Когда муж в виду заключения нового брака выгонял прежнюю жену из дома, но при этом обязан был вернуть все ее приданное родным [2, 312]. Берестяные грамоты так же свидетельствуют, что и в семейных неурядицах и в судебных тяжбах единственной опорой женщины были родные, прежде всего братья [2, 344, 349, 312].

Церковь рассматривала процедуру развода как исключительное явление. В Древней Руси инициатива развода при очень веских обстоятельствах признавалась только за мужчиной. Церковное право Новгорода позволяло и женщине требовать «ропуск», если муж, имевший большой долг, «порты ея грабити начнет или пропивать или ино зло» [1, 32], «аще ли муж от жены прелюбы творит с иною, а свою жену бият по неправде». В этом случае жена должна была дать «извет» перед людьми в том, что она не виновата в разводе [1, 38].

Безусловно, говорить об униженном и полностью бесправном положении женщины нельзя. Во-первых, наличие берестяных посланий, написанных новгородскими женщинами, свидетельствует об их грамотности. Во-вторых, женщины не были ограничены только рамками домашнего хозяйства: они имели право участвовать в финансовых операциях, земельных тяжбах, отстаивать свои интересы в суде, они в ряду с мужчинами фигурируют в дошедших до нас долговых списках.

Пищевой режим новгородцев также находился под влиянием церковной традиции. Например, разрешалось кушать мясо только в среду, пятницу и господские праздники [Пихоя Р.Г. 1987, 78], и следовало воздерживаться от употребления «удавленины» (животных или птиц удавившихся в силке) [1, 46]. Но в реальной жизни новгородцы исходили из своих вкусов и возможностей, основанных на крестьянских традициях, впоследствии обогащенных новыми кушаньями и напитками.

Главной и неотъемлемой частью ежедневной трапезы новгородца был хлеб, который служил синонимом понятия еды вообще. Набор хлебных изделий в новгородской кухне был достаточно богат: это лепешки, оладьи, ватрушки, шаньги, пряники на меду, пироги с самой разнообразной начинкой. Значительную часть питания составляли каши. В то время так называли не только крупяные блюда, а вообще все кушанья, сваренные из измельченных продуктов [10, 223]. Самой популярной кашей в X-XII вв. была пшенная, кроме нее употребляли так же овсяную, гречневую, гороховую [Янин В.Л.1998, 134]. Особо следует отметить кутью – ритуальную сладкую кашу, которая в XII в. готовилась из зерен пшеницы с медом. Из ржаной или овсяной муки, слегка подквашенной дрожжами, в Новгороде делали кисель.

Репа и капуста – были наиболее распространенными овощными культурами на всей территории Древней Руси, которые шли преимущественно на жидкие блюда – похлебки, хлебово (супы в нашем понимании), репицу или щи. Овощи заготавливали впрок. В бочках хранили соленые огурцы и грибы, квашеную капусту, моченые ягоды и фрукты. Мясо употребляли в пищу чрезвычайно экономно.

Большую роль в питании жителей Новгорода играл мед, который употребляли так, как мы теперь используем сахар. Из меда и зерна изготавливалось множество сортов пива. Наибольшее распространение из напитков имел квас, который пили для утоления жажды и использовали для приготовления тюри и окрошки. Предметами дорогостоящего импорта были византийские вина и острые приправы. Широко в пищу использовали рыбу. Неотъемлемой частью повседневной жизни новгородца были промыслы (рыбный, пушной, бортничество и т.д.), которые не только приносили доход, но и дополняли достаточно разнообразный стол горожан.

Неотъемлемой чертой Великого Новгорода X-XII вв. является наличие значительного процента грамотного населения, что было возможно лишь при хорошо организованной системе образования. Известно, что юные новгородцы начинали свое обучение с 6-7 лет и первоначально учились письму, а затем на его основе счету [Рыбина Е.А.2000, 39-42]. На данном этапе научного исследования можно говорить о существовании в Новгороде двух систем письма – книжной и бытовой [2, 19]. Обучение книжному письму было высшим уровнем образования, первым этапом которого было знакомство с бытовой системой. Она предназначалась для повседневных нужд. Характерной особенностью бытового письма было использование облегченной азбуки, отмечается еще около 30 особенностей фонетики, морфологии и синтаксиса, что ярко иллюстрируют грамоты именно периода XI-XII вв., сохранившие для нас живую разговорную речь той эпохи [2, 20].

Для наиболее полного раскрытия образа средневекового новгородца необходимо рассказать и о том, что заполняло часы его досуга. Обычными развлечениями для жителей Новгорода рассматриваемого периода были народные гулянья, в которых участвовали массы городского населения.

Церковь глубоко осуждала эти «игрища утолочена и людии множество на них, яко упихати начнут друг друга, позоры деюще от беса замысленного дела». Подобные веселья сопровождалась такими развлечениями, как туры, лодыги, комедницы, позорования и т.д. в которых принято было рядиться в звериные одежды, возлагать на лица скураты, сопеть в сопяху, играть в быков [9, 351]. Возможно, что в XII в. народные игрища постепенно утрачивали свое ритуальное значение и становились простым развлечением с песнями и плясками, на позор (т.е. созерцание) которых стекалось огромное количество горожан [Куманева Е.2000, 12]. Большой популярностью в Новгороде пользовались кулачные бои, которые были и «отголоском древней тризны» (драться по мертвецы)-и способом разрешения споров [Иванов А.2000, 9].

Активными участниками народных гуляний были скоморохи. Их представления сочетали в себе шутовские затеи, переодевания, игру на музыкальных инструментах. Скоморохи пользовались большим уважением народа. В одной из новгородских былин их называют людьми «не простыми, а святыми» [Новгородские былины. 1978, 301]. Ни одно собрание не обходилось без музыкального сопровождения. Наиболее популярными в Новгороде X-XII вв. были струнные инструменты – гусли и гудки. Наигрыши делились функционально, по-разному звучали сопровождения, исполняемые «под пляску» и «под песню». Игра на музыкальном инструменте требовала определенных профессиональных навыков, которые передавались непосредственно от наставника к ученику. Из духовых инструментов самыми распространенными были дудки и свирели, или, как их называли тогда, сопели. Разнообразны были ударные – трещетки, ботало, в разгар пляски в помощь шли ложки, стиральные доски, печные заслонки [Поветкин В.И. 1994, 134]. Таким образом, мир средневекового новгородца был наполнен как инструментальной музыкой, так и песенным творчеством.

Если бурные народные гулянья устраивались прямо на улице, то для «беседы»

требовалась спокойная домашняя обстановка. Вероятно, подобные собрания различались на чисто мужские и чисто женские [4, 14]. «Беседы» были очень популярны у новгородцев в XII в., не случайно архиепископ Илья с упреком спрашивал священников: «Чем лучше мы простецов, ежели с ними начнем ясти и на беседе сидети?» [9, 358]. Участники беседы коротали время за рукоделием, слушая искусных рассказчиков. Вслед за гуляньями и беседой, братчина также была формой живого общения для средневекового новгородца.

Даже на стенах Софийского собора сохранилась надпись, свидетельствующую о проходившей здесь коллективной братчине по поводу начала какого-то важного общего дела [2, 288], а, как известно, братчина – типичный пережиток язычества, который в Новгороде археологически прослеживается с первой половины X в. [Седов В.В. 139].

Неотъемлемой частью повседневного быта новгородца было прикладное творчество, когда горожанин в часы досуга с любовью и выдумкой мастерил поделку, одновременно украшавшую дом и необходимую в хозяйстве. Если женщины занимались, шитьем, вышивкой, то мужчины мастерили поделки из дерева и кости, самых доступных подручных материалов. Богатая творческая фантазия находила выражение в затейливом орнаменте на ложках и ручках ковшей, в резном узорочье, украшавшем новгородские жилища, в изящных костяных изделиях. Эти вещи не серийного производства они рождались из любви к материалу, из потребности творить своими руками.

Мир, окружающий средневекового новгородца, был полон ярких красок, художественного разнообразия и творческих идей, воплощенных в разнообразных предметах быта – это разноцветная домотканная одежда, украшенные резьбой ложки, миски и ковши, тонкое деревянное узорочье, покрывавшее хоромы и крыльца, во всем видна рука талантливого умельца. Это всегда подчеркивали и сами новгородцы, с гордостью говоря, что они не «лопатники», осознавая себя носителями высокой материальной культуры. И, действительно, обувь в Новгороде носили только кожаную, украшенную вышивкой и аппликацией, находка ж лаптей в ходе раскопок большая редкость.

Подводя итог изучению повседневно-бытовой культуры Великого Новгорода X-XII вв., необходимо отметить, что имеющиеся исторические источники содержат достаточно богатый материал для раскрытия данной темы и требуют дальнейшего обстоятельного исследования. Полученные нами результаты позволяют сделать вывод о том, что новгородцы в рамках древнерусского государства сумели создать уникальную и самобытную культуру, которая могла сформироваться лишь в социально-политических и культурных условиях новгородской действительности того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вопросание Кириково // Русская историческая библиотека изд. Императорской археологической комиссии. Т. 6. СПб., 1906.
2. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
3. Иванов А. Спортивные игры в Древней Руси // Орел шестого легиона. Тезисы науч. конф. ист. фак. УрГУ. Екатеринбург, 2000.
4. Куманева Е. Досуг в средневековом Новгороде // Орел шестого легиона. Тезисы науч. конф. ист. фак. УрГУ. Екатеринбург, 2000.
5. Новгородские былины / изд. подгот. Ю.И. Смирнов, В.Г. Смолицкий. М., 1978.
6. Пихоя Р.Г. Возникновение памятников покаянной дисциплины Древней Руси в XI в. // Античная древность и средние века. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.
7. Пихоя Р.Г. Церковь в Древней Руси. Дис. ... канд. ист. наук. / Урал. ун-т. Свердловск, 1974.
8. Поветкин В.И. Новгород музыкальный (по материалам археологических исследований). Открытия

- 1993г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994.
9. Поучение архиепископа Ильи // Русская историческая библиотека изд. Императорской археологической комиссией. Т.6. СПб., 1906.
10. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
11. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI-XIII вв. М.; Л., 1947.
12. Рыбина Е.А. Образование в средневековом Новгороде // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000.
13. Седов В.В. Языческая братчина в древнем Новгороде // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Сб. ст. Вып. 65. М., 1956.
14. Янин В.А. Я послал тебе бересту... М., 1998.

T. Fomina

EVERYDAY-DOMESTIC CULTURE OF GREAT NOVGOROD OF THE X-XII CENTURIES (COMPILED FROM ARCHEOLOGICAL MATERIALS AND WRITTEN SOURCES)

Abstract: Within the bounds of this work, the results of scientific research, the historical sources and archeological excavations characterizing everyday-domestic culture of Great Novgorod of the X-XII centuries are generalized. The influence of the church on the everyday life of the city-dwellers, family relationships of the people of Novgorod of that time, their daily routine and leisure hours are retraced in the material of the abundant sources.

Key words: history, culture, Great Novgorod, archeology, birch bark charters.

ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ*

Аннотация: В статье рассматривается история первой эмиграции запорожских казаков, продлившаяся долгие 25 лет. В ней показаны причины ухода в 1709 году значительной части запорожского казачества за пределы Российской империи, их адаптация в новом месте пребывания, вскрываются побудительные мотивы к возвращению на родину. Борьба за влияние над казаками-запорожцами рассматривается в контексте военно-политического противостояния России с Турцией, а также с некоторыми поддерживающими Османскую империю европейскими государствами.

Ключевые слова: запорожские казаки, Запорожская Сечь, эмиграция, Россия, Турция, Крымское ханство, Швеция.

Причины эмиграции казаков-запорожцев во многом схожи с причинами бегства из России казаков-некрасовцев. Ограничение Петром I сословных привилегий в плане приема беглых крестьян, автономного самоуправления, доступа запорожцев на территорию левобережной Украины (для этого была специально построена вблизи северной границы казачьих земель крепость Каменный затон), усиления контроля за поставкой хлеба в Запорожье и постоянная задержка жалованья неоднократно приводили к волнениям в среде запорожских казаков. К тому же, Украина продолжала оставаться узлом противоречий между Россией, Речью Посполитой и Крымским ханством, что приводило к постоянным изменам подавляющего числа гетманов после смерти Богдана Хмельницкого в 1657 г. вовлекавшим в свою борьбу и казацкие массы. К нестабильной внешнеполитической обстановке добавлялись социальные противоречия между казацкой старшиной и так называемой «серомой» - беднейшими казаками. Запорожье буквально сотрясало от восстаний различного масштаба по разным поводам, проходивших с завидной регулярностью в 1658 г., 1664-1665 гг., 1666 г., 1687 г., 1688 г., 1690-1691 гг., 1693-1696 гг. [1, с.322]. Более полутора тысяч запорожцев участвовало и в восстании К.А.Булавина 1707-1709 гг. [6, с. 228]

В такой обстановке любой крупный внешнеполитический конфликт, имевший место вблизи Запорожской Сечи, просто обязан был привести к тем или иным антироссийским акциям со стороны запорожских казаков. От привинтивных мер царского правительства их долгое время в какой-то степени спасал гетман И.С.Мазепа, пользовавшийся безграничным доверием Петра I. Это доверие было основано на том, что Мазепа поддержал царя еще в то время, когда он, опасаясь за свою жизнь, бежал в 1689 г. в Троицко-Сергиевский монастырь. Поэтому Петр I считал клеветой все доносы на гетмана (начали поступать с 1688 г.) и пересылал их в Батурин, где находилась резиденция Мазепы. Но здесь русского самодержца ждало страшное разочарование: в 1705-1707 гг. гетман вел тайные переговоры с находившимся в полной зависимости от Швеции польским королем Станиславом Лещинским о переходе Украины под власть Речи Посполитой. Наконец, акт открытого предательства свершился: 25 октября 1708 г. под предлогом соединения с русской армией Мазепа перешел с 4-5 тыс. казаков через Десну в расположение шведской армии [6, с.432].

30 октября Петр I послал в Сечь грамоту и вызвал старшину в Глухов для избрания нового гетмана, но та не явилась на вызов царя. Тогда к запорожцам был послан

* © Мазин К.А.

И.И.Скоропадский с жалованьем для казаков[3,с.375]. А по отношению к изменнику Мазепе были предприняты заочные меры наказания. «Гнездо измены» - Батурин был сожжен русскими войсками. А в ноябре 1708 г. в Глухове Петр I произвел заочный ритуал отрешения Мазепы от гетманства, одновременно он был отлучен от церкви[6,с.432]. Предпринятые царем действия оказали лишь временное воздействие на сечевиков и 28 марта 1709 г. к Карлу XII в местечке Будищи (Полтавская губ.) присоединился кошевой атаман Константин Гордиенко с 8 тыс. запорожцев[5,с.11]. В ответ российские власти приняли меры по изоляции Запорожской Сечи от вражеского влияния. Но в это время там был избран новый кошевой атаман П.Сорочинский, враждебно относившийся к России. Возглавляемые им казаки захватили крепость Каменный затон и совершили ряд набегов на гарнизоны русских войск. Кроме этого, он обратился с письмом к Крымскому хану и призывал запорожцев идти под начало шведского короля Карла XII.

Ответные меры России были быстры и эффективны. 6 апреля 1709 г. три полка под руководством полковника П.Яковлева пришли в Запорожье. Они заняли Келеберду, Переволочную, крепости Старый и Новый Кодак. 7 мая 1709 г. русские войска отбили у казаков крепость Каменный затон и подошли к Запорожской Сечи в устье реки Чертомлык. Три дня Яковлев «добрым словом» уговаривал запорожцев образумиться. За это время к нему на подмогу пришел верный царю казацкий полк И.И.Галагана. Сечевики под напором зажиточной старшины, боявшейся потерять свое имущество, и многократного превосходства российских войск (против 4 полков было всего 800 казаков)[1,с.337] 14 мая 1709 г. капитулировали, после чего Запорожская Сечь была уничтожена с особой жестокостью. В плен были взяты: кошевой атаман, войсковой судья, 26 куренных атамана, 2 монаха, 250 простых казаков, 160 женщин и детей. Половина пленных умерло от ран, 156 атаманов и рядовых казаков было казнено[3,с.375]. 26 мая 1709 г. последовал указ Петра I, разъяснявший эти жестокие меры подтверждающий ликвидацию Запорожской Сечи. По указу все не повинившиеся и не сложившие оружия казаки подлежали поимке и смертной казни, их земли от реки Орели до реки Самары экспроприировались. Официальным властям предписывалось препятствовать возвращению казаков в села и города Малороссии. Все запорожцы, как виновные, так и не оказавшие сопротивления, лишались принадлежности к казацкому сословию и становились обыкновенными крестьянами[8,с.448-449].

Вполне естественно, что после этого запорожцы во главе с бывшим гетманом Мазепой и кошевым атаманом Гордиенко стали активными участниками Полтавской битвы на шведской стороне. Исход битвы в пользу России predetermined дальнейшую судьбу запорожцев: им нужно было спастись бегством, так как захваченных под Полтавой в плен Петр I приказал казнить. Поэтому значительная часть запорожцев ушла вместе с Мазепой и Карлом XII во владения Турецкой империи.

Однако большая часть запорожских казаков предпочла эмиграции нелегальное положение на родине и оказалась права. Буквально через несколько дней, 7 июля 1709 г. Петр I, тронутый бедственным положением скрывавшихся, а, самое главное, в честь своей «виктории» в Полтавском сражении, простил запорожцев и, лишив их казацкого звания, приказал расселить по городам и селам Украины[8,с.443-463]. Таким образом, большинство запорожских казаков отдали предпочтение родине, а не сословным привилегиям.

В то же самое время запорожцы, бежавшие с Карлом XII, преодолев безводное степное пространство между Днепром и Бугом, достигли Очакова, где шведский король отпустил часть казаков, оставив при себе внушительный отряд в 3-4 тыс. человек[8,с.465]. Затем он окончательно стал лагерем около Бендер. Одновременно с

этим остатки запорожского войска, уцелевшие после разгрома Сечи, во главе с атаманом Якимом Богушем спустились вниз по Днепру и основали Новую Сечь в устье реки Каменка (120 км к юго-западу от Никополя)[6,с.228].

Петр I не оставил своих попыток лично наказать предателей. Он предлагал vizирю 300 тыс. талеров за выдачу Мазепы. И хотя экстрадиция не состоялась, такая перспектива доконала старика и Мазепа умер 22 августа 1709 г.[2,с.285] После смерти гетмана в апреле 1710 г. в Бендерах состоялась большая казачья рада. На ней Карл XII был провозглашен высшим протектором запорожского казачества. Бывший генеральный малороссийский писарь Филипп Орлик избран гетманом Малороссии, а также подтверждался статус К.Гордиенко как кошевого атамана. Кроме этого, на рассмотрение шведского короля был представлен документ, состоящий из 16 пунктов. «В них изложен был полностью идеал политических стремлений, который передовые люди из запорожского войска хотели видеть осуществленным в Малороссии и заодно с ней в Запорожье»[8,с.467]. На наш взгляд, документ настолько интересен, что стоит остановиться на нем по подробнее.

В 16 пунктах запорожские идеологи предлагали, в первую очередь, обезопасить православную религию от возможной конкуренции со стороны других конфессий, которые при помощи Карла XII предлагалось на украинской территории попросту уничтожить. Границы будущей независимой Малороссии должны быть нерушимы. Любое посягательство на них извне, по мысли казаков, пресекалось не только Карлом XII, но всеми последующими королями Швеции (по этому поводу следовало заключить отдельный трактат). Планировалось заключение дружественного оборонно-стратегического союза с Крымским ханством, а также уничтожение всех укреплений, построенных Россией на территории Украины.

Не забыли казаки и о своих привилегиях. Город Техтемиров со всеми промыслами, угодьями и перевозом отходил во владения казаков. Доходы с него шли на оказание помощи инвалидам и ветеранам казачьего войска. Все низовье Днепра от реки Переволочной с городом Келебердою, рекою Ворсклою с притоками становилось вотчиной запорожцев, где только им предоставлялось исключительное право строительства, рыбной ловли, соляных промыслов и других видов хозяйственной деятельности.

В будущей стране устанавливались почти республиканско-коллегияльные порядки: гетман решал важнейшие вопросы только по совету генеральных советников (также избираемых). Такая же структура власти предполагалась в административных округах. Три раза в год собирались депутаты генеральной рады (на Рождество, на Пасху и на Покров), где решались важнейшие государственные вопросы. Гетман имел право самостоятельно решать только оперативные дела и ведал сношениями с иностранными государствами. Не было у него и права наказания за административные и уголовные правонарушения, это являлось исключительной прерогативой суда. Представления о провинностях гетману могли подавать только выборные «енеральные особы», частным лицам это восприщалось.

Для административно-финансовой, налоговой и хозяйственной деятельности выбирался генеральный подскарбий, «человек значный и заслуженный, мастный и благосовестный». К скарбу гетман отношения не имел, ему предоставлялось строго оговоренное государственное обеспечение, как и другим государственным служащим. Коррупция объявлялась самым тяжким правонарушением, о котором обязаны были доносить все граждане республики.

Вдовы и сироты, а также семьи казаков пребывающих в походах, освобождались от налогов и повинностей. «За увольнением от подданства московского» в стра-

не должна быть проведена полная ревизия населения с целью справедливого налогообложения. Киев и остальные украинские города находились в управлении гетмана. Правом на бесплатное транспортное обслуживание пользовались только чиновники, следовавшие по государственной надобности, остальные решали проблемы передвижения «своим грошем». Общая численность регулярных войск и размер налога на его содержание был исключительно в компетенции генеральной рады. Мелкие торговые сделки не облагались налогом. Планировалось и существенное снижение налогообложения крупных сделок, надзор за которыми осуществлял гетман[8,с.467-478].

Вот такой подробный, прямо-таки конституционный, проект будущего устройства своей страны разработали эмигранты-запорожцы. Документ этот как уже подчеркивалось выше, очень интересен, но столь же не реален для начала XVIII в. Во-первых, протектор независимой Малороссии, Швеция, после полтавского разгрома готовилась покинуть список великих держав, к тому же находилась слишком далеко. Во-вторых, и это самое главное, совсем рядом была единоверная, имеющая общие корни с Украиной, становящаяся империей, Россия. А основной чертой всех без исключения имперских государств является огромный, всегда неудовлетворенный геополитический аппетит.

10 мая 1710 г. Карл XII утвердил в Бендерах 16 пунктов казачьей «конституции», о чем было немедленно сообщено в Сечь на реке Каменка атаману Богушу[8,с.478]. Одновременно с этим, прекрасно понимая, насколько велик авторитет запорожцев на Украине, и как опасна для России может оказаться их помощь Карлу XII, крымскому хану и турецкому султану, Петр I предпринимает попытку увещевания запорожских казаков, бежавших за пределы российского государства. Он обещает через гетмана И.И.Скоропадского эмигрантам прощение и даже награды, но среди казаков ходили упорные слухи о жестокой расправе с теми, кто возвращался в Россию. Например, весной 1710 г. в Корсуне был убит реэмигрант Петрик. Дело было раздуто виновником происшествия полковником Колбасой[8,с.481]. И хотя расследование, проведенное киевским губернатором кн.Голицыным, показало, что убийство не носило характера политического преследования, а было всего лишь результатом пьяной ссоры, доверия этот случай в отношении царских властей и запорожцев не добавил. Вполне понятно, что в ответ на запрос о возвращении кошевой атаман Иосиф Кирилленко «со всем низовым товариством» прислал обширное письмо, где «вместо покорности царю ответили целым потоком упреков и горьких жалоб». «Из такого ответа запорожцев Скоропадскому было видно, что раны, которые нанесли казакам русские в Чертомлыцкой Сечи, были еще слишком живы и чувствительны»[8,с.490]. Причем, «обида» запорожцев, как это часто случалось в казацкой среде, скоро приобрела очень активный характер вооруженной борьбы против обидчиков. 9 ноября 1710 г. турецкий султан Ахмет III объявил войну России. Убедивший его в необходимости этого шага Карл XII призывает запорожцев принять участие в походе турок и крымских татар. 17 ноября 1710 г. казаки поставили во главе своего войска кошевого атамана Гордиенко[8,с.492]. Весной 1711 г. запорожцы принимали участие в военных действиях на Украине. Крымский хан Девлет-Гирей, взяв несколько сот казаков, совершил набег на Слободскую ее часть. Ему удалось без боя взять городок Новогеоргиевск, что явилось результатом предательства местных жителей. Однако осада городка Новобогородицка для казако-татарского воинства закончилась безрезультатно. Подоспевший на выручку генерал-майор Бутурлин снял его осаду и освободил Новогеоргиевск. Последовало суровое наказание: местных казаков заставили бросать жребий, - лишь каждый десятый оставался в родном городе, остальные были отправлены в Москву[8,с.495].

В то же самое время Орлик и Гордиенко на Правобережной Украине разбили

посланные Скоропадским полки генерального есаула Бутовина и взяли его в плен. Затем им удалось осадить важный стратегический пункт – Белую церковь. Гарнизон ее составлял всего 300 солдат, а в стане осаждавших было 10 тыс. казаков, 20 тыс. татар и 3 тыс. сторонников свергнутого русскими властями польского короля Станислава Лещинского. Следует отметить, что поначалу местное население очень часто приветствовало приход запорожцев. Последние, зная о нравах своих союзников – татар, заключили с ними до похода договор, одним из пунктов которого запрещалось грабить церкви и брать в плен христиан[8,с.480]. Но, видимо, крымцы довольно быстро забыли о своих обязательствах. Поддались на искушение, скорей всего, и изголодавшиеся на чужбине запорожцы. Повальные грабежи скоро оттолкнули население Украины от своих освободителей[2,с.285]. В конце концов, запорожское войско Орлика и Гордиенко было разгромлено российскими частями. Казаки понесли серьезные потери и вместе со своими командирами были вынуждены отойти за Днестр.

Провалом закончился и второй поход Девлет-Гирея, когда он с воеводой Иосифом Потоцким и 7 тыс. казаков дошел до города Немиров. Потеряв 5 тыс. убитыми и бросив 10 тыс. пленных русских и украинцев, захватчики были вынуждены бежать. Действовали запорожцы и небольшими силами. В это время у реки Самары появился отряд казаков в 400-500 человек во главе с кошевым атаманом Алистратенко. Враждебные антироссийские акции закончились плачевно для запорожских казаков: в 1711 г. войска гетмана И.И.Скоропадского и генерал-майора Бутурлина разрушили Сечь у реки Каменка. Остатки сечевиков вынуждены были основать Новую Сечь на территории Крымского ханства в урочище Алешки (близ совр. Херсона)[6,с.228]. Эмиграция запорожских казаков приобретает все более долговременный характер.

12 июля 1711 г. по Прутскому миру Россия была вынуждена признать за Крымским ханством покровительство над запорожцами[5,с.11]. А по Константинопольскому трактату 1712 г. Петр I признает их подданными Турции[7,Т.IV,№2545]. Одновременно он приказал поставить в Полтаве караул в 300-400 драгун, чтобы не допустить самовольного возвращения запорожцев. Повинившихся можно было расселять по малороссийским городкам, но только мелкими партиями и, естественно, с потерей казачьего звания. Понимая, что одной из главных статей дохода казаков является торговля, Петр особо обратил внимание на недопустимость появления на территории Украины купцов-запорожцев. Но и их после частых задержаний русские караулы были вынуждены отпускать, чтобы не ссориться с властями Крымского ханства.

Атаман Гордиенко, испугавшись, видимо, что навсегда останется на чужбине, пытался вести переговоры с гетманом И.И.Скоропадским, но они не дали никаких результатов. В конце концов, рассорившись с Карлом XII, он покидает Бендеры и уходит в Новую Сечь а Алешках. Со шведским королем остался только Орлик и два десятка казаков.

На фоне возобновившихся в 1713 г. русско-турецких переговоров в Адрианополе запорожцы возобновляют набеги на российскую территорию. Атаман Алистратенко нападает на местечко Царичанку у реки Орели. Около Богуслава появляется небольшой отряд во главе к казаком Швачкой. Казак Грицко Бережный с отрядом нападает на Келеберду и убивает 7 местных жителей. Как мы видим, эти акции имели совсем другой масштаб. Скорее всего, эти одиночные и малочисленные набеги были организованы под воздействием убежденных русофобов Орлика и Гордиенко. Подавляющее число казаков уже не хотело воевать против бывшей родины. Когда крымский хан пытался в феврале 1714 г. поднять запорожцев в новый набег, они решительно отказались. А в ноябре 1714 г. уезжает из Турции Карл XII[8,с.503-509], несостоявшийся протектор «вольной казачьей республики», а с ним и последняя надежда на ее

реализацию на родной украинской земле. Разочарование – вот основное состояние в душах казаков-эмигрантов в эти годы. Не улучшило их настроение и подписание в 1713 г. Андрианопольского трактата, по которому Россия признала «утверждение» Запорожской Сечи в Турции и взяла обязательство о «нечинении на оную никаких претензий» [7, Т.IV, №2687]. Это было только лишним подтверждением нескорого возвращения на Украину.

Новая Сечь в урочище Алешки находилась в гораздо менее благоприятных природных условиях, чем цветущая земля, оставленная запорожцами у реки Чертомлык. Она представляла собой незначительную полоску плавень у левого берега Днепра, окруженную с востока песчаными кучугурами, а с севера и юга безводными и пустынными солонцеватыми степями.

Вопрос о численности эмигрировавших запорожцев остается в литературе открытым. Мы приблизительно знаем количество казаков, участвовавших в Полтавской битве - 12-13 тыс., в то же время число казаков, ушедших после разгрома Запорожской Сечи, остается неизвестным. К тому же только 38 куреней (1,5 тыс.) жило собственно в Алешках, остальные были рассеяны по многочисленным речкам черноморского побережья [8, с.543]. Даже собственные подсчеты запорожцев приводили их к выводу, что казаков должно «считаться многие тысячи людей, только о подлинном оных числе знать невозможно» [8, с.543]. Поэтому приходится довольствоваться приблизительной цифрой в 10 тыс. казаков-эмигрантов, наиболее часто встречающейся в литературе [4, с.47].

Несмотря на предоставленные властями Крымского ханства льготы, выраженные в освобождении от налогов и повинностей (кроме воинской), а также довольно частые пожертвования от хана, с самого начала запорожцы были стеснены в своей традиционной хозяйственной деятельности, особенно в торговле. Мытный трактат 1713 г. провел границу между реками Орелью и Самарой и фактически лишил казаков возможности торгового обмена со своей бывшей родиной. Сократился приток беглых, а, следовательно, перекрывался основной источник пополнения запорожского казачества. Тяжело проходила и психологическая адаптация: 200 лет воевали казаки с татарами и вдруг в одночасье они становились защитниками и покровителями казаков [8, с.511]. Все это, естественно, вызывало недовольство казачества и обращало его взор в сторону России. На волне этого настроения занимавший явно антироссийскую позицию Гордиенко был переизбран и кошевым атаманом в 1714 г. стал прорусски настроенный Иван Малашевич [1, с.340], с именем которого связаны многочисленные просьбы о возвращении запорожцев из эмиграции.

Первое обращение всего низового казачества о реэмиграции поступило еще в 1712 г. В 1713 г. было разрешено вернуться небольшой партии при условии строгого контроля за поведением бывших запорожцев. В 1714 г. 350 казаков поселились на севере гетманщины в районе Глухова и Конотопа [1, с.340].

В том же году кошевой атаман Малашевич обратился к официальным властям о возрождении Запорожской Сечи, но получил немилостивый ответ. В самой Сечи продолжались распри по поводу возвращения, слухи о которых дошли до Орлика, находившегося в Андрианополе. Он послал письмо к запорожцам с категорическим требованием оставаться в пределах Крымского ханства, а властям последнего подал мысль о необходимости приведения к присяге казаков на верность хану. В 1715 г. запорожцам пришлось послать депутацию, которая сумела убедить крымских начальников в невозможности присяги по причине того, что все казаки в данный момент «в разброде за добычей». Сразу же по возвращении депутатов был отправлен новый запрос гетману И.И.Скоропадскому, который переправил его в Петербург, сопрово-

див личным ходатайством о предоставлении запорожцам доступа на российскую территорию для торговли. 10 февраля последовал жесткий ответ Петра I. В нем вновь категорически отвергалась сама идея возрождения Сечи в России, так как земли, на которых она располагалась «уступлены» Турции. Более того, официальным властям запрещалось всякое общение с запорожцами, Этот запрет распространялся даже на простых граждан, бывавших в Крымском ханстве по личным и торговым делам. После этого, ожидавшие долгожданной помощи из России запорожцы ответили новой «обидой» в свойственной им манере: совершили целый ряд набегов на бывшую родину и грабежей русских купцов, за что Крым, вынужденный реагировать на справедливые упреки российской стороны, на время отобрал у казаков Кызыкерменский перевоз. С большим трудом кошевому атаману удалось вернуть этот доходный промысел. Однако бесчинства запорожцев продолжались и далее. Казаки насильно отправляли купцов в Сечь, где кошевой атаман лично выдавал разрешение на перевозку грузов, а также «предоставлял» охрану, причем, каждому провожатому полагалась от торговцев кругленькая сумма в 10 талеров. Тех купцов, которые пытались обойти Кызыкерменский перевоз и переправиться на правый берег другим путем, казаки настигали и попросту грабили. Гетман И.И.Скоропадский неоднократно ставил вопрос перед властями Крыма об отобрании перевозного промысла у запорожцев, но в ответ получал одни отговорки. Да и запрещение малороссийским купцам общаться с сечевиками постоянно нарушалось. Торговля с ними, не смотря на многие неудобства, была очень прибыльна. Казаки по приемлемым ценам и в больших количествах продавали грецкие орехи, соль и рыбу, покупая пользующиеся повышенным спросом в Сечи табак, горилку и мясо.

Между тем, здесь в 1716 г. образовалась партия приверженцев возвращения в Россию во главе с вновь избранным кошевым атаманом Иваном Малашевичем. 3 мая 1716 г. он направил написанное в высокопарном стиле письмо миргородскому полковнику Даниилу Апостолу, который являлся, фактически, вторым после гетмана лицом на Украине. После пятимесячного ожидания ответа запрос был повторен 14 октября 1716 г. Но все усилия были напрасны, - официальные власти Украины строго выполняли приказ Петра I, запрещавший всякие сношения с запорожцами. Поэтому и письма кошевого атамана с просьбой о возвращении 1717 г. и 1718 г. остались без ответа. Лишь однажды, 8 января 1717 г., на очередной запрос гетмана И.И.Скоропадского Петр I разрешил по его усмотрению брать на военную службу повинившихся запорожцев, но одновременно подтвердил резко негативное отношение к сечевикам вообще.

Запорожцы решили всем своим поведением доказать лояльность к российскому престолу. Когда крымский хан потребовал их участия в набеге на территорию России, в отместку за гибель от рук донских казаков и калмыков 70 запорожцев, атаман Малашевич отверг данное требование, ссылаясь на то, что это противоречит русско-турецким мирным трактатам.

Русских купцов, подвергавшимся ранее притеснениям, теперь запорожцы опекали. Когда несогласная с таким положением банда сечевиков ограбила очередной караван из России, произошел небывалый случай: запорожцы выплатили пострадавшим купцам некую «страховку» в 1930 талеров.

Однако, и эти усилия казаков-эмигрантов оказались безрезультатными: царь молчал и откладывал решение запорожского вопроса сначала до возвращения в Петербург из-за границы, а вернувшись вообще на неопределенное время. Более того, очередной запрос запорожцев 1719 г. возымел обратный эффект: новый хан Саадат-Гирей в письме к Петру I обнадеживал нерушимым миром с Россией, а если казаки

«забалуют» обещал их просто уничтожить.

Одновременно с этим активизировалась прошведская партия запорожцев во главе с Орликом. После смерти Карла XII, последовавшей в 1718 г., «гетман» заручился поддержкой его сестры Ульрики-Элеоноры, наследовавшей престол и желавшей продолжения войны с Россией. Об этом Орлик сообщил в своем письме в Сечь от 8 декабря 1719 г. Здесь положение также изменилось – новый кошевой атаман Иван Пилипов отличался от Малашевича прямо противоположными пристрастиями, и поэтому казаки послали в Стокгольм «благоприятный лист». Им ответил уже муж Ульрики-Элеоноры, Фридрих I, которому она уступила престол. В своем письме новоиспеченный монарх выражал «полную готовность оказывать запорожцам милость и склонность во всех их вольностях и делах». Посланный из Стокгольма к крымскому хану Федор Нахимовский передал послание в Сечь. Часть запорожцев была обрадована возрождением идеи шведского протектората и вручила посланцу теплое письмо к Орлику. Последний еще долго будет предпринимать антироссийские акции, разъезжая по Европе с рекомендательными письмами шведского короля к монархам Англии, Польши, Османской империи и императору Священной Римской империи, пока не осел, наконец, в Солониках, принадлежавших тогда Турции.

Несмотря на то, что большинство запорожцев не хотело воевать с Россией, Петр I, узнав о сношениях части их со шведской стороной, принял новые меры по изоляции казаков. Назначая нового коменданта Полтавы, он приказал впредь не пускать запорожцев в Российскую империю и запретить поездки к ним своих подданных (повторные приказы делались от того, что сечевики продолжали пробираться в Малороссию, иногда поселяясь в таких крупных населенных пунктах, как Полтава, были случаи, когда они добирались и даже подолгу жили в Москве). На все запросы казаков царь отвечал упорным молчанием, а 16 мая 1722 г. учредил малороссийскую коллегия, сильно урезавшую украинскую автономию. Гетман И.И.Скоропадский бросился в Петербург с прошением об отмене этого указа, но Петр I ответил решительным отказом. Старый гетман вернулся в Глухов и умер. Царь назначил исполнять его обязанности кн.И.Ю.Трубецкого, а выборы гетмана отложил на неопределенное время. Такое положение делало бесперспективным возвращение запорожцев [8, с.521-536]. Ничего не изменилось и после смерти первого российского императора. Его преемница, Екатерина I, продолжила в отношении запорожских казаков политику мужа, дважды подтвердив в 1725 г. [5, с.12] и в 1727 г. [7, Т.VII, №4700]. запрет на отношения с ними для всех подданных России.

Между тем, существование запорожцев в Крымском ханстве становилось все более нетерпимым. Взамен жалованья им предоставили право промысла соли, но, узнав, что казаки добывают ее не только для себя, но и на продажу, обложили эти операции огромным налогом. В конце концов, крымский хан отобрал у запорожцев весь низ Днепра от Великого лимана до порогов и передал его во владение ногайцам. В самой Сечи казакам запретили всякую торговлю, осуществлять которую здесь могли теперь только татары, евреи, греки и армяне. Особенно больно ударил по запорожцам запрет на наличие пушек и строительство в Сечи укреплений. И еще больнее – запрещение воздвижения в ней церкви.

Татары вовлекали казаков во внутреннюю борьбу за власть и наказывали их за это. Например, Менгли-Гирей, победив Адиль-Гирея, на чьей стороне вынужденно боролись запорожцы, полторы тысячи казаков продал на каторги. По первому призыву хана запорожцы были обязаны выставить 2 тыс. воинов. Причем, их отправляли в самые дальние походы, так, участвуя в экспедиции против черкесов, они дошли до реки Сулак. 300 казаков Сечь выставила на строительство укреплений на Перекопе.

Эта повинность особенно не нравилась запорожцам, «имевшим особое понятие о чести «лыцаря», несовместимой с трудом землекопа».

Случались притеснения и от простых татар. В случае пропажи у последних скота, вина всегда возлагалась на запорожцев, плативших огромные штрафы или вынужденных продавать людей в неволю. Конфликты казаков с представителями любого другого народа всегда решались не в их пользу. Например, за мнимую обиду поляков запорожцы заплатили 2400 рублей. А затем крымский хан отнял у казаков крепость Кодак и отдал ее представителям польской нации.

Крымские салтаны и мурзы очень часто посещали Сечь в Алешках для проведения проверок. Такие инспекции, длившиеся очень долго, принуждали казаков кормить не только проверяющих, но и их свиту и лошадей, а также делать им богатые подарки[8,с.555-558]. Поэтому взоры казаков вновь и вновь обращались к России, тем более, что приход к власти нового императора, Петра II, ознаменовался более благосклонным отношением к казакам-изгнанникам. В Малороссии были разрешены выборы гетмана, которым стал Даниил Апостол. «Руководителем» его был назначен тайный советник Федор Наумов. Новая администрация гораздо лучше, чем прежде относилась к запорожцам.

Настроение в Сечи резко поднялось, поползли слухи о скором возвращении на родину. Главнокомандующему русскими войсками на Украине кн.М.М.Голицыну даже пришлось в строгой форме приказать Наумову и Апостолу срочно отправить в Сечь и на Кубань (там стояла тысяча запорожцев с полковником Иванцом) письма, запрещающие казакам открыто выражать свое стремление к возвращению. Но принятые меры не успокоили запорожцев. И хотя 23 мая 1728 г. рада в Сечи выбрала кошевым атаманом известного своей антироссийской позицией Константина Гордиенко, события начали приобретать необратимый характер. 24 мая 1728 г. от Старой Сечи в устье реки Чертомлык отошло 40 судов с казаками. Вскоре они появились в Алешках и, воспользовавшись внезапностью, заковали в кандалы кошевого атамана и войскового судью за отказ отдать войсковые клейноты. Затем казаки забрали всю церковную утварь, разбили все армянские и греческие лавки, разграбили все товары (сами торговцы еле успели ретироваться в Крым), разбили все шинки и выпили всю горилку и вино, которое там хранилось. Часть богатой старшины воспротивилась действиям казаков и тут же поплатилась за это имуществом – у них был отобран весь скот. Оставив 30 судов для тех, кто последует за ними, казаки отправились в Старую Сечь. 27 мая 1728 г. в урочище Алешки было пусто. Даже те, кто жил в отдаленных куренях и лесных просеках вернулись на родину.

Гетман Апостол узнал о возвращении казаков, будучи в Москве. Он тут же отослал приказ запорожцам вернуться в Крымское ханство. Но казаки провели раду, избрали кошевым атаманом И.П.Гусака, направили «просительный лист» Петру II и стали обустриваться. На непокорных было заведено дело в Верховном тайном совете, который постановил выдворить запорожцев за границу России, но одновременно «обнадеживать их секретно» и принимать небольшими партиями. 11 июня 1728 г. Петр II подписал грамоту генерал-фельдмаршалу кн.М.М.Голицыну, предписывающую «запорожцев многолюдством и с ружьем отнюдь не принимать». Одновременно было послано русскому резиденту в Константинополе И.И.Неплюеву письмо для передачи султанским властям с жалобой на казаков, своими действиями нарушающих русско-турецкие трактаты.

Затруднительное положение запорожцев породило их отток в города Малороссии. Например, только с 1 по 17 июня 1728 г. в Полтаву переселилось более 200 казаков. Пытаясь добиться разъяснения своего статуса, сечевики отправили депутацию в

Глухов к гетману Апостолу. Однако, депутатов просто выслали и их бесславное возвращение в Сечь вызвало там бунт. Кошевой атаман Гусак с полусотней своих сторонников вынужден был бежать и вскоре оказался в Киеве, просясь на военную службу к командующему южными войсками гр.фон Вейсбаху. Последний отослал бывшего атамана к фельдмаршалу Голицыну, а тот, в свою очередь, в Глухов к Апостолу, удержав сопровождавших Гусака казаков у себя и отправив ходатайство о легализации возвращения казаков в Старую Сечь. Но Петербург свою позицию не изменил, снова посоветовав лишь обнадеживать запорожцев этой перспективой.

В таком неопределенном положении казаки прожили в Старой Сечи весь 1729 г. Отчаявшись в положительном решении их судьбы российскими властями и устав от неопределенности, запорожцы положительно ответили на предложение крымского хана вернуться обратно, поступившее в 1730 г. Однако, вернулись они не в урочище Алешки, а стали Сечью в устье реки Каменка.

Но судьба запорожцев была решена уже в следующем, 1731 г. В связи с постоянной угрозой от Турции и Крымского ханства правительство приняло решение о строительстве укрепленной линии, состоящей из редутов и крепостей, по южной границе от Новобогородицкого городка у реки Самары до Северного Донца, указ о которой был подписан Анной Ивановной 25 июня 1731 г. Одновременно автор проекта укреплений гр.фон Вейсбах ходатайствовал о реэмиграции запорожцев, которые и должны были стать основной воинской единицей на южной границе. 31 августа 1731 г. императрица послала письмо кошевому атаману Малашевичу, где обещала взять казаков «под свое крыло», но просила повременить с возвращением до очередного разрыва отношений между Россией и Турцией. Но ждать пришлось долго. Когда измученные притеснениями крымских властей запорожцы обратились за помощью к гр.фон Вейсбаху в январе 1732 г., через три месяца они снова получили неопределенный ответ из Петербурга. Так, что мытарства запорожцев на чужбине продолжались еще не один год.

В 1733 г. после смерти короля Речи Посполитой Августа II, началась борьба за опустевший престол, в которую были косвенно втянуты и запорожские казаки. Было два претендента на польскую корону: сын умершего короля, Фридрих-Август, подерживаемый Россией и Австрией, и ставленник Франции, Станислав Лещинский. Сторонники последнего обратились за помощью к турецкому султану и крымскому хану. Не забыли и о запорожцах: рейментарь земских войск Западной Украины пан Свидзинский отправил посланника к Малашевичу с предложением перейти на польскую службу. Кошевой атаман уклонился от ответа, подчеркнув, что казаки – подданные Крыма и не могут принимать такие решения без одобрения хана. Но, понимая, что отсрочка носит временный характер, Малашевич послал гонцов к фельдмаршалу Х.А.Миниху, будущему главнокомандующему русской армией в войне за польское наследство. Военноначальник, понимая остроту ситуации, немедленно послал запрос в Петербург и задержал до ответа казаков у себя. Положение усугублялось действиями несостоявшегося «гетмана Украины» Орлика, у которого среди сечевиков еще оставалось какое-то количество сторонников. Он находился в стане крымского хана, стоявшего в Бендерах, и посылал агитаторов к запорожцам с целью вовлечения их в антироссийские акции. Сын Орлика под видом офицера свиты находился при французском после в Константинополе, который также плел интриги против России. Поэтому на этот раз запорожцы очень быстро получили ответ из Петербурга. А, следом за ним, 31 августа 1733 г. была подписана императрицей грамота о полном прощении запорожских казаков.

11 декабря 1733 г. запорожский кош преподнес своему благодетелю гр.фон Вей-

сбаху официальную благодарность. Но немедленная реэмиграция была не возможна. Это вызвало бы обострение и без того наэжженных отношений между Россией и Турцией, а также карательные меры крымского хана по отношению к самим запорожцам. Им с трудом удалось в очередной раз уклониться от присяги Крыму. Поэтому гр.фон Вейсбах послал подробные инструкции кошевому атаману Ивану Белицкому как вводить в заблуждение крымского хана. В них содержался совет всячески затягивать подготовку похода казаков для поддержки Станислава Лещинского, мотивируя это тем, что в Польше стояли русские войска, которые немедленно после ухода казаков разорят Сечь. В случае если ханские послы будут настаивать, гр.фон Вейсбах предлагал пойти на крайние меры: убить посланников хана, разгромить ногайские орды, кочующие у Днепра выше ниже Сечи и объявить себя российским подданными. Для обеспечения этого плана благодетель запорожцев разместил в местечках Медведково и Боровцы тысячу драгун, готовых по первому сигналу выступить вниз по течению Днепра для защиты Сечи.

Наступил 1734 г. Хан все более настойчиво требовал начать поход казаков в Польшу. Кошевой атаман Белицкий вынужден был сделать вид, что подчинился приказу. Казаки выступили к Бугу, но, не дойдя до Гарда, встали табором и послали гонцов к гр.фон Вейсбаху., который немедленно отправил запрос в Петербург. Здесь сочли, наконец, возможным возвращение запорожцев. А вполне достаточным поводом для этого явилось недавнее разорение ногайцами, подданными крымского хана, малороссийского села Беркут.

Между тем, положение казаков становилось все более критическим: хан требовал прибытия в Крым кошевого и куренных атаманов, как залога повиновения запорожцев. Иван Белицкий послал письма Каплан-Гирею, перекопскому бею и турецким эмиссарам, в которых мотивировал свою медлительность тем, что проходить через Малороссию казаки не могут, так как там живут их родственники[8,с.558-568]. Усыпив этим на короткое время своих повелителей, казаки быстрым маршем поднялись вверх по течению Днепра и 27 марта 1734 г. основали новую Сечь в урочище Базавлук в устье реки Подпильная в 5-7 верстах от Старой Сечи[5,с.13].

По этому поводу начались консультации петербургских властей с резидентом России в Константинополе И.И.Неплюевым. Последний выразил сомнение по поводу того, что Турция может начать войну из-за запорожцев, а также подсказал еще один весомый довод для возражений турецкой стороне: совсем недавно за Кубань эмигрировал из России калмыцкий хан Дондук-Омбо с частью калмыков, принятых в крымское подданство. На основе консультаций были выработаны подробные инструкция, в которой устами самой императрицы говорилось, что следует отвечать турецким властям о приеме запорожцев в подданство России. Там указывалось, что казаки - бывшие россияне, самовольно покинувшие родину, тем более, что в действия запорожцев за границей российская сторона не вмешивалась. Казаки возвращались в родные места, которые по русско-турецким трактатам находились вне границ Российской империи. Вся вина за бегство сечевиков возлагалась на крымского хана, который своими репрессивными акциями спровоцировал запорожцев к уходу из его страны. И вообще, если владыка Крыма, призванный оберегать мир между Россией и Турцией, предпринимает действия, осложняющие отношения между государствами, российская сторона будет вынуждена предпринять адекватные меры.

То, что казаки не хотят воевать против своих родственников, было, по мнению Анны Ивановны, «вполне натурально», и «если запорожцы не хотят идти войной против своего отечества, то русской императрице пенять на них за то неприлично». И, напоследок, Анна Ивановна приводила чисто женский довод в пользу возвращения

казаков. Он заключался в том, что она жалела запорожцев, которые живут в Сечи без жен и в случае возвращения в Алешки просто «все переведутся» [8, с. 571-572].

После доклада крымского хана об уходе казаков турецкому султану, последний приказал вернуть их любым способом, вплоть до применения вооруженной силы. Запорожцы, обеспокоенными этим, стали строить укрепления, что дошло до очаковского паши, который послал узнать, для какой цели они предназначены, если казаки поселились, по его мнению, на территории, принадлежащей Турции. Ответ запорожцев вызвал переполох у турецких властей: казаки ответили, что строят крепость по указу Петербурга. Это противоречило всем заключенным между Россией и Турцией дипломатическим документам. Турецкие власти приняли решение о посылке комиссии, которая на месте разобралась бы в ситуации.

Одновременно с этим предпринимались попытки вернуть казаков в Крымское ханство. 23 апреля 1734 г. к ним обратились с письмом по этому поводу Орлик и хан, обещавший вернуть запорожцам все их привилегии. В ответ казаки попросили и того, и другого больше их не беспокоить, так как они являются подданными России. Копии писем Иван Белицкий привез гр.фон Вейсбаху и попросил разрешения лично съездить в Петербург для подачи челобитной о создании Сечи. Разрешение было получено, к тому же первая делегация запорожцев во главе с бывшим войсковым судьей Решетило и атаманом Прокофием Федоровым была обласкана в Петербурге императрицей.

Конфликт между Россией и Турцией по поводу того, кому принадлежит место, на котором располагалась Новая Сечь, продолжался. Гр.фон Вейсбах вызвал вновь запорожскую старшину к себе и предложил им переселиться со спорной территории и расположиться в пределах Российской империи. Казаки ответили, что если Турция признает их местопребывание своей территорией, они незамедлительно переедут в Россию.

7 октября 1734 г. в Сечь прибыли турецкие инспектора в количестве 50 человек. Запорожцы встретили их с почетом и преподнесли в подарок 12 шкур лисицы. С делегацией прибыл особый курьер от крымского хана и Орлика, который, несмотря на протесты старшины, на войсковом кругу огласил новое приглашение в Крымское ханство. Запорожцы ответили решительным отказом.

Турки два дня инспектировали Сечь и ее окрестности. Убедились, что никаких «фортеций» не строится и, что земли, где обосновались запорожцы принадлежат Польше и в русско-турецких трактатах не упоминаются. Казалось бы, территориальный конфликт был улажен, но претензии Османской империи к России по поводу казаков оставались. Поэтому Анна Ивановна строго указала российским резидентам в Константинополе следить за настроением Порты и, в случае конфликта, по возможности затягивать дело.

Сразу после улаживания части конфликта от запорожцев в город Лубны была отправлена депутация для подписания условий возвращения казаков на родную землю. Условия давали хорошие перспективы для успешной адаптации реэмигрантов. Вот их основные положения: «1) Все вины и измены запорожских казаков против России предать забвению; 2) Жить запорожцам в местах, где разорено было в 1709 г. их жилище; 3) Пользоваться им промыслами, как на реке Днепре рыбной ловлей, так и в степях звериной охотой, от российских кордонов беспрепятственно; 4) Иметь им чиновников по настоящему тогдашнему положению; 5) Сохранять верность престолу российскому и быть стражами границ государства российского; 6) Быть им в зависимости от главнокомандующего генерала, в Малой России определенного; 7) Получать им за службу их жалованья ежегодно 20000 рублей на все войско» [8, с. 604-605].

В Лубнах депутация принесла присягу, а для приведения к ней остальных за-

порожцев в Сечь отправился генерал-майор Тараканов, который вез с собой крупную сумму, выделенную на постройку Новой Сечи. Ему была устроена торжественная встреча. Несколько тысяч запорожцев за две версты от Сечи были выстроены по обеим сторонам дороги, встречая генерала и его свиту пушечным и ружейным салютом. Затем в местной Покровской церкви прошел торжественный молебен о здравии императрицы Анны Ивановны. После этого состоялось оглашение царской грамоты о прощении вины запорожцев и о принятии их «под скипетр России». Завершились торжества принятием присяги.

Сразу после церемонии в Сечи объявился турецкий посол с деньгами, дарами, султанским фирманом и письмами Орлика. Запорожцы отнеслись к нему враждебно, но посол потребовал, чтобы казаки отвергли предложение султана в письменной форме. В каком тоне был составлен ответ хорошо известно по сюжету знаменитой картины И.Е.Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Затем они бесцеремонно выставили не прошенных гостей из Сечи. Но и этого им показалось мало: группа запорожцев догнала в степи турецких посланников и отобрала ранее отвергнутые дары и деньги. Действия казаков вызвали бешеную злобу султана Османской империи, который приказал ловить запорожцев, не успевших покинуть Крымское ханство, и отправлять их на каторги. Сечевики ответили в казацкой традиции: поймали несколько турок и «изрубили их в куски» [8, с.604-605]. Только через пять лет по Белградскому миру 1739 г. Турция, наконец, признает запорожцев подданными России [5, с.14].

Всего в Сечи присягнуло 7115 человек, до этого в Белой церкви 153 человека, остальные принимали присягу по мере возвращения в Россию, о чем докладывал гр.фон Вейсбаху вновь избранный кошевой атаман Иван Малашевич [8, с.605]. В Новой Сечи выросло целое поколение казаков, не знавших такой страшной вещи, как эмиграция, ставшей тяжким испытанием для их отцов и дедов. Но это было последнее поколение запорожских казаков, родившихся и выросших на украинской земле, так как история с момента образования Новой Сечи дала ей чуть больше сорока лет существования в пределах Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Голубицкий В.А. Запорожское казачество, Киев, 1957.
2. Грушевский М.С. История украинского народа. М., 2002.
3. История Украинской ССР. Т.3, Киев, 1983.
4. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция России в XVIII- начале XX века. М. , 1998
5. Кубанский сборник. Труды Кубанского статистического комитета. Т. XVI, Екатеринодар, 1911.
6. Отечественная история. Энциклопедия. М., 1996-2000.
7. Полное собрание законов Российской империи.
8. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков, Т.3, СПб, 1987.

K. Mazin

THE FIRST EMIGRATION OF THE ZAPOROZHIE COSSACKS

Abstract: The author investigates the history of the Zaporozhie Cossacks' first emigration which lasted for as long as 25 years. The article reveals the reasons why a significant number of the Zaporozhie Cossacks withdrew from the Russian empire in 1709. It also tells about their adaptation at the new place of residence and discloses their motives for returning to Russia. The struggle for influence over the Cossacks is considered in the context of the military and political opposition between Russia and Turkey and some other European countries, which supported Osman Empire.

Key words: Zaporozhie Cossacks, Zaporozhie Sech', emigration, Russia, Turkey, Crimean Khanate, Sweden.

О ПРОГРАММЕ ПАВЛА I ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ*

Аннотация: Статья посвящена характеристике плана реформ Павла I в сфере так называемого «крестьянского вопроса» в России. Это план или программа был представлен в реализованных и нереализованных реформах этого периода и направлен на смягчение крепостного права. Статья основана в значительной степени на впервые использованных в литературе источниках.

Ключевые слова: Россия, реформы, крестьянский вопрос, Павел I, крепостные крестьяне, государственные крестьяне.

Проблема формирования взглядов императора Павла I на решение крестьянского вопроса является важной для истории подготовки крестьянской реформы на дальних подступах к ней, так как именно на рубеже XVIII-XIX вв. во внутренней политике России начинается переход к смягчению крепостного права, превращению его из права «по лицу» в право «по земле». Этот перелом в политике, вопреки серьезным изменениям, произошедшим в конце XVIII в., был, по нашему мнению, для эпохи Павла невынужденным и определялся иными факторами – личными мотивами монарха, а не влиянием общественной ситуации в стране. Применительно к эпохе Павла нельзя согласиться с тем, что так называемый «дух времени» заставил его повернуться к интересам крестьянства, так как его взгляды были здесь ко-нсервативными.

Что же тогда заставило Павла изменить вековую тенденцию, заключавшуюся в расширении и углублении крепостничества? Вряд ли можно здесь говорить лишь о его принципиальном неприятии политики Екатерины II, отобравшей у него престол. Стоит сказать, скорее, здесь о преемственности политики, выражавшейся в раздаче земель и крестьян, подавлении народных выступлений. Более убедительным аргументом будет определенное отношение к дворянству со стороны императора. «Я из вас потемкинский дух вышибу», - говорил Павел, выражая этим неприятие того чувства чести, которое в течение XVIII в. воспитывало самодержавие в правящем сословии, в особенности при Екатерине. Павел, вероятно, смешивал его с духом якобинства. В особенности эти слова касались дворянской элиты, которая свергла отца Павла и которой он сам опасался. Сюда стоит добавить и рассматриваемое властями (в особенности при Павле) отношение дворянства к самодержавию как сугубое отношение подданства и исполнения долга перед государством, в том числе и в виде своеобразного «пасторства» над крепостными. Нельзя забывать и об относительно позитивном отношении Павла к крестьянству, обожавшему, по его мнению, царя, и апелляцию в этой связи верховной власти к подобным иллюзиям, которые нужно было иногда и поддержать. Вообще крестьянство в мирозерцании Павла лучше подстраивалось под его систему иерархических отношений, на вершине которой находился он сам. Налицо и стремление не допустить разорения крестьянства в результате чрезмерных помещичьих требований, тем более что в предшествующем законодательстве имелись основания для подобных ограничений их прав.

Павел стремился к созданию регулярного государства, где каждое сословие не должно было выходить из тех рамок, которые ему определила монархия. Известно, что, начиная примерно с петровской эпохи и до екатерининского времени включи-

* © Долгих А.Н.

тельно, времени апогея крепостничества в России, правительство пыталось играть роль арбитра в межсословных отношениях, в том числе и в этой сфере, и из-за опасения крестьянских выступлений, угрожавших безопасности государства, и из-за недовольства властей тем, что помещики, по сути, вмешивались в сферу монаршей политики (переходя грань в своих отношениях с крепостными, они, таким образом, отбирали часть прав у государственной власти). Наиболее ярко это явление заметно у Павла. Отметим также и стремление самодержавия, в принципе, к законному правлению. Менее заметен у Павла мотив христианского отношения к людям, в том числе владельческим крестьянам. Осторожно скажем о его весьма сложных отношениях с православной церковью, которую он рассматривал как некое государственное учреждение, орудие власти. Видимо, здесь сказалось влияние отца с его не совсем понятной христианской ориентацией, матери, которая больше старалась показать себя православной монархиней, чем ей была. Отсюда и награждение церковных деятелей светскими орденами, и определенная увлеченность иезуитами, масонством, Мальтийским орденом.

Генезис взглядов Павла на крестьянский вопрос выявить не просто. Проблема заключается не только в недостатке источников. Прежде всего, это связано с тем, что она не являлась для него центральной, а ее решение вытекало из понимания им других, более для него важных, в частности роли и места самодержавия в России, «законности» правления. В этой связи показательна фраза, которую Павел, будучи наследником престола, бросил во время путешествия в 1781 г. в Неаполе: «Какие могут быть законы в стране, где царствующая императрица остается на престоле, попирая их ногами!» Правда, идея «законности» преобразовалась при Павле в некую крайность. Еще в записке «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты онаго, и касательно обороны всех пределов» 1774 г. он настаивал на том, что нужно «предписать всем, начиная с фельдмаршала, кончая рядовым, все то, что должно им делать; тогда можно на них взыскивать, если что-нибудь будет упущено». Об этом же говорил и его «Наказ», созданный примерно на рубеже 1787-1788 гг., когда он собрался в действующую армию «в качестве волонтера». Это не случайное увлечение, это «основная идея Павла, гвоздем сидевшая в мозгу, идея, которую он добросовестнейшим образом пытался осуществить, как только власть попала в его руки». По мнению М.Н. Покровского, Павел «был прирожденный полицмейстер прежде всего другого». Эти идеи монарха были отражением популярной для XVIII в. концепции «отца Отечества», восходящей к Петру I, для мировоззрения которого было характерно отношение к государственному учреждению как к воинскому подразделению. Но Павел наследовал их в новую историческую эпоху, что привело к своеобразной «контрперестройке» всей системы государственного управления в его время на этих началах.

Обратим внимание на интересный факт: в лице Павла мы видим государственного деятеля, идеи, исповедуемые которым, практически не менялись в течение жизни. На это обратил внимание К. Валишевский, считавший Павла реформатором «по самому духу, характеру, темпераменту», но отмечавший тождество его концепции правления в течение всей жизни. «Гениальные реформаторы не выказывают такого постоянства в своих идеях, когда им приходится осуществлять их на деле: это происходит потому, что они работают практически в области относительного. А Павел работал теоретически в области абсолютного. Кроме того, он не менял сущности задуманных им реформ, потому что не менял цели, которой хотел ими достигнуть; цель же эта заключалась в том, чтобы подражать Фридриху II, следовать по стопам Петра Великого, продолжать работу Петра III... Впрочем, и тут Павел далеко не выказал...

последовательности... Подвижность его мысли, его слабохарактерность и непостоянство всего его существа мешали ему выработать общий план действий и придерживаться в подробностях основных решений» [1, 35, 38, 40-41; 2, 160-161].

Данное обстоятельство противоречит мнению ряда историков об отсутствии у Павла определенной программы действий, которым он следовал в годы правления. Д.А. Милютин указывал на то, что Павел, будучи наследником престола, имел «определенный самостоятельный взгляд на вещи», составил себе, «так сказать, программу для будущей царственной деятельности». Приведем и слова В.А. Томсинова о том, что «Павел, как и всякий серьезный политик, имел в своей голове некоторую программу действий, пусть и весьма общую характером». По его мнению, Павел «вступил на престол, имея конкретную программу, сложившуюся в основных чертах еще к концу 80-х годов XVIII в. Данную программу, предполагавшую целую систему преобразовательных мер в области гражданской администрации и управления армией, суда и полиции, промышленности и торговли, дворянского землевладения и крепостного права, император... настойчиво проводил в жизнь».

Среди идеологических причин, повлиявших на направление деятельности Павла в этой сфере, можно назвать, как выразился Томсинов, «нелюбовь к сословным принципам», свидетельством чему стала попытка «ослабить дворянскую эксплуатацию крестьян». Причины проведения этой политики, по его мнению, заключались в том, что Павел «стремился к дальнейшей централизации системы управления империей, к усилению монархической власти в русском обществе». В этой связи он и желал уравнивать перед лицом самодержца все сословия. «Все-все подданные и мне равны, и всем равно я государь» – вот его подлинные слова, выражавшие это желание». Стоит обратить на то, что консерватизм Павла носил нетрадиционный характер, так как обычно консерваторы стояли насмерть именно за сословные принципы. Но это, по мнению автора, «соответствовало объективной логике эволюции самодержавного строя в России, заданной Петром I». «Нелюбовь к сословным принципам» в значительной степени была связана с неприятием Павлом идей Французской революции и ее самой. Как отмечал современник, Ш. Массон, «Французская революция поразила его мозг и расстроила ум». Как писал Н.К. Шильдер, «в беседах с сыновьями Павел Петрович давал простор своему раздражению и вместе с тем неудовольствию по поводу свободомыслия, отличавшего Александра. При получении известий о каких-либо новых ужасах, сопровождавших... революцию, цесаревич говорил: «Вы видите, мои дети, что с людьми следует обращаться, как с собаками» [3, 12, 17; 4, 57-58; 5, 223; 6, 70-71; 7, 98-99].

В этой связи можно рассматривать и его жесткую политику по отношению к дворянству. Но дело состоит не только в этом. Заметим, что даже после дарования ему «вольности» самодержавие не потеряло полностью власти над первенствующим сословием, считая его зависимым от себя. По мнению Б.Г. Литвака, «крепостное право только один – и самый тяжелый – вариант феодального строя. Россия знает два варианта этого строя: государственный и помещичий. Государственный и помещичий крестьянин – оба феодально зависимые, но первый пользуется гражданскими правами, а второй – лично зависимый... Абсолютистскому правительству политически выгоднее, чтобы все его подданные имели одного владельца – государство, так как между самодержцем и владельцем крепостных всегда существовало соперничество, хотя они друг без друга жить не могли». Вмешательство Павла в прерогативы владельцев указом о трехдневной барщине «было первым сигналом о наступлении самодержавия на помещичий вариант феодализма...». Как писал А.Н. Шебунин, в безумствах Павла можно видеть «политическое стремление поставить власть над всеми группа-

ми», дисциплинировать «благородное сословие». При этом не забудем, что Павел сторонником сохранения крепостного права. Н.Я. Эйдельман указывал на то, что мысли Павла «об известных послаблениях крестьянам сочетаются с полным запрещением толковать о крепостном праве в печати, чего не было в первые десятилетия екатерининского правления».

С другой стороны, самим Павлом крайности крепостного права воспринимались в определенном смысле как посягательство на суверенные монаршие права на своих подданных. Еще в записке 1783 г. он следующим образом выразил обсужденную со своим воспитателем Н.И. Паниным мысль: «Поверено было о неудобствах и злоупотреблениях нынешнего рода администрации нашей, проходя разные части и сравнивая с таковою в других землях и опять с обстоятельствами нашей, нашли за лучшее согласовать не-обходимо нужную монархическую исполнительную власть по обширности государства с преимуществом той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения себя от деспотизма или самого государя или частичного чего-либо». Обратим внимание и на ст. 11 «Наказа» Павла 1788 г., в которой сказано: «Крестьянство содержит собою все прочие части и своими трудами, следственно, особого уважения достойно и утверждения состояния, не подверженного нынешним переменам его, из благодарности Отечества и для того, чтоб тем лучше трудились, и государство имело тем вернее снабжение». Консерватизм Павла мог в определенных случаях способствовать улучшению положения угнетенных слоев общества, прежде всего владельческого крестьянства. С набором подобных идей он и приступил к реформированию страны, при этом определенное место в перечне их занял крестьянский вопрос [8, 162; 9, 81; 10, 122-123; 11, 194-195; 12, 317].

Позитивную программу Павла в этой сфере можно выявить при анализе его реализованных и нереализованных замыслов. Очевидно, что при нем крепостное право сохранялось вполне и даже было распространено на территории юга, в частности на Новороссию. Не забудем и пожалования дворянам в это царствование примерно 600000 казенных крестьян, управление которыми было в его глазах далеким от совершенства, имея в виду чиновничий произвол и отсутствие защиты их интересов в реальной жизни, а также недоимки в платежах государственных податей – следствие их неблагополучного положения. Известны высказывания Павла, желавшего перевести всех государственных крестьян под власть помещиков, исходя из идеи о том, что крестьянам за помещиками лучше. Но при этом он стремился заставить помещиков (как государственных полицмейстеров и чиновников по управлению крестьянами) выполнять ряд функций по отношению к крепостным – кормить крестьян в голодные годы, охранять их от нищенства и контролировать их поведение.

Сохраняя почти полностью объем прав дворян на крепостных, он стремился ввести законные ограничения и ликвидировать крайности крепостничества и помещичий произвол. Показательными здесь мерами было ограничение практики продажи людей без земли (по казенным долгам помещиков и в Малороссии), ограничение барщины 3 днями в неделю (критика манифеста 1797 г. не всегда учитывает представления Павла об этой мере, как безусловной к выполнению безо всяких дополнительных указаний). Назовем и его законодательство о «командорственных крестьянах», которое можно рассматривать как некую новую модель отношений между помещиками и крепостными. В указе 30 апреля 1797 г. права владельцев этих имений были ограничены, «дабы отвратить все то, что временному владению несвойственно»: денежный оброк не должен был превышать норм для казенных имений, а «поземельный сбор» – удельных; запрещалось заводить фабрики и винокурни, а предоставлялось лишь «право распространения хлебопашества», не нарушая при этом норм манифес-

та 1797 г.; ограничено право рубить лес; запрещались сделки на имения, сдача их в аренду с угрозой взыскания за это с кавалеров ордена; раскладка рекрутских наборов и государственных податей предоставлялась «самим поселянам», как и возможность семейных разделов; вводился запрет расселения и переселения крестьян, что могло проводиться по представлениям «поселян» лишь государственными органами; запрещалось употреблять крестьян «в долговую услугу» по причине «вреда отвлечения крестьян от земледелия»; у крестьян должно оставаться $\frac{2}{3}$ земли в имениях и лишь $\frac{1}{3}$ у владельцев; от последних требовалось блюсти их благосостояние; за состоянием этих имений должен был наблюдать гражданский губернатор.

В качестве перспективы возможных реформ в этой сфере назовем и указ 10 апреля 1798 г. «О приведении в точную известность качества казенных имений, состоящих в областях, от Польши приобретенных», представлявший из себя уникальный случай попытки реализации проекта инвентарной реформы в арендных имениях (автором его был генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин). В нем предлагалось учредить по всем поветам комиссии, «которые должны были описать количество в каждом старосте ежегодного посева всякого хлеба, назначить посредственный урожай оно, смотря по местному положению и качеству земли, и вообще показать все выгоды, какие в котором из тех имений находятся, равномерно освидетельствовать число дней панщизны и всяких работ, отправляемых жителями». На основании сведений от владельцев за 6 последних лет комиссии должны были составить постановления на сей счет и представить их Казенным палатам и губернаторам, которые и определяли нормы эксплуатации крепостного крестьянства в них. В дальнейшем отдельные попытки преобразований в этом направлении предпринимались в Киевской губернии, Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Выборгской губернии. Возможно, этот план он бы стал осуществлять позднее и в великорусских губерниях» [13].

Эти и некоторые другие меры Павла, частично реализованные, но, в основном, оставшиеся в проектах, рисуют перед нами некую идеальную систему отношений условий в данной сфере: помещик выступал при этом как опекун крепостных с серьезными полномочиями и сохранением вотчинной полиции. Вместе с тем, его права на крестьян выглядят существенно ограниченными, так как он являлся своеобразным государственным полицмейстером и управляющим крестьянскими делами, а из его ведома исключались права на продажу людей без земли, насильственную сдачу крестьян в рекруты (что становилось прерогативой крестьянства – читай: государства), неограниченную барщину. Можно говорить и о перспективе снижения и таксации повинностей. (Скажем также о мерах по ограничению прав арендаторов в казенных имениях.) Все эти ограничения подкреплялись жесткими мерами Павла в отношении помещиков, переходящих грань в своих взаимоотношениях с крепостными (например, более решительным использованием взятия в опеку таких имений). Конечно, данная политика не была всегда последовательной, да и сроки ее проведения оказались ограниченными, но подобную тенденцию нельзя не заметить. Скажем в заключение, что эти тенденции в реформировании отношений в сфере крестьянского вопроса будут характерны для Александра I и в большей мере для Николая I. Наиболее существенным добавлением к павловскому видению реформы станет постановка при его сыновьях вопроса о крестьянской «эмансипации». С другой стороны, в последующую эпоху не будет со стороны самодержавия такого давления на дворянство, на которое решился Павел, что его и погубило.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Валишевский К. Павел I: Сын Екатерины Великой: Историческое исследование. М., 2003.
2. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения. Кн. 2. М., 1966.
3. Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. I. Ч. 1. СПб., 1857.
4. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991.
5. Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли X - XVIII вв. М., 2003.
6. Массон К. Мемуары Массона о России / Пер. П. Степановой // Голос минувшего. 1916. № 12. С. 44-73.
7. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Изд. 2-е. Т. 1. СПб., 1904.
8. Литвак Б.Г. Рец. на кн.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989 // История СССР. 1990. № 6. С. 162-163.
9. Шебунин А.Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л., 1925.
10. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII - начало XIX столетия. М., 1982.
11. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996.
12. Наказ // Вестник Европы. 1867. Т. 1. Март. С. 316-322.
13. ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17638, 17693, 17908, 17909, 18333; Т. XXV. № 18475, 18670, 18706, 18826, 19218; Т. XXVI. № 19642.

A. Dolgikh

ABOUT THE PROGRAM OF PAUL I IN THE SPHERE OF THE PEASANT QUESTION

Abstract: This article is devoted to the characteristics of the plan of Paul I's reforms in the sphere of the so called «peasant question» in Russia. This plan or program was represented in realized and unrealized reforms of this period and was directed to soften serfdom. The article is mostly based upon the exclusive sources.

Key words: Russia, reforms, a country question, Pavel I, serfs, the state peasants.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ СНАБЖЕНИЕМ РУССКОЙ АРМИИ В 1816-1825 ГОДАХ*

Аннотация: Предлагаемая вашему вниманию статья подготовлена на основе архивного материала и различных исторических источников. Автором предпринята попытка анализа функционирования военного управления русской армии после Отечественной войны 1812 года, показана зависимость управления материальным снабжением войск от изменений в военном руководстве государства.

Ключевые слова: Материальное снабжение, военное управление, система материального снабжения русской армии, снабжение продовольствием и фуражом, снабжение обмундированием и амуническими вещами.

Поражение армии Наполеона в 1812 г. и активное участие русской армии в кампаниях 1813-1815 гг. окончательно закрепили лидирующее положение Российской империи в европейской политике. Теперь без её участия, практически, не решался ни один важный политический вопрос. Интересна оценка Александра I и России, сделанная министром иностранных дел Австрии Клеменсом Меттернихом в период Венского конгресса (1815 г.): *«Непостоянный характер русского императора, который оскорбляется по поводу каждого пустяка, и расположение которого нельзя купить никакими жертвами, делает крайне трудной для нас, как и для прочих держав, серьезную и прочную дружбу с Русской империей. Располагая внутренними ресурсами, которых не знают другие цивилизованные страны..., имея возможность безнаказанно отказываться от всякого союза и положить конец всякой войне, отозвав свою армию, Россия благодаря своему географическому и политическому положению всегда должна возбуждать опасения...»*¹.

Венские договоренности и политическая зависимость европейских стран от Российской империи позволили Александру I обратить внимание на внутренние проблемы своей страны.

Первое послевоенное десятилетие стало для России своеобразным периодом восстановления экономического равновесия и решения отложенных войной вопросов, в том числе и в военном управлении. Потребность содержать боеспособные вооруженные силы наталкивала на определенные изменения в военной организации государства.

Из заграничного похода русская армия вернулась численно поредевшая, но достаточно большая. В 1-й армии было 280 421 чел., во 2-й – 84 тыс. чел., в отдельных корпусах и частях – 363 173 чел. – всего действующая армия насчитывала – 709 603 чел.², что представляло в то время довольно большую массу личного состава.

В период с 1817 по 1825 г. был произведен ряд переформирований. Образована так называемая Польская армия, организационно входившая в состав русской. Численность этой армии была определена сначала в 30 тыс. человек, к 1825 году возросла до 36 тыс. человек. Возглавлял её великий князь Константин Павлович. Он же командовал русским гвардейским отрядом в Варшаве. Из состава первой армии в 1817 г. был образован Литовский корпус, имеющий 18 пехотных и кавалерийских полков и 11 артиллерийских бригад. В последующем он был преобразован в 6-й пехотный кор-

* © Гаврилов С.В.

пус³. Отдельный Грузинский корпус был усилен до 50 тыс. человек и переименован в Отдельный Кавказский⁴. После проведенных мероприятий общая численность сухопутных войск почти не уменьшилась.

В соответствии с «Учреждением о военном министерстве» 1812 года⁵, в состав министерства входило семь департаментов: артиллерийский, инженерный, инспекторский, аудиторский, провиантский, комиссариатский и медицинский, а также канцелярия министра и совещательный орган – совет министра. Департаменты возглавлялись директорами, подчиненными военному министру. Все другие органы, относящиеся ранее к военной коллегии, были упразднены⁶. Военному министру предоставлялась вся исполнительная власть, право доклада императору и право выходить на Государственный совет с проектами изменения законов или издания новых руководящих документов. Кроме того, при военном министерстве были образованы Военно-ученый комитет, военно-топографическое депо, особая канцелярия и типография (приложение 1). Для военного министерства были разработаны штаты, которыми предлагалось руководствоваться «впредь до указу»⁷.

«Учреждение...» имело ряд положительных сторон: четкая организационная структура департаментов, распределение обязанностей между ними, единоличная ответственность директоров и управляющих перед военным министром. Однако в структуре министерства был существенный пробел. В его составе не была предусмотрена квартирмейстерская часть или штаб для мирного времени. Эти функции осуществляло Военно-топографическое депо.

Полевое управление войсками осуществлял непосредственно главнокомандующий на основании введенного 27 января 1812 г. «Учреждения для управления большой действующей армией»⁸. Он управлял армией через Главный полевой штаб, состоящий из четырех отделений: управления начальника главного штаба, полевого артиллерийского отделения, полевого инженерного отделения и интендантского отделения. Все дивизионные и корпусные штабы строились по тому же принципу, что и армейский. При этом каждый руководитель службы был подчинен своему начальнику в вышестоящем штабе по схеме дивизия – корпус – армия.

Большое значение имели меры по организации управления снабжением полевых войск. Руководство процессом обеспечения было возложено на генерал-интенданта, в распоряжении которого были дежурный генерал, генерал-вагенмейстер, директор военных сообщений, главный доктор и директор госпиталей. Такой способ управления вполне оправдал себя на практике в период войны 1812-1815 гг.

Недовольный деятельностью военного министерства в период прошедшей войны, Александр I выразил свое мнение об устройстве военного управления и объявил, что «*трехлетний опыт благополучно окончившейся последней войны явил ощутительную пользу изданного в 1812 г. положения о полевом управлении, носившего название «Учреждение для управления большой действующей армией». Находя необходимым сохранить тот же порядок и в мирное время по управлению всем вообще Военным департаментом, признал я за полезное дать оному новое устройство»*⁹.

В соответствии с этой установкой была произведена реорганизация центрального военного аппарата. В августе 1814 г. был сформирован гвардейский Генеральный штаб¹⁰, а на основе опыта его функционирования 16 декабря 1816 г. образован Главный штаб Его Императорского Величества. Кроме того, было решено «*оставить армии наши в настоящем образовании их, то есть раздел их на бригады, дивизии, корпуса»*¹¹.

С образованием Главного штаба в его ведение были переданы из Военного министерства все вопросы, «*относящиеся до строевой части»*. Первым руководителем

назначен генерал-адъютант П. М. Волконский. Ему непосредственно подчинялись военный министр, генерал-инспектор инженеров, генерал-фельдцейхмстер и руководители канцелярии, депо и комитетов. В состав Главного штаба вошли: канцелярия главного штаба, военно-топографическое депо, военно-ученый комитет, генерал-квартирмейстер с канцелярией, дежурный генерал с подчиненными ему аудиторским и инспекторским департаментами, главный инспектор по медицинской части с канцелярией, инспектор госпиталей, обер-священник главного штаба, обер-священник армии и флота и военно-коннозаводское управление. Военный министр, генерал-лейтенант П. П. Коновницын, руководил деятельностью трех департаментов – медицинского, провиантского, комиссариатского и советом военного министра. В то же время инженерный департамент и артиллерийский департамент имели двойное подчинение (начальнику ГШ и военному министру)¹². Кроме того, были учреждены – управление военных поселений и управление военно-учебными заведениями, которые находились вне юрисдикции военного ведомства (приложение 2). Отрицательные последствия подобного разделения функций управления, несомненно, должны были дать себя проявить. Но так как в этот период крупных военных действий не велось, недостатки в организации военного управления начали обнаруживаться позже.

Таким образом, при стремлении обеспечить максимальную централизацию военного управления отсутствовало единоначалие и четкая вертикаль подчиненности. Строевая часть была отделена от обеспечивающей. Главный штаб не отвечал ни за подготовку войск, ни за их обеспечение вооружением, боеприпасами и всеми видами довольствия. Он не мог контролировать подготовку офицерских кадров, поскольку управление военно-учебными заведениями также являлось самостоятельным органом. Генерал-инспектор по артиллерии и генерал-инспектор по инженерной части лишь условно подчинялись начальнику Главного штаба. Наконец, военный министр был лишен права доклада императору и мог обращаться к нему лишь через начальника Главного штаба.

Основной проблемой этого периода для интендантских органов военного управления стало решение отложенных войной вопросов по дальнейшему совершенствованию системы материального снабжения.

Управление материальным снабжением вооруженных сил, как и военное управление империи, было разделено на две части: полевую, подчиненную генерал-интенданту армии (корпуса) и внутреннюю, руководимую чиновниками военного министерства. Основываясь на опыте организации материального снабжения в период войны с Францией 1812-1815 годов и идее «самообеспечения войск». Были утверждены *«Правила, по коим должны главнокомандующие управлять армиями в мирное время»*¹³. Руководствуясь ими, главнокомандующим вменено в обязанность обеспечивать свои войска самостоятельно. В целях уменьшения расходов на содержание вооруженных сил начато формирование так называемых «военных поселений». Основная цель – создание экономически необременительных для государства воинских формирований, которые под руководством своих начальников занимались производством материальных средств и, одновременно, боевой подготовкой.

К 1817 году на территории государства каждому военному объединению регулярных и иррегулярных войск был определен район расположения. Всего таких районов было двенадцать (приложение 3). Первый наиболее значительный район занимала первая армия – пятнадцать губерний (Лифлянская, Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская, Смоленская, Волынская, Черниговская, Киевская, Курская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская и Херсонская) и две области (Ковенская и Белостокская). Главнокомандующий располагался в Могилеве. Второй район

– вторая армия – Подольская, Кишиневская и Одесская губернии. Третий – район отдельного корпуса Е. И. В. Цесаревича (в последующем гвардейский) – Эстлянская, Санкт-Петербургская, Новгородская, Тверская и Псковская губернии. Четвертый – район отдельного Финляндского корпуса. Пятый – район отдельного Оренбургского корпуса. Шестой – район отдельного Грузинского корпуса. Седьмой – район отдельного Сибирского корпуса. Восьмой, девятый, десятый и одиннадцатый районы – соответственно земли казачьего войска Донского, Черноморского, Астраханского и Уральского. Двенадцатый район – Польская армия. На остальной территории были образованы внутренние округа, которыми руководило военное министерство¹⁴.

Для решения военно-хозяйственных вопросов провиантский департамент военного министерства разделил территорию государства на следующие составные части (приложение 4): четыре округа – 1-й армии, 2-й армии, отдельного Грузинского корпуса и отдельного Оренбургского корпуса; три провиантских депо – Финляндское, Санкт-Петербургское и Московское; три комиссионерства – Варшавское, Саратовское и Симферопольское¹⁵.

Комиссариатским снабжением занимался соответствующий департамент военного министерства. Кроме вещевого имущества, этот департамент обеспечивал войска денежным жалованьем, обозным имуществом и снабжал военные госпитали.

На местах непосредственное обеспечение войск осуществляли 14 комиссариатских комиссий, из них 12 занимались снабжением войск, а 2 (Тамбовская и Сибирская) – только приемкой материалов. Территория комиссариатских комиссий и комиссионерств специально не ограничивалась, а, исходя из потребностей, определялась распоряжениями военного министерства. При этом каждая комиссия имела свою территорию из нескольких губерний, в которых располагались войска. Число войсковых частей, обеспечиваемых одной комиссией, было различно¹⁶. Сравнивая территории провиантских округов, депо и комиссионерств с районами расположения армий и отдельных корпусов, следует заметить, что они не полностью совпадали территориально. Это вносило некоторую путаницу в организацию материального снабжения войск.

Рассмотренный исторический опыт преобразований органов управления материальным снабжением в последнее десятилетие первой четверти XIX века позволяет сделать выводы:

1. Устойчивая тенденция централизации военного управления вступала в противоречие со стремлением дать самостоятельность полевому армейскому руководству.

2. Управление системой снабжения русской армии в рассматриваемый период было организовано на основе опыта снабжения в Отечественную войну 1812 г. Интендантские органы военного министерства организовывали снабжение частей расположенных вне территории округов армий, а интенданты полевых армий – свои войска. С одной стороны, прогрессивное движение к планомерному использованию ресурсов земли, а с другой – разобщенность руководства снабженческими структурами не позволяла организовывать взаимодействие между ними.

3. Интендантские органы армейских и корпусных объединений самостоятельно занимались вопросами снабжения войск и в случае начала военных действий имели штат опытных чиновников, способных на должном уровне решать проблемы снабжения войск.

В целом, оценивая опыт военного управления в последнее десятилетие первой четверти XIX века, просматривается устойчивая тенденция сохранения в условиях мирного времени системы управления по образцу военного времени, при этом просматривается стремление сократить расходы на обеспечение войск путем расположения их равномерно по территории империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 История дипломатии. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1941. С. 383.
- 2 РГВИА. Ф. 846. Д. 690. Л. 2-4.
- 3 Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Изд-во «Наука», 1973. С. 15.
- 4 РГВИА. Ф. 35. Оп. 3. Св. 124. Д. 784. Л. 135.
- 5 27 января 1812 года Высочайше утвержденное «Учреждение военного министерства» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. СПб, 1831. С. 23-27.
- 6 Военная коллегия в 1802 году вошла в состав министерства военно-сухопутных сил и постепенно передала свои функции вновь образованным департаментам.
- 7 Столетие военного министерства 1802-1902. Развитие военного управления в России. Исторический очерк. Т. 1. СПб, тип. П.О.Пантелеева, 1902. С. 176.
- 8 27 января 1812 года «Учреждение для управления большой действующей армией» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. СПб, 1831. С. 27-157.
- 9 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3227. Л. 1.
- 10 РГВИА. Ф. 846. Д. 18009.
- 11 Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIII. СПб, 1831. № 26025.
- 12 РГВИА. Ф. 395. Оп. 325. Д. 1а. ЛЛ. 23-24.
- 13 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3228. Л. 6.
- 14 Столетие военного министерства 1802-1902. Развитие военного управления в России. Исторический очерк. Т. 1. СПб, тип. П.О.Пантелеева, 1902. С. 220-221.
- 15 Столетие военного министерства 1802-1902. Главное интендантское управление. Исторический очерк. /составил Ф.П. Шелехов/ т.5. ч.1. Введение и царствование императора Александра I. СПб, 1903. С. 495-496.
- 16 Аничков В. М. Военное хозяйство: Сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб, тип. Н. Деноткина, 1860. С. 130.

S. Gavrilov

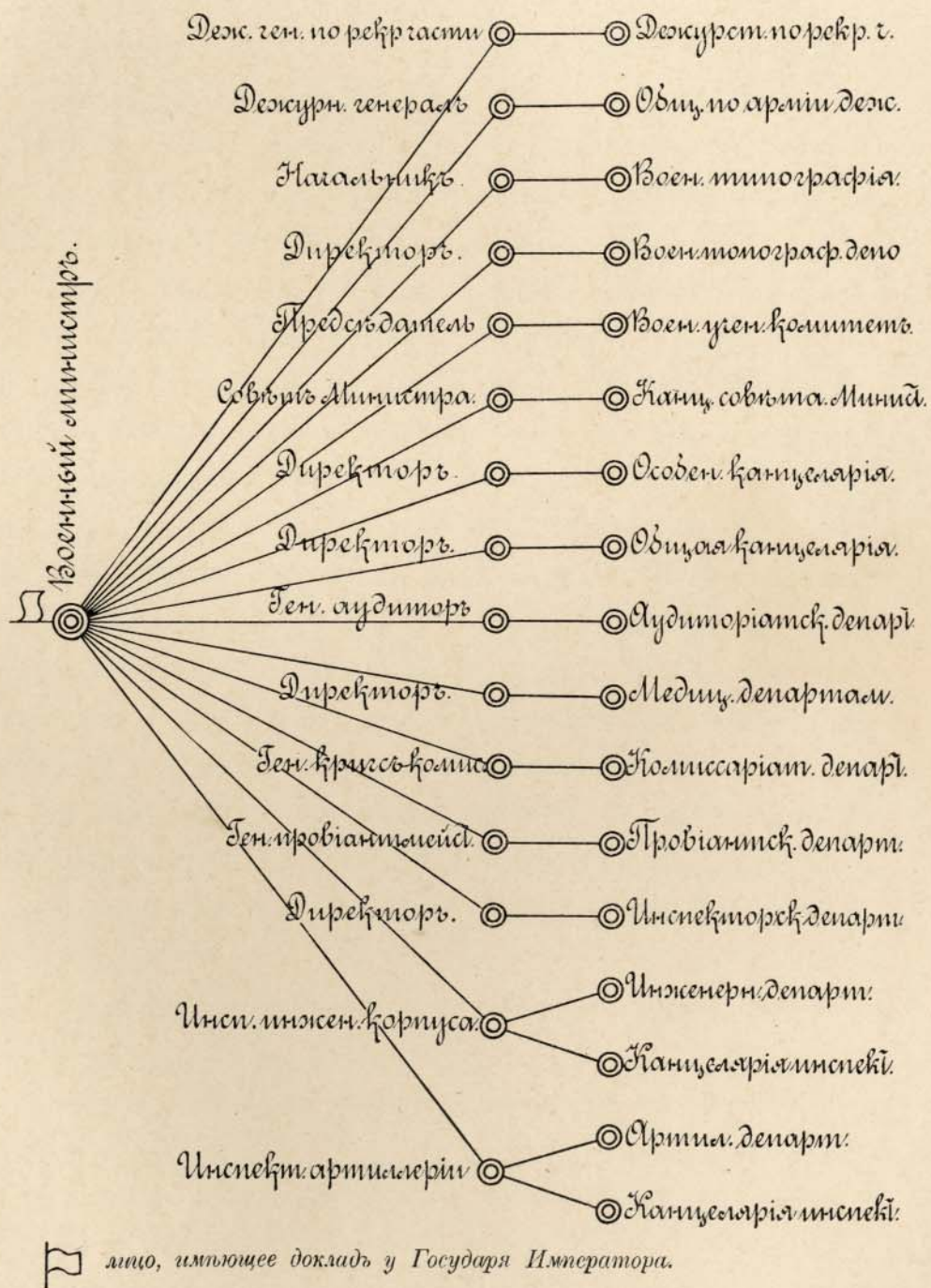
REORGANIZATION OF MANAGEMENT BY SUPPLY OF RUSSIAN ARMY IN
1816-1825 YEARS

The article, tendered to your attention, is prepared on the basis of archive stuff and different historical sources. The author undertakes attempt of the analysis of military management functioning of Russian army after Patriotic war of 1812, dependence of management of army's material supplies from changes in a military management of the state is shown.

Key words: material supplies, military management, system of Russian army material supplies, provisioning and fodder, supply by regimentals and things of the accoutrements.

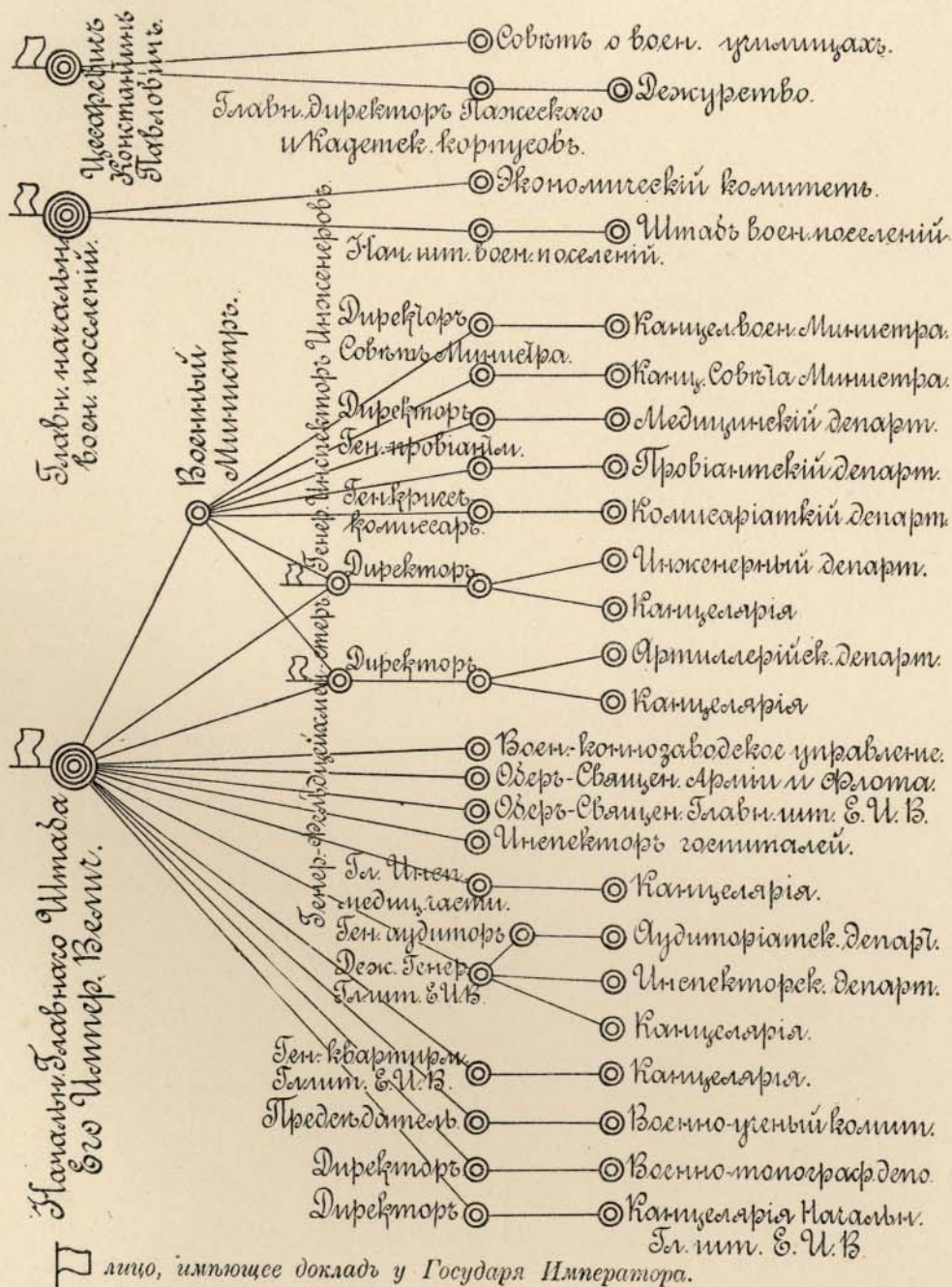
С У М М А № 3.

Графическое изображение устройства центрального военного управления по учреждению 1812 года.

C X E M A № 4.

Графическое изображеніе устройства центрального военного управленія по учрежденію 1815 года, съ измѣненіями, произведенными до 1826 года.

ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА ГОРОДСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Аннотация: В статье исследуется проблема изменения юридического статуса городских органов самоуправления в начале XX века. Рост численности населения и доходности городов ставил перед одними городами задачу получения прав на полноценное самоуправление с городской думой и городской головой. Для тех городов, где думы уже существовали, главным стало стремление выделиться в самостоятельную земскую единицу, исключив тем самым отчисления в земский бюджет.

Ключевые слова: городские органы самоуправления.

В эпоху Великих реформ Александра II на смену сословной организации городского самоуправления, восходящей к временам Екатерины II, были введены все-сословные общественные учреждения, выборы в которые осуществлялись на основе Городового положения 1870 г. [1]. В соответствии с законом избирательное право предоставлялось независимо от сословной принадлежности всем горожанам, достигшим 25 лет, состоящим в русском подданстве и платившим сборы в городской бюджет с недвижимости или торгово-промышленной деятельности. На тех же условиях правом голоса через своих представителей пользовались юридические лица: учреждения, общества, монастыри и церкви. Последовательно проводимый в законе принцип имущественного ценза обосновывался в проекте Городового положения, где указывалось, что «городское благоустройство может поддерживаться и развиваться лишь с помощью материальных средств», и потому «только жители, владеющие в городе недвижимым имуществом и уплачивающие в городскую кассу определенные сборы с торговых свидетельств и билетов, должны пользоваться правом участия в общественном управлении» [2].

В ходе избирательных кампаний 1870-80-х гг. выявился ряд проблем, и, в том числе, сложности, возникавшие при подсчете голосов на собраниях мелких налогоплательщиков, которые часто заканчивались опротестованием результатов голосования. Указанные недочеты избирательной системы были учтены при подготовке нового Городового положения, утвержденного императором в 1892 г. [3]. По новому закону вводился имущественный ценз, составивший в уездных городах 300 рублей. Одновременно губернаторам предписывалось выяснить численность избирателей и доходность принадлежащего им имущества с тем, чтобы определить, в каких городах возможно применение законодательства в полном объеме, а в каких целесообразно ввести упрощенное городское управление и понизить имущественный ценз до 100 рублей.

В августе 1892 г. московским губернатором были собраны сведения по всем уездным городам и крупным посадам. Одним из главных критериев, по которому проводилась классификация городов, стала численность жителей. За исключением Коломны и Серпухова (в первом насчитывалось 24 тыс., а во втором – 23 тыс. жителей), во всех остальных уездных центрах из-за малочисленности горожан было введено упрощенное общественное управление. Вместо думы учреждалось собрание город-

* © Галкин П.В.

ских уполномоченных, а возглавлялось общественное самоуправление городским старостой. При этом многие города, в которых вводилось упрощенное управление, были вполне сопоставимы с полноправными городами по ряду других критериев. К примеру, по численности владельцев городской недвижимости Сергиевский посад (1644 собственника) превосходил все остальные уездные центры; Павловский посад имел второй показатель в губернии по стоимости недвижимости (1,3 млн. руб., для сравнения в Коломне – 1,9 млн., а в Серпухове – 1,2 млн. руб.). По степени доходности городской недвижимости к числу крупных центров относились Богородск и Сергиевский посад (доходы местного бюджета в 1892 г. в них составили 46,6 и 49,6 тыс. руб. соответственно, для сравнения в Коломне – 53,1 тыс. руб.).

В результате нововведений в городах Московской губернии произошло сокращение числа избирателей в среднем в 3-4 раза (максимальных значений эти показатели достигли в Богородске и Рузе – в 6,6 и 7,2 раза соответственно). В среднем, лишь каждый четвертый владелец недвижимости обладал полным цензом, а потому избирательными правами смогли воспользоваться от 2 до 5 % городского населения, т.е. возможности участвовать в выборах были лишены не только малосостоятельные горожане, но также и часть собственников торгово-промышленных заведений [4].

Первые попытки пересмотра действующего законодательства были предприняты в начале XX века. В июле 1905 г. городской староста Павловского посада А.И. Бородинский направил через московского губернатора в Министерство внутренних дел ходатайство о введении полного городского управления взамен упрощенного. Основываясь на решении собрания городских уполномоченных, староста приводил ряд аргументов в пользу прошения. Прежде всего, говорилось о росте численности избирателей со 100 человек в 1894 г. до 700 человек на момент подачи ходатайства; указывалось также на расширение предметов ведомства городского самоуправления и, как следствие, на создание многочисленных комиссий того или иного профиля. Это, в свою очередь, привело к недостатку уполномоченных, не занятых в каких-либо городских организационных структурах, и, в результате, проверку отчетности в ходе ежегодной ревизии приходилось осуществлять и тем уполномоченным, деятельность которых следовало контролировать. Поэтому в ходатайстве городского старосты подчеркивалось: «...ограниченное количество уполномоченных противоречит основному началу Городового Положения, в силу которого в подобных городах должно быть не менее 40 гласных, при этом числе и исполнительные комиссии скорее составятся и проверка их действий будет безупречна...». Затем высказывалось опасение в том, что «...15 человек городских уполномоченных при горькой случайности свободно могут сгруппироваться из лиц, которые на первое место поставят свои интересы, тогда какие наблюдения не вводи, но город во многом может потерять» [5]. Приведенные в прошении многочисленные доводы не привели к желаемым последствиям, поскольку в годы первой российской революции удовлетворение подобных ходатайств означало создание прецедента для других городов, в которых промышленность и торговля также способствовали росту числа избирателей.

В 1909 г. аналогичное ходатайство последовало от Богородского собрания городских уполномоченных. Для того, чтобы добиться положительного решения проблемы, горожане посчитали необходимым направить к губернатору особую депутацию. В представленном В.Ф. Джунковскому документе для большей убедительности приводилась ссылка на статью министра внутренних дел, опубликованную в Правительственном вестнике в 1893 г. В ней, в частности, говорилось о том, что критерием для введения упрощенного городского управления должны быть доходы местного бюджета в размере 15-20 тысяч рублей и 45-50 избирателей. По мнению уполномоченных, г.

Богородск, имевший уже в то время вдвое больший доход, должен был получить полноценное городское управление. Далее в документе приводились расчеты, которые, по замыслу горожан, должны были наглядно обосновать необходимость введения в Богородске городской думы. В частности, указывалось на два показателя: рост доходной части городского бюджета более, чем в 2 раза (с 36,8 тыс. в 1894 г. до 84,6 тыс. рублей в 1909 г.), и на трехкратное увеличение численности избирателей (со 175 человек в 1894 г. до 576 – на выборах 1906 г.). Кроме того, говорилось о высокой явке избирателей (40-50% от общей численности) и большом количестве желающих баллотироваться (от 40 до 62 человек в разные годы). Последнее обстоятельство, по мысли горожан, являлось прямым доказательством «большого интереса избирателей к городским выборам» и их желания «принять активное участие в городских делах» [6].

В отличие от ходатайства Павловского посада, данное обращение получило поддержку губернатора В.Ф. Джунковского, который написал министру внутренних дел: «...я со своей стороны, не имею никаких возражений против удовлетворения означенного ходатайства, т.к. не могу не признать, что деятельность Богородского городского управления расширяется с каждым годом, между тем наличных сил его совершенно недостаточно для успешного отправления требований, выдвигаемых жизнью и разросшимся городским хозяйством» [7]. После чего, губернатор указывал на необходимость реформирования полицейской части в городе и введении вместо одного надзирателя должности пристава с двумя помощниками. Однако решить вопрос положительно до ближайших городских выборов не удалось, т.к. предложение о расширении штата полиции послужило началом продолжительной переписки между городским старостой, губернатором и начальником Главного управления по делам местного хозяйства МВД.

Собрание городских уполномоченных согласилось с губернаторской инициативой, и даже было принято постановление о внесении в смету городских расходов увеличенной суммы на содержание полиции. При этом начальник Главного управления по делам местного хозяйства, напротив, настаивал, чтобы эти два вопроса решались без какой-либо взаимосвязи. Осенью 1910 г. В.Ф. Джунковскому было предложено доложить министру о «соображениях, побуждающих ... настаивать на усилении полиции в связи с изменениями в Богородске формы городского устройства». В своем обстоятельном ответе губернатор указал на произошедшие в период избирательной кампании изменения в настроениях горожан. Он последовательно проводил мысль о том, что в своем стремлении повысить статус городского самоуправления уполномоченные руководствовались не столько интересами местного хозяйства, сколько преследовали политические цели. «По имеющимся у меня совершенно достоверным данным, – писал В.Ф. Джунковский, – уполномоченные Богородского общественного управления, являясь представителями одного из крупных фабричных центров Московской губернии, к сожалению, не всегда обращали свои главные заботы на улучшение городского хозяйства и удовлетворение насущных потребностей местного населения, а в большинстве случаев стремились, пользуясь своим положением в городе, проводить в жизнь социальные и демократические начала...» [8]. Далее сообщалось об интригах этой «корпорации людей, явно недоброжелательных правительству», и об их попытках провести на должность городского старосты человека неблагонадежного, что, в итоге, привело к необходимости назначения старосты губернатором. Учитывая новые обстоятельства, В.Ф. Джунковский высказался категорически против изменения статуса г. Богородска, полагая, что это, в свою очередь, повлечет за собою аналогичные ходатайства других крупных городов Московской губернии.

В результате, мнение губернатора оказалось решающим, и ходатайство богород-

ских горожан не было удовлетворено. Данный эпизод наглядно показывает, насколько сильным являлся административный ресурс, поскольку даже благоприятная конъюнктура (министерство, по сути, было готово поддержать ходатайство) не позволила добиться решения проблемы. Причем в 1912 г. со стороны Главного управления по делам местного хозяйства губернатору был направлен запрос, в котором предлагалось охарактеризовать «современное культурно-экономическое состояние» г. Богородска с тем, чтобы заново рассмотреть возможность изменения статуса городского самоуправления. В ответ министерству были направлены разнообразные таблицы, включающие сведения о численности жителей, ценности имущества, о владельцах торгово-промышленных заведений, размерах их оборотов и т.п. Но министерской инициативе не суждено было сбыться, и, на наш взгляд, не последнюю роль в этом, сыграло назначение в январе 1913 г. В.Ф. Джунковского на должность товарища министра внутренних дел.

Стремление изменить юридический статус городского самоуправления проявлялось и в тех городах, где действовали полноправные общественные учреждения – думы и управы, возглавлявшиеся городскими головами. В Московской губернии лишь в двух уездных центрах (Коломне и Серпухове) городское управление осуществлялось в полном объеме, и в обоих городах в начале XX века была предпринята попытка коренным образом пересмотреть их положение в системе самоуправления. Причиной в каждом случае стало недовольство сложившейся практикой налогообложения, в соответствии с которой земские учреждения наделялись правом сбора налогов с городских поселений, находящихся в пределах соответствующих административных единиц.

При установлении данной нормы в правительственных кругах полагали, что земства в результате своей деятельности создадут для городов определенные выгоды и преимущества (пользование дорогами, локализация эпидемий и т.п.). И хотя города, за исключением заштатных, являлись административными центрами уездов и губерний, они не располагали аналогичными правами в отношении сельских поселений. Со своей стороны, земства компенсировали затраты городских органов самоуправления на те городские объекты, услугами которых пользовались жители сельской местности (как правило, это были пособия на содержание больниц и учебных заведений). Длительное время правильность установленных законодательством норм не ставилась под сомнение городскими думами.

Ситуация изменилась в начале XX века, когда суммы, взимаемые земскими учреждениями, стали многократно превосходить сборы, уплачиваемые горожанами на нужды городского самоуправления. Сложившееся финансовое положение активно обсуждалось на заседаниях городских дум в большинстве губерний Европейской части России. В результате принимались постановления о необходимости скорейшего разрешения вопроса, и в установленном законом порядке они направлялись в вышестоящие инстанции.

В Московской губернии одно из первых ходатайств в Министерство внутренних дел было направлено в июне 1906 г. коломенским городским головой М.И. Посохиным. В документе говорилось о целесообразности исключения территории города из предметов земского налогообложения и превращения Коломны в самостоятельную земскую единицу. В пользу такого решения проблемы приводился ряд аргументов. В частности, указывалось, что уездное земство взимает с городских домовладельцев ежегодно до 35 тысяч рублей, в то время как городское управление всего лишь 24,5 тысячи рублей. При этом дальнейшее повышение взимаемого сбора расценивалось как недопустимое, поскольку «имущества вследствие высокого обложения понизились бы в цене». Далее в ходатайстве подчеркивалось, что городские налогоплатель-

щики, по сути, являются данниками земских учреждений, так как «будучи обложены бóльшим сбором по сравнению с уездными, за все эти платежи никакими видами помощи не пользуются от земства» [9]. В ответе, полученном из Главного управления по делам местного хозяйства, отмечалось, что ходатайство «имеет общее для всех земств и городов империи значение и будет обсуждено при предстоящем пересмотре земского положения и относящихся к нему узаконений» [10].

В г. Серпухове вопрос о выделении городских имуществ из сферы земского налогообложения стал предметом тщательного изучения местной управы и Комиссии о пользах и нуждах города. В марте 1908 г. подготовленный ими доклад был заслушан на заседании городской думы. В нем говорилось о «ненормальности существующего положения вещей», при котором земства, «пользуясь правами обложения городов, ...фактически весьма немного уделяют из взимаемых ими сборов на удовлетворение специально городских нужд» [11]. По расчетам комиссии, земские сборы с городских предприятий на текущий год превысили 80 тысяч рублей (из них: 61528 руб. поступало уездному и 18670 руб. губернскому земству), в то время как сборы в городскую казну с этого же предмета налогообложения оказались вдвое меньше (40322 руб.). При этом земские затраты на городские нужды составляли не более 21 тысячи рублей, включая в эту сумму пособия гимназиям, содержание арестного дома и лечение горожан в земской больнице. Получалось, что только в пользу уездного земства городские налогоплательщики переплачивали до 40 тысяч рублей.

В выводах комиссии указывалось, что городское самоуправление, освободившись от уплаты земских сборов, может принять на себя выполнение земских обязанностей: «...нами руководит отнюдь не желание уменьшить бремя платежей на общественные нужды, а желание расходовать денежные поступления сообразно действительным и явным нуждам и интересам налогоплательщиков» [12]. Предложения комиссии были одобрены городской думой, и по ее поручению серпуховской голова представил ходатайство губернатору.

Прошение было получено В.Ф. Джунковским уже в Петербурге, где он находился в связи с началом работы Совета по делам местного хозяйства, на заседаниях которого, в том числе, предполагалось комплексно рассмотреть проблемы взаимодействия земств и городов. В своей вступительной речи перед членами Совета П.А. Столыпин четко обозначил суть проблемы, сказав, что «чем дальше, тем труднее будет развязывать взаимоотношения городов и земств» [13]. Обсуждение проекта, предложенного Министерством внутренних дел, оказалось весьма бурным, но, в конечном итоге, все основные его идеи были одобрены [14]. В частности, возможность выделения в самостоятельные земские единицы уездных городов было решено распространить только на те из них, в которых проживало свыше 75 тысяч человек (при том, что крупнейший город Московской губернии – Серпухов – насчитывал всего 35,5 тысяч жителей). Для городов с меньшим населением предполагалось разрешить уменьшение земских сборов по ходатайству городских дум или по усмотрению земского собрания. И даже в случае отклонения ходатайства сохранялась вероятность снижения налогообложения на 25% «против среднего по губернии обложения» [15].

Для корректировки проекта по распоряжению министра внутренних дел в земские управы и городские думы были направлены бланки таблиц, которые требовалось заполнить в кратчайшие сроки. В них, в числе прочего, предписывалось указать сведения об основаниях оценки недвижимых имуществ в городах, о размерах земских сборов с городских налогоплательщиков и расходах земств на нужды уездных центров. Таблицы предлагалось представить лишь из городов с численностью жителей более 25 тысяч человек, а потому в Московской губернии сведения в министерство подава-

лись только от г. Серпухова.

В составленных серпуховской управой таблицах сообщалось о том, что при взимании городского и земского сбора с недвижимых имуществ применялись одинаковые основания расчетов, выработанные губернским земством, хотя на некоторых участках, где не находилось торгово-промышленных заведений, городская дума понижала нормы оценки на $\frac{1}{4}$. Кардинальное отличие между земским и городским подходами к налогообложению заключалось в размере процентной ставки: уездное земство взимало с каждого рубля доходности городской недвижимости около 7,5%, губернское земство – 2,2%, а городская дума – до 5%. В итоге и получалась двойная разница в налогообложении одного и того же имущества. На предложение анкеты указать, какие мероприятия были бы наиболее целесообразными для упорядочения налогообложения «с возможно меньшим ущербом как для земских, так и для городских интересов», серпуховская управа предложила, на наш взгляд, действительно оптимальный вариант: если нельзя выделить город в самостоятельную структуру, то следует установить «обложение городских имуществ земским сбором в пределах действительных расходов, которые несет земство по городу» [16].

В конце 1908 г. от г. Коломны – второго по численности города Московской губернии – на имя губернатора было представлено новое прошение с просьбой об освобождении городских налогоплательщиков от земских сборов. В нем, в частности, говорилось, что по данным ревизионной комиссии «в городе обложено все, что только возможно», и «в городскую казну поступает 10% чистого дохода с недвижимого имущества...», и «процент этот, согласно 129 ст. Городового положения, повышен быть не может». Между тем, указывалось в документе, уездное земство в смете на 1909 г. запланировало обложение городской недвижимости в размере 11,6%, а губернское земство – в 2,2%, что в сумме достигло уже 13,8%, превысив «в некоторых случаях ... даже пределы доходности» отдельных имуществ. Учитывая данные обстоятельства, городской голова В.Г. Фомин предлагал «в виду непрекращения повышения налогов, могущих обесценить все городские недвижимые имущества, обратить на действия земских учреждений внимание правительства, возбудив новое ходатайство о выделении г. Коломны в особую земскую единицу» [17]. Прошение было рассмотрено в хозяйственном департаменте МВД, из канцелярии которого губернатору была направлена по сути отписка: «подобные вопросы уже обсуждались в Совете по делам местного хозяйства и получают в свое время дальнейшее в установленном законом порядке направление» [18].

Параллельно с подачей ходатайств и составлением ответов на министерский запрос в среде деятелей городского самоуправления расширялось движение сторонников освобождения крупных городов от земского налогообложения. Своеобразными общественными центрами сбора информации о ходатайствах городских учреждений стали Вологда и Муром. В первом из них работа была начата задолго до обсуждения проблемы в Совете по делам местного хозяйства. Благодаря усилиям секретаря вологодской городской управы А.А. Колычева были получены сведения о размерах земского оценочного сбора по 36 городам. И в результате проведенного им обобщения были поставлены под сомнение идеи о том, что города лишены экономической самостоятельности, находятся в зависимости от уезда и получают от земства массу «невесомых полезностей» (дороги, удешевляющие доставку в город товаров; образованное крестьянство, потребляющее большее количество городских товаров и услуг и др.). Автор не оспаривал вклад земства в развитие пригородной инфраструктуры, а предлагал посмотреть на проблему с другой стороны: «...ведь и город снабжает уезд такими продуктами, которых тот сам не производит и без которых обойтись не

может. Следовательно, зависимости в строгом смысле здесь нет, а имеется на лицо лишь обычный экономический закон товарного обмена» [19]. Суть проблемы, по мысли автора, в противоположных интересах города и деревни: изъятие городской недвижимости из сферы земского налогообложения невыгодно для землевладельцев, но полезно для развития самих городов, а потому «выгодно и в чисто материальном смысле, и с общественной точки зрения».

Другая брошюра, изданная в 1909 г. муромским городским головой И. Мяздриковым, в большей степени отвечала тем задачам, которые были поставлены перед органами самоуправления министерством внутренних дел. По подавляющему большинству показателей собранные в ней сведения охватывали около 130 городов и представляли собою статистику доходов и расходов отдельно по государственным, земским и городским сборам. Автор поставил перед собою задачу выяснить, какая часть платежей горожан возвращалась непосредственно на нужды городского самоуправления. По его расчетам городские сборы не превышали 20% в общей массе налоговых платежей, еще примерно столько же взымалось государством, а более половины всех средств шло в земские бюджеты. Обратно на городские нужды из земского бюджета возвращалось не более 12-15% от общей суммы уплачиваемых горожанами налогов [20].

Необходимость понижения размеров земских сборов, взимаемых с городских владельцев недвижимости, получила обоснование и в ходатайствах городских дум, и в публицистике, и в министерских расчетах, но в конкретный законопроект все эти инициативы претворились лишь к 1912 г., когда начала свою деятельность IV Государственная Дума. В декабре того же года в серпуховскую городскую управу поступил запрос депутата от Московской губернии, члена думской комиссии по городским делам А.А. Петрова. В очередной раз предлагалось представить сведения о доходах и расходах земских и городских учреждений. Данные, подготовленные городским головой, свидетельствовали о том, что ситуация с земским налогообложением городских владельцев недвижимости ухудшилась: если в 1908 г. уездное земство взымало 7,5% с доходности предприятий, то теперь эта цифра повысилась до 8,25%, а совокупные земские сборы составили 106,5 тысяч рублей. При этом на нужды горожан (пособия гимназиям, содержание арестного дома и др.) из земского бюджета по-прежнему направлялось не более 21 тысячи рублей, а остальные средства фактически тратились на потребности сельских жителей [21].

К сожалению, рассмотрение законопроекта в Государственной Думе, также как и в министерских «коридорах власти», оказалось крайне замедленным. Принять решение, которое способствовало бы снижению земских налогов для городских владельцев недвижимости, до Первой мировой войны так и не удалось. Очевидно, что сама постановка проблемы и аргументация общественных деятелей, как собственно и целесообразность освобождения городов от земских сборов, – все это не вызывало сомнений ни в министерстве внутренних дел, ни в думских комиссиях, но нежелание менять сложившуюся систему взаимоотношений двух взаимозависящих структур самоуправления перевешивало рациональные доводы. Стремление же отдельных городских дум к выделению городов в самостоятельные земские единицы, формально получившее поддержку министерства и воплотившееся в законопроект, так и не стало законом, поскольку ни органы самоуправления, ни общественное мнение не могли оказывать действенного влияния на процесс принятия решения.

В целом, любые попытки городских общественных учреждений изменить их юридический статус болезненно воспринимались всеми субъектами властных отношений, начиная от губернатора и заканчивая министерством внутренних дел. При

этом доводы органов городского самоуправления могли признаваться вполне справедливыми, и политическая конъюнктура могла быть благоприятной, но опасения, что удовлетворение одного ходатайства повлечет за собою десятки аналогичных, оказывались решающими. Не реагировать вовсе на многочисленные обращения городских учреждений правительство не могло, однако, приступая к систематизации отдельных аспектов законодательства, министерские круги явно затягивали решение проблем на неопределенный срок, и в течение этого времени могли отказывать в рассмотрении новых ходатайств, апеллируя к тому, что готовится общее реформирование законодательства. По сути, эффективность применения тех или иных норм в практике общественных учреждений мало заботила органы надзора, и, в первую очередь, они старались не допустить каких-либо социальных потрясений. Прямая подчиненность органов самоуправления губернаторскому надзору и ограниченность доступных им средств воздействия на центральные учреждения (ходатайства, прошения и т.п.) обеспечивали устойчивость действующей системы управления и сводили на нет все попытки ее модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 45. СПб., 1874. № 48498.
2. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. Т. 1. СПб., 1877. С. 38.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 12. СПб., 1896. № 8708.
4. Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 65. Оп. 5. Д. 6. Т. 2, 3 (далее – ЦИАМ).
5. ЦИАМ. Ф. 65. Оп. 44. Д. 10. Л.1об.
6. Там же. Оп. 43. Д. 542. Л.5-5об.
7. Там же. Л.2.
8. Там же. Л.23.
9. Там же. Оп. 22. Д. 64. Л. 3.
10. Там же. Л.5.
11. Там же. Ф. 549. Оп. 3. Д. 2322. Л. 31об.
12. Там же.
13. Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 625.
14. Подробнее см.: Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908-1910) [отв.ред. В.В. Шелохаев]. М., 2008. С.120-158.
15. ЦИАМ. Ф. 549. Оп. 3. Д. 2322. Л.50-51.
16. Там же. Л.84.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2233. Л. 17.
18. Там же. Л.18
19. Колычев А.А. Города как самоуправляющиеся земские единицы. Вологда, 1908. С.16.
20. ЦИАМ. Ф. 549. Оп. 3. Д. 2322. Л. 96, 119-120.
21. Там же. Л.131.

P. Galkin

THE PROBLEM OF MODIFICATION OF LEGAL POSITION OF TOWN INSTITUTIONS OF LOCAL GOVERNING (BY THE EXAMPLE DOCUMENTS OF MOSCOW REGION)

Abstract: The author examines the problem of modification of legal position of town institutions of local governing at the beginning of XX century. The population upsurge caused requirement of getting by the towns the competent self-government with municipal дума and mayor. Towns having the competent self-government pressed towards getting the of self-dependent legal position. So these towns could to get right not to pay assessments to budget of zemstvo.

Key words: the town institutions of local governing.

СТАНОВЛЕНИЕ «КРИТИЧЕСКОГО МЕТОДА» В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ КИЕВСКОГО ПЕРИОДА)*

Аннотация: Статья П.И. Гайденко и Н.В. Постнова посвящена проблеме возникновения и оформления церковно-исторической школы в России во второй половине XIX в. Авторы статьи стремятся выявить наличие закономерностей в развитии исторических знаний в церковной науке в пореформенный период. Внимание исследователей привлекают вопросы возникновения в церковной исторической науке так называемого «критического метода».

Ключевые слова: Киевская Русь, Крещение Руси, Киевская митрополия, Русская Православная Церковь, история Русской Церкви, церковная историческая школа.

В своей работе, посвящённой русской духовной литературе первой половины XVIII в., П.Славучинский писал, что «литература, как выражение идей и своего времени, по справедливости должна быть названа зеркалом всякой исторической эпохи, которой она принадлежит по своему происхождению» [1, 128]. Можно лишь добавить, что она отражает не только время и его идеи, но и состояние того социального или религиозного института, да и собственно того общества в целом, в котором и для которого эта литература писалась. О необходимости различения направлений в историографии по истории Русской Церкви было сказано ещё в девяностые годы XX в. М.С.Корзуном, выделявшим в ней «религиозное и светское направления» [2, 4-9]. Между тем понимание того, что церковная литература по истории православия должна рассматриваться особо, хорошо осознавалось и ранее, в 60-70-е гг. XX столетия, правда, в указанные годы это связывалось с идеологическими процессами того времени. Мы думаем, специальное отдельное рассмотрение церковных исторических работ обусловлено рядом институциональных и мировоззренческих причин, позволяющих говорить об исследованиях, созданных внутри церкви или «околоцерковной среде», как об особом специфическом интеллектуальном явлении, а в ряде положений даже своеобразной «научной» школе или особой интеллектуальной традиции. Попытаемся выявить отличительные признаки церковных научных школ. Так, например, с точки зрения Г.П.Мягкова, при обозначении и исследовании неоднозначного и противоречивого при попытках выявления определяющих признаков феномена «научной школы» необходимо различать два основных подхода: структурный, при котором школа выступает как «неформальное объединение» исследователей в некоем научном идейном направлении, и «генетический», предполагающий «генетическую связь научного познания и образования», выражающуюся в установлении прямой преемственности между поколениями исследователей в передаче знаний, поддержании и развитии данного научного направления и его идеологии [3, 110-115]. При рассмотрении церковной науки мы имеем все эти признаки. Вводя категорию «научная традиция», мы предполагаем, что прямая генетическая связь между исследователями может отсутствовать, лишая их идейное единство преемственной стройности: учитель (лидер-основатель) – поколения учеников [3, 116]. В церковной среде эта связь чаще всего была сугубо условной. Именно поэтому в предпринимаемом исследовании мы вынуждены порой

* © Гайденко П.И., Постнов Н.В.

смешивать «школу» и «традицию», тем более, что с точки зрения самих церковных исследователей научная преемственность могла проявляться не в прямом научном руководстве, а лишь в одном только указании темы научного сочинения или же в посещении лекций любимого учёного [4, 107-108]. Впрочем, поднимаемая в предложенном абзаце тема требует самостоятельного диссертационного исследования.

Говоря о работах, созданных внутри церкви, нельзя не признать справедливое наблюдение С.В.Рыбакова, что эти исследования представляют собой оригинальную «православную интерпретацию русской истории». Обосновывая положение о том, что «православная интерпретация» заслуживает особого внимания С.В.Рыбаков выделил три основные причины этого: во-первых, православная интеллектуальная традиция «отражает не только религиозную догматику или обрядово-ритуальную систему, но и определённую форму мироощущения, отвечающую психологическому настрою тех, кто эту традицию принимает»; во-вторых, «в свете этого (религиозного – П.Г.) опыта история приобретает смысловые оттенки, о которых историки могут просто не догадываться»; в-третьих, «православие историософично по самой своей сути, поскольку нацелено на постижение смысла человеческого бытия, а значит – и смысла истории, её нравственно-этических уроков. Русская государственность и русская культура формировались под прямым воздействием православия» [5, 5]. Помимо всего, необходимо особо сказать об институциональной стороне церковных исследований. Специфические черты этих трудов также позволяют в ряде случаев квалифицировать церковные исследования, если и не как отдельную школу, то уж точно в качестве самостоятельной «научной» традиции. Как отмечала М.В.Нечкина, «в точном смысле слова «школа» может создаваться лишь на основе единой и ясной методологической концепции» [6, 222]. Впрочем, в отечественной историографии особо оговаривается школа Горского [7, 222; 4, 107-108]. Работы церковных авторов создаются в условиях достаточно жёсткой идейной цензуры, под непосредственным влиянием православных образовательных учреждений и духовных властей и рассматриваются церковью в качестве национально-религиозных и богословских сочинений. История Русской Церкви – это, прежде всего, направление в отечественной истории. Особенностью церковной истории был «критический морализм», смешивающий «реальное содержание» истории и её религиозно-этическую оценку [8, 35]. Проф. М.Э. Поснов и прот. Г. Флоровский недвусмысленно рассматривают церковную историческую науку, как науку богословскую [9, 332-451]. Излагая задачи и методы церковной истории, М.Э. Поснов писал: «Изображению церковной истории подлежит всё то, в чём выразилась и выражается жизнь общества Господня, именуемого Церковью, устрояющею вечное спасение людей. <...> Если светская, гражданская история имеет в виду земное, политическое, культурно-просветительное развитие народов (человечества), то церковная история изображает стремление людей к вечной, небесной цели – спасению их душ» [10, 13].

Как уже было отмечено, в церковных исследованиях преобладают нравственно-педагогическая и религиозно-догматическая оценки прошлого, превращая историю прежде всего в моральный урок. В целом для традиционного исторического знания естественно рассматривать нравственную характеристику прошлого, как «неотъемлемое право исторического знания» [11, 119; 12, 40-42], однако в церковной литературе эта историческая педагогика, стремящаяся соединиться с наукообразностью изложения, порой становится почти что самоцелью. Эта норма религиозного историзма принципиально отличается от главного правила научного историзма – максимальной беспристрастности суждений исследователя [13, 220-225]. И дело не только в том, что «этика постоянно уходит от полемики с сущим, от действительности» [14, 64], но и в

том, что «моральные суждения не переводимы на язык научных категорий» [14, 63]. В итоге возникающие церковные «научные» работы оказываются очень ограниченными в методах исследования и формах изложения исторического материала. В условиях обычной научной школы это обстоятельство наверняка было бы воспринято в качестве необоснованного консерватизма и недостатка, однако в церкви подобное изложение мысли может быть оценено если и не всегда, как достоинство, то наверняка, как своеобразие, выражающееся в верности уже имеющейся традиции.

В целом, с сожалением необходимо признать, со времён А.П. Лебедева, А.В. Карташева и прот. Георгия Флоровского [15, 396-433; 16, 298-321; 17, 12-39], если не считать сравнительно не так давно, в 1998 г., опубликованный в журнале Московской патриархии небольшой труд С.Г. Пушкарева по церковной историографии и очень краткий историографический очерк в нулевом томе Православной энциклопедии [18, 67-79; 19, 46-69; 20, 447-453], мы до сих пор не имеем максимально полного обобщающего исследования, посвящённого церковной историографии и церковно-исторической научной школе. К тому же все перечисленные работы в основном охватывают только наиболее известные общие сочинения по церковной истории, выпуская из вида источниковедческие исследования и громадное число научных статей в различных церковных журналах. Кроме этого существует серьёзная проблема в отождествлении тех или иных исследователей, занимавшихся изучением истории церкви (например, В.О. Ключевский, А.В. Карташев и др.), как церковных, гражданских или одновременно принадлежащих к двум перечисленным традициям. Можно лишь признать, что в церковном «научном» сообществе существует неповторимая интеллектуальная атмосфера, принципиально отличающаяся от той, которая свойственна традиционной науке [21, 267-271]. Возможно, именно по причине перечисленных факторов с сожалением приходится констатировать, что в современной исторической науке в целом сохраняется недопонимание и недооценка того интеллектуального наследия, которое нам оставили церковные образовательные центры. Так, например, в фундаментальной работе Л.П. Лаптевой «История славяноведения в России» среди множества образовательных центров бывшей российской империи почему-то никак не прослежена деятельность духовных академий [22]. Между тем в отношении XIX в. «несмотря на все различия в интересах, методах и подходах к исследовательской работе церковная и светская науки не были изолированы друг от друга» [7, 190]. А значит, вопрос об исследовании феномена церковной исторической школы и написании её истории по-прежнему остаётся открытым.

Формирование церковной исторической литературы по истории православия в России и развитие методов церковной исторической науки тесно связано со становлением в рамках академической учебной программы курса истории русской церкви. Именно с развитием духовного образования А.П. Лебедев связывал развитие церковной исторической мысли [15, 397-419.]. Этот процесс был обусловлен двумя факторами: во-первых, развитием системы духовного образования, ориентированного на религиозно-практические нужды Церкви и каноническо-догматические нормы жизни Русского православия и, во-вторых, возникновением в России различных исторических научных школ, несомненно, оказывавших влияния на умонастроения духовных образовательных корпораций. Можно заключить, что и этапы формирования курса, а вместе с ним и развития концепций, излагающих историю русской церкви, во многом, хотя и не во всём, повторяют те же периоды, на какие можно было бы разделить и историю высшего церковного образования в России с учётом развития русской исторической науки в целом.

Важнейший этап в развитии русской церковной исторической мысли тесно свя-

зан с великими реформами Александра II. Именно в этот период в российской церковной исторической науке утверждаются научные методы исследования источников. Необходимость в упорядочении научной и образовательной деятельности академий, которые к тому же продолжительное время оставались замкнутыми сословными заведениями, стала хорошо осознаваться в русском обществе уже в середине XIX в. [23, 838-848]. Несмотря на жёсткую дисциплину, царившую в духовных заведениях, академии и семинарии не были изолированы от процессов и настроений, господствовавших в университетской и гимназической среде [24, 451]. Реформа духовного образования 60-х гг. предполагала видеть в академии, прежде всего, не «воспитательное заведение», а учреждение «учебное», «учёное» и «административное» [25, 1-4, 84-85]. История русской церкви в этот период ещё считалась предметом новым и ещё недостаточно разработанным [26, 5]. Этому было множество причин: неустроенность высшего церковного образования и волюнтаризм высшего священноначалия делали курс обучения в академии перегруженным предметами [26, 5]. Что касается самого высшего духовенства, то оно было озабочено проблемами нежелательного в глазах большинства иерархов усиления университетского влияния на академии и стремлением сохранить религиозные учебные заведения как учреждения главным образом сугубо «духовные» и «церковные» [27, 35-52, 78-81]. Тем не менее, в своих мнениях, изложенных академическими корпорациями в адрес обер-прокурора Синода, в списках учебных дисциплин, рекомендованных в качестве «общеобязательных предметов», значилась и история русской церкви, для которой предполагалась особая кафедра [28, 310; 29, 461; 30, 627].

Не следует выпускать из внимания то обстоятельство, что именно в эти годы в России, как и вообще в Европе [31, 178-182], начинает пускать свои корни позитивизм, в дальнейшем нашедший своё выражение в том числе и в дореволюционной церковной историографии этого периода, а именно в работах Е.Е.Голубинского, В.О.Ключевского и А.В.Карташева, судьбы которых имели некоторое сходство. Первый из них после смерти митрополита Макария (Булгакова) за свои методы и выводы был подвергнут в церковной среде жесточайшей критике. Подобным же образом складывалась деятельность в Московской академии и у В.О.Ключевского, о котором нередко забывают, что он был не только гражданским, но и церковным историком. Учёный весьма почитался студентами московских духовных школ [32, 209], но, несмотря на это, также был уволен из академии [33, 23-29]. А.В.Карташев, не стал исключением и разделил судьбы своих предшественников [2, 33]. Большинство работ последнего получили свою наибольшую известность и признание только в период эмиграции учёного. Именно благодаря этим исследователям так называемый «критический метод» в научной церковной среде стал нормой. Влияние позитивизма тесно пересекалось с славянофильскими настроениями, нашедшими благодатную почву в церковной среде. В итоге в русском церковном научно-педагогическом сообществе царил своеобразная и по-своему неповторимая атмосфера.

Эпоха великих реформ Александра II охватила все стороны жизни российского государства. Серьёзные изменения, произошедшие тогда и в высшем духовном образовании (1869 г.), хотя в области церковно-научной они принесли свои положительные плоды, однако не всеми церковными деятелями были оценены по достоинству. Так, например, историк русского богословия прот. Георгий Флоровский не очень одобрительно отзывался о предпринимавшихся в тот период усилиях в области академического образования. Он был убеждён, что в 60-е гг. XIX в. «больше заботились о сближении с «миром»», а сама реформа «была разработана в духе того неопределённого гуманизма, каким окрашены и другие «великие реформы» тех лет» [9, 363-365].

Зачинателем этих преобразований, поставивших историю русской церкви на одно из самых высоких мест в духовном образовании, помимо протоиерея А. Горского может считаться и митрополит Макарий (Булгаков). Ещё в бытность своего преподавания в Петербургской духовной академии, он задумал и начал осуществлять труд, призванный максимально полно описать историю русской церкви. Поздний биограф митрополита особо отмечал, что для истории русской церкви сочинение Макария имеет такое же значение, что и труд С. М. Соловьёва [34, 34]. Маститому церковному историку удалось привлечь к написанию своего исследования максимальное для его времени число источников. К тому же Макарий смог представить и обосновать процесс распространения и утверждения христианства у восточных славян как органическое продолжение общеевропейской религиозной жизни. Это очень сильно отличало труд митрополита от работ его предшественников, в которых связь русского православия с Византией была по большей части «механической». Заимствовав у Филарета Гумилевского и Платона Левшина предложенную ими периодизацию истории Русской Церкви, Макарий пошёл дальше, обогатив своё сочинение параграфами, содержащими историографические и источниковедческие замечания.

Ранний период истории Русской Церкви (Киевский или Домонгольский) у Макария (Булгакова) занял два обширных тома [35; 36]. Хотя, как уже было сказано, использованные им временные рамки древнейшего периода Русской Церкви совпадали с теми, какие были введены Филаретом Гумилевским, но в отличие от последнего у Макария принятие Русью христианства предстало как сложный, многоэтапный процесс. 250-летний «киевский» период от Крещения Руси до нашествия монголов, Макарий хоть и представил в контексте русской истории, но подобно Филарету Гумилевскому связал с проблемой зависимости русской церковной организации от Византии, а не от политической ситуации на Руси. Идя далее своих предшественников, он разделил этот продолжительный этап на два периода. Рубежом стали события вокруг киевской митрополии в период святительства Климента Смолятича. Каждый из этих этапов церковный историк попытался представить в плоскости различных направлений церковной жизни: быт, нравы, церковное управление, богослужение, монастыри и т.д. В итоге церковная жизнь каждого из периодов представала почти неподвижной и статичной, что само по себе не вполне верно. Всё же ставить знак равенства или даже тождества в оценках политических процессов, религиозных интересов, нравов, форм и методов управления и т.д., которые бытовали в церкви и обществе в конце X в. и теми же проявлениями жизни в середине XII в. было бы большой ошибкой. Однако та полнота, с которой Макарий излагал материал, компенсировала этот недостаток.

Но здесь нельзя забывать о духовной и государственной цензуре в России, пренебрегать которой не мог даже высший иерарх церкви. Выбранная митрополитом форма изложения примиряла противоречивости реалий церковно-политических процессов древней Руси с теми апологетическими и педагогическими функциями, какие налагались религиозным сознанием на русскую церковную историю. В прошлом Руси желали видеть не исторический, а иконографический образ.

В дальнейшем, давая оценку плодам труда Макария (Булгакова) в области церковной истории, прот. Георгий Флоровский писал: «Это – история, написанная не историком. Историческому рассказу Макарий научился в процессе работы, и последние томы живее первых, но метода он так и не приобрёл» [9, 366]. Признавая порой избыточную фактологичность изложения [9, 366] первых томов, что в целом свойственно для церковных исследований, всё же трудно согласиться с о. Георгием, хотя бы потому, что Макарий был из числа начинателей, первопроходцев, да собственно и задуманный им труд должен был совместить историческое повествование с энциклопеди-

ческой разработанностью каждого отдельно взятого фрагмента этой истории. К тому же главными критиками Макария были выходцы Московской духовной академии, для которой известный церковный исследователь был чужим, будучи выпускником другой конкурирующей духовной школы, Киевской академии, и не принадлежал к числу последователей Филарета Гумилевского. Вероятно, что и предложенные Макарием подходы не вполне вписывались в традиции, заложенные архиепископом Филаретом и о. А. Горским. Макарий излагал свою историю в контексте церковно-политическом в то время, как питомцы Московской академии, как бы сейчас сказали, в «культурологическом». К сожалению, необходимо отметить, что Макарий, в отличие от своего друга и оппонента Е.Е. Голубинского, буквально ворвавшегося в историю русской исторической науки, не относился к числу наиболее цитируемых церковных авторов. Собственно и в самой церковной среде Макария более оценили за его богословские и проповеднические труды. Лишь в последние годы в научном сообществе стал проявляться интерес к его фундаментальному сочинению. Преемником святителя-историка небезосновательно может считаться Е.Е. Голубинский.

Начало научного восхождения Е.Е. Голубинского пришлось на закат жизни митрополита Макария. Голубинского причисляют к ученикам прот. А. Горского [37, 10-11], но подходы к изучению истории церкви в древней Руси и методы, к которым прибегал учёный, его более роднили всё же не со школой Филарета и о. Александра, а с митрополитом Макарием, который, к сожалению, своей школы так и не создал. Последний был одним из живейших критиков Голубинского и вместе с тем едва ли не единственной поддержкой в церковной преподавательской корпорации [37, 15]. Несмотря на необычайно высокий авторитет Голубинского в среде самих академистов и части гражданских профессоров [38, 229], со стороны той половины преподавательского коллектива академии, которая была облечена священным саном, труды и научный скептицизм учёного вызывали дружное порицание и ревностное осуждение. Между тем Е.Е. Голубинский едва ли может быть отнесён к представителям скептической школы, основывавшей свои положения на крайнем недоверии к источникам и историографическим мнениям. Его скептицизм имел свою опору не в недоверии к церковному источнику вообще, а в ином: в отстаивании приоритета исторической истины в русской церковной истории перед истиной идеологической. Перед Голубинским стояла сложнейшая задача разрушения исторических церковных мифов, имевших своё основание не в источниках, а в домыслах, но при этом домыслах, вошедших в повседневность российской истории. Несомненно, это был «неблагодарный» труд. Пока был жив Макарий (Булгаков), научный авторитет и сан которого способны были закрыть рты «ревнителей благочестия в истории», молодому исследователю ничто не угрожало. Но как только со смертью в 1882 г. митрополита Макария Голубинский лишился покровительства омофора, уже на следующий, 1883 г., оппоненты добились того, что Голубинскому запретили издаваться [37, 17-20]. Только в конце жизни, благодаря поддержке друзей и коллег из академии наук учёный был реабилитирован: удостоен звания академика, а его труды были переизданы. Но заслуга за это принадлежала светским, а не церковным исследователям.

История церкви в древней Руси стала основной сферой научных интересов Голубинского. Наиболее известными работами этого исследователя стали его «Опыт полного жизнеописания» Кирилла и Мефодия, «История Русской Церкви», первая часть которого собственно и стяжала Голубинскому славу выдающегося учёного и, наконец, «История канонизации святых в Русской Церкви», публикация которой вызвала наибольшее и при том с научной точки зрения совершенно необоснованное раздражение в церковной преподавательской среде.

Семидесятые годы XIX столетия были отмечены выходом целого ряда работ, посвящённых истории Русской Церкви древней Руси и Киевской Руси в частности. Одними из таких оригинальных сочинений стала магистерская работа Н.Ф.Каптерева «Светские архиерейские чиновники в древней Руси» [39], вышедшая под цензурой прот. А.Горского, и сочинение И.Малышевского «Евреи в южной Руси и в Киеве в X-XII в.» [40]. Основное содержание указанной книги Н.Ф.Каптерева, впрочем, как большая часть его научного наследия, было посвящено московскому периоду истории Русской Церкви [41, 90-91], однако те замечания, какие он сделал в отношении киевского периода, оказались не менее значимыми. Учёный высказал идею постепенного, самобытного, эволюционного развития епархиального управления в домонгольской Руси. Не менее важным было то, что Н.Ф.Каптерев связывал процесс формирования церковного управления у восточных славян не с греческим влиянием, а с местными политическими процессами. Казалось бы, очевидное несоответствие форм и методов управления церковью, которые существовали у восточных славян и греков, не могли быть не замечены. Однако прежде в церковных трудах эта проблема так не обозначалась. Наглядным было и то обстоятельство, что церковное управление на Руси было тесно связано с княжеской властью. Тем не менее, вопрос о возможности признания решающего влияния политических процессов, происходивших на Руси, на местную церковную жизнь, почему-то не ставился. В таком виде, да ещё и публично, до Н.Ф.Каптерева в церковной научной среде эти проблемы не формулировались. Со временем жизненная смелость и научная принципиальность привели учёного к конфликту с К.П.Победоносцевым, подвергшим Н.Ф.Каптерева политической и церковной опале [41, 90-91]. Возникновению противоречий Каптерева с обер-прокурором немало способствовало то, что он был учеником Голубинского [37, 17]. Не менее оригинален был И.Малышевский, рассмотревший русско-хазарские и русско-еврейские связи в контексте политической и религиозной истории. И хотя выводы И.Малышевского носили явно антисемитский характер [40, 503-504], признание сложности и неоднозначности начальной христианской жизни на Руси, обусловленной к тому же множеством влияний, среди которых было и иудейское, было важным показателем развития научного исторического знания в церковной среде.

В эти же годы, в 1877 г., посмертно публикуется работа П.М.Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви» [42]. Это обширное справочное издание охватывало историю высшей церковной иерархии Русской Церкви. Начало работы было положено П.М.Строевым ещё в 30-х гг. XIX в. Учёный полагал, что ему удастся завершить свой труд в кратчайшие сроки, однако исследование растянулось почти на долгих 40 лет. Очень важно заметить, что настоятели монастырей рассматривались как представители высшей церковной власти. Эта позиция не лишена основания. Действительно, особенно в домонгольской Руси, положение игуменов монастырей было столь высоко, что их власть и влияние на княжескую власть едва ли в чём уступали епископской власти, а в Киевской Руси и превосходили её. П.М.Строев был выпускником Московского университета. Главные заслуги учёного были связаны с результатами его археографических исследований [43, 390-392.]. Для нас особенно интересно то, что С.М.Строев занимался проблемами церковной истории, будучи светским исследователем и к преподавательским корпорациям духовных академий не принадлежал.

Здесь необходимо остановиться на причинах возникновения интереса к церковной истории за пределами церковной корпорации. Скорее всего, это связано с определёнными социо-культурными процессами, протекавшими в российском обществе в пореформенный период. Одним из последствий Великих реформ, стало размывание

сословных границ. Разумеется, это явление не могло не затронуть и духовное сословие. Всё больше и больше выпускников духовных семинарий и академий вливались в студенческие и преподавательские корпорации университетов, находили себя не на церковном, а на государственном поприще. Покидая стены синодальных учебных заведений, они не могли автоматически оставить сформировавшиеся там специфический научный опыт, систему ценностей и способ мировосприятия. Это неизбежно сказывалось и на выборе тем их научных работ и направлений исследований. Здесь представляется типичной научная и служебная карьера выпускника КазДА, профессора Казанского университета, Н.Я. Аристов. Его первые научные работы, написанные ещё в стенах духовной академии, были посвящены источникам по истории церкви в древнерусский период [44; 45; 46]. В университете же, сменив направление научного поиска, он избирает своей темой историю промышленности в Древней Руси, сохраняя, при этом, методологические принципы анализа исторических источников сформировавшиеся у Аристова за годы его обучения и преподавания в духовной академии. Не менее интересно и то обстоятельство, что те ранние, посвященные древнерусскому летописанию статьи Н.Я. Аристова были изданы отдельным томом в Санкт-Петербурге в частной типографии через почти три десятилетия после их создания, что свидетельствует о всёвозрастающем интересе к церковной истории в среде гражданских историков [47].

В этот период продолжается активная работа над источниками по истории Русской Церкви. Начало этим трудам было положено усилиями прот. А.Горского. Одним из примеров продолжения работы в области церковного источниковедения стало обширное исследование В.Малинина по описанию Златоструя по рукописи XII в. из императорской публичной библиотеки [48].

Ещё одним важным направлением церковной исторической науки становится история русской апологетики. В 1867 г. иеромонахом Августином (Гуляницким), в дальнейшем епископом Екатеринославским и Таганрогским [49, 111], была написана большая работа по полемическим антилатинским и противоиудейским сочинениям древней Руси [50, 352-381; 51, 461-521]. К сожалению, в дальнейшем богословские и научные интересы этого, безусловно, талантливого учёного, придерживавшегося, по мнению Б.К.Кнорре и А.А.Плетнёва, «научно исторического подхода» [49, 111], никак не были связаны с проблемами христианства у восточных славян. В своём исследовании иером. Августин сумел не только систематизировать первые русские полемические сочинения, но и связать их богословское содержание с религиозными и политическими событиями средневековой Европы и Киевской Руси. Между тем принятое исследование имело не только научно-исторический, но и полемический характер, направленный против «заблуждений», «латинской ереси» и «иудейства», что вполне соотносилось с духом времени и нормами написания богословских работ в XIX в. Кроме этого выбранная проблема соответствовала роду научных интересов иеромонаха Августина, «обличительному богословию», кафедре которого он занимал в Киевской духовной академии, будучи на тот момент экстраординарным профессором.

Как мы уже указывали выше на примере Аристова, в отношении ряда учёных пореформенной России очень трудно формально и в месте с тем однозначно определить их институциональную принадлежность: церковную или гражданскую. Как нам видится, наиболее ярко эта проблема обозначилась в отношении В.О.Ключевского.

В период преподавания выдающегося учёного в стенах духовной академии его главные интересы были сосредоточены на проблемах жизни церкви в древней Руси. Пожалуй, важнейшей работой В.О.Ключевского в отношении церковной истории ста-

ло его исследование русской агиографии.

В.О.Ключевский рассмотрел жития святых именно как исторический, а не литературный источник. Характеризуя этот замысел русского историка, М.В.Нечкина писала: «Говорить об историческом источнике означало прежде всего ставить проблему о точности отражения им исторической действительности, о правдивости изображения в нём исторического факта. Ключевский решил эту проблему в основном отрицательно» [6, 149.]. Тем не менее, ситуация, складывавшаяся вокруг его исследований была сложной: «Ключевский не хотел «ссориться» с церковным миром, но никак не мог отступить от истины» [6, 160]. В дальнейшем это недопонимание научной позиции Ключевского со стороны академического начальства привело учёного к отставке и уходу из высшей духовной школы.

В настоящей статье мы не ставили перед собой цели полного описания церковной историографии по вопросам становления церкви в Киевской Руси. Тем не менее, можно констатировать, что во второй половине XIX в. история церкви начинает рассматриваться как составная и неотъемлемая часть истории России. Особые социокультурные процессы, участниками которых становились и члены духовного общества, способствовали, хотя в ряде случаев и не без ущерба для учёного, более широкому применению в научной работе церковных исследователей «критических» методов. Даже такое краткое обозрение работ, созданных в духовных научных корпорациях или под их влиянием, ставит множество задач по дальнейшему исследованию литературы, созданной представителями церковных образовательных сообществ. Как мы думаем, разрешение этих затруднений позволит лучше осознать и оценить роль церковных авторов в формировании интеллектуального наследия России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Славучинский П. Русская духовная литература первой половины XVIII века и её отношение к современности (1700-1762 гг.) // Труды Киевской Духовной Академии, 1878. №4. С. 128-190.
2. Корзун М.С. Русская Православная Церковь: Деятельность и мировоззрение (X век – 1988 год). Специальность – 07.00.02. – отечественная история: Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук в форме научного доклада М. С. Корзун. Минск, 1993. 50 с.
3. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г. П. Мягков; науч. ред. В. Д. Жигунин. Казань, 2000. 298 с.
4. Зорина А.А. Византийское наследие в искусстве средневековой Руси: Отечественная историография второй половины XIX – начала XX веков / А. А. Зорина; науч. ред. Г. П. Мягков. Казань, 2005. 188 с.
5. Рыбаков С. В. Православная интерпретация русской истории в отечественной историографии. Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук / С. В. Рыбаков. – Екатеринбург, 2007. 54 с.
6. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества / М. В. Нечкина. М., 1974. 638 с.
7. Геннадий (Гоголев), архим. Великан учёности. Жизнь и труды протоиерея Александра Васильевича Горского (1812-1875) / архим. Геннадий (Гоголев). М., 2004. 233 с.
8. Кожин В.В. История Руси и русского Слова: (Опыт беспристрастного исследования) / В. В. Кожин. М., 1999. 480 с.
9. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия / прот. Георгий Флоровский. Вильнюс, 1991. 602 с.
10. Поснов М.Э. История Христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.) / М. Э. Поснов. Киев, 2007. 614 с.
11. Барышков В.П. Ценностные ориентации в исторической науке // Человек науки и научно-технический прогресс: Межвузовский научный сборник / отв. ред. В. П. Каратоев. Саратов, 1990. С. 116-120.
12. Али-Заде А.А. Границы науки: о возможности альтернативных моделей познания. Научно-аналитический обзор / А. А. Али-Заде; отв. ред. В. С. Швырев. М., 1991. 48 с.
13. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / Поль Вен; пер. с франц. Л. А. Торчинского. М., 2003. 394 с.

14. Дубко Е.А. Мораль как предрассудок // Вестник Московского университета: Серия 7: Философия. 2001. № 1. С. 61-73.
15. Лебедев А.П. Церковная историография в главных её представителях с VI до XX в. / А. П. Лебедев; редактор текста М. А. Морозов; вступ. статья И. В. Крившуна. СПб., 2001. 476 с.
16. Лебедев А.П. Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России (Вступительная лекция по «Истории церкви», прочитанная в Московском Университете 11-го октября 1895 года) // Богословский Вестник, 1895. декабрь. С. 289-321.
17. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т.: Т. 1.: Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташев. М., 1992. 686 с.
18. Пушкарёв С.Г. Историография Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии, 1998. № 5. С. 67-79.
19. Пушкарёв С.Г. Историография Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии, 1998. № 6. С. 46-69.
20. Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь / под. ред. патр. Алексия II. М., 2000. 656 с.
21. Гайденок П.И. К вопросу о статусе церковной исторической школы в современной исторической науке // Философия и методология истории: Сборник научных статей II Всероссийской научной конференции (Коломна, 17-18 мая 2007 г.) / отв. ред. Калашников С.Г. Коломна, 2007. С. 267-271.
22. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. / Л. П. Лаптева. М., 2005. 848 с.
23. Базаров И. Взгляд на мнения по поводу ожидаемого преобразования духовных академий // Христианское чтение, 1867. Ч. 1. С. 838-848.
24. Смолич И.К. История Русской Церкви (1700-1917) / И. К. Смолич. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. 800 с.
25. Проект устава православных духовных академий. СПб., 1867. 140 с.
26. Объяснительная записка к проекту устава духовных академий. СПб., 1868. 54 с.
27. Замечания на проект Устава духовных академий. СПб., 1868. 98 с.
28. Мнения С.-Петербургской и Московской Духовных Академий относительно преобразований Академий // Христианское чтение, 1867. Ч. 2. С. 273-345.
29. Мнение Киевской Духовной Академии относительно преобразований Академий // Христианское чтение, 1867. Ч. 2. С. 460-470.
30. Соображения конференции Казанской Духовной Академии о преобразовании Академии // Христианское чтение, 1867. Ч. 2. С. 610-648.
31. Репнина Л.П. История исторического знания / Л. П. Репнина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М., 2004. 288 с.
32. Глубоковский Н.Н. За тридцать лет (1884-1914 гг.) // Церковно-исторический вестник, 1999. № 2-3. С. 205-218.
33. Голубцов С. Московская Духовная академия в эпоху революций: академия в социальном движении и служении в начале XX века. По материалам архивов, мемуаров и публикаций / С. Голубцов. М., 1999. 256 с.
34. Русский биографический словарь: в 20 т. Т. 10: Маак – Мячиков / сост. П. Калинин и И. Корнеева. М., 2001. 432 с.
35. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: история христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви / митр. Макарий (Булгаков), науч. ред. С. А. Беляев. М., 1994. Кн. 1. 408 с.
36. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988-1240) / митр. Макарий (Булгаков), науч. ред. А. В. Назаренко. М., 1995. Кн. 2. 704 с.
37. Полунов А.Ю., Соловьёв И.В. Жизнь и труды академика Е.Е.Голубинского / А. Ю. Полунов, И. В. Соловьёв. М., 1998. 254 с.
38. Глубоковский Н.Н. С.-Петербургская Духовная Академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы // Церковно-исторический вестник, 1999. № 2-3. С. 219-243.
39. Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в древней Руси / Н. Каптерев. М., 1874. 237 с.
40. Малышевский И. Евреи в южной Руси и в Киеве в X-XII веках // Труды Киевской Духовной Академии, 1878. июнь, № 6. С. 565-602.; сентябрь, № 9. С. 427-504.
41. Русский биографический словарь: в 20 т. Т. 8: Кабановы – Косой / сост. П. Калинин и И. Корнеева. М., 1999. 464 с.
42. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви / П. М. Строев. М., 2007. 584 с.
43. Русский биографический словарь: в 20 т. Т. 14: Сигизмунд – Сютаев / сост. П. Калинин и И. Кор-

- неева. М., 2001. 480 с.
44. [Аристов Н.Я.] Взгляд древних русских летописцев на события мира // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1859. ч. 2 май. С. 45-66; август. С. 414-446.
 45. [Аристов Н.Я.] Обзор русских летописей в содержании и характере их преимущественно церковно-историческом // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии, 1860 ч.1, апрель. С. 385-440; ч. 2, май. С. 46-74; июнь. С. 177-201.
 46. Аристов Н.Я. Взгляд на церковно-историческое содержание русских летописей // Дух христианина, 1861-1862. октябрь, отд. I. С. 92-120; ноябрь. С. 171-202.
 47. Аристов Н.Я. Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. СПб. изд. В.К. Симанского, 1888.
 48. Малинин В.В. Исследование Златоструя по рукописи XII в. императорской публичной библиотеки // Тр. КДА, 1878. – июнь-ноябрь.
 49. Православная энциклопедия: А – Алексей Студит / под. ред. патр. Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2001. Т. 1. 752 с.
 50. Августин, иером. Полемические сочинения против латинян, писанные в русской церкви в XI и XII в. – в связи с общим историческим изысканием относительно разностей между восточною и западною церковью // Труды Киевской Духовной Академии, 1867. Т. 2. С. 352-381.
 51. Августин, иером. Полемические сочинения против латинян, писанные в русской церкви в XI и XII в. – в связи с общим историческим изысканием относительно разностей между восточною и западною церковью // Труды Киевской Духовной Академии, 1867. Т. 3. С. 461-521.

P. Gaidenco, N. Postnov

THE USE OF THE "CRITICAL METHOD" IN CHURCH HISTORIOGRAPHY: HISTORIOGRAPHICAL SKETCHES ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN CHURCH OF KIEVAN PERIOD

Abstract: The essay of P.I. Gaidenko and N.V. Postnov is devoted to the rise and formation of the clerical historical school in Russia in the second half of the nineteenth century. The authors of the essay strives to show the presence of regularity in the development of the study of history among clerical academics in late Imperial Russia. They are particularly interested in questions concerning to the church historical science the so-called "critical method".

Key words: Kiev Russia, the Christening of Russia, Kiev metropolis, Russian Orthodox Church, history of the Russian Church, clerical historical school.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА И ВОСПРИЯТИЯ УЧЕНИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО В РОССИИ*

Аннотация: В статье священника Г. Ореханова рассматривается проблема восприятия учения Л.Н. Толстого в России в последней четверти XIX века. Автор показывает, что доктрина Л.Н. Толстого явилась результатом взаимодействия объективных факторов, отражавших общий кризис духовности в русской культуре. Религиозное творчество писателя анализируется в рамках бинарной оппозиции «Л. Толстой – Ф. Достоевский».

Ключевые слова: христианство, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, восприятие.

В современной российской действительности, когда приходится констатировать рост интереса к проблемам, имеющим религиозоведческий или теологический контекст, часто приходится сталкиваться с двумя крайностями, связанными с проблемой восприятия религиозного наследия Л. Н. Толстого. Либо философское творчество писателя признается христианским и даже православным по своему содержанию, и тогда возникает вопрос, почему же Церковь не признает его «своим». Либо, наоборот, признается, что оно не несет в себе никакой религиозной основы, и тогда делается вывод, что для христианской науки оно не представляет никакого интереса. Очевидно, последний вывод делается в значительной степени под влиянием синодального определения 20 – 22 февраля 1901 г., констатирующего фактическое отпадение писателя от Церкви.

Творчество Л. Толстого было попыткой ответа на вопрос о месте в современной культуре религиозного мировоззрения. В произведениях Л. Н. Толстого этот вопрос поставлен предельно остро: какую роль в жизни современного цивилизованного человека занимает Церковь, ее учение, богослужение, социальная активность? Во что верит современный человек, и верит ли он во что-нибудь? Таким образом, конфликт между Л. Толстым и Русской Православной Церковью воспринимался в очень широком культурно-историческом контексте – это было своеобразное всероссийское «прение о вере», включавшее в себя и догматические, и нравственные, и даже бытовые аспекты.

Это «прение» проходило на фоне сложного взаимодействия трех религиозных «парадигм», которые обусловили саму природу противостояния Л. Толстого и Церкви: это учение самого писателя, которое он квалифицировал как истинное христианство и даже в некотором смысле прахристианство и которое по своему содержанию очень близко учениям сектантов рационалистического толка, являясь акцентировано – антицерковным; это размытые и неопределенные религиозные представления «образованного меньшинства», интеллигенции, которые, конечно, трудно представить в виде некоторой модели, но которые были обусловлены рядом конкретных исторических и культурных обстоятельств; наконец, это парадигма «государственного христианства», которая сложилась в России в XIX веке и которая является характерным порождением т. н. синодального периода русской церковной истории.

Хотя первые две парадигмы очень различны по происхождению и содержанию, они связаны между собой в первую очередь тем, что возникают в условиях религиоз-

* © Ореханов Ю.А.

ного вакуума, который характеризует общественно-историческую ситуацию в России во второй половине 1870-х годов и который можно назвать своеобразным переломом русской культурно-исторической жизни. Этот вакуум, в первую очередь вакуум мышления, был результатом разочарования в идеях «шестидесятников» и носил тотальный характер, поэтому одной из важнейших научных задач становится выяснение вопроса, насколько религиозные представления Л. Толстого определялись поисками выхода из этого идейного тупика.

Еще до революции 1917 г. русская общественная мысль осознала особый смысл исторической миссии писателя: «Толстой не создал ничего положительного ни в области теоретической мысли, ни в области морали. Но деятельность его и в той и другой области имела громадное, исключительное значение. Толстой неожиданно встал перед Европой во весь свой гигантский рост и властно спросил «одуревших» от успеха внешней культуры людей о том, что, казалось, они должны были знать прежде всего: зачем они живут?» [9, 21 - 22].

Именно поэтому исследователя истории русской Церкви сегодня должен интересовать в первую очередь Л. Толстой как исторический факт, уникальный феномен русской истории, великое испытание русской церковной жизни, проявление своеобразного религиозного кризиса. Современный норвежский исследователь П. Колсто убедительно показывает, что Л.Н. Толстой был своеобразной доминантой исследований в научной и полемической православной богословской литературе и в православных средствах массовой информации – в начале XX века только авторы, позиционирующие себя сторонниками Православной Церкви, выпустили в свет в общей сложности 85 книг и брошюр и 260 статей против Л. Толстого [14, 305].

В своих квазифилософских сочинениях писатель ставит религиозную проблему во всей ее обнаженной определенности, глубине и неизбежности: зачем живет современный человек, почему он не хочет честно признать, что в контексте его грядущей смерти, полного уничтожения его телесной оболочки, более того, весьма вероятного уничтожения жизни на земле, которое уже предсказывала, пока очень осторожно, современная Толстому наука – все восхищение прогрессом, достижениями цивилизации и искусства представляется фантомом, грубым и примитивным самообманом, попыткой забыться или просто не задумываться над единственной важной проблемой человеческой жизни.

С другой стороны, писатель категорически отрицает, что тот ответ на поставленный о смысле жизни вопрос, который дает историческое христианство, может современного европейца удовлетворить. Именно поэтому в его трактатах присутствует тотальное отвержение всех основных догматов христианской веры.

Любому исследователю следует отдавать себе отчет в том, что собой представлял т.н. кризис или духовный переворот Л. Толстого. А. В. Гулин совершенно справедливо подчеркивает, что в творчестве Л. Толстого была реализована «целостная религиозно-философская программа», неизменная во времени, хотя и сопровождавшаяся некоторыми поправками [5, 10]. Другими словами, кризис Толстого на самом деле был не столько кризисом веры, кризисом мировоззрения, сколько актом самоопределения по отношению к традиционному пониманию Евангелия и традиционным евангельским ценностям, причем сам этот процесс нравственно-религиозного самоопределения начался очень рано в жизни писателя – как отмечает другая исследовательница, Г. Я. Галаган, еще в 1856 г., т.е. задолго до кризиса, Л. Толстой размышляет над проблемой возрождения мира к миру и свободе [4, 21]. Таким образом, в значительной степени духовный переворот Л. Толстого был отражением тех сложных общественных процессов, которые проходили в русской культуре во второй половине

XIX века.

Принципиально новый этап в развитии западноевропейской мысли XVIII – XIX вв. знаменовался рождением «нового» христианства, в котором отсутствуют элементы мистики и догматики, а акцент ставится на социально-нравственных аспектах. Для этого исторического явления характерен своеобразный антропологический сдвиг: в центре истории и культуры теперь стоит не Богочеловек, а человек, призванный к ангелоподобной красоте и нравственному совершенству. Таким образом, в целом в секулярной культуре происходит трансформация в понимании Евангельского образа Господа по следующей схеме: Богочеловек – «очеловеченный Христос» (положительно прекрасный) – человек Христос – мертвый Христос (натурализм смерти и страданий, знаменующий потерю веры, о чем часто говорят герои Ф. М. Достоевского) – человек-бог (*homo divinus*). Каждый элемент этой схемы, кроме первого, может быть назван «виртуальным ликом» Христа [10, 168], т.к. он представляет ложный, искушающий, соблазняющий образ, совершенно не соответствующий духу Евангелия.

Следует заметить, что идея «человек Христос» получила совершенно неожиданное развитие именно на русской почве: характерно, что в одном из разговоров с Достоевским В. Г. Белинский признает, что если бы «в наше время» появился Христос, он непременно «примкнул к социалистам и пошел за ними» [7, 11]. Здесь мы также видим опыт «исправления» церковного образа Христа, о котором пишет в «Вехах» С. Н. Булгаков и начало которому в русском XIX веке положил именно В. Г. Белинский: в известном письме Н. В. Гоголю он утверждал, что Христос не имеет ничего общего с Православной Церковью, но первый провозгласил людям учение свободы, равенства и братства, т.е. был первым социал-демократом [2, 60]. Именно поэтому С.Г. Бочаров указывает, что здесь речь должна идти о «новом христианстве» 1830 – 40-х годов, «политическая религия» которого «стала бродилом метаморфоз Христова образа в XIX в., в том числе в России» [1, 95]. Таким образом, идея «человек Христос» получает «социальную составляющую».

В наиболее полном виде проблема поиска образа Христа в русской литературе XIX века была поставлена в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Именно они со всей остротой поставили вопрос о личной ответственности перед Богом – инициатива, которая в решающей степени способствовала духовному пробуждению в русской «мнимокультурной» среде [3, 290].

Очень характерно, что в то время как перелом Л. Толстого привел к появлению ряда антицерковных и антихристианских по своему содержанию и пафосу произведений, Ф. М. Достоевский практически в то же время создает свои романы «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы», в которых предпринимается попытка художественными методами проблематизировать важнейшие вопросы христианского богословия. Интересно, что к этому же периоду относятся и философские опыты В. С. Соловьева – «Чтения о Богочеловечестве».

Л. Н. Толстой исходит из того факта, что христианское учение не может противоречить разуму, здравому смыслу – с его точки зрения, образованный человек XIX века просто не может верить в то, чему учит Церковь; на этом принципе построена вся критика догматического учения Церкви Л. Толстым. По его мнению, истина кардинально отрицает церковное понимание Христа и христианства. Таким образом, для Толстого проблема «Христос и истина» имела принципиальное значение, но эта оппозиция была им отвергнута, разрушена в пользу истины. Складывается впечатление, что Толстой, которому, по его собственному признанию, дороже всего в жизни всегда была именно истина, не выдержал испытание «горнилом сомнений» и создал свой собственный утопический рецепт спасения всего человечества через разумение

истины, которое приведет к знаменитому неделанию глупостей, провозглашенному в трактате «В чем моя вера?», и построению на земле Царства Бога – Отца: «Учение Христа имеет глубокий метафизический смысл; учение Христа имеет общечеловеческий смысл; учение Христа имеет и самый простой, ясный, практический смысл для жизни каждого отдельного человека. Этот смысл можно выразить так: Христос учит людей не делать глупостей. В этом состоит самый простой, всем доступный смысл учения Христа» [11, 423].

Взгляды Ф. М. Достоевского на эту проблему фактически были ответом на вопрошание Л. Толстого, на вопрошания, которые Достоевскому еще не могли быть известны. Именно поэтому так продуктивно рассмотрение оппозиции «Толстой – Достоевский»: ее содержание в значительной степени отражает указанные тенденции в русской культуре.

Вся жизнь Достоевского проходит в размышлениях над вопросом, который был так актуален и для Л. Толстого: «возможно ли веровать?», «возможно ли серьезно и вправду веровать?», «можно ли веровать, быв цивилизованным, т.е. европейцем? – т.е. веровать безусловно в божественность Сына Божия Иисуса Христа? (ибо вся вера только в этом и состоит)», наконец, «можно ли веровать во все то, во что православие велит веровать?» [6, 178 – 179]. В одном из своих писем Ф. М. Достоевский говорит, что самый главный для него вопрос – как заставить интеллигенцию согласиться с христианством: «Попробуйте заговорить: или съедят, или сочтут за изменника» [8, 236].

Таким образом, оба писателя решали важнейший, принципиальный вопрос: о месте христианства в жизни человечества в конце XIX века, о его соотношении с культурой и современным научным знанием. На рубеже 70-х годов XIX века Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский размышляли над одними и теми же проблемами и, как можно показать, их размышления строились по одной и той же схеме.

Важно отчетливо понимать, что религиозная проблематика воспринималась обоими авторами в очень сложном и широком культурном контексте – это поиски Бога и веры на «перекрестке человеческой свободы», т.е. попытка понять, как в Божественном замысле о человеке могут сочетаться природная свобода человека и эмпирическая его неволя, рабство, причем это рабство может распространяться и на себя, и на других [12, 110]? В конечном итоге здесь угадывается антиномия «личности» и «среды», проблема степени власти зла, в том числе и социального, над человеческой душой.

Именно поэтому можно утверждать, что их творчество есть решительный поворот русской мысли в сторону религиозной проблематики. Конечно, не всей русской мысли, но здесь важно подчеркнуть другое: тот вакуум, который возник в сознании образованного человека в результате разрушительной работы нигилизма, с начала 80-х годов XIX в. постепенно заполняется. Именно в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского было показано, что нигилизму и позитивизму в жизни, науке и культуре имеется альтернатива, и такой альтернативой является религиозное мировоззрение. Кроме того, в их творчестве был подвергнут своеобразному творческому анализу вопрос о месте Православия в русской культуре и в мировоззрении образованного человека начала XX века. И именно на почве этого анализа писатели приходят к радикально противоположным выводам: для Л. Толстого Церковь – тормоз в развитии человечества на пути прогресса, для Ф. М. Достоевского – главная святыня русского народа. Осознавая, что в произведениях Ф. М. Достоевского проблема атеизма поставлена с особой глубиной и даже своеобразной убедительностью, полнотой и силой, мы должны согласиться с выводом прот. Г. Флоровского: это была предельная чест-

ность исследователя, стремление сознательно довести анализ до решающих глубин, чтобы иметь право в финале показать всю обманчивость атеистического мировоззрения. Неверие не может быть преодолено только логическими аргументами, а только опытом личной встречи с живым Богом – Истиной [10, 114].

В этом смысле можно согласиться с выводами немецкого исследователя М. Дерне: великих русских писателей роднит глубокая вера в то, что актуальный статус современного общества, его «духовная саморефлексия», далеки от истинного человеческого существования. Это рождает в творчестве каждого из них принципиальный протест против существующей общественной и духовной действительности, протест, который фактически приобретает характер бунта, имеющего религиозную окраску. Оба писателя на собственном тяжелом жизненном опыте почувствовали пропасть между истинным человеческим бытием и пораженными до самых глубин духовными и социальными принципами современного им общества. Этот разрыв не может быть преодолен на путях эстетизма или романтизма, а только на пути глубокого и неразрушимого доверия к потенциально возможному восстановлению истинного человеческого бытия, доверия, которое выросло в тяжелых сомнениях и имеет сугубо религиозные корни: человек, несмотря на все испытания и ошибки, принадлежит Богу.

Но именно здесь пути Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского начинают расходиться, и довольно существенно: если Толстой полагает, что послушание Богу является общечеловеческим достоянием, общей принадлежностью и христианства, и нехристианских религий, то Достоевский настаивает, что оно достижимо только через Христа [13, 158 - 159].

Таким образом, творчество Л. Н. Толстого является отражением кризиса духовности и попыткой заполнить мировоззренческий вакуум в сознании интеллигенции, образовавшийся в результате глубокого религиозного разочарования в идеологии «шестидесятничества». Хотя выступление Л. Толстого было настоящим бунтом против Церкви, но в этом бунте содержался ответственный для Церкви вызов. Именно антигосударственный и антицерковный характер учения Л. Толстого, его нигилистический пафос, а не религиозное содержание, является одной из главных причин ее популярности: этика и метафизика писателя оставляли его читателей совершенно равнодушными. Однако этот нигилистический пафос должен пониматься правильно: здесь важно не только отрицание, но и общие эстетические установки, чувство восхищения перед «ясновидцем плоти», для которого нет тайн в человеческой душе и который с беспощадностью варвара срывает с нее маски, рожденные псевдокультурой. И ответ на этот вызов великого художника мог дать только великий художник: именно так в русской культуре рождается столь плодотворная и значимая «бинарная оппозиция» Л. Н. Толстой – Ф. М. Достоевский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бочаров С. Г. Пустынный сеятель и Великий инквизитор // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2007.
2. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990 [репринт издания 1909 г.].
3. Булгаков С. Н. Л. Н. Толстой // Русские мыслители о Льве Толстом. Сборник статей. Ясная Поляна. 2002.
4. Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л., 1981.
5. Гулин А. В. Л. Н. Толстой: Духовный идеал и художественное творчество (1850-1870-е годы): Автореферат диссертации...д.ф.н. / РАН. Ин-т мировой литературы им. А.М.Горького. М., 2004.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. 1972—1990. Л., Т. 11. 1974.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972—1990. Л., Т. 21. 1980.

8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972—1990. Л., Т. 30. 1990.
9. Свенцицкий В. Положительное значение Льва Толстого (К восьмидесятилетию юбилею) // Толстой. Новый век. 2005. № 1.
10. Тихомиров Б. Н. Христос и истина в поэме Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» // Достоевский и мировая культура. СПб., 1999. № 13.
11. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений (юбилейное издание). М. Гослитиздат. 1928 - 1958. Т. 23. 1957.
12. Флоровский Г., прот. Три учителя. Искание религии в русской литературе девятнадцатого века // Вестник русского студенческого христианского движения. 1973. № 108 – 110.
13. Dörne M. Tolstoj und Dostojewskij. Zwei christliche Utopien. Vandenhöck – Ruprecht in Goettingen. [1969].
14. Kolsto P. The Demonized Double: The Image of Lev Tolstoi in Russian Orthodox Polemics // Slavic Review 65 (2006).

G. Orekhanov

CERTAIN FEATURES OF THE GENESIS AND PUBLIC PERCEPTION OF LEO TOLSTOY'S TEACHINGS IN RUSSIA

Abstract: The article dwells on the impact and public perception of Leo Tolstoy's teachings in Russia in the last quarter of the XIX century. The author shows that Tolstoy's doctrine stems from the interaction of objective factors which reflected a general spiritual crisis of Russian culture. The religious concepts and writings of the renowned man of letters are analyzed within the framework of a binary opposition "Tolstoy – Dostoyevsky".

Key words: Christianity, L. N. Tolstoy, F.M. Dostoyevsky, public perception.

МЕТАФИЗИКА ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИОСОФИИ Л.П. КАРСАВИНА*

Аннотация: В работе представлены основные этапы формирования персоналистической метафизики личности Карсавина в системе философии всеединства бытия. Делается заключение о значимости историософских идей философа в исследованиях личности, взятой в ее историческом аспекте. Создание персоналистической метафизики личности Карсавина рассматривается в контексте российской и европейской истории философии.

Ключевые слова: Карсавин, метафизика личности, всеединство, историософия, онтология, бытие, персонализм.

Безусловно, персоналистическая метафизика Л.Карсавина – это не один лишь метафизический трактат «О личности», где развитая мыслителем онтология личности представлена наиболее системно. Безусловно, этот труд (говоря языком самого Л.Карсавина) «стяженно» представляет «метафизический» итог очень значительного многолетнего духовного опыта выдающегося русского историка. В результате научных и собственно метафизических изысканий, постепенно и последовательно формируется историософская система Л.Карсавина, своеобразие и оригинальность которой, по нашему убеждению, в решающей степени связаны с ее персоналистическим характером.

Смысл исторического развития человечества как всеединого субъекта истории Л.Карсавин (в полном соответствии с принципами метафизики всеединства) усматривал в «становлении Абсолюта» в ходе всемирной истории, в восстановлении утраченного, в результате грехопадения, богочеловеческого единства (схема, по сути, та же, что и у Вл.Соловьева – становление Богочеловечества; у С.Франка – прогресс «богочеловечности»; «софийный» прогресс человечества – у отечественных софиологов). В историософии Л.Карсавина, каждый «момент» человеческой истории признается совершенно необходимыми, имеющим онтологическое значение, но в пределах и на условиях *всеединой иерархической организации* мира человеческой истории.

Совершенное осуществление Абсолюта в истории (достижение «Царства Божия на земле») в историософии Л.Карсавина признается невозможным. В той или иной степени подобное метафизическое ограничение признавали все представители метафизики всеединства. Своего же рода историческо-онтологической «гарантией» смысла и прогресса истории признается историчность личности Христа, в которой универсально и окончательно утверждается истинность догмата о «неслиянности и нераздельности» божественного и человеческого. Здесь Л.Карсавин, безусловно, близок к позиции позднего Вл.Соловьева, настаивавшего, например, в своем известном письме Л.Толстому, на экстенсивном характере исторического процесса *после* Христа. Отличительной же особенностью позиции Л.Карсавина и в этом вопросе оказывается последовательно проводимый им принцип исторического иерархизма. Историческо-онтологический иерархизм принципиально отличает историософию Л.Карсавина и от более поздней концепции «творческой эволюции» Тейяра де Шардена. Во-первых, в учении русского медиевиста никакой существенной роли не играет натурфилософская тема, исключительно важная для знаменитого французского ученого и теолога.

* © Гребешев И.В.

Во-вторых, для Тейяра де Шардена смысл развития, весь этот процесс универсальной космической эволюции (диалектические превращения живой и неживой материи, материи и духа, божественного и человеческого бытия и т.п.) состоял именно в преодолении любых границ, в разворачивании поистине безбрежных возможностей самодостаточного, вполне *пантеизированного* космоса. Подобный пафос был Л.Карсавину совершенно чужд: последовательный сторонник иерархизма в истории и онтологии он был достаточно далек не только от естественнонаучного эволюционистского космизма (в этом отношении к Тейяру, конечно, гораздо ближе известные русские естествоиспытатели-космисты), но и от гегельянского диалектического апофеоза. Безусловно, в этом отношении он существенно отличается и от Вл.Соловьева, гораздо в большей степени подверженного влиянию гегелевского диалектического монизма.

Новая эра человеческой истории, по версии Л.Карсавина, всецело проходит под знаком христианства. Причем речь шла не о триумфальном шествии христианской религии. По убеждению Л.Карсавина, в истории после Христа может происходить и происходит как «становление», так и «погибание» христианской цивилизации. Но, в любом случае, именно эти процессы составляют подлинный смысл происходящего в мире. Соответственно, лишь в христианской парадигме можно обнаружить критерии для оценки прогресса или регресса мировой истории, и ее отдельных «моментов». В этом плане мыслитель был вполне последователен и рассматривал саму личность Христа в качестве решающего «критерия» прогрессивного или регрессивного развития в истории.

Собственно и в данном случае можно говорить о его персоналистической позиции. Историческая личность Христа (в ее классическом, догматическом понимании) в историософии Л.Карсавина – это, конечно, отнюдь не рационалистически интерпретируемый образец с которым соотносятся те или иные «моменты» истории. Личность Христа – это, скорее, историческо-онтологическое свидетельство «неодолимости» человеческой личности в самых трагических для нее исторических обстоятельствах. О том, что в действительности происходит в истории судить можно и должно на основании того, что происходит в ту или иную эпоху с человеческой личностью. Личностным идеалом, в историософии Л.Карсавина, признается канонический образ Христа, воплощающий в истории смысл «надорганического» личностного бытия. Справедливым представляется вывод, что для русского мыслителя (в соответствии с известным поэтическим высказыванием) любой «прогрессивный» скачок оказывался очевидно «реакционным», если при этом «рушилась» человеческая личность. Руководствуясь этим принципом, Л.Карсавин последовательно критикует различные варианты «исторического прогрессизма» и столь же последовательно обосновывает уникальность и бытийственную полноценность всех исторических «моментов», внутри которых всегда происходит циклическая смена исторических форм: потенциального всеединства, первично-дифференциального единства, органического единства и финального кризиса-распада.

Знаток средневековой культуры, Л.Карсавин был убежден, что «религиозное качество» является универсальной почвой для всякого культурного становления и развития. Однако и в такого рода универсализме он выстраивает достаточно жесткую иерархию: культуры различаются по характеру религиозности, в которой преобладают направления пантеистическое, теистическое и, собственно, христианское. В становлении и развитии христианской культуры Л.Карсавин усматривал высшее проявление «надорганических» начал в человеческой истории. В этом смысле, он признавал и возможность прогрессивных изменений: в его культурно-исторической иерархии

допускается движение к высшему культурно-историческому типу, христианскому. Преимущество же культуры христианского типа заключается, в первую очередь, в ее фундаментально личностном характере и в этом плане она несопоставима с прочими типами религиозных культур.

К персоналистическим принципам Л.Карсавин апеллировал и в своей критике католической догматики. Об этом прямо свидетельствуют его богословские рассуждения об «умалении» в католицизме личностного начала (в частности, «понижение» личностного статуса Св.Духа в католической «поправке» к Символу веры). В существенной мере и его общая критика «теистической стихии» западного христианства имела предметом именно антиперсоналистские тенденции в католической культуре. Напротив, православная культура, по Л.Карсавину, ближе к истокам христианской религиозности, однако еще далеко не в полной мере проявила себя в истории и, в этом отношении, по сути, пребывает еще в «потенциальном» состоянии. Христианский персонализм «замутнен» в католическом теизме и исторически слабо выражен в православии. Даже в период увлечения евразийской идеологией (которую, при любых допущениях, вряд ли можно признать персоналистической) Л.Карсавин писал о возможности пробуждения творческих сил в послереволюционной России и надеялся на возрождение православной культуры, верной духу христианского персонализма.

Как уже отмечалось, вопрос о персонализме в русской философии, и в особенности, в русской метафизике всеединства был дискуссионным в прошлом и, в значительной мере, остается таким же и сегодня. По поводу российской метафизики всеединства достаточно часто высказывались замечания о ее антиперсоналистической направленности. Не стала исключением и метафизика всеединства Л.Карсавина. Известнейший исследователь творчества Л.Карсавина С.С.Хоружий, признавая оригинальность и глубину «философию личности» развитую мыслителем в трактате «О личности»¹, тем не менее, считает, что даже в этой работе карсавинская «индивидуальная личность», в определенном плане, «сущностно, вторична» в отношении к коллективной, «симфонической личности»². Для подобного утверждения есть вполне определенные основания.

В метафизике всеединства (уже у Вл.Соловьева) индивидуальное бытие всегда *открыто* онтологическим структурам высшего уровня. Всеединое, универсальное (и, наконец, Абсолютное Всеединство) более *онтологично*, чем его частные и также всеединные формы. Вл.Соловьев, полемизируя с Лейбницем, Декартом и русскими персоналистами, отрицал субстанциональность «я» именно как чего-то отдельного, совершенно самодостаточного и ни в каком всеобщем всеединстве не нуждающегося. При этом основоположник всеединства был убежден, что личность и личностное бытие способны к становлению и развитию только в глубочайшем взаимодействии с мировым всеединством, сами обретают реальность всеединого начала, вступая на путь богочеловеческих отношений, отношений с Абсолютом. Только на этом пути тот, кто был *никем* (соловьевский Улис—«никто», беседующий с Полифемом в «Теоретической философии») реально, онтологически становится *всем*. Да, в данном случае, мы имеем дело, в том числе, и с религиозно-метафизической альтернативой метафизически же интерпретированному революционизму, предлагавшему «ничтожным мира сего» стать *всем*, в смысле, стать победоносным классом. Но в каком отношении совпадают данные противоположности? И совпадают ли они? Конкретно, в историко-философском плане, имеется в виду, конечно, всемирно-исторический, революционный пафос марксизма и христианский, онтологический апофеоз метафизики всеединства. Безусловно, эти две установки совпадают в признании колоссального, решающего значения универсальных связей и отношений. Но, если говорить о личности и ее судьбе в

системе этих вселенских законов бытия, то выводы, все же, делаются принципиально различные. Для марксизма «человек звучит гордо» только в системе коллективистских отношений и нигде больше. Апофеоз этих вселенских аккордов коллективизма – коммунистическое «завтра». В метафизике же всеединства личность, сама по себе, уже более чем полноценна, она – уже космос, но не замкнутый на себя, не субстанциональный, а нуждающийся в другом, в конечном счете, в *другом Абсолютном*. Представители метафизики всеединства от Вл.Соловьева до Л.Карсавина не считали, что во имя «общего дела» человечества, они жертвуют принципами христианского персонализма. Напротив, они были убеждены, что следуют этим принципам, обосновывая необходимость и реальность всеединой связи человеческой личности с тварным миром и самим Творцом. Для того, чтобы определить результаты подобного выбора рассмотрим персоналистическую линию в философии истории Л.Карсавина последовательно и систематически.

Как мы уже отмечали, в понятийном инструментарии русского медиевиста очень важную роль играли понятия «средний религиозный человек» и «религиозный фонд». Они возникают на страницах его магистерской диссертации «Очерки религиозной жизни в Италии XII-XIII вв.» (СПб., 1912), а затем обосновываются и в докторской диссертации «Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв., преимущественно в Италии» (СПб., 1915). Эти терминологические новации потребовались ученому для разработки типологии средневековой религиозности. Новаторским было также осуществленное им различие собственно религии, как «совокупности положений, догм, принимаемых верующим за истину» и «религиозности» – психологического феномена, связанного с особенностями индивидуальной и коллективной психологии (решающим признается «не то, во что он верит, а то, что он верит, или то, как он верит»³). Таким образом понимаемая религиозность, с точки зрения Л.Карсавина, фиксирует реальные, жизненные противоречия и искания людей различных эпох: «Религиозность живет чаянием выхода из противоречий, смутною жаждою предощуемого единства; она замирает и костенеет, останавливаясь на односторонних и схематических решениях»⁴.

«Средняя» же религиозность характеризует, в трудах Л.Карсавина, специфику существования личности в мире средневековой культуры. Его «средний» религиозный человек это, отнюдь не «одномерный человек» и не какая-то усредненная величина. Более того, в *средних, типических людях* в наибольшей степени находят выражение особенности *личностного бытия* эпохи. В определенной мере, полагал Л.Карсавин, «средние» люди – это, по сути, «герои своего времени», во внутреннем мире и деятельности которых ценности эпохи, в их противоречиях и развитии, находят наиболее глубокое и яркое выражение. Мы можем видеть, что уже в карсавинской модели средневековой культуры имеет место достаточно последовательный и *своеобразный* персонализм. В этой его модели живут и действуют люди, обладающие общим, *средним* мировоззрением, но это обстоятельство никоим образом не мешает им быть личностями. «Тринадцатый век жаждал религиозно-моральных истин. Искали идеал праведной жизни, кидались то в аскезу, то в мистику, то в апостольство и подражание Христу. Искали истинную жизнь, истинную веру, истинную церковь»⁵. Утверждение «век жаждал» – это, как раз, о карсавинских «средних людях» и совсем не обязательно о большинстве. Большинство, в любую эпоху, если и жаждет идеалов, то, согласно карсавинской терминологии, потенциально. *Все* могут быть «беременны будущим», но также и *не осознавать* этого. Безусловно, «жажда истинной жизни» никогда не была и не могла быть среднестатистическим явлением. Но направление развития общества и культуры, его основной вектор зависят от реально и глубоко переживающих

подобное чувство «средних людей» эпохи.

Ярчайшим примером «средней» личности в карсавинской историософии является образ Джордано Бруно в одноименной книге русского мыслителя. В жизни и творчестве итальянского гуманиста автор усматривает не конфликт новаторской идейной позиции с «духом времени»: идеологией и психологией эпохи, а, напротив, глубочайшее *совпадение* духовных исканий Бруно с направлением развития его времени, с противоречивым и сложным идейным миром эпохи Возрождения. Л.Карсавин постоянно акцентирует «полноту сложной личности Дж.Бруно», подчеркивая ее неоднозначный и противоречивый характер: «он своеобразен, и своеобразен не в дурном смысле, а в смысле выразительности и энергии письма, полного проявления в языке своего я»⁶. В этой работе, и именно по отношению к личности Бруно, он впервые использует понятие «центральная личность эпохи», которое, как мы понимаем, не отрицает, а дополняет понятийную логику его более ранних определений «средней религиозности» и «среднего религиозного человека».

Вероятно, чтобы быть предельно точным, надо говорить о карсавинском Бруно как о *среднем человеке и центральной личности эпохи*, эпохи Возрождения, когда человек «вдруг» осознает, что «одновременно является и самосознанием Всеединства и самосознанием противостоящей Всеединству индивидуальности»⁷. «Центральная личность эпохи» (в данном случае, Бруно) остается именно *средней* личностью, поскольку, при всей своей гениальности и новаторстве, самовыражает себя полностью в духовных *пределах* своего времени. Другое дело, что своей судьбой и своим творчеством, он (подразумеваются, естественно, *они*) эти границы, в решающей степени, и задает. Причем, если творчество Дж.Бруно устанавливает *личностную* связь с будущим (поэтому он и есть «центральная личность эпохи»), то его учитель Н.Кузанский, будучи глубочайшим образом связанным со средневековой духовной традицией, оказывается способным к творческому преобразованию этой традиции и созданию, по сути, проекта новой культуры. Поэтому, хотя историческая роль «центральных личностей» (Бруно) очень важна, но, в большей мере, как личностное выражение глубочайших движений эпохи, в понимании же и обосновании этих движений важнейшая роль может принадлежать фигурам далеко не в такой степени связанных со своим временем (Н.Кузанский).

В «центральной личности» с особой остротой и яркостью проявляются основные противоречия эпохи. Как «человек Ренессанса», Дж.Бруно выражает в своем мировоззрении противоречивое единство возрожденческого индивидуализма и пантеизма «Иногда в сознании связи своей с Всеединством он словно отождествляет себя с Абсолютным, забывает о своем истинном я и пытается вместить в свое эмпирическое я полноту бесконечности. Тогда ему кажется, что он и есть Атлант, подъявший на плечи свои весь космос, что силы его бесконечны. Но, отождествляя Бесконечное с собою, он тем самым его оконечивает, делает относительным, ограниченным, разъединенным и оказывается в сфере эксплицитности. А в эксплицитности он может утверждать только свою ограниченную личность, обреченную на бессилие и гибель»⁸. Настаивая, в данном случае, на принципиальной ограниченности индивидуалистическо-пантеистического сознания, Л.Карсавин совершенно определенно различает индивидуализм и персонализм. Именно в персонализме, по его убеждению, «снимается», столь характерное для Возрождения, противоречие между универалистской интенцией пантеизма и индивидуалистическим «атомизмом». И мы понимаем, что в метафизике всеединства самого Л.Карсавина подобное «снятие» предполагает своего рода «отрицание отрицания», диалектическое «возвращение» из *будущего*, из Ренессанса к *персоналистическому иерархизму* средневековья.

Речь, конечно, не идет о какой-то консервативной утопии или, допустим, консервативной метафизике. Возрожденческий индивидуализм Л.Карсавин полностью принимает как явление закономерное, отвечающее логике культурно-исторического развития. И он ни в коей мере не желает повернуть историю «вспять». Ориентация деятелей Возрождения (и, в первую очередь, Дж.Бруно) на индивидуальные творческие силы личности оценивается русским мыслителем очень высоко. Беспокоит же его не столько утраченное прошлое (консервативная реакция), сколько культурные *перспективы* индивидуалистического типа сознания. Он был убежден, что индивидуализм не является, по сути, апологией личности и никогда сможет стать предпосылкой для персонализма. Л.Карсавин акцентирует тяготение к пантеизму Дж.Бруно и других «центральных личностей эпохи», и для него это влечение неизбежно ведет к пантеистическому растворению человеческой индивидуальности в космическом универсуме.

В дальнейшем, в эпоху становления буржуазных отношений, именно эта индивидуалистическо-пантеистическая тенденция трансформируется в идеологию «экономического интереса», во имя которого оказывается оправданным любой индивидуалистический эгоизм. Индивидуалистическое сознание не сможет воспрепятствовать и тоталитарным процессам в идеологии и психологии. Не один лишь Л.Карсавин, но и целый ряд русских мыслителей предупреждали в XIX веке о подобной опасности (славянофилы, поздний Герцен, Достоевский, К.Леонтьев, и др.). Естественно, эти же сюжеты играли существенную роль и в европейской мысли. Л.Карсавин в этой связи апеллировал к «гениальному», по его словам, образу ибсеновского Пер Гюнта, жизнь положившего на то, чтобы оставаться «самим собой» и, неотвратимо, в конце концов, превращающегося в заурядную, штампованную пуговицу.

С точки зрения Л.Карсавина, индивидуалистический пантеизм Дж.Бруно и примитивный эгоистический индивидуализм персонажа Ибсена различаются в той же мере, в какой различаются эпохи к которым они принадлежат. В случае с Бруно, мы имеем дело с трагедией индивидуализма, с трагическими противоречиями великой эпохи, когда «в эмпирической полноте дана конкретная трагедия духа в момент отрыва его от Всеединого и разрыва всеединства»⁹. Этот, буквально по Шекспиру, «распад связи времен» переживается Бруно с «героическим восторгом» и стремлением «объять бесконечную Вселенную в бесконечном Божестве». Индивидуализм Нового времени, по убеждению Л.Карсавина, постепенно утрачивает трагические черты, вырождаясь в психологию и идеологию «здравого смысла», в культ эмпирического субъекта, во всем и всегда преследующего свои псевдоиндивидуальные, а, на самом деле, полностью стандартизированные, эгоистические цели.

Уже в ранних медиевистских трудах Л.Карсавина типичный человек средневековья («средний религиозный человек») предстает в полноте и разнообразии своих личностно-социальных особенностей, «от представителя эпохи до представителя какой-нибудь ограниченной местной или временно группы»¹⁰. Позднее, в «Философии истории», эта «цветущая сложность» (известное выражение К.Леонтьева) распространяется им на все человечество как всеединный субъект истории. Нельзя не видеть, что подобная полнота культурно-исторического бытия имела для него огромное значение. И он готов был, подобно Бруно, идти дальше, решая задачу «познания всего космоса, всего тварного всеединства как единого развивающегося субъекта»¹¹.

В историософии Л.Карсавина персоналистическая установка реализуется последовательно и всесторонне. Мыслитель стремится избежать крайностей структурализма и настаивает на том, что любые социальные системы «не существуют без индивидуумов и внешне не выразимы и не разъединимы иначе, как условно и путем

аббревиатур»¹². Личность в историческом времени реальней, онтологичней любых структур, никоим образом не трансцендентна («нечего говорить о какой-то... непознаваемости или трансцендентности»), не является механической «суммой общественных отношений», ее черты и особенности «не разъединены, не вне друг друга, а каждое в каждом, т.е. в одном субъекте»¹³. Для Л.Карсавина «роль личности в истории» – определяющая, если иметь ввиду не исключительных, наделенных властью субъектов, а типичных и в этой типичности полноценных исторических индивидов, людей, в сознании и деятельности которых выражается эпоха, в своих противоречиях и в своем развитии.

Безусловно, в метафизике всеединства ничто сугубо индивидуальное самодостаточным быть не может и, в конечном счете, обретает свою подлинную самость благодаря связи с Абсолютным всеединством. Поэтому Вл.Соловьев, полемизируя с европейским и русским спиритуализмом, утверждал (в «Теоретической философии»), что индивид, становится кем-то, становится личностью только лишь встав на путь познания Абсолютной истины. В метафизике всеединства персонализм никогда не может оказаться тождественным субъективизму. Человеческое «я» никогда не может претендовать на роль онтологического «центра» Вселенной. Персоналистические интенции российской метафизики всеединства имели своей основой метафизическую гипотезу о личностном характере самого бытия, в том числе, и бытия Абсолютного. Согласно этой «гипотезе» «под грубою корою вещества» человеческую личность окружает, не «ужасавшее» Б.Паскаля, а, в дальнейшем, и экзистенциалистов, «бесконечное равнодушие» космических пространств, а сотворенный Любовью и с любовью мир, в котором личность может чувствовать себя действительно *чужой*, только в результате глубочайшего *самоотчуждения*. На идею универсальности *личностного* бытия опирался Вл.Соловьев, когда писал об Абсолютно Сущем субъекте бытия, а Л.Карсавин – о «высшем субъекте» и «Абсолютной Индивидуальности».

Личность, были убеждены русские метафизики, может преодолеть все формы царящего в мире отчуждения и самоотчуждения, поскольку онтологически реальны не эти «внешние объединения и дробления», а «соборное», *личностное* единство с Абсолютом. «Для первичного момента моей души ближайшее общее и есть сама душа, стяженная и символизированная им, качественно отличная поэтому от ближайшего общего других первичных моментов. Но, как для всех вторичных моментов первичный момент есть однородное, общим является определение души Абсолютным как Его момента»¹⁴. Л.Карсавин постоянно подчеркивал, что связь индивидуального бытия с «Высшей личностью» не являются «внешним подчинением»: «Отвлеченно-общее, форма не объективны, не оковы, наложенные на душу, не темница..., но и не субъективны. Они, сразу, и то и другое»¹⁵. В метафизике всеединства признается и утверждается принципиальное отсутствие границ между субъектом и объектом (субъектно-объектный характер действительности), но в отличие, например, от немецкого абсолютного идеализма, монизм обеспечивается не столько диалектикой тождества «действительного» и «разумного», сколько тезисом об универсальной персоналистичности бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М., 1992. С. XXX.
- 2 Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина. С. XXXV.
- 3 Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв. СПб., 1997. С. 21.
- 4 Там же. С. 133.
- 5 Там же. С. 54.

- 6 Карсавин Л.П. Джиордано Бруно. Берлин. 1923. С. 253.
- 7 Там же. С. 261.
- 8 Там же. С. 262.
- 9 Там же. С. 265.
- 10 Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в Италии в XII-XIII веках. С. 30.
- 11 Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 81.
- 12 Там же. С.30
- 13 Там же. С. 37.
- 14 Там же. С.60
- 15 Там же. С.61.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М., 1992..
- 2 Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина.
- 3 Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XI-XIII вв. СПб., 1997.
- 4 Там же. С. 133.
- 5 Там же. С. 54.

I. Grebeshev

METAPHYSICS OF THE PERSON IN L.P. KARSAVIN'S HISTORYSOPHY

Abstract: The work considers the main steps of the establishment of Karsavin's personalistic metaphysics of Vseedinstvo. The conclusion about the importance of the historysophical ideas of the philosopher in his personalistic studies is substantiated. The establishment of the personalism of Karsavin is considered in context of Russian and European history of philosophy.

Key words: Karsavin, metaphysics of the person, Vseedinstvo, historysophy, ontology, life, personalism.

О ПОКУШЕНИИ НА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ (НЕВСКОГО) В 1912 ГОДУ*

Аннотация: Статья посвящена малоизвестному эпизоду жизни митрополита Макария (Невского). В 1912 г. архиепископ Томский Макарий был назначен на московскую митрополичью кафедру. Новый митрополит получил сведения о покушении на него во время проезда из Томска в Петербург. Автором предпринимается попытка прояснить вопрос: была ли опасность действительной или имела место мистификация.

Ключевые слова: Макарий, митрополит, покушение, Томск, Москва, Петербург.

В конце XIX – начале XX в. в церковно-общественной жизни Российской империи наблюдалось оживление богословской и религиозно-философской мысли. В практическом приложении это проявлялось участием широких слоев общества в обсуждении как догматических и философских проблем, так и насущных вопросов реформирования различных институтов церковной жизни. Среди последних наибольшее значение имело решение проблемы церковно-государственных отношений. К концу XIX в. для большинства русского образованного духовенства и верующей интеллигенции было очевидно несовершенство синодальной системы: всецелой зависимости церкви от государства, фактически подчиненной светскому государственному чиновнику – обер-прокурору. Стремление к освобождению церкви от обер-прокурорского контроля, переходившего порой в произвол, концентрировалось на попытках приблизить решение двух вопросов: созыва поместного собора и восстановления патриаршества. Сторонниками этих идей являлись отличавшиеся своим авторитетом, ученостью или влиятельностью при дворе иерархи: митрополиты Антоний (Вадковский), Владимир (Богоявленский), архиепископы Арсений (Стадницкий), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский) и др.

Кончина 3 ноября 1912 г. Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) вызвала необходимость замещения овдовевшей столичной кафедры. При этом готовилась сложная комбинация по перемещению иерархов, затрагивавшая ряд епархий и архиереев. В Петербург решено было назначить Московского митрополита Владимира (Богоявленского). Таким образом, вставал вопрос о замещении становившейся вакантной Московской кафедры.

В высших придворных и церковных кругах Российской империи началась «митрополичья горячка» [1]. На Николая II пытались оказывать воздействие в таком важном не только церковном, но и политическом вопросе влиятельные придворные группы, преследовавшие разнообразные цели. По этой причине принятие решения о новом московском архипастыре несколько затягивалось. Высказывались самые разные предположения о том, кто же будет назначен на такую важную кафедру. По различным слухам и толкам, в числе наиболее вероятных кандидатов фигурировали: архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), как креатура обер-прокурора В.К. Саблера; архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), которого поддерживали правые организации; архиепископ Кишиневский Серафим (Чичагов), за которым стоял бывший обер-прокурор, а ныне член Государственного совета князь А.А. Ширинс-

* © Михайлов М.Э.

кий-Шихматов; архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), поддерживаемый великой княгиней Елизаветой Федоровной; экзарх Грузии архиепископ Иннокентий (Беляев), кандидат императрицы Марии Федоровны; епископ Дмитровский Трифон (князь Туркестанов), чью кандидатуру также поддерживала Елизавета Федоровна, архиепископ Варшавский Николай (Зиоров), как «кандидат высших сфер и правых членов Государственного совета» и человек, которого Николай II знал лично, и другие [2]. Большинство названных кандидатов были относительно молодыми и энергичными архиереями и притом сторонниками давно назревших церковных преобразований. Поэтому в обществе оживились надежды на скорейший созыв собора и восстановление патриаршества. Постепенно появилась уверенность в назначении на Московскую кафедру архиепископа Антония (Храповицкого), во что успел поверить и он сам. Более того, обер-прокурором Святейшего Синода В.К. Саблером уже был заготовлен рескрипт о назначении его в Москву, требовавший лишь подписи императора, а сам архиепископ Антоний уже получил около тридцати поздравительных телеграмм [3] (по другим данным телеграмм было 143 [4]).

Однако 25 ноября вышел императорский рескрипт о назначении митрополитом Московским Томского архиепископа Макария (Невского). Макарий был известным христианским просветителем народов Алтая и Сибири. К моменту этого назначения ему исполнилось 77 лет, высшего образования он не имел (окончил семинарию); кроме того, он не принадлежал ни к одной из церковно-политических и придворных «партий». Эти обстоятельства, в совокупности с множеством слухов о причинах такой неожиданной «игры на стариках» [5], вызвало недоумение и, по большей части, неудовольствие церковных и политических деятелей. Например, архиепископ Антоний (Храповицкий), узнав о назначении в Москву Макария, со свойственной ему эмоциональностью воскликнул: «Ну, теперь пропало все: и патриаршество, и собор!» [6]. А в старообрядческих кругах, напротив, появилось предположение о восстановлении патриаршества в день трехсотлетия избрания на царство Михаила Федоровича Романова – 21 февраля 1913 г., причем назначение в Москву Макария рассматривалось как промежуточный этап его пути к патриаршеству [7].

Так или иначе, но царская воля была объявлена, и новоназначенный митрополит собрался отправиться в путь из Томска в Петербург, а затем и в Москву, к месту нового служения.

К этому моменту и относится интересующий нас эпизод, подоплека и детали которого оставались скрытыми не только от современников митрополита Макария, но и от позднейших его биографов. Неизвестность ряда важных подробностей, притом, не была случайной, о причинах чего будет своевременно упомянуто. Документы, проливающие свет на рассматриваемые события, хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Департамента полиции (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. (Особый отдел, 1912 г.). Д. 213).

Некоторой архаичности полицейского делопроизводства начала XX в. мы обязаны наличием в сугубо деловой переписке ярких психологических характеристик митрополита Макария и элементов анализа не только внешних обстоятельств рассматриваемого дела, но и внутренних переживаний архиерея. Однако в первую очередь столь пристальное и бережное внимание в данном случае было вызвано степенью угрозы и статусом охраняемого лица.

12 и 13 декабря 1912 г. Департаментом полиции были получены зашифрованные телеграммы из Сибири.

В первой, за подписью ротмистра Роговского, отправленной из Томска и полученной Департаментом 12 декабря, сообщалось: «Вновь назначенный Московский

митрополит Макарий, не указав источника, сообщил секретно полицмейстеру [о] готовящемся [на] его жизнь покушении. Агентурные указания, подтверждающие эти сведения, [в] район не поступали. [В] Томске приняты все меры охраны. 12-го номером пятым через Челябинск северными путями (то есть не через Уфу и Самару, а через Екатеринбург и Пермь. – М.М.) владыка выезжает [в] Петербург; железнодорожной полицией организована [на] линии охрана, везде [о] принятии мер охраны телеграфно сообщено [в] Новониколаевск (название Новосибирска до 1925 г. – М.М.), Омск, Пермский район, Петербург [в] охранное, полковнику Мазурину» [8]. При этом Роговский сообщал, что, «совмещая надобность [по] делам розыска [и] поездку [в] Новониколаевск, Петропавловск, Курган», будет сопровождать митрополита «лично [с] двумя филерами» [9].

В другой телеграмме из Томска, полученной в Петербурге 13 декабря, управляющий Томской губернией вице-губернатор А.Г. Загряжский подробнее описывает причины тревоги митрополита Макария, который «накануне отъезда лично получил сведения о готовящемся на него покушении» [10]. Макарий, по словам Загряжского, «твердо верил» этому сообщению и просил его «принять меры охраны» [11].

Для того чтобы избежать возможного покушения, митрополит Макарий решил не появляться в заранее объявленном месте проводов – вокзале Томск-первый, «где ожидали народ, власти, свита». Вместо этого он в сопровождении Загряжского и полицмейстера поехал «на Томск-второй, где сел в вагон начальника дороги и проехал не останавливаясь Томск-первый». Затем с митрополичьим вагоном и вагоном его свиты был произведен «запутывающий» маневр: «В тайге (речь идет о станции под названием «Тайга». – М.М.), прицепив вагон со свитой, приехавшей из Томска-первого, [Макарий] проехал на станцию Болотную, где вагон его прицепят [к] поезду пятому» [12].

Далее Загряжский передает Департаменту полиции просьбу митрополита Макария о сохранении в секрете произошедшего (чем и объясняется недостаточная известность этого факта его биографии): «Действительная причина изменения маршрута по возможности скрыта от народа, властей [и] свиты епископов. Владыка желает, чтобы о ней не знал никто, даже Департамент, Петербург [и] Москва. Всякие расспросы о странности его выезда из Томска в высшей степени его огорчат. По соглашению с жандармами мною приняты меры охраны всего пути [до] Петербурга. Прося охраны, владыка говорил: «Я старик, не моя участь заботит меня, а тех, которые пострадают, если со мной что случится, я должен охранять себя только для того, чтобы охранить их» [13].

В приведенном отрывке следует обратить внимание на дословную передачу Загряжским слов Макария, характеризующих его отношение к возможности пасть жертвой покушения, а также на причины принятия столь тщательных и секретных мер безопасности. Конечно, эти благородно звучащие слова и просьбы о сохранении тайны при поверхностном рассмотрении можно было бы объяснить стремлением Макария сохранить лицо в случае необоснованности его опасений и не выглядеть «дующим на воду». Следует, однако, заметить, что мотив страха перед внезапной смертью со связываемым с этим аргументом о возможном в таком случае вреде для людей и институтов, зависящих от митрополита, характерен и для его эпистолярного наследия. Так, уже будучи уволенным с Московской кафедры и проживая в Николо-Угрешском монастыре, заболевший митрополит Макарий высказывал сходные опасения в мае 1918 г. в письме к протоиерею И.И. Восторгову [14].

Желание сохранить рассматриваемый инцидент в тайне можно объяснить стремлением избежать негативного политического эффекта, ожидаемого в случае проса-

чивания этой информации в газеты, в особенности левые. В пользу справедливости подобного опасения свидетельствует дальнейший ход истории: левая пресса пользовалась оплошностями неискующего в политике митрополита и вела кампанию по его дискредитации, обвиняя его в связях с Распутиным, реакционности, необразованности, неспособности по причине старости к управлению епархией и т.п.

Так или иначе, директор Департамента полиции С.П. Белецкий полученные из Томска телеграммы 13 декабря представил вышестоящему начальству [15]. Личность начальника невозможно установить с точностью: в сопроводительной записке Белецкий не указывает ни его имени, ни должности, обращаясь к нему «ваше высокопревосходительство» [16]. По-видимому, им являлся министр внутренних дел (в то время – А.А. Макаров; 16 декабря 1912 г. во главе Министерства его сменил Н.А. Маклаков), поскольку отметки на других документах этого дела свидетельствуют, что о его ходе докладывали именно министру [17].

Позднее было получено и дополнение к этим сообщениям, содержащее некоторые подробности предполагаемого покушения. Устранить митрополита предполагалось, согласно полученным им «вполне достоверным» сведениям, «посредством метания взрывчатых снарядов на вокзале Томск 1-ый или при проезде около Технологического института, где изготовлены снаряды» [18]. В той же телеграмме, однако, сообщалось, что «тщательным агентурным обследованием пока не добыто решительно никаких сему указаний» [19].

В такой сложной и деликатной ситуации от чинов полиции требовалось, с одной стороны, обеспечить охрану митрополита, а с другой – сохранить полную секретность.

Дальность расстояния добавляла затруднений, поскольку требовала четкой координации действий полиции разных регионов. Так, томский полицейский чин, ротмистр Кирпотенко, телеграфировал директору Департамента полиции Белецкому, сообщая время выезда из Томска и маршрут движения поезда митрополита Макария. При этом Кирпотенко просил Белецкого «принять меры обеспечения пути следования» в районе ответственности последнего и добавлял, что до Челябинска Макария будут сопровождать филеры, а о его маршруте сообщено также и в Пермь [20].

Вице-директор Департамента полиции С.Е. Виссарионов уведомлял начальника Петербургского охранного отделения, что «со стороны Департамента не встречается препятствий к принятию мер охраны» прибывающего в Петербург митрополита Макария [21].

По мере приближения митрополичьего поезда к столице полицейскими чинами с мест отправлялись телеграммы, извещающие о благополучном проезде его по вверенной им территории [22].

После того, как митрополит Макарий без эксцессов прибыл в Петербург, еще некоторое время продолжала осуществляться его усиленная охрана, в том числе и при перемещении его между двумя столицами. Так, 5 января 1913 г. от имени начальника московского охранного отделения была послана в особый отдел Департамента полиции телеграмма следующего содержания: «22 декабря минувшего года начальник С.-Петербургского охранного отделения телеграммой за № 1489 уведомил меня, что из С.-Петербурга выехал в Москву митрополит Макарий под охраною двух агентов и по распоряжению Департамента полиции просил принять меры охраны его высокопреосвященства.

По получении означенной телеграммы мною был сделан надлежащий наряд для указанной цели, из числа коего три человека охраняют его высокопреосвященство и до настоящего времени с наружной и внутренней сторон покоев, а при выездах его из

Москвы по пути следования и на места выезда командироваться два лица». Здесь же содержался запрос о том, надлежит ли усиленно охранять митрополита в дальнейшем [23]. Из весьма неразборчивой резолюции все же можно заключить, что решение было принято в пользу продолжения охраны. В тот же день особым отделом была получена телеграмма из Москвы, извещающая о выезде в Петербург скорым поездом митрополита Макария [24].

Разрешение на прекращение наблюдения за митрополитом Макарием было дано начальником особого отдела полковником Ереминым 20 января 1913 г. Прекращение охраны разрешалось в том случае, если у Московского охранного отделения «не имеется никаких указаний на возможность предполагаемого покушения на жизнь» митрополита [25].

В предшествующих телеграммах неоднократно коротко сообщалось о тщательности проведенного томской полицией и жандармами расследования, не подтвердившего информацию о покушении на Макария. Более обстоятельно результаты этого расследования были сообщены начальником Томского губернского жандармского управления директору Департамента полиции Белецкому в совершенно секретной записке от 27 декабря 1912 г. Содержание этого документа было доложено главе Министерства внутренних дел. Обращает на себя внимание предположение относительно источника сведений о покушении и цели этой дезинформации: «Мною на месте произведено тщательное негласное расследование, коим окончательно и вполне определено установлено, что ни со стороны революционных организаций, ни вообще со стороны кого бы то ни было, выступлений по сему делу быть не могло и не предполагалось».

Источник, сообщивший угрожающие сведения митрополиту, весьма его встревожившие, находится, надо полагать, в непосредственной близости к его высокопреосвященству и вероятнее всего, является одним из лиц, сопровождающих владыку.

Сообщение угрожающих сведений, как видно, имело злостную цель испортить митрополиту последние дни пребывания в Томске, а равно не допустить местное духовенство по пути следования владыки принести те или иные жалобы на действия местной консистории.

Для ближайшей охраны его высокопреосвященства из Томска до Челябинска сопровождали: заведующий наблюдением Павел СЕРГЕЕВ и филер района Владимир ШАРГАНОВ» [26].

В журнале «Томские епархиальные ведомости» публиковались материалы, подробно описывающие торжественные прощальные мероприятия, происходившие в течение последних дней перед отъездом митрополита Макария. Никаких бросающихся в глаза изменений в порядке богослужений, встреч с различными депутациями, обедов и посещений учебных заведений до дня отъезда не обнаруживалось. Разве что «за множеством хлопот и недостатком времени владыка отклонил предполагавшиеся общественные чествования его разными учреждениями г. Томска и решил ограничиться только посещениями близких ему духовных учреждений, где и принимал от корпораций приветствия» [27]. Несмотря на такое решение, Макарий все же сделал некоторые исключения и принимал депутации светских учебных заведений. Например, 10 декабря ему представлялась депутация профессоров Томского университета [28]. О принятии же делегации или посещении другого местного светского высшего учебного заведения – Томского технологического института – в журнале ничего не сказано. Эти две особенности предотъездных церемоний при желании можно трактовать как свидетельства опасений Макария, однако с другой стороны, они не выглядят выходящими за рамки простых совпадений.

Отсутствие более ясных указаний на факты изменения хода прощальных мероприятий, связанные с опасениями митрополита за свою жизнь, затрудняет ответ на вопрос: знал ли Макарий о готовящемся на него покушении за несколько дней до даты отъезда (во время торжественных церемоний) или же выяснил это только в последний день. Некоторые косвенные обстоятельства делают более вероятным второе предположение. Во-первых, и полицейские документы, и «Томские епархиальные ведомости» согласно свидетельствуют, что церемониал проводов и маршрут был изменен «в последний момент» [29] и «сверх ожиданий и сделанных распоряжений» [30] (хотя Макарий и мог, зная за несколько дней о планируемом покушении, для сохранения большей секретности потребовать изменения маршрута именно в последний момент). Во-вторых, митрополит Макарий не вносил заметных изменений в ход и количество церемоний, предшествующих дате отъезда (помимо двух случаев, упомянутых выше), и тем более не отказывался от них вовсе.

В день отъезда, 12 декабря, церемонии проходили обычным порядком до момента выезда митрополита Макария к вокзалу для посадки на поезд. Маршрут его экипажа был неожиданно изменен. Архиерея ожидали на станции Томск-первый, где для него был сформирован поезд. Там для торжественных проводов ожидали митрополита «представители сословий и учреждений» [31]. Подробность журнальной публикации позволяет сделать предположение относительно места и момента наибольшей потенциальной угрозы жизни митрополита, согласись он ехать прежним маршрутом к станции Томск-первый: «Путь к этой станции был усеян народом. Учащиеся учебных заведений были выстроены по пути около своих училищ» [32]. Сопоставление ранее планируемого маршрута с указаниями полицейской переписки о месте предполагаемого покушения («на вокзале Томск 1-ый или при проезде около Технологического института» [33]) дает возможность предпринять попытку реконструкции тактической схемы бомбометания (разумеется, в порядке предположения). Так, взрывчатый снаряд мог быть брошен одним из студентов Технологического института в тот момент, когда экипаж митрополита проезжал бы мимо выстроенных перед этим институтом студентов.

Но Макарий не проезжал этим путем: «перед отходом поезда получилось сообщение, что он с этим поездом не поедет, а провожающих благословляет ехать, обещая догнать их» [34]. Для публики журнал дал разъяснения относительно изменения маршрута, не вдаваясь, впрочем, в подробности и не указывая определенной причины этого: «Оказалось, что по каким-то агентурным сведениям полиция направила его высокопреосвященство на ст. Томск II, где для него был сформирован служебный поезд. Это внезапное изменение маршрута заставило подозревать, что некоторые ненавидящие владыку элементы общества намеренно постарались испортить его провода» [35].

Служебный поезд, в котором ехал митрополит Макарий, прошел через станцию Томск-первый спустя час после отправления первого поезда, но большая часть народа дождалась и этого состава. Однако он проследовал без остановки мимо станции, а архиерей так и не появился народу. Как сообщает журнал, Макарий «от сильного утомления почувствовал слабость и при проезде ст. Томск I почивал» [36].

Журнальное повествование о дальнейших маневрах митрополичьего поезда в целом совпадает со сведениями из полицейской переписки. Однако упомянутая переписка не содержит информации о торжественных встречах поезда митрополита Макария в различных пунктах по пути его следования. Между тем повествование об этом «Томских епархиальных ведомостей» недвусмысленно указывает на состояние, в котором находился встревоженный митрополит. Так, 13 декабря в Новониколаевске

Макарий лишь на короткое время вышел из вагона для благословения народа и сразу после этого вернулся обратно [37]. В тот же день его поезд прибыл в город Каинск (название города Куйбышев Новосибирской области до 1935 г.), где на станции собралось много духовенства и народа. «Но владыка по болезни не мог выходить из вагона и принимал всех желающих принять благословение в вагоне... Хотя владыка митрополит не выходил из вагона, но там, освещенный электрическим светом вагона, он ясно был виден всем и благословлял народ из вагона» [38]. Таким же образом, не покидая вагона, митрополит Макарий благословлял, стоя у окна, и жителей Омска [39].

Несмотря на то, что митрополит Макарий скрыл от полиции источник сведений о покушении на него, у нас все же появилась возможность выяснить, с какой стороны такая угроза была наиболее вероятна. Полицейские и жандармы, вынужденные провести тщательное расследование и выявить потенциальные источники угрозы жизни митрополита, называют в качестве таковых революционные организации, указывая при этом, что с их стороны выступлений против Макария не предполагалось. Необходимо заметить, что подозрения в подготовке покушения на митрополита, павшие в первую очередь на революционные организации, вполне понятны. Епископ Макарий, возглавлявший Томскую кафедру во время первой русской революции, подвергался обвинениям в благословении толпы погромщиков в 1905 г. [40]. Разумеется, этот факт, в совокупности с общей консервативной репутацией Макария, был серьезным раздражителем для революционных элементов.

Кроме того, не выглядит случайным и упоминание местного Технологического института как места изготовления бомбы для покушения. В 1907 г. Томский архиепископ Макарий обратился к председателю Совета министров П.А. Столыпину с предложением ограничить или вовсе прекратить прием иудеев в этот институт. Об этом Столыпин доложил императору, а тот распорядился рассмотреть этот вопрос на заседании Совета министров. Вскоре предложенное Макарием ограничение для студентов-иудеев было введено [41]. Разумеется, такой поступок архиепископа Макария не вызвал симпатий у социалистически настроенного студенчества.

Безотносительно к тому, была ли угроза покушения ложной или нет, можно констатировать, что источник сообщения о покушении был прекрасно информирован не только о деятельности Макария на Томской кафедре, но и о тонкостях внутренних конфликтов в городе. Это косвенно подтверждает предположение полиции о том, что источник этот находился в ближайшем окружении митрополита Макария.

Однако при рассмотрении событийной стороны данного эпизода возникает впечатление определенной странности в поведении митрополита Макария, отказавшегося назвать источник сообщения о покушении. Указания на эту особенность рассмотренного дела красной нитью проходят через ряд полицейских документов. Сообщив имя человека, от которого Макарий получил сведения о готовящемся на него покушении, он, безусловно, облегчил бы усилия полиции и жандармов по своей охране. Такая непонятная скрытность может навести на мысль о том, что митрополит сам явился источником дезинформации, преследуя при этом некую цель, например, привлечь дополнительное внимание властей к своей персоне. Это ему действительно удалось: дело курировали главы Министерства внутренних дел, которые, надо думать, докладывали о ходе расследования императору. Однако версии о продуманной мистификации противоречит нелогичность поведения Макария. Он не создал убедительно звучащую «легенду» с указанием правдоподобных источников информации о покушении и сил, заинтересованных в его устранении. Вместо этого он, проявив странную скрытность, вызвал к себе лишь недоверие представителей власти. Разумеется, полицейские чины не могли в своих документах открыто выражать недоверие сообщению об угрозе жиз-

ни митрополита, назначенного царской волей на Московскую кафедру. Однако неоднократно отмечаемое и подчеркиваемое в полицейской переписке нежелание Макария раскрыть личность своего информатора можно рассматривать именно в качестве проявления скрытого недоверия к сообщению этого иерарха. Да и у современного исследователя при рассмотрении этих документов может возникнуть представление о всего боящемся непопулярном начальнике, верящем в заговор против своей персоны. Поэтому единственным результатом поднятой Макарием «ложной тревоги» становится репутационный ущерб, понесенный митрополитом именно в отношениях с представителями власти.

Не подтверждает версию рассчитанной мистификации и политическая неопытность митрополита Макария. Так, одним из первых поступков нового митрополита, только что прибывшего в Москву, был выпуск воззвания, обращенного к московскому духовенству, где содержались небывало резкие обличения в адрес последнего [42]. Такой акт, осуществленный, безусловно, из лучших религиозных побуждений, оказался крупной политической ошибкой. Этим поступком митрополит Макарий восставил против себя большинство элитарного и политически активного московского духовенства. Не прибавило воззвание симпатий к Макарию и его предшественнику на Московской кафедре – митрополиту Санкт-Петербургскому Владимиру (Богоявленскому), который получал много писем от московских священников с жалобами на нового митрополита. Воззвание обсуждалось в левой прессе, а сектанты и старообрядцы использовали его для дискредитации официальной церкви. Сам митрополит Макарий в разговоре с митрополитом Владимиром признал «скороспелость» воззвания [43]. Однако последствия этой ошибки в соединении с другими факторами сказывались на всем протяжении московского служения митрополита: Москва не приняла его [44].

Версия полицейских и жандармских чинов о том, что информация о покушении на митрополита Макария распространилась из его ближайшего окружения для воспрепятствования принесению ему жалоб на действия томской консистории, представляется более правдоподобной и аргументированной. В пользу этого предположения говорит, во-первых, тщательно проведенное на месте расследование, не подтвердившее наличие угрозы Макарию со стороны томских революционеров. Во-вторых, как было замечено ранее, источник сведений о покушении (если, конечно, им не был сам митрополит) был прекрасно осведомлен о томских конфликтах Макария за последние несколько лет. Слабая сторона этой версии заключается в полной ее зависимости от непроверяемой в принципе степени честности томских жандармских и полицейских чинов. Нам остается лишь верить или не верить им на слово, когда они заявляют о тщательно проведенном расследовании, не обнаружившем никакой серьезной угрозы жизни митрополита.

Можно также высказать предположение, что провокационное сообщение о покушении на митрополита Макария имело целью не только испортить проводы и отравить радость важного события его жизни – назначения на Московскую кафедру. Следует напомнить, что митрополиту шел в этот момент 78-й год. Старцу предстоял продолжительный и утомительный переезд из Сибири в столицу, а затем – в Москву. В результате же сообщения об угрозе покушения с приведением его подробностей (бомбометание) это тяжелое для весьма пожилого архиерея путешествие делалось уже само по себе опасным для жизни испытанием. Фактор потрясения с возможными последствиями для здоровья старца-митрополита необходимо учитывать и при рассмотрении прочих версий, кроме, конечно, предположения о спланированной им самим мистификации.

Недостаток информации, относящейся к этому малоизвестному эпизоду жизни митрополита Макария, и связанные с этим важные нерешенные вопросы, не позволяют отдать предпочтение ни одной из рассмотренных версий. Можно надеяться, что дальнейшее изучение материалов столичных и региональных архивов со временем внесет ясность в исследование этого сюжета истории России и русской церковной иерархии.

В заключение необходимо заметить, что интересующий нас эпизод нельзя рассматривать вне контекста той волны террористических убийств высших государственных и общественных деятелей, которая прокатилась по России в конце XIX – начале XX в.: год назад был застрелен упоминавшийся выше корреспондент Макария П.А. Столыпин. В этой связи столь сильные опасения митрополита Макария и тщательно продуманные полицейские меры его охраны не были бессмысленными хотя бы ввиду многочисленности случаев, в которых подобные опасения подтверждались уже *post factum*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Выражение архиепископа Арсения (Стадницкого) (Дневник архиепископа Арсения (Стадницкого) за 1911-1913 гг. // Государственный архив Российской Федерации (в дальнейшем ГА РФ). Ф. 550 (Арсений (Стадницкий), митрополит). Оп. 1. Д. 516. Л. 94).
2. Дневник архиепископа Арсения (Стадницкого) за 1911-1913 гг. // ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 516. Л. 78-79, 82.
3. Там же. Л. 86, 94.
4. Никон (Рклицкий), архиепископ. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. 1863-1936. Кн. 1. Нижний Новгород, 2003. С. 640.
5. Дневник архиепископа Арсения (Стадницкого) за 1911-1913 гг. // ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 516. Л. 94.
6. Там же. Л. 86.
7. Новое патриаршество // Церковь. 1912. № 50. 9 декабря. С. 1193, 1195.
8. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 213. Л. 2.
9. Там же.
10. Там же. Л. 4.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. Л. 4-4 об.
14. Письмо от 17 мая 1918 г. // ГА РФ. Ф. 9452 (Восторгов И.И., протоиерей). Оп. 1. Д. 37. Л. 246.
15. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 213. Л. 1.
16. Там же.
17. Там же. Л. 2, 9, 12, 15.
18. Там же. Л. 7.
19. Там же.
20. Там же. Л. 6.
21. Там же. Л. 8.
22. Там же. Л. 9-11.
23. Там же. Л. 13.
24. Там же. Л. 14.
25. Там же. Л. 16.
26. Там же. Л. 15.
27. Последние дни пребывания и отъезда в место служения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 24. 15 декабря. С. 1387.
28. Последние дни пребывания и отъезда в место служения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского (Продолжение) // Томские епархиальные ведомости. 1913. № 3. 1 февраля. С. 175-176.
29. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 213. Л. 7.
30. Последние дни пребывания и отъезда в место служения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского (Продолжение) // Томские

- епархиальные ведомости. 1913. № 3. 1 февраля. С. 183.
31. Там же.
32. Там же.
33. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 213. Л. 7.
34. Последние дни пребывания и отъезда в место служения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского (Продолжение) // Томские епархиальные ведомости. 1913. № 3. 1 февраля. С.184-185.
35. Там же. С. 185.
36. Там же.
37. Там же. С. 185-186.
38. Там же. С. 186.
39. Там же. С. 187.
40. Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С. 74.
41. П.А. Столыпин: Переписка. М., 2007. С. 165-166, 204-207.
42. Макарий (Невский), митрополит. Архипастырское воззвание возлюбленным о Господе нашим соратникам на ниве Господней, пастырям московской паствы и всем служителям церкви // Московские церковные ведомости. 1913. № 10. 9 марта. С. 1-4.
43. Дневник архиепископа Арсения (Стадницкого) за 1911-1913 гг. // ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 516. Л. 116-116 об.
44. Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., 1995. С. 196.

M. Mikhaylov

ON THE ATTEMPT UPON LIFE OF METROPOLITAN OF MOSCOW AND
KOLOMNA MAKARIY (NEVSKIY) IN 1912

Abstract: This article is about little known episode of metropolitan Makariy's life. In the year 1912 archbishop of Tomsk Makariy (Nevskiy) was appointed at the Moscow metropolitan pulpit. New metropolitan received information about an attempt upon his life during his journey from Tomsk to Petersburg. Author tried to clear up the question: was it a true danger or mystification.

Key words: Makariy, metropolitan, attempt, Tomsk, Moscow, Petersburg.

ПРИЧИНЫ СЛАБОСТИ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ «СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА»*

Аннотация: В статье рассматривается проблема «неуравновешенности» политического спектра в России начала XX века и причины, её породившие, на примере правомонархической, националистической организации «Союз Русского Народа», причины слабости консервативного, промонархического политического крыла. Главный вывод – слабость правых партий обусловлена отсутствием чёткой программы преодоления системного кризиса российского общества и расплывчатой социальной базой правомонархических организаций.

Ключевые слова: политика, партии, монархия, революция, общество.

Одной из характерных особенностей истории политического процесса в России является крайняя слабость и узость правой части «политического спектра». При всём многообразии, активности и достаточно широкой поддержке левых партий, включая сюда даже самые радикальные социалистические и революционные, в России не сформировалось значимое правое консервативное крыло, способное уравновесить левых радикалов. Практически отсутствовали партии центра. В результате политическая жизнь свелась к борьбе одних радикалов с другими, ещё более крайними радикалами [1, 81]. Это стремительное полевание, граничащее с маргинализацией общества, заметно во всём политическом процессе, особенно в период между февралём и октябрём 1917 г. Подобный феномен требует осмысления в контексте политической истории русского общества.

Для начала остановимся на истории политических партий в России – ко времени рассматриваемых событий весьма короткой. Они в России возникли во второй половине XIX века. Именно тогда, после отмены крепостного права, в обществе начинает формироваться значимая и достаточно многочисленная прослойка людей революционного толка. В основном это были обедневшие помещики, которые получили хорошее образование, были знакомы с философскими идеями Запада. Обеднев, они стали ближе к народу, но, используя свои знания, могли с легкостью управлять, по сути, невежественными людскими массами. Народ для многих из них был всего лишь средством к достижению власти [2, 528].

Правящие круги России долгое время не имели политических партий. К сожалению, в этом не видели необходимости сами власть имущие, даже для организации политических сил для собственной поддержки [3, 33], поэтому российские помещики и дворяне создавали сначала сословные организации для поддержания самодержавия по типу «партий - клубов». Примером подобных партий-клубов могут служить «Русское собрание» и «Монархическая партия» [2, 100]. Позже были созданы «Союз русского народа» и «Союз русских людей». Их основными программными требованиями были: православие, самодержавие и народность (т.е. прежде всего, русская народность представлялась державной – государствообразующей). Однако слабость консерваторов определялась не только и не столько отсутствием реальной поддержки со стороны правительства – социалистические и революционные партии благополучно росли и крепили в обстановке активного противодействия правительства.

* © Струков А.В.

Проблема крылась в отсутствии внятной программы развития страны, программы, отвечавшей на острые вопросы современности. На фоне стремительного развития науки и техники, преобразований в экономике и политике, Россия не могла оставаться неизменной, словно мумия. Были достаточно острые социальные, экономические проблемы, требовалось определить пути их решения. Программа большинства правых (в монархической России это были, естественно, монархические) партий сводилась к защите самодержавия и старых принципов организации общества (крестьянской общины, сложной статичной сословной структуры общества и т. д.), но не давали внятной программы разрешения возникших проблем. Более того, многими осознавалось, что переживаемые проблемы как раз и вызваны этими старыми порядками и принципами, следовательно неразрешимы при их сохранении [4, 1444-1445].

Многие лидеры правых, те же руководители «Союза Русского Народа» (И. Восторгов, Грингмут и др.) видели это и пытались сформулировать положительную программу реформ, не изменяя политический принцип самодержавия. Но их программа не стала руководством к действию монарха, не получила поддержки и более того, оказалась в противоречии со многими установками правительства и личными убеждениями царствовавшего государя Николая II [5, 74]. Достаточно вспомнить конфликт между правой думской фракцией и Столыпиным из-за планов военно-морского перевооружения. Само учреждение законодательной Государственной Думы и организация её деятельности по образцам классической западной парламентской демократии – с политическими партиями, выборами и т. д. – шли в разрез с установками правых на незыблемость самодержавного принципа правления. Таким образом, правые попали в ловушку – их положительная программа не принималась правительством, а не приемлемые для них принципы проводились в жизнь тем самым монархом, о святости и незыблемости власти которого они так ратовали.

Некоторыми специфическими особенностями отличался процесс формирования всех политических партий в России. Здесь, в первую очередь, следует назвать сохранение большого веса и влияния сословно-феодалных институтов, господство самодержавия, запоздалое развитие капитализма, отставание процессов становления гражданского общества, парламентаризма и правового государства. В конце XIX – начале XX в. современники отмечали «неутвержденность общественного состава», имея в виду недифференцированность и неопределенность интересов различных групп населения [1, 21]. Такой подход во многом объясним существовавшей в то время неразвитостью инфраструктуры гражданского общества, что действительно могло способствовать искажению реального представительства общественных интересов партиями в политической сфере. Таким образом, политические партии не имели четкой социальной базы, не являлись в полной мере выразителями чьих-то политических, экономических или общественных интересов, а в большей или меньшей степени демагогическими, спекулятивными группами, пропагандирующими не столько интересы определенных классов населения, сколько абстрактные идеологические конструкции, пусть и самые передовые по виду, но по сути – мертворожденные в связи со своей искусственностью и отсутствием реальной поддержки населения.

Интересно, что среди всех партий начала XX века самая широкая социальная база была именно у правых. В ходе революции и распространения ее беспредельного разгула по стране она постоянно расширялась [1, 11]. В нее входили крестьяне и помещики, купцы и ремесленники, рабочие и интеллигенты, учащиеся и военные и т.д. Борьба с революционным насилием, террором, разбоем, правда почти такими же силовыми методами, стала главной задачей «Союза Русского Народа». Причем, наиболее опасными врагами самодержавного строя и государственного порядка, они счи-

тали не только крайне левых, но, особенно, деятелей либерального лагеря, начиная с П.Н.Милюкова и кончая председателем Совета Министров графом С.Ю.Витте [8, 7]. В этом неприятии любых компромиссов и воззрений, кроме самых консервативных, кроется ещё одна причина слабости правого лагеря, превращавшая его в своеобразную политическую секту, не способную создать эффективный политический блок. Как следствие, невозможность претендовать на роль правящей партии, думского лидера.

«Союз Русского Народа» выдвинул требования продажи по низким ценам казенных земель, организации государством переселения крестьян, развития мелкого кредита, строительства элеваторов, маслобоек и т.д. На частную собственность на землю черносотенцы не покушались. В рабочем вопросе требовали сокращения рабочего дня на производстве, улучшения условий труда, государственного страхования и т.д. Выступили за бесплатное народное образование при условии, что оно будет носить национально русский характер, и что школа будет ориентирована на земледельческую и ремесленную подготовку учащихся [6, 23-27]. Были достойными внимания широких кругов россиян и другие программные требования черносотенцев. В целом следует отметить, что программа Союза русского народа исходила как из обычных демагогических обещаний, присущих каждому политическому документу любой партии, так и базировалась на учете тех экономических и социально-политических успехах, о которых Россия к началу века уже заявила на весь мир. Не случайно 3-й монархический съезд, проходивший в октябре 1906 года в Киеве и обсуждавший общую платформу правых, счел необходимым признать программу Союза русского народа вполне приемлемой для объединения всех черносотенных организаций России [7, 110].

Но эта широкая популярность не имела высокой политической ценности, т. к. привлекала к Союзу массу людей, занятых, как сейчас принято говорить, в реальном секторе экономики, но, в силу этой своей занятости и недостаточного уровня культуры (среди основной массы крестьянства, рабочих и мелкого купечества, а ведь это подавляющее большинство населения России в начале прошлого века), политически пассивного. А активным был именно немногочисленный слой интеллигенции, более симпатизировавший социалистическим и либеральным партиям, выражавшим близкие им прозападные представления. Кроме того, нетрудно заметить, что положения указанной программы носят социально-противоречивый характер, стараясь сочетать противоположные интересы рабочих, предпринимателей, крестьян и помещиков. А предлагаемые решения этих противоречий – медленные, постепенные и не обещающие быстрых и впечатляющих успехов, в отличие от радикальных проектов немедленной конфискации частновладельческих земель, национализации недр и пр., обсуждавшихся с подачи «трудовиков» в Думе. Осторожный рационализм всегда внешне проигрывает демагогическому популизму с его простыми, понятными и скорыми решениями всех вековых проблем человечества. Этому обаянию простоты и быстроты поддаются даже интеллигентные и образованные представители электората. А что уже говорить об остальной полуграмотной (и вовсе безграмотной) массе населения России в начале XX века.

Кроме того, правомонархические организации стали жертвами и «чёрного пиара» со стороны своих либеральных оппонентов. Их организационное оформление совпало с чередой насилия, вооружённых столкновений и погромов, прокатившихся по всей России. Объявление Манифеста 17 октября и последовавшие в связи с этим митинги и демонстрации под красными знаменами вызвали ответные контрдемонстрации под патриотическими и монархическими лозунгами, часто сопровождавшиеся драками и перестрелками с левыми. Современный исследователь Черной Сотни С.А.Степанов, изучив множество документов, констатировал, что насилие, к которому

прибегали участники черносотенных манифестаций, часто было ответным действием на выстрелы или взрывы бомб, брошенных в манифестантов революционерами или провокаторами [3, 53-54]. Впрочем, особую «славу» черносотенцам доставляли погромы, преимущественно еврейские, прокатившиеся, по подсчетам С.А.Степанова, за период с 17 октября по 1 ноября 1905 г. в 358 населенных пунктах, в которых погибло 1622 и было ранено 3544 человек [3, 54]. Вопреки распространенному мнению, черносотенные партии, только начинавшие формироваться, были к погромам совершенно не причастны. Также нет никаких свидетельств общего руководства или даже простой координации действий между погромщиками и манифестантами разных местностей, тем более, что всеобщая забастовка железнодорожников отрезала многие губернии и уезды друг от друга. В целом, стихийный характер выступлений под монархическими и патриотическими лозунгами, сопровождавшийся насилием по отношению к революционерам, интеллигенции, евреям и другим «иногородцам» серьезные исследователи не ставят под сомнение. Однако уже тогда все эти «прелести» революции приписывались именно черносотенцам, тем более, что их программные документы содержали определённые националистические и антисемитские положения [6, 30-42].

Среди множества причин, приведших к такой слабости центра и правого крыла политического спектра, не последнюю роль сыграла и борьба честолюбий среди лидеров этих движений. Показательным является пример «Союза Русского Народа». Время становления «СРН» совпало с попытками лидеров правых объединить силы монархистов. В 1906 г. прошли два монархических съезда: 1-й Всероссийский съезд Русских Людей в Санкт-Петербурге 8-12 февр. 1906 (Всероссийский съезд Русского Собрания) и 2-й Всероссийский съезд Русских Людей в Москве 6-12 апр. 1906 г. Делегаты от «СРН» принимали участие в обоих съездах, лидеры Союза выступали с докладами на форумах (А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Г. В. Бутми и др.), но зимой-весной 1906 г. «СРН» выступал еще только лишь как один из многих право-монархических союзов. К осени 1906 г. завершился период организационного становления «СРН», и он превратился в ведущую православно-патриотическую организацию. 7 авг. 1906 г. был официально утвержден устав «СРН», который считался лучшим программным документом монархистов из-за ясности и точности формулировок и краткости объема.

Весной 1907 г. стало очевидно, что «СРН» полностью доминирует в право-монархическом движении [8, 21]. Ко времени открытия 4-го Всероссийского съезда Русских Людей в Москве 26 апр. – 1 мая 1907 г. (Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа), Союз насчитывал уже более 900 отделов, большинство делегатов 4-го Съезда составляли союзники. Съезд одобрил практику объединения вокруг «СРН» местных монархических организаций. Обсуждая вопрос об объединении патриотических союзов, 4-й Съезд принял решение, «ввиду преобладающего значения «Союза Русского Народа», Союзу этому предоставляется забота о возможном объединении остальных монархических организаций» [9, 11]. Причины столь быстрого увеличения численности и роста влияния «СРН» связаны с особенностью самой природы Союза, который замышлялся и существовал как всеобщая и, в полном смысле, всенародная организация. В нем были представлены все сословия Российской Империи, в составе Союза было много ремесленников, кустарей, мелких служащих и др. городских жителей, однако подавляющее большинство членов «СРН» составляли крестьяне.

Однако период наивысшего расцвета Союза стал и временем начала внутренней борьбы, которая поначалу имела характер борьбы за власть в «СРН» между председателем Главного Совета А.И. Дубровиным и тов. председателя В.М. Пуришкевичем. Этот раскол стремительно прогрессировал, переносясь в местные отделения, вовлекая в свою орбиту прочих руководителей Союза и рядовых членов. К борьбе честолюбий

добавились программные разногласия. Отказ от союза с партиями – сторонниками ограниченного самодержавия вызвал недовольство и отток из Союза представителей промышленников и купечества, закономерно заинтересованных в развитии политического процесса в обществе, увязывания своего экономического могущества с политическими правами. Следующий конфликт разгорелся уже вокруг Московского отдела «СРН» и привёл к его расколу. Причиной стало нежелание руководства отдела в лице протоиерея И. Восторгова и архимандрита Макария принимать в «СРН» представителей не единоверческих старообрядческих церквей. Это и не удивительно, т. к. И. Восторгов практически всё время своего церковного служения занимался катехизацией и борьбой с сектантством. Ставя в центр своего мировоззрения и проповеди Православие, он не мог согласиться с полным религиозным индифферентизмом некоторых членов Союза [13, 24-24].

Однако все эти столкновения вносили только некоторый разброд и не могли разрушить Союз. Но вскоре в «СРН» начались настоящие нестроения, поводом к которым стало убийство депутата Гос. Думы от кадетской партии М. Я. Герценштейна. Такое развитие событий стало возможным в результате того, что в ослаблении «СРН» и позиций А. И. Дубровина было заинтересовано правительство и лично П. А. Столыпин, стремившийся создать в Думе лояльное правительству центристское большинство из националистов и умеренных конституционалистов (октябристы, прогрессисты, часть кадетов). Одним из главных препятствий для осуществления планов главы правительства был «СРН». Сторонники А. И. Дубровина негативно относились ко всем «трем китам» столыпинской политики: 1) они не принимали заигрывания главы правительства с конституционными партиями и подвергали беспощадной критике главную «простолюпинскую» партию — националистов; 2) для них был неприемлем курс на превращение России в конституционную монархию путем превращения Гос. Думы и Гос. Совета в реальные законодательные органы, они требовали восстановления неограниченного самодержавия; 3) они были противниками разрушения общины и аграрных преобразований Столыпина [6, 30].

После начала спада революционной активности правительство перестало нуждаться в активной помощи правых, ему понадобились партии, которые не запятнали бы себя «погромными» выступлениями и которые могли бы служить ему опорой в парламенте. П. А. Столыпин, стремясь достигнуть эту цель, опирался на различные партии правых и на отдельные течения внутри «СРН», но не на Союз и его лидеров в целом.

Политика П. А. Столыпина в отношении «СРН» привела к тому, что «СРН» из мощного многочисленного Союза превратился в конгломерат организаций, лидеры которых подозревали друг друга в тайных кознях и постоянно враждовали. Такая позиция правительства вместо консолидации правых привела к их расколу на несколько меньших по численности организаций, что нанесло ущерб всему правому движению. Один из ближайших сподвижников Столыпина бывший одесский градоначальник И. Н. Толмачев писал 12 дек. 1911 г.: «Меня угнетает мысль о полном развале правых. Столыпин достиг своего, плоды его политики мы пожинаем теперь; все ополчились друг на друга» [10, 104-105]. С 1912 г. «СРН» под председательством Н. Е. Маркова и «ВДСРН» («Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа») под председательством А. И. Дубровина двигались параллельными курсами, принимали по сути одинаковые решения, боролись с одними и теми же врагами, но тщательно избегали даже намека на сближение. Даже в расследовании обстоятельств ритуального убийства А. Ющинского, по которому практически совпадали позиции всех монархических организаций, «СРН» и «ВДСРН» действовали обособленно.

Подобная ситуация приводила к однозначной потере авторитета правых пар-

тий, самой правой идеи на фоне активной пропаганды радикальных политических партий, роста их численности и влияния. Активная взаимная критика, отсутствие некоторой политической гибкости, склонность к доктринёрству и постоянные расколы приводили к ситуации «когда и врагов не надо – друзья на части разорвут». В действиях лидеров «СРН» просматривается характерная черта политической жизни России – избыток критики и отсутствие долгосрочной стратегии, реальной и конкретной положительной программы, авторитарность. В этом контексте представляется характерным заявление Дубровина в ответ на критические высказывания (весьма обоснованные и корректные) со стороны некоторых учредителей Союза: «Я, можно сказать, родил Союз, я кормил его, а теперь, когда он окреп и разросся, меня хотят удалить, как ненужную вещь». В результате протестовавших удалили со съезда и исключили из «СРН». Однако само высказывание в духе «Я создатель, я и решать буду, что делать», характеризует личность одного из лидеров правого лагеря. А потребовали его коллеги (кстати, тоже входившие в круг «отцов – основателей» «СРН»), всего-то отчётности о финансовых средствах и большего демократизма в управлении союзом. [11]. Эта борьба амбиций коснулась и Московского отделения союза, возглавляемого представителями РПЦ.

Впрочем, отсутствие поддержки «СРН» со стороны правительства возможно объясняется и ещё одной особенностью правых партий. В.И. Ленин, будучи реальным политиком, обратил на неё внимание: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это – темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий» [12, 18]. Представляя собой движение народных масс, пусть даже и «темных», черносотенное движение сочетало в себе традиционализм и даже анархизм, со стремлением к удовлетворению потребности русского народа в социальной справедливости и в народном самоуправлении без вмешательства бюрократов-чиновников, что не мог не заметить вождь большевиков. Поэтому-то яростный антикапитализм и антибюрократизм был присущ черносотенцам не меньше, чем ненависть к подрывающим традиционные устои русской жизни революционерам и либеральной интеллигенции.

Проще всего было бы объявить антикапиталистические пассажи в агитации правых радикалов заурядной демагогией. Но, не отрицая попытки завоевать массовую поддержку в условиях чрезвычайного распространения антибуржуазных настроений и популярности социалистических идей в российском обществе того времени, все же осмелимся утверждать, что неприязнь к «буржуазии» была действительно характерна для значительной части Черной Сотни. Основную массу рядовых членов движения, напомним, составляли мелкие трудящиеся собственники с патриархальным мировоззрением, жестоко страдающие от конкуренции крупных предприятий. Для традиционного сектора экономики одинаково болезненными оказались и промышленный подъем 90-х гг. XIX века с его ускоренным ростом тяжелой промышленности за счет привлечения иностранного капитала и роста косвенного налогообложения, и экономический кризис 1900-03 гг., пустивший по миру тысячи мелких предпринимателей, русско-японская война, и забастовки осени 1905 г. Понятно, что крупный капитал был для многих сторонников «СРН» таким же (если не большим) врагом, как и парализующие нормальную жизнь забастовщики под красным флагом.

Таким образом, можно сделать следующий вывод относительно причин слабости правого политического лагеря в России начала XX века:

- правомонархические партии имели широкую, но неоднородную социальную базу с нечёткими, внутренне противоречивыми интересами;
- лейтмотивом их объединения было неприятие революции и поиск виновных в

их сегодняшнем тяжёлом положении, а не борьба за чёткие и определённые социально-политические цели.

За всем консерватизмом «СРН» и многих других партий правого крыла скрывался народный традиционализм и неприятие любых, подчеркнём – любых (!) преобразований. Именно стихийный традиционализм народных масс стал основой силы консервативного движения в его начале, а присущий значительной части русского традиционного общества народный демократизм и анархизм привёл к быстрой потере единства и социальной базы.

Фактически, праворадикальные партии в России являлись не столько собственно консервативными или правыми, сколько антиреволюционными, но в своей массе стихийно-народными. Что и помешало им сформировать реалистическую положительную контрреволюционную программу.

Борьба лидеров правых как между собой, так и с правительством (вернее, по большей части, правительства с ними), несомненно способствовала их поражению, но явилась отражением глубинных противоречий в самом движении. Эта борьба амбиций с такой лёгкостью расколола движение именно потому, что оно изначально не было крепко сплочённым едиными социальными, политическими или экономическими интересами.

Правые партии в России вступили в противоречие не только с левыми радикалами и маргиналами, но и с объективно имевшейся необходимостью в модернизации русского общества, что и лишило их, в конце концов, политической силы и будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История политических партий России.// Под ред. Зевелева А.И. М., «Высшая школа», 1994.
2. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001.
3. Степанов С.А. Черная Сотня в России. (1905-1914). М., 1992.
4. Савенко А.И. Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1914 г.Ч. III. Стб. 1444-1445.
5. Грингмут В.А. Очерк его жизни и деятельности. М., 1913.
6. Майков А.А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907.
7. Восторгов И. И. Полное собрание сочинений, М. 2000, Т. 3.
8. Алексеев И.А. Черносотенцы и умеренные монархические организации Казанской губернии. (1905-февраль 1917). Автореферат диссертации.
9. ГА РФ. Фонд № 9452. «Восторгов». Опись №1. Ед. хр. №50 «Материалы 4 Всерос. Съезда объедин. Рус. народа».
10. Союз Русского Народа. М.- Л. 1929.
11. http://www.ibci.ru/gf/pages/Lebedev_statya
12. Ленин В.И. ПСС. Т. 24.
13. Афанасий Гумеров Правда веры и жизни. М., 2004.

A. Strukov

THE REASONS OF WEAKNESS OF RIGHT PARTIES IN RUSSIA ON AN EXAMPLE OF "THE UNION OF RUSSIAN PEOPLE"

Abstract: The article shows the problem of the policy unbalances in Russia in the beginning of 20 century and reasons it made. It based on monarchistic nationalistic organization «Russian People Union» reason of the weakness conservative promonarchy political area. The main output is weakness of the right-oriented parties caused by the absence of четкой program of overcomings, system crisis of Russian society and indistinct social base of the right monarchy organizations.

Key words: policy, parties, monarchy, revolution, society.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ*

Аннотация: Настоящая статья раскрывает особенности применения генеалогической терминологии в эмигрантской мемуаристике.

Материалами для написания статьи послужили мемуары созданные русскими эмигрантами за рубежом в период первой половины XX века.

Главный исследовательский вывод настоящей статьи заключается в том, что порядок применения генеалогической терминологии русскими эмигрантами-мемуаристами носил сугубо индивидуальный характер, а объем (сложность терминологии) использования определялся в основном профессиональными особенностями автора.

Ключевые слова: родство, генеалогия, мемуары, генеалогическая связь, родственная связь, генеалогическая терминология.

При изучении генеалогического субстрата в мемуарных источниках следует учитывать терминологические особенности родословного знания.

Термин «родство» в генеалогии имеет два значения: различают родство в широком и узком смыслах. Под родством в узком значении понимаются отношения, возникающие через факт рождения, связь «по крови», простейшей их формой является связь «родитель – ребенок» [16, 14].

Термин «родство» в широком значении включает в себя родство в узком смысле слова и свойство.

Под свойством понимают отношения, возникающие вследствие брака, т.е. юридические. Простейшей их формой является связь «муж – жена». Между двумя родами благодаря браку возникают свойственные взаимоотношения, которые играют в жизни общества и в исторической действительности заметную роль [16, 14].

Родственные и свойственные отношения породили специфическую, отражающую их терминологию. Для каждого мемуариста характерен индивидуальный подбор терминов и понятий родства, а также способ описания генеалогических связей. В воспоминаниях одних эмигрантов генеалогическая терминология скудна и примитивна, в мемуарах других можно встретить довольно сложные профессиональные термины.

Практически во всех текстах имеется минимально необходимая для описания генеалогических связей совокупность понятий (отец, мать, дед, бабушка, сын, дочь, брат, сестра), а наличие иных терминов было обусловлено индивидуальными особенностями авторов.

Некоторые мемуаристы предпочитали описательный способ передачи родства. Например, употребляли выражение «отец деда» вместо «прадед», «брат матери» вместо «дядя», «сестра отца» вместо «тетя», [5, 47] «сын дяди» вместо «двоюродный брат», «муж дочери» вместо «зять», «брат бабушки» вместо «двоюродный дед» [8, 37] и т.п. Подобную ситуацию можно объяснить или стремлением автора максимально упростить описание родства, сделать его наиболее ясным для читателя, или ввести дополнительную информацию о генеалогических связях, чтобы четко обозначить генеалогическое старшинство в семье или линию родства. В последнем случае использование, например, выражения «брат отца» вместо слова «дядя» преследовало цель

* © Алексеев Д.А.

указать на точные отношения с данным человеком, отделить его от возможного родственника с другой стороны («брата матери»). Иногда мемуаристы употребляли синонимичные понятия одновременно («семья сестры матери, тети Кати», «старший брат отца, дядя Костя»), [23, 29; 61] что также было призвано повысить точность передачи генеалогической информации.

Более сложная терминология родства присутствовала в мемуарах лиц, каким-либо образом связанных с генеалогическим знанием или принадлежавших к семьям с хорошо развитой семейной культурой. В частности, в воспоминаниях жены известного генеалога Н.А. Савеловой (1859 – 1934) использовались редкие понятия «двоюродный брат», «зять», «двоюродная племянница». [24, 5; 6; 14] Обширная родственная терминология характерна также для воспоминаний А.Н. Наумова, который происходил из древнего поместного дворянства. Он употреблял не только термины «двоюродный брат», «троюродный брат», но и их синонимы «кузен», под которым подразумевался двоюродный брат, и «троюродный кузен», аналогичный понятию «троюродный брат» [17, 2; 6; 19; 36; 51; 58]. Использование этих терминов могло заменяться указанием на «троюродное родство» между двумя лицами [21, 440]. Следует подчеркнуть, что понятием «троюродный брат» пользовался также родственник мемуариста М.П. Наумов, что может свидетельствовать о наличии определенной семейной традиции родственного наименования [18, 3].

Любопытный случай использования термина «кузен» зафиксирован в мемуарах дипломата, русского посланника в Сербии Б.А. Татищева (1877 – 1949). Он писал, что его прабабка М.С. Ржевская из-за многочисленной родни в московском обществе носила прозвище «всемирная кузина» [25, 206].

Вследствие многочисленных браков, между дворянскими семьями могли образовываться сложные родственные связи, которые приводили к запутанным терминологическим ситуациям, в которых могли учитываться возрастные соотношения между конкретными лицами. Подобную ситуацию описывает Н.А. Савелова, в семье Егоровых одни и те же люди находились в одинаковой степени родства с ней и ее матерью. Это отразилось на внутрисемейном именовании: – «Старшие из двоюродных называли мою мать кузиной, а младшие – теткой, меня же все называли кузиной; старшая моя «кузина» была старше моей матери на семь лет» [24, 6].

В семейной культуре рубежа XIX – XX в. не были употребительными термины «двоюродная бабка» и «двоюродный дед», обозначающие в современной генеалогии сестру бабки или деда или брата этих лиц соответственно. Его не использовал ни один из известных нам мемуаристов-эмигрантов. А.Н. Наумов называл сестер своего деда просто «бабушками» [17, 2]. Прибегал к описательному способу передачи подобной генеалогической связи («брат деда», «сестра бабушки») директор императорских театров, князь С.М. Волконский (1860 – 1937), текст которого насыщен разнообразной терминологией [7, 397]. Не менее редким в мемуаристике был термин «свояченица» (сестра жены) [7, 198].

В мемуарах эмигрантов присутствовал распространенный в дворянской среде XVIII – XIX вв. билингвизм, т.е. общение одновременно на русском и ином, чаще всего на французском, языке, в том числе и в сфере именования родственников. Н.А. Савелова упоминает о том, что в семье ее тетку Л. Баштевич называли «тант Бланш» (тетя Блондинка) [24, 9]. Л.М. Савелов не только писал об аналогичных случаях семейного именования, но и сам в тексте воспоминаний для выражения родства употреблял слова на французском языке, в частности, он три раза использовал термин «belle-mère» (теща), ни разу не назвав данное лицо по-русски. Аналогичным образом поступил А.Н. Наумов, который называл вдову своего брата Д.Н. Наумова «belle-fille» – сноха

[17, 22]. Описывая состав своей семьи, граф Ю.А. Олсуфьев графа А.В. Олсуфьева называет «мой grand oncle» (двоюродный дедушка), а графиню А.М. Олсуфьеву «моя grande tante» (двоюродная бабушка), не находя, видимо, адекватного перевода на русский язык этим терминам [20, 237].

В некоторых мемуарах одно и то же понятие родства могло использоваться в различных значениях. В воспоминаниях князя С.Е. Трубецкого слово «прадед» употреблялось для обозначения действительно, таким образом, доводившимся автору князя П.И. Трубецкого [28, 130] и для наименования так всех давно живших представителей рода. В последнем случае по смыслу оно сближалось с понятием «предки», которое было довольно распространено в эмигрантской мемуаристике [4, 10]. Столь же условно было употребление отцом известного генерала, финансистом и промышленником бароном Н.Е. Врангелем (1847 – 1923) понятия «бабка», которое фактически означало более отдаленную, четвертую степень родства (прабабка) [8, 20].

Столь же неопределенное значение могло иметь слово «пращур». Оно означало совокупность родственников различных степеней родства с мемуаристом («пращур с материнской стороны») [23, 39] или служило синонимом понятия «прадед». Именно в последнем значении его употребил писатель В.В. Набоков (1899 – 1977) – «кузина моего прапращура», – что следует понимать как «кузина прапрапрадеда» [15, 173]. Некоторые мемуаристы стремились к более точному обозначению восходящей генеалогической связи и указывали истинное количество поколений между собой и своим предком. М.П. Наумов, в частности, использовал термин «прапрадед», конкретно указывавший на его связь с изображенным на портрете лицом [18, 3]. При описании незаконного происхождения деда, Р.Б. Гуль использовал термин «внебрачный прадед» [9, 31].

Отдаленное в вертикальном отношении родство (больше, чем в пятом поколении от мемуариста) описывалось ступенчато, через упоминание лица, у которого, с одной стороны, обозначались родственные связи с автором, а с другой – его же отношения с конкретным предком. Так, дочь П.А. Столыпина М.П. Бок (1886 – 1985), стремясь подчеркнуть свое родство с А.В. Суворовым, сделала таким лицом свою бабушку по материнской линии М.А. Нейдгарт, [5, 100] которая доводилась правнучкой генералиссимусу. Так было обозначено родство мемуаристки и полководца в шестом поколении, и она избежала термина прапрапрадед.

Авторы воспоминаний были сосредоточены преимущественно на описании восходящего родства, поэтому редко использовали термины, характерные для категорий нисходящих генеалогических связей. К ним мы причисляем слова, отражавшие происхождение и структуру рода, а также термины с соответствующей точкой отсчета родственной связи (в нисходящем отношении, от предков к потомкам).

Профессиональное историческое образование известного деятеля кадетской партии П.Н. Милюкова (1859 – 1943) проявилось в генеалогической терминологии его воспоминаний. Он употреблял редко встречавшееся в эмигрантской мемуаристике понятие «родоначалник». Так в генеалогии называют условное лицо, от которого начинается счет поколений в роде [16, 13]. Однако термин «ветвь рода» он заменял словами «линия» или «отрасль», [14, 49-52] искажавшими смысл написанного. Понятие «отрасль» не имеет устойчивого значения, а слово «линия» в современной генеалогии употребляется для обозначения родства со стороны одного из родителей человека, от отца или матери. В эмигрантской мемуаристике понятие «линия родства» зафиксировано нами как выражение непосредственных генеалогических связей, в сочетании со словом «прямая» [25, 205].

Исследовательский, генеалогический подход в посвященных московскому ку-

печеству мемуарах юриста и предпринимателя П.А. Бурышкина (1887 – 1953) обусловил частое использование термина «родоначальник», а понятие «ветви» он положил в основу изложения истории описанных семей. Обозначались эти ветви либо по имени родоначальника, либо по месту владения предприятиями. Так, в роде Морозовых мемуарист выделял ветви «викулычей», происходившую от Викулы Морозова, «Абрамовичей» (или «тверскую») – от Абрама Морозова, который владел Тверской мануфактурой, и т.д. [6, 129;131] Также П.А. Бурышкин пользовался не получившим распространения в мемуаристике термином «поколение», который, кроме него употребляли некоторые авторы из аристократической среды [6, 125; 7, 387; 27, 122].

Крайне редкими в мемуаристике были указания на связь родоначальника с его потоками. В частности, только у В.В. Набокова нам удалось обнаружить и зафиксировать понятие «праправнук» [15, 173].

Еще одной группой генеалогических терминов являлись понятия, отражавшие свойство. Мемуаристы довольно последовательно различали родственников и свойственников. При описании свойственных связей общепринятая лексическая традиция отсутствовала. Некоторые мемуаристы употребляли для обозначения девичьих фамилий своих родственниц и жен знакомых термин «рожденная», [13, 25; 30, 29; 27, 118] некоторые «урожденная» [10, 66; 6, 148]. Причем первый термин был гораздо более распространен, [7, 397; 25, 207-217] чем второй, хотя один из основателей научной генеалогии в России Л.М. Савелов последовательно употреблял в мемуарах¹ именно последний вариант обозначения родственной связи. Встречались тексты, в которых авторы употребляли эти слова одновременно [4, 10-15; 23, 22-23].

В мемуарах редко употреблялись термины «единоутробный» или «единокровный», призванные разделить детей от различных браков [29, 232]. Обычно такая генеалогическая ситуация описывалась указанием на то, от какого конкретно брака был рожден данный ребенок.

Между текстами, написанными представителями дворянских и купеческих родов, не было различий в составе генеалогической лексики. Происходившая из купеческой среды В.П. Зилоти, например, использовала широкий набор терминов («кузен», «двоюродный племянник», «двоюродная сестра матери» и др.), который редко встречается в дворянской мемуаристике [10, 43; 72, 81].

Многие мемуаристы-эмигранты игнорировали генеалогические термины сверх минимально необходимой совокупности. Это приводило к тому, что описания родственных отношений в некоторых текстах требуют существенных усилий при их интерпретации, приводят к излишней усложненности подобных словесных описаний. Так, А.Н. Наумов писал о том, что его родной дед по матери князь Н.В. Ухтомский был женат на Елизавете Алексеевне Наумовой, «дочери Алексея Михайловича Наумова, родного брата прадеда моего Михаила Михайловича» [17, 18]. Эту же информацию можно было бы выразить короче и яснее, указав, что дед мемуариста по женской линии состоял с троюродной бабкой его же по мужской линии.

В эмигрантской мемуаристике отразилась неустойчивость генеалогической терминологии в России на рубеже XIX – XX вв. Многие авторы не вполне различали понятия родства, не знали точных терминологических обозначений конкретных генеалогических ситуаций.

Обращенность текста воспоминаний к потомкам и родственникам недвусмысленно декларировалась мемуаристами в заголовках своих сочинений. Этот прием использовался и в мемуаристике XVIII – XIX вв. [26, 80-81] и причины этого точно охарактеризовал А.Г. Тартаковский, который писал: «Адресуя детям и внукам свои записки, мемуаристы XVIII в. преследовали и некие воспитательно-прикладные цели,

стараясь извлечь из опыта собственной биографии, из перипетий своей душевной жизни определенные уроки, могущие послужить продолжателям рода своеобразным кодексом нравственных норм и правил житейского поведения» [26, 82]. Историк видел в этом распространенные в обществе дидактические принципы классицизма и просветительской этики, для которых характерна проповедь высокого гражданско-нравственного назначения любого литературного произведения.

Эта же тенденция присутствовала и в эмигрантской мемуаристике. В названиях многих воспоминаний прослеживалась обращенность к генеалогической тематике в широком смысле этого слова. Большое влияние оказала на наименование мемуаров книга С.Т. Аксакова «Семейная хроника». Это название было популярным не только в эмигрантской мемуаристике, но и в текстах, создававшихся в СССР. Именно так назвала свои воспоминания известная мемуаристка, дочь камергера и историка А.А. Сиверса Т.А. Аксакова-Сиверс (1892 – 1982) [1, 3]. Однако если в данном случае факт заимствования можно было рассматривать как указание на некую семейную связь автора и писателя, то в случае иного авторства речь может идти именно о смысловой связи, о литературной тенденции, о стремлении подчеркнуть специфику изложения. Нами выявлено несколько заголовков «семейная хроника» среди мемуаров эмигрантов (дипломата Б.А. Татищева, генерала от кавалерии, начальника штаба Русской армии П.Н. Шатилова, полковника, ученого-металлурга Н.Т. Беляева и других) [25, 205-233; 30, 29-32; 3, 76-81].

В некоторых случаях авторы стремились приблизить распространенный вариант заголовка к определенной ситуации, придать ему некую информационную направленность, что обусловило включение в него конкретизирующих элементов (указаний на фамилии или посвящения). Так поступили О.И. Пантюхов, великий князь Гавриил Константинович и некоторые другие [22, 5; 11, 21-28]. В подзаголовке воспоминаний Г.Н. Одинцова традиционный заголовок был объединен с конкретной адресацией: «Семейная хроника, посвященная автором племяннику Николаю Борисовичу Одинцову» [19, 28]. В воспоминаниях княгини Н.П. Грузинской это же название было интегрировано с обозначением происхождения описываемого рода - «Из далекого прошлого (Семейная хроника одной ветви потоков царей Грузии)»².

Прямо апеллировали к генеалогической терминологии заголовки, включавшие соответствующие понятия. Г.Н. Одинцов назвал свой мемуарный очерк «Николай Александрович Одинцов, его предки и семья» [19, 28], а В.Н. Смольянинов фактически совместил заголовок с посвящением – «Моим детям»³.

Включение генеалогических понятий в название мемуаров не всегда означало наличие родословного субстрата в тексте. Например, в воспоминаниях А.А. Жуковского обыгрывалась известная цитата из произведения А.С. Пушкина – «Да ведают потомки во всей правде земли родной минувшую судьбу»⁴. Однако сам текст был посвящен исключительно описанию военных действий на Кавказском фронте во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В данном случае обращенность к генеалогическим категориям имела только нравственное значение.

Небезынтересны также названия глав, посвященных генеалогической тематике. Н.С. Арсеньев заранее обозначил тематические границы соответствующей главы, назвав ее «Моя семья» [2, 30]. Аналогично поступил П.Н. Милюков, который наименовал соответствующий раздел как «Семья и родные» [14, 48], но причины этого были иные, чем у Н.С. Арсеньева. В отличие от него, П.Н. Милюков не знал свой род далее деда (не помнил даже отчества бабки), то есть имевшаяся в его распоряжении информация действительно не превышала понятия «семьи», в которой должно насчитываться не более трех поколений. Название главы («Семейные предания») [12,

9] в воспоминаниях известной балерины М.Ф. Кшесинской (1872 – 1971) отразило не выраженные в тексте прямо сомнения по поводу достоверности семейной легенды о происхождении.

Многие мемуаристы-эмигранты называли генеалогические разделы в воспоминаниях просто «Семья», хотя излагали в них сведения и о более отдаленных предках, [23, 20] или обозначали их фамилиями семей. Например, в воспоминаниях В.П. Зилоти главы назывались «Третьяковы» и т.п. [10, 5]. Писатель Р. Гуль генеалогическому разделу своих воспоминаний дал беллетризированный, юмористический заголовок, восходящий к известной фразе из летописи – «Откуда есть пошли Гули» [9, 28], хотя описание генеалогических фактов в тексте было вполне серьезным и имело даже аналитический, исследовательский уклон.

Выделение самостоятельного раздела, в названии которого была отсылка к понятиям родства, не означало, что в остальном тексте генеалогические реалии игнорировались. Значительное количество подобной информации могло содержаться и в остальных главах. В воспоминаниях Л.М. Савелова,⁵ где материал распределялся по хронологии и отсутствовал раздел, касающийся рода и семьи, именно генеалогическая информация составляла одну из основных тем повествования.

Изучение генеалогического субстрата в эмигрантской мемуаристике невозможно без всестороннего анализа соответствующей терминологии. Лексический набор, частота употребления тех или иных терминов, точность передачи родственных отношений дают представление о семейной традиции мемуариста, о его интересе к проблемам родства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГА РФ. Ф. 6091. Д. 1а. Л. 1, 15, 22.
2. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 318.
3. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 649.
4. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 97.
5. ГА РФ. Ф. 6091. Д. 1а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1) Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. М., 2005. Кн. 1 - 2.
- 2) Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, б.г.
- 3) Беляев Н.Т. Из семейной хроники // Михайловцы. Вып. 2. Белград, 1937.
- 4) Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1991.
- 5) Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М., 1992.
- 6) Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. М., 1991.
- 7) Волконский С.М. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1992.
- 8) Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003.
- 9) Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 1. М., 1993.
- 10) Зилоти В.П. В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954.
- 11) Колчак А.Р. Адмирал Колчак, его род и семья (Из семейной хроники) // Военно-исторический вестник. 1959. № 13, № 14, № 16.
- 12) Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М., 1992.
- 13) Маковский С.К. Портреты современников. М., 2000.
- 14) Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990.
- 15) Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.Д. Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 2000.
- 16) Наумов О.Н. Генеалогия. Ч. 1. М., 2007.
- 17) Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
- 18) Наумов М.П. Невозвратное // Новое русское слово. 1970. 20 марта. № 21829.
- 19) Одинцов Г.Н. Николай Александрович Одинцов, его предки и семья // Новик. 1947.
- 20) Олсуфьев Ю. В Никольском-Оболянове // Новый журнал. 1986. № 163.
- 21) Осоргин М.А. Сивцев Вражек. М., 1990.

- 22) Пантюхов О.И. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых 1969.
- 23) Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Париж, 1990.
- 24) Савелова-Савелкова Н.А. Слобода Анастасиевка-Денисова и ее владельцы Денисовы и Егоровы // Новик. 1942. Вып. 1.
- 25) Татищев Б.А. Семейная хроника // Новый журнал. 1986. № 163.
- 26) Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.
- 27) Толстая М.Н. Воспоминания // Русское возрождение. 1983. № 22.
- 28) Трубецкой С.Е. Минувшее // Россия воспрянет. М., 1996.
- 29) Челищев В.Н. Из воспоминаний В.Н. Челищева // Новый журнал. 1988. № 170.
- 30) Шатилов П.Н. Семейная хроника // Военно-исторический вестник. 1955. № 25.
- 31) ГА РФ. Ф. 6091. Д. 1а. Л. 1, 15, 22.
- 32) ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 318.
- 33) ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 649.
- 34) ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 97.
- 35) ГА РФ. Ф. 6091. Д. 1а.

D. Alekseev

GENEALOGIC TERMINOLOGY IN MEMOIRS OF EMIGRANTS
PRESENT CLAUSE OPENS FEATURES OF APPLICATION OF GENEALOGIC
TERMINOLOGY IN MEMOIRS OF RUSSIAN EMIGRANTS

Abstract: As materials for a writing of clause memoirs created by Russian emigrants abroad during first half XX century have served.

The main research conclusion of present clause consists that the order of application of genealogic terminology Russian emigrants - memoirists had especially individual character, and the volume (complexity of terminology) uses was defined basically by professional features of the author.

Key words: relationship, genealogy, memoirs, genealogic communication, related communication, genealogic terminology.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 94 (470)

Володина Н.А.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ*

Аннотация: Статья посвящена становлению и развитию института культуры и искусства в советской системе политического контроля. Анализируется роль партийно-государственных органов в формировании советской интеллигенции и создании моностия. Рассматривается влияние советской идеологии на культуру и искусство.

Ключевые слова: политический контроль, культура, искусство, советская система политического контроля, институты политического контроля, воздействие, интеллигенция, власть, моностий, идеология, социалистический реализм.

Основы политизации культуры и искусства были заложены практически с первых дней существования советской власти. Учение о буржуазной и пролетарской культуре послужило теоретическим основанием ликвидации идеологического и политического плюрализма, явилось оправданием насильственного насаждения идеологического единомыслия. Главное предназначение искусства виделось в развитии лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мировоззрения марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху диктатуры.

Советская система политического контроля была направлена на укрепление власти: практически все социальные институты, в том числе культура и искусства, оказались огосударствленными в явной или скрытой форме. Сила воздействия культуры и произведений искусства на массовое сознание огромна, они обладают значительным властным потенциалом, навязывая (в советском варианте) определенное нормативное отношение к миру, людям.

Стремление власти контролировать культуру и искусство выразилось в их организационном оформлении, что прослеживается уже с начала 1920-х гг. В 1922 году И.В. Сталин писал: «Я думаю, что формирование советской культуры (в узком смысле слова) ... теперь только началось. Культура эта, по-видимому, должна вырасти в ходе борьбы тяготеющих к советам молодых поэтов и литераторов с многообразными контрреволюционными течениями и группами на новом поприще. Сплотить советски настроенных поэтов в одно ядро и всячески поддерживать их в этой борьбе – в этом задача. Я думаю, что наиболее целесообразной формой этого сплочения молодых литераторов была бы организация самостоятельного, скажем «общества развития русской культуры» или чего-нибудь в этом роде» [1, 38].

В середине 1920-х гг. были приняты решения, определяющие отношение власти к искусству: в мае 1924 г. были одобрены резолюции Отдела печати ЦК и XIII съезда партии, 18 июня 1925 г. – резолюция ЦК «О партийной политике в области художественной литературы». ЦК высказывался «за свободное соревнование различных

* © Володина Н.А.

группировок и течений в данной области» [2, 346]. Однако, осудив пролетарских писателей за их высокомерие, бестактность, нетерпимость, власть в итоге встала на их сторону, отвергая принцип невмешательства в искусство. А.И. Назаров, председатель Комитета по делам искусства при СНК СССР, говорил: «В условиях советского социалистического строя искусство впервые за всю его многовековую историю стало объектом государственного строительства и государственной политики» [3, 78]. Во второй половине 1920-х гг. появилась новая форма этого руководства – театральные художественно-политические советы, в состав которых вошли представители партийных органов. В 1928 г. при Агитпропе ЦК ВКП(б) состоялось совещание членов художественно-политических советов (ХПС), где было сказано, что ХПС должны стать органами контроля и обязаны отвечать за политическую линию, за политическое содержание театра [4, 133]: «Театр – это фабрика идеологии, непосредственный возбудитель и проводник в массу идей и эмоций ... роль театра, сильнейшего агитатора и пропагандиста, мощного рупора идей, будет расти и дальше... Театр сегодняшнего дня формирует общественную психологию, этику и эстетику, воздействуя на эмоции, повышает волю к борьбе и победе» [5, 92; 5, 94].

В начале 1930-х гг. курс на организационные основы политического контроля над искусством и культурой был усилен: «Пора взяться за планирование писательской продукции. Самотеку на этом участке фронта должен быть положен конец... Каждая книга, издаваемая нами, должна максимально отвечать задачам социалистической стройки» [6, 3]. Особое внимание уделялось кино – являясь одним из самых эффективных методов транслирования идеологических установок в массовое сознание, оно помогало привить населению желательные для власти взгляды. Осуществление художественно-идеологического руководства возлагалось на киноорганизации, тогда как политический контроль считался прерогативой Главрепеткома [7]. Роль непосредственных творцов произведений киноискусства сводилась к строгому следованию обозначенной линии, которая выстраивалась в соответствии с главной задачей – «всемерно усилить руководство работой киноорганизаций и, обеспечивая идеологическую выдержанность кинопродукции, решительно бороться с попытками приспособления советского кино к идеологии непролетарских слоев» [8].

В 1936 г. начинает работать Всесоюзный комитет по делам искусств под руководством П. Керженцева, бывшего пролеткультовца. Возникает аппарат жесткого контроля за учреждениями искусства. В литературе эту роль выполнял Союз советских писателей. Одновременно главная газета страны – «Правда» начинает массированную публикацию материалов по искусству, особенно в первой половине 1936 г. Эти материалы по существу являются открытыми директивами, после которых разворачивались «проработочные» дискуссии в творческих коллективах, абсолютно чуждые какой-либо толерантности. В 1935 г. в «Правде» была напечатана статья «Задачи литературной критики», в которой художественная критика была приравнена к цензуре: «Подлинная социалистическая критика отличается, прежде всего, партийной публицистической заостренностью, своим умением изучать и оценивать каждое явление современной или старой литературы с точки зрения «хода и исхода борьбы пролетариата» [9]. В январе – апреле 1936 г. в «Правде» был помещен целый цикл погромных статей, которые затрагивали практически все виды искусства. Первая публикация – «Сумбур вместо музыки» – 28 января [10], вторая – «Балетная фальшь» – 6 февраля [11]; затем – «Какофония в архитектуре» – 20 февраля [12]; четвертая – «О художниках-пачкунах» – 1 марта [13]. Первая публикация от 28 января – «Сумбур вместо музыки» совпадает с учреждением Комитета по делам искусств. Все тексты являются редакционными. Им сопутствовал целый шлейф более мелких статей на ту

же тему и в том же ключе. Подчеркнем, что тон статей – агрессивный, слова – оскорбительные (пачкуны, мания величия, извращенные вкусы буржуазной аудитории и т.д.). Недаром ругательства выносятся именно в заголовки, как это было, например, со статьёй В. Кеменова «Формалистическое кривлянье в живописи» [14].

Итак, произошла аппаратизация культуры: создание организаций работников культуры и искусства облегчала властям политический контроль над этой сферой, позволяло использовать деятелей культуры в политических кампаниях.

Политический контроль в культуре и искусстве нашел свое отражение в формировании лояльной власти интеллигенции. В 1925 году, на встрече с советской интеллигенцией Н. Бухарин откровенно заявил: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике» [15, 27]. С конца 1920-х гг. Сталин развернул «истребительный поход» против интеллигенции как общества, довольно критично относившегося к деяниям власти. В 1931 г. начинается кампания «покаяния» интеллигенции, отрекающейся от «классово-чуждых» родных и близких, доходящей до самоунижения: «Мы, писатели интеллигенты, должны писать о самих себе, должны разоблачать самих себя, свою «интеллигентность»... Я хочу перестроиться. Конечно, мне очень противно, чрезвычайно противно быть интеллигентом... Это слабость, от которой я хочу отказаться» [16, 5]. Покаяния происходили и в дальнейшем. Например, В.М. Киришин писал Сталину в 1937 году: «Дорогой товарищ Сталин! Благодаря своим безобразным поступкам, общению с проклятыми врагами народа, политической слепоте, разложению, которому я поддаюсь, я попал в страшный круг, из которого я не в состоянии вырваться. Товарищи мне не доверяют, ни один голос не поднимается в мою защиту, потому что с слишком подлыми врагами я имел дело, потому что вел себя недостойно коммуниста» [17, 373].

Чтобы вписаться во властную элиту, интеллигенция должна платить безоговорочным подчинением – «перековкой». Это давало право занять высокое место в социальной иерархии, войти в специализированную группу, «коллектив» создателей культуры или культурных экспертов: «верхушечная» интеллигенция стала одной из групп, наиболее податливой к привилегиям... Однако такая система имела и свои последствия. Сын Вс. Иванова Вячеслав писал: «Если бы меня спросили, какова была государственная идеология того писательского круга, с которым я был хорошо знаком с детства, коммунистическая или антикоммунистическая (говоря на популярном теперь языке), я бы не задумываясь, ответил: ни та, ни другая. Господствовал цинизм. Для многих литература была выгодным промыслом, писатели (да и актеры, и люди других искусств) сознательно шли на сделку, ни во что не веря, и даже не очень это скрывая...» [18, 187]. Творческую интеллигенцию препровождали на прокрустово ложе нормативной эстетики, «эстетической принудилки», которая «происходит по традиции от Чернышевского и других революционеров-марксистов вплоть до Ленина. Что-то вроде Спарты» [19, 148].

Множество стилей и направлений, существовавшее в предреволюционной России, никак не могло способствовать достижению главной задачи власти – установлению тотального контроля, укреплению новой политической системы. Формирование единообразия мировоззрения и поведения людей в задаваемых идеологических рамках происходило и посредством введения безальтернативного моностиля.

Некоторые постулаты эстетики соцреализма были заложены еще Л. Троцким, начавшим советскую традицию подхода к художественным явлениям не с эстетической, а с политической точки зрения [20, 45]. В этой концепции классовое всегда превалирует над общечеловеческим и индивидуальным, а художественное сознание есть

разновидность политического. Название единого метода, провозглашенного властью – социалистический, скорее относилось не к искусству, а к пропаганде – «никто ведь не может отличить социалистически изваянную ногу от империалистически изваянной ноги» [21, 43].

В 1932-1934 гг. идет работа по выяснению концепции соцреализма как унифицированного мировоззрения. Тогда же завершается перестройка художественной школы, которая призвана гарантировать единое направление воспитания новых творческих кадров. Осенью 1932 и в 1933 г. начинается широкая кампания по обработке всех действующих художественных кадров, задача которой заключалась в структурировании метода соцреализма. Позитивная репрезентация соцреализма сопровождалась конкретными указаниями форм и стилей искусства, неприемлемых властями. Шла глобальная селекция творческих кадров. Чиновник от литературы И. Лежнев на I съезде писателей заявлял: «Многое дал писателю его идейный перелом 1931 г. Остальное ему дал своим постановлением ЦК в 1932 г.» [22, 175]: «Социалистический реализм требует от художника правдивого изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма». По словам главного редактора Гослитиздата И. Беспалова: «Социалистический реализм – замечательное определение метода советской литературы... советский художник слова основным критерием оценки воспроизводимого материала действительности избирает идею социализма; воспроизводит действительность в ее движении, в ее развитии» [23, 272]. Появляется моноистилистическая культура, к которой можно отнести слова М. Пришвина, сказанные им, правда, о литературе: «Нынешняя литература похожа на бумажку, привязанную детьми к хвосту кота: государственный кот бежит, а на хвосте у него бумажка болтается – эта бумажка, в которой восхваляются подвиги кота, и есть наша литература» [24].

Соцреализм стал «героическим стилем», противопоставив себя «безгеройности» буржуазного «реализма», поставившего во главу угла полную страданий судьбу пассивного «маленького человека». Во всех официальных документах настойчиво проводилась мысль о соцреализме как высшей форме правдивого отображения действительности. Власти утверждали: «Наша культура является самой передовой культурой, которую только знала человеческая история, поэтому это общество окрашено оптимизмом, выражающим радость сталинской эпохи, и каждый член общества в своей деятельности руководствуется чувством любви к партии, Сталину, народу, родине» [25].

Таким образом, способность культуры и искусства воздействовать на поведение людей, влиять на их психологическое состояние, эмоции, настроения эксплуатировалась властью. Создание организаций работников культуры и искусства, целенаправленное формирование подконтрольной интеллигенции, моноистиль не оставляли возможности для существования альтернативных направлений в культуре и искусстве. Культура и искусство были включены в советскую систему политического контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дегтярев Е.Е., Егоров В.К. Интеллигенция и власть. М., 1993.
2. О партийной и советской печати. Сб. документов. М., 1954.
3. Советская культура: Сб. речей и выступлений советских и партийных деятелей. М., 1939.
4. Театральные художественно-политические советы // Коммунистическая революция. 1928. № 23-24.
5. Глебов А. Театр сегодня // Печать и революция. 1929. №10.
6. Книга – на службе социалистического строительства // Литература и искусство. 1931. № 1.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 113. Д. 692. Л. 2.
8. Там же. Л. 86-87.
9. Задачи литературной критики // Правда. 1935 г. 2 марта.
10. Сумбур вместо музыки // Правда. 28 января.
11. Балетная фальшь // Правда. 1936 г. 6 февраля.
12. Какофония в архитектуре // Правда. 1936 г. 20 февраля.
13. О художниках-пачкунах // Правда. 1936 г. 1 марта.
14. Формалистическое кривлянье в живописи // Правда. 1936 г. 6 марта.
15. Бухарин Н. И. Судьбы современной интеллигенции. М., 1925.
16. Писатели- интеллигенты // Литература и искусство. 1931. №1.
17. Дегтярев Е.Е., Егоров В.К. Интеллигенция и власть. М., 1993. С. 373.
18. Иванов Вяч. Вс. Голубой зверь (Воспоминания) // Звезда. 1995. №1.
19. Пришвин М. Дневники 1931 – 1932 гг. // Октябрь. 1990. № 1.
20. Троцкий Л. Д. Литература и революция. - М., 1991.
21. Олеша Ю. Тема интеллигента // Стройка. 1930. № 3.
22. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934.
23. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1990.
24. Пришвин М.И. Дневники 1931 – 1932 // Октябрь. 1990. №1.
25. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 377. Л.17.

N. Volodina

CULTURE AND ART IN THE SOVIET SYSTEM OF POLITICAL CONTROL

Abstract: The article devoted to foundation and development of the institute of Culture and Art in the Soviet system of political control. The role of the Party and state in the formation of Soviet intelligence and monistyle formation is analysed. The Soviet ideology influence on culture and art is observed.

Key words: political control, culture, art, soviet system of political control, institutes of political control, influence, intelligence, power, monistyle, ideology, socialism realism.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ СОВЕТСКОЙ ОБРЯДНОСТИ: «КРАСНЫЕ ПРАЗДНИКИ» В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ЮГА РОССИИ 1920-Х ГГ.*

Аннотация: На примере дат советского календаря анализируются особенности культурных преобразований в казачьих станицах Юга России на протяжении 1920-х гг. Освещены мероприятия органов власти по проведению «красных праздников», рассмотрены типичные компоненты и характеристики праздничных мероприятий эпохи НЭПа. Раскрывается реакция казаков на «красные праздники», в зависимости от возраста, религиозности, отношения к советской власти.

Ключевые слова: большевики, изба-читальня, иногородние, казачество, митинг, октябрьская революция, праздники, скачки, советская культура, станица.

Октябрьские события 1917 г. означали для России не только смену политического режима или даже социально-экономической структуры, но и стали основой для зачастую радикальных и бескомпромиссных преобразований традиционного, веками складывавшегося жизнеустройства ее населения. Власть сама по себе, как условие личного обогащения или повышения социального статуса, для большевиков не имела доминирующей ценности. Она была необходима руководству РКП(б) как главный инструмент для воплощения в жизнь их смелых мечтаний о глобальном переустройстве общества на началах «свободы, равенства и братства» (другое дело, какими методами большевики собирались создавать это общество и каких результатов достигли). В соответствии со знаменитыми строками «Интернационала», члены компартии намеревались «разрушить до основания» весь старый мир и построить на его месте мир новый, справедливый. Подчеркнем, что речь шла именно о создании мира, то есть, как минимум, о конструировании нового общества во всей его сложности и многомерности. По новым меркам и правилам должны были жить все.

В рамках этих масштабных, радикальных преобразований «буржуазная», «мещанская» культура досоветской России подлежала ликвидации, а ей на смену должна была явиться культура новая, «пролетарская». В частности, это выражалось в изменении праздничных дат календаря, который, впрочем, и сам подвергся реформированию (как известно, большевистское руководство отказалось от юлианского календаря и перевело страну на григорианский, более точный и использовавшийся в европейских странах). В начале декабря 1918 г. специальным декретом Совнаркома были установлены следующие праздничные дни: 1 января (Новый год), 22 января (9 января по старому стилю – трагическое «Кровавое воскресенье»), 12 марта (низвержение самодержавия), 18 марта (день Парижской коммуны), 1 мая (день Интернационала), 7 ноября (день Пролетарской революции).¹ Эти праздники стали основой нового, «революционного» или «красного», календаря.

Создание новой культуры, в том числе «праздничной», представляло собой, по выражению известного большевистского лидера В.И. Ленина, «архиважную» задачу. Но задача эта была и архисложной в силу огромных масштабов предстоящих изменений и неготовности российского общества безоговорочно их принять. С.В. Журавлев и А.К. Соколов справедливо отмечают в этой связи, что «изменить общественный

* © Панкова-Козочкина Т.В., Тикиджьян Р.Г.

строй оказалось куда проще и быстрее, чем поменять уклад жизни миллионов граждан такой необъятной страны, как Россия».² И смысловое наполнение новых праздников, и форма их проведения далеко не сразу упрочились в жизни и сознании преобладающего большинства населения Советской России. В.В. Глебкин совершенно обоснованно характеризует «процесс создания культурных форм, соответствующих советскому празднику», как «столкновение двух пластов, формирующих советскую культуру, двух «моделей мира», одну из которых можно условно соотнести с мироощущением русской интеллигенции, другую – с мироощущением тех, кого эта интеллигенция объединяла в названии «русский народ».³

С наибольшим трудом новые культурные веяния (в том числе праздники) укоренялись в российской доколхозной деревне, которая, по сравнению с городом, отличалась большим консерватизмом, и где представительство коммунистов было минимальным. Данное утверждение особенно справедливо по отношению к селам и станицам Дона, Кубани, Терека и Ставрополья. В рассматриваемый период времени перечисленные регионы входили сначала в состав такого административно-территориального образования, как Юго-Восток России, а с ноября 1924 г. – в состав Северо-Кавказского края (в современной же научной литературе их принято характеризовать как расположенные на Юге России). Распространению в деревне Юга России большевистской идеологии и базирующихся на ней культурных новаций препятствовали не только невысокий удельный вес промышленного пролетариата и вообще городского населения (бывшего основным проводником новой культуры), но и наличие казачества, «с его традициями, с целым культом обычаев»⁴ (как выразился в 1926 г. секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев).

В региональной южнороссийской историографии такая тема, как трансформация традиционной праздничной культуры в первое постоктябрьское десятилетие, практически не рассматривалась, поскольку в советский (да и в постсоветский) период внимание исследователей было сосредоточено на социально-экономических проблемах НЭПа. Между тем освещение данной темы позволяет не только расширить наши познания о повседневности доколхозных сел и станиц Юга России, но и полнее представить региональные особенности «культурной революции», а также осмыслить процесс внедрения новых вех мироустройства в казачий быт и проследить, как казачество постепенно, шаг за шагом становилось советским.

Как мы уже отмечали, именно в городе советские культурные новации закреплялись в первую очередь, что объяснялось определенной открытостью и динамичностью городского социума; именно город являлся центром, транслировавшим культурные веяния в окрестные деревни и села. Города в наибольшей степени обладали возможностями для проведения «красных праздников». Не случайно крестьяне в 1920-х гг. с оттенком зависти говорили, что «город – это красный аристократ по сравнению с деревней».⁵ Показателен в данной связи план празднования 1 мая в административном центре Юга России – г. Ростове-на-Дону, составленный работниками Донского областного комитета РКП(б) в 1920 г. Заметим, что буквально несколько месяцев назад в январе 1920 г. город успешно штурмовали части РККА. Еще полыхала гражданская война, и недалеко в Крыму П.Н. Врангель собирал силы для своего наступления, готовый воевать против большевиков по его известному заявлению буквально «хоть вместе с чертом» и гарантировавший тогда «внутреннюю независимость» казачьих областей.

Согласно плану, торжественные предпраздничные заседания с докладами о значении дня Интернационала следовало провести в городских учреждениях уже 26 апреля, а на предприятиях – 29 апреля. Непосредственно на 1 мая намечалось про-

ведение торжественного шествия. Открывать праздничную колонну должен был грузовик с «фигурой крестьянина» в 5 аршин (более 3,5 метров). За грузовиком следовал трактор, тянувший 4 площадки, на которых располагались «фигуры крестьянина и рабочего в братском рукопожатии – символ смычки города с деревней», «крестьянки и Пуанкаре – шарж», «модель красного плуга» в 6 аршин (свыше 4 метров). В плане подчеркивалось, что «все шествие будет декорировано гирляндами зелени и красной материи, равно как и всевозможными лозунгами», в нем примут участие не только горожане, но и рабочие окрестных совхозов. Не были забыты и дети, которым, как предполагалось, «в день 1-го Мая будут розданы небольшие подарки».⁶

Как видим, даже в 1920 г., когда экономика Юга России (как и всей страны) лежала в руинах, представители власти в городах имели возможность изыскать для проведения торжественных шествий и технику, и материальные средства. Городское же население, в особенности рабочие, – социальная база большевистского режима, – с готовностью и удовольствием принимали участие в праздновании памятных дат «красного календаря», которые не только напоминали о знаковых событиях «пролетарского движения», но и свидетельствовали об укреплении советской власти. Однако территории Дона, Кубани, Ставрополя и Терека не отличались высокой концентрацией городского населения и, в частности, промышленных рабочих. Даже в конце 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае на 100 крестьян приходилось всего лишь 1,2 представителей пролетариата.⁷ Подавляющее большинство населения Юга России составляли крестьяне и казаки, проживавшие в селах и станицах и занимавшиеся сельским хозяйством. На селе же возможности проведения «красных праздников» были совершенно иными, как и само отношение к ним определенной части хлеборобов.

Что касается возможностей, то отмечать «красные праздники» с размахом, более-менее близким к городскому, могли себе позволить только власти и жители крупных сел и станиц. В 1920 г. парторганизация ст. Великокняжеской Сальского округа (в 1925 г. переименована в Пролетарскую) сообщала окружному руководству о проведенном праздновании 1 мая, что праздник «прошел с большим подъемом. Утром в 8 час.[ов] к зданию Окружного Военного Комиссариата стройными рядами собрались местные профсоюзы, красноармейцы, сотрудники учреждений, учащиеся местных школ, откуда после кратких речей о значении праздника отправились на работы. Взрослые на опытном поле, а дети в местный детский приют и детский сад для работы. Работа на опытном поле прошла с большим оживлением, окапывали поле, пахали трактором. Всякие такие действия были три раза сфотографированы. Детям [были] розданы сласти и подарки». Затем в 2 часа дня «собралась тысячная волна рабочих, железнодорожников, красноармейцев, детей и сотрудников учреждений, со знаменами флагами и плакатами, дети каждый с флажками, двинулись по главной улице на соборную площадь к братским могилам, где устроен памятник павшим братьям, арка, эстрада для хора и трибуна для ораторов». На митинге ораторы повествовали об истории праздника и его значении «в коммунистической республике». После митинга жители станицы разошлись в театр, на концерт, в кино, а «вечером дан был бесплатно спектакль, была поставлена пьеса революционного содержания».⁸

Однако возможности Великокняжеской не шли ни в какое сравнение с более мелкими станицами, селами, а тем более хуторами. Здесь у местных властей (станичных и сельских советов) зачастую попросту не было средств на проведение праздников. Определенную помощь могли оказать власти городов или крупных сельских населенных пунктов. Так, из той же Великокняжеской к 1 мая в ряд близлежащих хуторов и сел «была дана красная материя, денежные авансы».⁹ Но, разумеется, подавляющее большинство сел, станиц, хуторов Юга России при подготовке и проведении «крас-

ных праздников» должны были обходиться своими собственными силами.

Кроме того, чем менее значительными размерами обладал тот или иной сельский населенный пункт, тем меньше в нем было лиц, способных к организации праздников «революционного календаря». Чаще всего этим занимались секретари местных партийных ячеек (если таковые существовали), председатели сельских (станичных) советов, работники изб-читален. Что касается роли секретарей партячеек в организации праздников, то об этом свидетельствует превосходное высказывание, прозвучавшее на одном из пленумов Донского окружкома ВКП(б) в 1925 г.: «в деревне культурной сокровищницей, культурным столбом является секретарь».¹⁰ Достаточно важную роль в организации праздничных действий играли избы-читальни (или, на южнорусский манер, хаты-читальни), где «формировались новые формы культурного досуга, новые советские обряды и праздники, которые активно противостояли обрядам церкви и пропагандировали новый, социалистический быт».¹¹ И представители власти, и сами крестьяне и казаки обоснованно утверждали, что «изба-читальня – это огонек в деревне»,¹² «изба[-]читальня в станице является единственным просветительным органом»¹³ (хотя, с другой стороны, в прессе признавалось, что «с введением новой экономической политики, с переходом избы-читальни на местный бюджет» культурно-просветительная работа её сократилась, «и крестьянство снова начинает погружаться в спячку»¹⁴). Подчеркивая роль данных учреждений в организации массового советского досуга, члены Донского окружкома РКП(б) указывали в 1924 г.: «через избы и только через нее организуются все агитационно-пропагандистские кампании», в частности, «празднования 7-й годовщины Октябрьской революции».¹⁵

В то же время необходимо подчеркнуть, что избы-читальни располагались в более-менее крупных сельских населенных пунктах. В хуторах, небольших слободах и селах их не было, о чем, например, свидетельствуют данные по Донскому округу на 1 мая 1924 г.: к этому времени здесь насчитывалось всего лишь 161 изба-читальня.¹⁶ Соответственно, всякого рода «агитационно-пропагандистские кампании» организовывались и проводились здесь исключительно представителями местного руководства, которым и без того хватало повседневных забот. В итоге в относительно небольших сельских населенных пунктах «красные праздники» не отмечались многие годы. Так, даже в 1934 г. политотдел Кашарской МТС Азово-Черноморского края (куда входили территории Дона и Кубани), докладывая руководству одноименного района о проведении ноябрьских торжеств, утверждал, что «это в истории глубинки было гулянье представлено в первый раз».¹⁷ Наконец собрались и отметили впервые 17-ю годовщину главного праздника страны.

Говоря об отношении сельских жителей к «красным праздникам», следует отметить, что оно нередко было гораздо менее восторженным или хотя бы терпимым, по сравнению с горожанами. Повторимся, что зачастую жители относительно небольших сельских населенных пунктов годами не праздновали знаменательные даты советского календаря, хотя и знали об их существовании. Это, впрочем, еще не свидетельствовало об отрицательном отношении крестьян к новым праздникам: просто нужен был пример, чтобы увлечь их. Превосходное описание такой ситуации предоставил осенью 1925 г. сельский корреспондент (селькор) из небольшого хутора, расположенного в Каменском районе Северо-Кавказского края. По его словам, «наш глухой уголок, насчитывающий всего 30 хозяйств, в первый раз за восемь лет праздновал праздник октябрьской революции. С утра чувствовалось какое-то неопределенное положение: многие ждали, кто первым выедет на пахоту, но такого не находится... ждут... Вдруг на улице появляется красное знамя в руках у 7-ми летнего школьника и все бросают мысль о пахоте, собираются к совету», где начался митинг.¹⁸

В то же время крестьяне и казаки старших возрастов («темные захоластные массы народа»,¹⁹ по выражению одного из южнороссийских селькоров) не желали менять устоявшийся уклад своей жизни, заметную роль в котором играли церковные праздники, теснейшим образом связанные с сельскохозяйственным циклом. Консерватизм сельских жителей, достигших почтенного возраста, проявлялся не только в отказе их от участия в массовых советских торжествах, но и от посещения тех же изб-читален. Представители власти на Юге России неоднократно отмечали в 1920-х г., что «взрослое население не заинтересовано работой изб[-читален] и недостаточно втянуто в [их] работу».²⁰ По этому поводу секретарь партийной ячейки села Александровка Азовского района Донского округа говорил на совещании секретарей сельских партячеек в 1925 г., что «в избе-читальне думаю не только у нас, но и всюду стариков много не найдешь».²¹ В основном завсегдатаями изб-читален являлась сельская молодежь, которая, в отличие от своих отцов и дедов, предпочитала данные заведения посещению церквей. Как говорил один из донских партработников в 1926 г., «молодые крестьяне, хотя в спорах и доказывают, что бог есть, однако предпочитают ходить даже в плохую избу-читальню, чем в церковь».²²

Более того, некоторые сельские жители старших возрастов были иногда способны к активным действиям по срыву празднования знаменательных дат советского календаря. Как сообщали сотрудники ОГПУ, в 1927 г. во время празднования очередной годовщины Октябрьской революции в ст. Славянской Северо-Кавказского края «группой монахов и монахинь, прибывших с гор Северного Кавказа, совместно с религиозной частью населения, была произведена попытка сорвать празднество в станице». С этой целью «толпа с крестами, иконами и пением «Спаси господи люди твоя» – направилась к площади, на которой происходил митинг, но своевременно колоннами демонстрантов была оттеснена». Органами милиции были арестованы 68 участников этого несанкционированного шествия, причем, «будучи приведены в отделение Милиции, монахи и монахини пытались сорвать портреты вождей, в частности т. Ленина».²³

Весьма критичное, а нередко, – враждебное отношение к «красным праздникам» демонстрировали казаки, особенно старших возрастов (таковые именуются в источниках «длиннобородые»²⁴ или «бородачи»²⁵). Подобное отношение было вполне объяснимо, учитывая остроту конфликтов между казаками и «красным лагерем» в годы Гражданской войны. Несмотря на окончание ожесточенного гражданского противостояния в 1922 г., в первой половине 1920-х гг. взаимоотношения между казачьими сообществами Юга России и большевиками оставались весьма напряженными: даже в марте 1925 г. информотдел ЦК РКП(б) признавал, что «почти по всем материалам» с мест настроение казачества «характеризуется как враждебное и недоверчивое по отношению к советской власти и партии».²⁶ Разумеется, в таких условиях советская культура (в том числе и праздники) воспринималась значительной частью казачества как исключительно чуждое явление и напроочь отвергалась.

Любопытно, что зачастую в станицах Юга России, где проживало смешанное, крестьянско-казачье население (то есть казаки и так называемые «иностранцы»), празднование знаменательных дат советского календаря начиналось именно там, где селились иностранцы. Так, в 1925 г. в селе Константиновском Северо-Кавказского края в празднике Октябрьской революции первоначально приняли участие лишь местные иностранцы. Они собрались к станичному совету, оттуда пошли к братским могилам погибших во время Гражданской войны, «где состоялись воспоминания». Затем «демонстрация направилась за балку, в ту часть станицы, где живут одни казаки. Казаки приветливо встретили демонстрацию, преподнесли хлеб-соль и графин с вином

(по местному обычаю). Здесь с приветственными речами выступали представители организаций и хлеборобы-казаки».²⁷ Несмотря на доброжелательное отношение константиновских казаков к демонстрантам, праздновавшим день Октября, очевидно, что по собственной инициативе они вряд ли бы стали его отмечать. Ведь большинству донских казаков (80 % которых воевало в годы Гражданской войны на стороне Белого движения) этот праздник был откровенно чужд. То же можно сказать и о кубанских, и о терских казаках.

Нормализация взаимоотношений между большевиками и казачеством наметилась лишь по итогам апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б), на котором было принято известное решение о необходимости внимательного подхода к казакам (в частности, к казачьим традициям) и вовлечения их в советскую работу. Реализация данного решения на местах способствовала, помимо прочего, и усилению проникновения элементов новой культуры (в том числе и праздничной обрядности) в повседневную жизнь казачьих станиц. Ведь, поскольку казакам было объявлено о признании их равноправными членами советского общества, в лучшую сторону изменилось и отношение членов казачьих общностей к культурным новациям, усиленно внедряемым большевиками в селах и станицах Дона, Кубани, Терека, Ставрополя.

С другой стороны, решения апрельского (1925 г.) пленума в определенной мере способствовали легализации традиционных элементов казачьей праздничной культуры. Дело в том, что в первом пункте решения пленума настоятельно рекомендовалось: «признать недопустимым игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций».²⁸ Причем парторганизации казачьих регионов СССР, уловив изменения тактики ЦК в отношении казачества, озаботились учетом местных особенностей и традиций еще до апрельского пленума. Так, казачья подкомиссия комиссии по работе в деревне Донского окружкома РКП(б) 19 января 1925 г. утвердила план ближайших мероприятий, в числе которых значилось изучение вопроса «о казачьих традициях на Дону».²⁹ Расширенный пленум Кубанского окружкома РКП(б) 22 февраля 1925 г. принял резолюцию «О работе в станице и вовлечении казачества в советскую и общественную работу», где указывалось, что среди членов партии необходимо провести «цикл бесед по истории края и тех отношений, которые складывались здесь».³⁰

Подобная терпимость привела к любопытному сосуществованию в праздничной обрядности казачьих станиц Юга России старых и новых элементов. Примером подобного сосуществования (первоначально эклектичного, а затем и все более органичного) являлось празднование годовщины Октябрьской революции в станице Романовской Сальского округа в 1925 г. Сначала, по всем правилам новой, советской, обрядности, здесь «были проведены собрания с докладами и воспоминаниями». Затем, однако, празднование пошло по вполне традиционным сценариям: были устроены «скачки, джигитовка, рубка лозы и т.д. Как на собраниях, так и на этих развлечениях присутствовало много казаков – от малых школьников до седобородых казаков».³¹ Празднование столетия станицы Боргустанской Терского округа 1 октября 1925 г. сопровождалось митингами и выражением преданности местным казакам советской власти, что выразилось в принятии в почетные члены станичного сообщества («почетные казаки») группы известных советских деятелей и военачальников М.И. Калинина, А.И. Рыкова, С.М. Буденного и М.В. Фрунзе, а также председателя Терского окружного исполкома и секретаря окружного комитета РКП(б). Когда же «состоялось чествование шести старейших казаков и казачек станицы», то старики, символизируя единение поколений под эгидой советской власти, «преподнесли молодежи красное знамя». Но и здесь праздник не обошелся без традиционных казачьих скачек и джигитовки.³²

Вообще, в данное время скачки являлись почти непременным элементом казачьего праздника. Например, в станице Константиновской 14 – 16 октября 1925 г., во время празднования Дня урожая (этот земледельческий праздник был установлен в 1922 г.) «за рекой Дон были устроены скачки, вызвавшие большой интерес со стороны казачества», причем в состязаниях приняли участие и «бородачи».³³ Необходимо добавить, что скачки и джигитовка, являвшиеся выражением удали, молодечества, боевых навыков, были настолько близки казачьей ментальности, что сохранились, несмотря на все перипетии советского периода истории казачества, и в 1930-х гг., и позднее, в послевоенное время. Проводятся такого рода состязания на Юге России и в наши дни, в рамках тех или иных праздничных мероприятий.

Итак, на протяжении 1920-х гг. большевистская модернизация праздничной обрядности в казачьих регионах Юга России была опосредована не только факторами, общими для всей советской доколхозной деревни (натянутые отношения между крестьянством и властью, слабость сельских парторганизаций, культурно-просветительской сети, и пр.), но и социокультурной спецификой данной регионов. Казаки, рассматривавшиеся большевиками как убежденные и неисправимые контрреволюционеры, весьма критично относились к начинаниям новой власти, в том числе и к «красным праздникам». Даты и ориентиры нового советского календаря медленно приживались в общественной жизни казачьих станиц. Порой больше десятилетия уходило на то, чтобы казаки начинали на них как-то реагировать. Советская праздничная обрядность стала проникать в донские, кубанские, терские станицы и укрепляться здесь, в особенности после проказачьих решений апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б). Причем «красные праздники» в казачьих станицах непременно включали в себя и традиционные элементы, такие, в частности, как скачки и джигитовка. Именно признание «красных праздников» создавало идеологическую платформу для утверждения в казачьих станицах советской обрядности. Новые памятные даты становились точками отсчета советской истории, которую в большей мере приветствовала казачья молодежь, традиционно тянувшаяся ко всему новому, неизведанному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Декреты Советской власти. М., 1968. С. 123.
- 2 Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287.
- 3 Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 75.
- 4 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 86, д. 37, без нумерации.
- 5 РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 16, л. 96.
- 6 Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 4, оп. 1, д. 24, л. 1.
- 7 Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д., 1973. С. 61.
- 8 ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 13, л. 1.
- 9 ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 13, л. 1.
- 10 ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 45, л. 37.
- 11 Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. М., 1968. С. 67.
- 12 А.Р. Изба-читальня – культурный огонек деревни // Новая деревня. 1926. № 3. С. 34.
- 13 Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 396, оп. 3, д. 576, л. 7.
- 14 Тенс А. Дом Крестьянина // Новая деревня. 1924. № 5. С. 74.
- 15 ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48.
- 16 ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 14, л. 61об.
- 17 ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 52, л. 36.
- 18 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 564.

- 19 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 577, л. 65.
- 20 Материалы к отчету Донской контрольной комиссии к XII окружной партконференции (1 октября 1925 – по 1 октября 1926 г.). Б.м., б.д. С. 32.
- 21 ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 70, л. 13.
- 22 ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 48, л. 16.
- 23 РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 71, л. 21.
- 24 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 5.
- 25 ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 70, л. 8.
- 26 РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 904, л. 82, 83, 84.
- 27 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 564.
- 28 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1989 – 1953. Изд. 7-е. В 2-х ч. Ч. I. 1898 – 1925. М., 1953. С. 932.
- 29 ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 5.
- 30 Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. Сб. документов и материалов. Т. 1. 1918 – 1927 гг. / Под ред. С.Ф. Парашенко, А.Н. Трубицыной. Краснодар, 1959. С. 122.
- 31 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 555.
- 32 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 787.
- 33 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 583.

T. Pankova-Kozotchkina, R. Tikidzhyan

FEATURES OF SOVIET RITUALISM IDEOLOGICAL PLATFORM: “RED HOLIDAYS” IN COSSACK VILLAGES IN THE SOUTH OF RUSSIA IN 1920-IES

Abstract: Based on the dates of Soviet calendar the features of cultural changes in Cossack villages in the south of Russia over 1920-ies are analyzed. The actions of authorities to celebrate “red holidays” are spotlighted, the typical components and characteristics of festive events in the period of New Economic Policy are considered. The reaction of Cossacks to “red holidays” is revealed, depending on their age, religiosity and loyalty to the Soviet government.

Key words: Bolsheviks, village reading room, non-residents, Cossacks, political meeting, October Revolution, holidays, horserace, Soviet culture, village.

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1917-1926)*

Аннотация: В статье затрагивается важнейшая социальная проблема – удовлетворение потребностей трудящихся в жилье после победы Октябрьской революции и в первые годы Советской власти. Стержень государственной жилищной политики в этот период составляла ленинская формула «богатой квартиры» - жилье должно было отбираться у богатых и передаваться для заселения «семьям бедного населения». Автор на конкретных исторических документах показывает, что молодое советское государство, не имея материальных, финансовых и иных средств для жилищного строительства, решало жилищную проблему на основе ликвидации всей системы капиталистического хозяйствования, в том числе, ликвидации жилищной собственности и ее полного огосударствления.

Ключевые слова: жилищное строительство, государственная жилищная политика, жилищная проблема, коммунальные квартиры.

Во всех официальных документах, научных изданиях советского периода по отношению к жилищной политике государства всегда отмечалось, что в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране были созданы необходимые предпосылки для решения одной из важнейших социальных проблем - удовлетворения потребности трудящихся в жилье. Звучит категорично и многообещающе. Но не стыкуется с реалиями. Почему?

Разумеется, однозначного ответа на этот вопрос нет и быть не может: наличие предпосылок и их практическая реализация зависят от множества объективных и субъективных причин и факторов, без учета которых всякие оценки будут поверхностными и не отражающими действительно положение дел. В то же время разобраться в этом сложном хитросплетении причин и факторов исключительно трудно, но необходимо, чтобы иметь истинное представление о такой животрепещущей проблеме, как строительство жилья для населения нашей страны.

Первые декреты и постановления Советской власти определили содержание всей последующей политики советского государства в области жилья, радикально меняющие формы собственности на жилище. Уже в конце октября 1917 года постановлением НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» [1] был разрешен жилищный передел: городские самоуправления получили право вселять в пустующие квартиры нуждающихся в жилье граждан. Последующие декреты отменяли право частной собственности на недвижимость в городах посредством муниципализации и национализации. Муниципализации подлежали жилые все здания, за исключением жилых строений, составляющих необходимую принадлежность промышленных предприятий [2] (они переходили в собственность государства вместе с промышленными предприятиями, оставаясь в их распоряжении и эксплуатации). Результатом этих декретов стал повсеместный вывод жилища из гражданского ведения и их сосредоточение в руках государства. Таким образом, жилищное (городское) строительство по решению советского правительства стало исключительной прерогативой государства: только государственные органы вправе

* © Камолов С.Г.

были решать, где, сколько и какого качества следует строить.

Иными словами, содержание жилищной политики сразу после Октябрьской революции 1917 года определялось несколькими факторами [3], главный из которых связан с политической идеологией советской власти, в которой стержнем было огосударствлении собственности, «экспроприация экспроприаторов», ликвидация всей капиталистической системы хозяйствования в целом, в том числе и ликвидация жилищной собственности – не только крупные городские жилые дома, но и отдельные квартиры, и жилые помещения богатых должны были отойти в собственность государства.

Особое значение в этом отношении имеет личное указание В.И.Ленина в набросках к декрету «О реквизиции теплых вещей для солдат на фронте»: «Богатой квартирой считается также всякая квартира, в которой число комнат равняется или превышает число душ населения, постоянно живущего в этой квартире» [4].

Ленинская формула «богатой квартиры», по сути, стала ключевым пунктом в понимании политических предпосылок отношения советской власти к жилищу. В этой формуле, утвержденной Петроградским Советом 1 марта 1918 года и опубликованной на следующий день в «Известиях» уже по существу заложено основание жилищной политики не только в данный период, но и на многие последующие годы. Жилье должно было изыматься у богатых и передаваться для заселения «семьями бедного населения».

Специфически был разрешен вопрос с размером комнат в квартире, которые в домах «буржуев» даже по меркам сегодняшнего дня были достаточно большими – 25-30 и более квадратных метров. Заселять такие площади из расчета «один человек – одна комната» было нерационально, поэтому была установлена норма – 20 кв. аршин (10 кв. метров) на взрослого и ребенка до двух лет и 10 кв. аршин (5 кв. метров) на ребенка от двух до двенадцати лет» [5]. Согласно этой норме, большие комнаты делились на так называемые «нормальные», в которые заселялась, как правило, одна семья. Так возник феномен «коммунальной квартиры».

Позже, в 1919 г. эта норма была откорректирована - усилиями Наркомздрава РСФСР была установлена минимальная величина кубатуры воздуха, необходимой человеку для нормального самочувствия после ночного сна – примерно 25 - 30 куб. метров (при меньшем объеме воздуха человек, усваивая за ночь весь кислород и испытывая его недостаток, утром просыпался с головной болью). Исходя из этой кубатуры, определялась минимальная площадь, необходимая одному человеку. Она составляла 8,0 кв. метра. Эта цифра и стала ориентиром в дальнейших расчетах и решениях по распределению жилья для органов, занимающихся созданием нового жилища.

Предлагались и другие подходы. Так, в первой половине 1920 г. Научное Бюро Отдела градостроительства Петрогубсовкомхоза объявило конкурс на составление проекта планировки участка в 3-й зоне Петрограда с жилищем для пролетариев. В программе, в частности, указывалось: «Объем воздуха в спальнях должен быть не менее 2 куб. саженей на человека для взрослых и 1 куб. саженей для детей. Ни одна из жилых комнат, в том числе и кухня, не должны содержать менее 2 куб. саженей воздуха» [6]. Эта кубатура, при указанной в задании высоте жилых помещений не менее 4 аршин (2,84 метра), соответствует 6,83 кв. метрам. В 1920 - июне 1921 г. то же Научное Бюро проводило в Петрограде конкурс на составление проектов планировки и застройки образцового поселка-выставки на территории Выборгского района. В программе конкурса также было выставлено требование, что кубатура воздуха должна определяться из расчета 2 куб. саженей на одного взрослого и 1,5 куб. саженей на одного ребенка [7], что соответствует тем же 6,83 кв. метра на взрослого и 5,12 кв. метра на ребенка.

В Москве санитарная норма жилой площади, согласно постановлению Президиума Моссовета от 28 июля 1924 года, устанавливалась в 16 кв. аршин, то есть в 8 кв. метров [8]. Эта норма жилой площади являлась юридическим основанием для дальнейшего разделения больших комнат «богачей» – соответственно увеличивалось число коммуналок. Все, кто проживал на площади свыше 8 кв. метров, обязаны были потесниться и сдать излишек жилой площади для заселения нуждающимися, либо самостоятельно вселить к себе на излишки площади любого человека, даже не родственника. При этом вселенный жилец обретал право на площадь в данном жилище. Право на «самоуплотнение» необходимо было реализовать в течение двух недель. Затем вопрос о вселении на излишки площади решал не ее съемщик, а домоуправление: «В случаях, когда площадь помещения дает возможность уплотнения жильцов, согласно существующих норм, квартиро- и комнатопользователям предоставляется 2-х недельный срок для подыскания сожителей и самоуплотнения» [9].

Таким образом, официальная власть активно использовала инициативу масс для исполнения своих решений – не нужно ждать пока сотрудник Жилищного Отдела выяснит, что где-то появилась жилая площадь, доступная к заселению, нужно самостоятельно занимать ее, заселяя своими родственниками или знакомыми. Если же жилая площадь будет занята незаконно, то есть не в соответствии с существующими предписаниями власти, то, опять же, власти не следует беспокоиться – жильцы данной квартиры или дома (заинтересованные в обретении оспариваемой площади) сами донесут куда следует и призовут власть справедливо их рассудить и удовлетворить их притязания [10].

Несмотря на наличие официальной общероссийской нормы в 8 квадратных метров, реально, по данным всесоюзной переписи населения в СССР от 17 декабря 1926 г., в среднем на одного человека приходилось 5,9 кв. метра (в Москве – 5,2 кв. метра). Для провинциальных городов этот показатель был несколько выше – 6,3 кв. метра, а для фабричных центров, таких, например, как Иваново-Вознесенск, Богородск, Никола-Павловск (Урал), и Калужское бумажное предприятие и пр., значительно ниже – от 4,5 до 1,5 кв. м.. По данным переписи 1926 г., 158 городов с населением свыше 20.000 жителей имели среднюю площадь 3,7 – 6 кв.м. на 1 чел. [11].

Советская власть активно поддерживала также процесс появления коммун рабочей молодежи: в октябре 1920 г. III съезд РКСМ предложил в целях рационального улучшения положения подростков-одиночек и вообще рабочей молодежи в жилищном отношении провести государственное декретирование домов-коммун для рабочей молодежи. В августе вопрос об организации домов-коммун для рабочей молодежи был рассмотрен Центральной комиссией по улучшению быта рабочих, а в сентябре 1921 г. IV съезд РКСМ уже счел необходимым отметить в программе, что дома-коммуны способствуют социальному воспитанию рабочей молодежи, так как освобождают ее «из-под разлагающего влияния улицы, мелкобуржуазных настроений семьи, тяжелых материальных условий ... домашнего существования» [12]. Такая политика дала свои плоды: в 1923 году в Москве в 1075 официально зарегистрированных домах-коммунах проживало более 40% молодых рабочих (более 100 тысяч рабочего населения) [13]. Проживание в коммуне в первые годы советской власти было признаком принадлежности к новому социальному строю.

Специфически решался жилищный вопрос по отношению к советской партийной элите, для которой также создавались коммуны, называемые Домами Совета и Отелями Совета, для которых использовались самые крупные и наиболее благоустроенные гостиницы. Дома Совета были привилегированным жилищем. Они имели структуру общежитий с отдельными комнатами, общей столовой и общими кухня-

ми и были предназначены исключительно для постоянного проживания советских служащих. Так, в Петрограде, в Первом Доме Совета (бывшая гостиница «Франция») в 1917-1920 гг. проживали и работали крупные партийные и советские работники – Ю.П.Берзин, Н.И.Бухарин, А.С.Бубнов, Ф.Э.Дзержинский, Г.Е.Зиновьев. В Москве гостиница «Националь» была преобразована в общежитие-коммуну для работников советского и партийного аппарата - Первый Дом Совета, в котором, по свидетельству С.З.Гинзбурга, проживали В.И.Ленин, Н.К.Крупская, Я.М.Свердлов, М.И.Ульянова. Во Втором Доме Совета (бывший отель «Спартак») имели право проживать только следующие лица: 1) члены ВЦИК; 2) Члены ЦК РКП; 3) Члены Губкома РКП; 4) Члены Областного бюро ЦК РКП; 5) Члены Губисполкома; 6) Заведующие отделами Губисполкома и их заместители; 7) Члены коллегий отделов Губисполкома; 8) сотрудники ВЧК и ПВО; 9) командировочные высоких рангов.

Для советских и партийных работников, не занимавшим большие должности и с небольшим партийным стажем предназначались Отели Совета, имевшие структуру общежитий комнатной системы с общими кухнями. В 1921 году в Домах и Отелях Петросовета постоянно проживало 800 человек [14]. В отдельные периоды, связанные с тяжелой жилищной ситуацией, связанной с массовым разрушением жилого фонда и постоянным расширением аппарата партийных и советских работников, проводились «чистки» Домов Совета от «посторонних» лиц с целью оставить в них лишь работников с большим революционным и служебным стажем [15].

Таким образом, вскоре после установления советской власти в результате Октябрьской революции 1917 года в области жилищной политики были заданы параметры, которые окажутся по своей сути неизменными на протяжении нескольких десятилетий. Будучи лишь нанимателями жилых помещений (в те годы чаще применялся термин «квасиротельники» и «комнатотельники»), граждане лишались права самостоятельно решать вопрос об увеличении своего жилища. При этом жилые помещения представлялись по распределению, основанному на экспроприации излишков жилой площади у их бывших собственников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. СУ РСФСР. – 1917. - №1. – Ст.14. – С.12.
2. Декрет «Об отмене прав частной собственности на недвижимость в городах» //СУ РСФСР. – 1918. - №62. – Ст.674.
3. Хотя начало обсуждения жилищного вопроса в России и даже создание общественных организаций, призванных способствовать его решению, относится к середине XIX века, жилищный вопрос в его современном понимании возник в России после реформ 60-х годов, связанных с отменой крепостного права и быстрым ускорением России в ее движении по пути экономической и социальной модернизации.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.54. – С.380.
5. Известия. – 1918. – 2 марта.
6. Из истории советской архитектуры. 1917-1925 гг. Документы и материалы /Отв. ред. К.Н.Афанасьев. - М., 1963. - С.78-79.
7. Там же. – С.80.
8. Постановление Президиума Моссовета от 28 июля 1924 г. «Об ответственных лицах по квартирам» //Настольный справочник домоуправлений г. Москвы на 1926 г. Руководство для правлений жилищных товариществ, ответственных съемщиков, арендаторов, застройщиков, жильцов и других лиц и учреждений. - М., 1925. - С.61.
9. СУ РСФСР. - 1922. - № 30. - Ст. 365.
10. Подробнее см.: Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы). – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2008. – С.15-17.
11. Меерович М.Г. Биография профессии. Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализации

- в архитектурном проектировании (1917-1941 гг.). - Иркутск, 2001. - С. 92-94.
12. Там же. – С.98.
13. Гуревич С.А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской Жилищно-Коммунальной Инспекции и Секции Коммунальной Санитарии в 1922 году. – М., 1923. – С.16.
14. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского народа: Нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. – СПб.: Журнал «Нева». Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. – С.161-163.
15. ЦГАС-Пб. Ф.1001. Оп.1. Ед. хр. 301. Л.39.

S. Kamolov

HOUSING CONSTRUCTION IN THE USSR IN THE POST-PERIOD (1917-1926)

Abstract: The article addresses the most important social issue - meeting the needs of workers in the home after the victory of the October Revolution and during the first years of Soviet power. The rod of state housing policy in this period was Leninist formula «rich flats» - Housing was selected from the rich and transferred to the settlement of «poor families». The author on the specific historical documents shows that the young Soviet state, with no material, financial and other resources for housing, to solve the housing problem by eliminating the entire system of capitalist economy, including the elimination of residential property and its full governmentalization.

Key words: housing construction, the state housing policy, housing problem, communal flats.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИЙ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ 90-Х ГГ. XX В. (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)*

Аннотация: Западная политическая наука в силу давности традиций политической конкуренции идей, политических программ, партий имеет долгую историю изучения политических избирательных кампаний. Методология исследования партий как основных участников предвыборных кампаний широко представлена в западной партологии. В отечественной историографии вопросы участия российских партий на выборах нуждаются в дополнительном изучении с целью воссоздания комплексной картины эволюции электоральной политики в период избирательных кампаний 90-х гг. XX века.

Ключевые слова: электоральная политика, партия, избирательная кампания.

Изучение опыта осуществления электоральной политики партий в период избирательных кампаний в 90-е гг. предполагает обязательное обращение к осмыслению существующей историографической традиции, изучение и анализ разноплановых трудов, посвященных различным аспектам данной научной проблематики. При этом в силу ее известной специфики, состоящей в многоплановости и междисциплинарности, помимо соответствующих исследований отечественных и зарубежных историков, необходимо также обращение к трудам политиков, политологов, правоведов, социологов и т.д.

Исследование историографии данной проблемы предполагает учет тех глубоких изменений, которые произошли в отечественной науке под влиянием модернизационных процессов последних десятилетий, в частности, нашедших отражение в радикальной перемене взглядов на природу представительной власти.

Развитие процессов демократизации в СССР в конце 80-х - начале 90-х гг., осуществление глубокой реформы системы представительной власти, с переходом к альтернативным выборам и демонтаж системы Советов обусловили дальнейшую актуализацию проблем организации представительной власти.

Августовский кризис 1991 г. стал переломным для развития новых демократических институтов, включая выборы, что, по мнению некоторых авторов, способствовало легитимности новых российских властей и созданию всенародной поддержки демократии.¹ Новый этап электоральной реформы начался в 1992 г. на фоне обострения противоречий между президентом Б.Н. Ельциным и Верховным Советом РСФСР.² Под руководством В.А. Шейниса был разработан проект нового избирательного закона,³ который обсуждался российскими политиками и экспертами,⁴ но дебаты не увенчались политическими результатами. В сентябре 1993 г. Б.Н. Ельцин распустил Верховный Совет и назначил выборы в обеих палатах Федерального Собрания. Такой неожиданный для политиков и исследователей исход положил начало новому этапу в развитии выборного процесса в России, оцененного некоторыми учеными как «учредительные выборы».⁵

В это время происходит радикальное изменение методологических подходов, связанное с новой оценкой содержания российского политического процесса. В частности, уже в 1992 г. появляется достаточно стойкое определение текущего состояния

* © Брусиловская О.А.

российского политического процесса как переходного от коммунистического к посткоммунистическому периоду.⁶ К 1993 г. это понимание начинает закрепляться и разрабатываться.⁷ Анализ проблем организации представительной власти становится особенно актуальным после принятия в 1993 г. Конституции РФ, которая определила концептуальные основы новой системы представительной власти.⁸

Выборы 1993 г. ознаменовались значительным ростом числа публикаций по избирательной тематике в периодической печати и научных изданиях. Появились новые аналитические центры, занимающиеся организацией избирательных кампаний и проведением электоральных исследований. В это же время активизирует свою деятельность специализированный Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в практику входят первые предвыборные опросы. Социально-структурный и политико-географический методы анализа активно использовались в ходе изучения избирательных кампаний.⁹

После событий осени 1993 г. появляются оценки пройденного этапа политического реформирования как трансформации.¹⁰ Понимание результата политических реформ как общественной трансформации было признано и развито впоследствии в историографии как политологами, так и историками.¹¹

Ряд исследовательских проектов, посвященных изучению общественного мнения, начинают финансировать помимо правительства и политические партии. По оценке В. Гельмана, подобные организации могут быть идентифицированы по идеологической ориентации: более или менее проправительственно ориентированные либералы (Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Институт социологии Российской академии наук, Независимый фонд «Центр политических технологий», Гуманитарно-политологический центр «Стратегия», Фонд политических исследований ИНДЕМ (“Information Science for Democracy”), Российский общественно-политический центр (РОПЦ), Московский Центр Карнеги, Центр геополитических исследований Института географии РАН); более или менее прокоммунистически ориентированные антилибералы (Институт социальных и политических исследований РАН (ИСПИ РАН), Институт сравнительных социальных исследований (ЦЭССИ), Институт социологии парламентаризма); центристы, связанные с другими партиями и политиками (Экспертный научно-исследовательский институт, Институт гуманитарно-политических исследований (ИГПИ), Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП)).¹²

В новой ситуации проблемы изменений в российской избирательной практике первоначально исследователями особенно активно рассматривались в литературе, посвященной анализу политического процесса, эволюции властных структур, в том числе и органов представительной власти.¹³ В качестве важного аспекта исследования они присутствуют в литературе данного плана вплоть до настоящего времени.¹⁴

Выделяя наиболее характерные черты исследований, отметим, что, работам, исследующим проблемы развития российского избирательного процесса присущ высокий уровень критичности.¹⁵ Нередко для оценок избирательных кампаний характерен крайний скепсис, который все же вряд ли можно считать в полной мере оправданным. К примеру, О.В. Красильникова отмечает, что в 1990-е гг. «главной особенностью избирательных кампаний регионального и местного значения является демонстрация «единения» власти и электората, итогом которого является заранее запланированный результат».¹⁶

В то же время, в ряде случаев, имеет место идеализация избирательных кампаний, проведенных после событий 1993 г., их абсолютным противопоставлением пред-

шествующему периоду. В частности, вопреки очевидным фактам, отдельные исследователи утверждают, что прежде никакого выбора не было «и только в 1993 г., после принятия новой Конституции, положение постепенно начало меняться».¹⁷

Специфической особенностью исследований 1990-х гг. является то, что их активизация происходила накануне выборов, а также в ходе избирательных кампаний. Отчасти они вплетались в общий контекст политической борьбы. Однако ценным было все же стремление к осмыслению накопленного опыта предвыборной борьбы. Это объясняется ростом востребованности в подобных работах в контексте текущих задач избирательных кампаний. Исследователями в целом воссоздана картина усложнения, формирования многомерности избирательного процесса, связанного с устойчивой тенденцией углубления процесса самоопределения различных политических сил, в том числе и на основе их размежевания, поляризации, а также усложнения избирательных технологий.

Многим работам присущи очевидные политические пристрастия. В частности, многие исследователи сожалеют о «распыленности демократических сил», оформившейся в 1990-е гг.¹⁸ На наш взгляд, это заставляет задуматься не только об оценочной части такого рода публикаций, но и об объективной природе тех сил, которые провозгласили себя демократическими, а также о реальной социальной базе такой «демократии».

В целом, оценивая содержательность исторических трудов по проблемам развития российского избирательного процесса в 90-е гг., следует отметить, что в силу незначительной временной отдаленности периода, ими лишь начато осмысление отмеченной проблематики. В данной связи автором в ходе исследования широко привлекались работы специалистов смежных научных дисциплин.

Важное значение для изучения проблем российского избирательного процесса имело изучение опыта проведения крупнейших избирательных кампаний в рамках обновленной политической системы России.¹⁹ Наряду с этим много внимания уделялось исследователями выборам Президента РФ, президентов и глав администраций в субъектах Российской Федерации. Большинство ученых предпочло рассматривать избирательный процесс в контексте смены региональных политических элит.²⁰

Большой блок работ, посвященных проблемам выборов в Российской Федерации, был создан при участии руководителей и членов Центральной и региональных избирательных комиссий А.А. Вешнякова, А.В.Иванченко, Р.Т. Биктагирова, В.Е. Кораблина, А.Белобородова, Е.П. Ищенко и др.²¹ А.В. Иванченко и А.А. Вешняков посвятили этой тематике свои диссертации.²²

В этой связи необходимо особо отметить работы члена ЦИК РФ, одного из ведущих специалистов в области истории выборов в России профессора Ю.А. Веденеева, автора большого числа научных работ и публикаций.²³

Значительный фактический материал по истории избирательных компаний в России содержится в публикациях практиков избирательного процесса последних лет С.В. Большакова, А.Г. Головина, С.Е. Заславского, З.М. Зотовой и др.²⁴

Региональные выборы подробно освещены в работах Л.А. Гусева, В. И. Чекалкина, М.Х. Фарукшина, А.Б.Шатилова, Н.В. Яковлева, И. Манаенкова, И.А. Носкова, Г.И. Марченко, О.П. Кудинова, Т.Г. Калашниковой, И.Д. Саначева и др.²⁵

Начиная с 1993 г., тематика хода выборных кампаний в законодательные органы власти стала активно разрабатываться в диссертационных исследованиях С.А. Мордвинцевой, Е.Е. Горячевой, С.В. Новикова, И.А. Папушева, Ю.М. Ужегова, Д.В. Тихомирова, О.В. Красильниковой, И.К. Ушаковой и др. Причем они рассматривались как в рамках общественно-политических кампаний,²⁶ так и в контексте избирательного

процесса. Ряд исследований были посвящены отдельным избирательным кампаниям,²⁷ в том числе на примере отдельных регионов.²⁸

Особенно большое внимание исследователями уделялось изучению проблемы организации избирательного процесса, в т.ч., как в общем, так и в конкретных избирательных кампаниях, что нашло отражение в работах А.И. Ковлера, В.Я. Гельмана, В.И. Лысенко, М.И. Кукушкина и др.²⁹ Изменение статуса участников избирательных кампаний, деятельности избирательных комиссий и процедур публичного наблюдения исследовано в работах С.Д.Князева, А.В.Иванченко, В.В. Лапаевой и др.³⁰

Одной из разработанных проблем современной российской многопартийности является общий анализ участия политических партий на федеральных выборах, разработка типологии социальных сегментов общества, голосующих за те или иные политические партии, состояние электората политических партий России, его динамика.³¹

Важный вклад в изучение проблемы участия в выборах в Госдуму политических организованных сил внес сборник «Общероссийские политические общественные объединения на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 1999 году», опубликованный в 2002 г. Российским центром обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Авторам удалось собрать полную информацию о каждом избирательном объединении, избирательном блоке, принявшем участие в избирательной кампании на выборах в 1999 г., и сделать сравнительный анализ сведений об их участии в выборах 1993 и 1995 гг.³²

Значительный интерес представляют собой исследования К.Г. Холодковского, С. Н. Пшизовой, Ю.Г. Коргунюка, Н.Г. Кисовской и др., которые охватывают широкий круг проблем: социально-демографические характеристики партий, коалиционную политику, новые тенденции в идейно-политической дифференциации, что позволяет при изучении предвыборной электоральной политики партий более полно учитывать их ресурсную базу.³³ Вопросы изменений в российской избирательной практике плодотворно исследовались и в контексте начавшегося изучения формирующейся отечественной многопартийности.³⁴

Проблема влияния избирательного процесса на становление многопартийности и избирательной системы в целом была поднята Г.Я. Гельманом, В.А. Колосовым, Р.Ф. Туровским, З.М. Зотовой и др.³⁵ Политические партии ими рассматривались в качестве одного из главных участников избирательного процесса. Хотя, изучив практику выборов вплоть до 1999 г., исследователи стали констатировать, что политические партии так и не стали влиятельными политическими акторами избирательного процесса.³⁶

Существенный вклад в изучение структуры партий, их участия в электоральных циклах внесли работы М.Я. Острогорского, В.Я. Гельмана, Г.В.Голосова, Г. Люхтерханд-Михалевой, В.Я. Гельбраса.³⁷

Важным вкладом в исследование современной отечественной партологии являются работы авторов, акцентирующих внимание на какой-либо одной партии и, в силу этого глубже отражающих внутренне детерминированные процессы партийного участия в избирательных кампаниях, а также интервью участников кампаний по методологическим проблемам их организации. Здесь следует обратить внимание на работы В. П. Пешкова, В. Б. Пастухова, В. Я. Гельмана, И.К.Ушакова и т.д.³⁸

Отдельно стоит сказать о степени разработанности проблем особенностей российского партогенеза в новейших диссертационных работах Н.В. Пшеничникова, И.В. Данилова, А.П. Богданова, В.И. Громова, И. В. Подколзиной и ряда других исследователей.³⁹ В работе А.А. Кобринского освещены вопросы становления российского пар-

ламентаризма, разработка партийных программ.⁴⁰ Существенный вклад в исследование такого сложного социального явления, как современная избирательная кампания внесли диссертационные работы В. А. Боярских, Н. Ю. Выхристенко⁴¹. Большую методологическую помощь в исследовании эффективности стратегий и тактики оказала диссертационная работа Н. В. Егорышевой, в которой автор дает критерии эффективности избирательной кампании, как для западных сообществ, так и для участников российских избирательного процесса⁴².

Среди проблем, вызывающих повышенный интерес, безусловным приоритетом обладает электоральное поведение населения на выборах. Это связано со значительным спросом на информацию, в которой нуждаются политики и поддерживающие их группировки. Анализ массовых опросов в прогнозе электорального поведения населения становится самостоятельным исследовательским направлением.⁴³ Теоретические положения, фиксирующие принципы электорального поведения населения, стали отдельным объектом изучения со стороны исследователей. Выявлен ряд принципов изучения электорального поведения: это учет ситуации постоянного противостояния, неустойчивости установок избирателей, непредсказуемости мотивов и предпочтений итогового выбора, интенсивное воздействие внешних факторов (экономических, бытовых, этнических и т.д.); высокая степень проверяемости результатов социологических замеров (совпадения прогнозов и итогов голосования).⁴⁴

Этапы изучения и адаптации к условиям России известных в странах с развитой демократии теорий и методов исследования электорального поведения населения стали предметом рассмотрения в работах Г.Г. Почепцова, В.Г. Зарубина, К.Г. Холодковского, Г.В. Голосова, А.С. Лебец, П.А. Марченкова, А.В. Чазова, С.В. Чугрова и других.⁴⁵ Проблемам электорального конфликта и ответственности в избирательном процессе уделяли внимание С.В. Чугров, В.Е. Гимпельсон, А.С. Автономов, С.Е. Заславский, Е. Петренко, А. Ослон, Ф.Т. Алескерев и др.⁴⁶

Изучению имиджа участников избирательной кампании, его места в электоральном процессе и возможности его трансформации посвящены диссертационные работы С. Ю. Белоконева, Н. В. Трошиной и др.⁴⁷ Также можно отметить большое прикладное значение для данной работы исследований А. А. Коломийцева и М. Ю. Максимова.⁴⁸

В силу своего огромного влияния на ход и результаты избирательных кампаний, большой интерес вызвала также тема использования средств массовой информации на выборах и применения информационных технологий в избирательном процессе. Интерес исследователей к новейшим избирательным технологиям и их апробация на отечественном поле привели к тому, что значительная часть исследователей посвятили свои работы непосредственно избирательным технологиям достижения преимуществ на выборах. Среди них: О.П. Кудинов, П. Мерло, В. У. Корниенко, М. Макфол, Д.М. Дурдин, А.Н. Балашова, С.М. Тучков и другие.⁴⁹ В работах М. Пинто-Душинского, В.Д. Мостовщикова, Е.В. Ташматовой и др. исследованы проблемы применения СМИ на выборах, характерные приемы их деятельности, развития законодательства о политической рекламе и правового регулирования предвыборной агитации, а также проблема информационной прозрачности избирательного процесса в России.⁵⁰

Таким образом, электоральные исследования в России оформляются как самостоятельное направление научных исследований и приобретают очевидный общественно-политический характер.

Первым объемным трудом, созданным в России, и посвященным общей технологии выборов стала работа А.И. Ковлера «Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт».⁵¹

Вопросы изучения электоральной политики партий и влияния ее на поведения российских граждан оформились в отдельное направление в исследованиях В.А. Колосова, Р.Ф. Туровского, В.С. Комаровского, О.В. Красильниковой.⁵² Отдельное направление составляют исследования политологов, поднявших проблему изучения избирательных кампаний на качественно новый уровень, утвердивших теорию политического избирательного маркетинга как важнейшее направление отечественной политологии.⁵³ Среди хорошо разработанных вопросов – проблемы изучения личности и имиджа политического лидера.⁵⁴ Опыт анализа общенациональных избирательных кампаний вылился в методические пособия по организации избирательных кампаний в работах А.А. Мирошниченко, О.В. Кузьминой.⁵⁵ Отдельно стоит отметить работы Г.В. Голосова, посвященные партийной фрагментации в регионах России, электоральным циклам 1993-1999 гг. и электоральной инженерии.⁵⁶

Зарубежная политическая наука имеет долгую историю изучения политических кампаний, в том числе кампаний политических партий, что естественно в силу давности традиций политической конкуренции идей, политических программ и т.д. Методология исследования партий, как основных участников предвыборных кампаний, широко представлена в западной научной литературе. В первую очередь стоит отметить работы исследователей в области партогенеза М. Вебера, Г. Алмонда, Г. Пауэлла, К. Джанду, М. Дюверже, М. Михельса, Г. Сартори, С. Липсета, С. Роккана и др.⁵⁷

Изучение российского политического, в том числе избирательного процесса активно осуществляется западными учеными. Общая проблематика организации избирательных кампаний, развития избирательного права, исторического опыта демократического разрешения электорального конфликта отражена в работах П. Бурдые, М. Догана, Д. Пеласси, Т. Парсонса, П. Сандевуара, Э. Лейкмана, Дж. Ламберта, Р. Будона, А. Лейпхарта и др.⁵⁸

Одним из ведущих специалистов в области российских выборов является американский исследователь Майкл Макфол, работавший в России в 90-х годах.⁵⁹ Его работы отличаются резко критическим восприятием российских выборов, которые он рассматривает лишь как ширму для создания новой диктатуры в России. Его соотечественник Стивен Сольник рассматривает историю российских выборов тоже критически, но гораздо более сдержанно, указывая на опасность некоторых отступлений от общепринятых норм демократии в России.⁶⁰

Изучению развития российской парламентской системы в 90-е годы, и, в частности, проблемам избирательных компаний посвящены публикации Т. Ремингтона и С. Смита.⁶¹

Суть и методы разрешения электорального конфликта, отличительные признаки избирательного законодательства и роль партий в российских выборах кампаниях проанализированы в работах Дж. О’Доннелла, Т. Карла и П. Шмиттера.⁶²

Динамика развития российского выборного законодательства, повышение степени его открытости и расширение электоральных прав граждан РФ рассмотрена в работах Дж. Линца, А. Штэпана, Дж. Остроу, Х. Ролингса, П. Родера и др.⁶³ Уделяли внимание теме российских избирательных кампаний и такие известные историки, политологи и социологи как Д. Кольер, С. Левски, Л. Даймонд, Дж. Хейндл, Т. Николе, Дж. Ноги, Р. Митчелл, Дж. Сартори, Дж. Цебелис и др.⁶⁴

Интересный пласт исследований представляют собой работы зарубежных авторов, которые были иностранными наблюдателями в ходе выборов в России и дают весьма интересные, а подчас неожиданные оценки федеральных и региональных выборов в России. Среди таких авторов необходимо отметить, прежде всего, работы М. Журавски, С. Мартелло, С. Мелник, М. Янг, М. Лаунера, Д. Вильяме и Дж. Ишиямы.⁶⁵

Большой фактический и аналитический материал по истории выборных кампаний содержится в сборниках работ, вышедших за последние 15 лет в США, Великобритании, Германии, Венгрии.⁶⁶ При всей пестроте взглядов ученых, можно выделить в качестве основного вопрос о перспективах развития российской избирательной системы.

Необходимо отметить, что в последнее время у исследователей российской политической науки начинает появляться интерес не только к практическим аспектам электоральной политики, но и ее теоретическому осмыслению, что повышает актуальность, научно-познавательную и политико-практическую значимость политологического исследования специфики электоральной политики в современной России.

В целом, проведенный научный анализ показал, что, хотя данная проблема нашла свое отражение в отечественной историографии, тем не менее, нуждается в дополнительном изучении с целью воссоздания комплексной картины эволюции российской электоральной политики в период избирательных кампаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Шевцова А.Ф. Посткоммунистическая Россия: логика трансформации и перспективы. М. 1995.
- 2 Левчик Д. Основные элементы электорального права и их применение в российском законодательстве. 1992-1994//Кентавр. 1994. №5.
- 3 Шейнис В.А. Стране нужен избирательный кодекс // Общественные науки и современность. 1995. №1.
- 4 Гельман В.Я. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода // Полис. 1997. №4; Макфол М. Осмысление парламентских выборов 1993 г. в России // Полис. 1994. №5.; Шейнис В.А. Политическая ситуация в России и новый избирательный закон // Полис. 1993. №3.
- 5 Гельман В.Я. Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа// Выборы и партии в регионах России. М.-СПб., 2000. С. 15.
- 6 Фадеев Д.А. От тоталитаризма к демократии: закономерности переходного периода// Полис. 1992. № 1-2. С.118; Сирота А.М. Сможем ли выбраться из колеи?// Полис. 1992. № 5-6. С. 202; Стрижевская Ю. Переходы от авторитарных режимов// Общественные науки и современность. 1992. №5; Лобер В.А. О некоторых закономерностях перехода от тоталитаризма к демократии// Проблемы реформирования России и современный мир. Вып. 2. М., 1993. С. 95; и др.
- 7 Пугачев Б.М. Кризис демократии в России// Посткоммунистическое развитие России. М., 1993; Политическое развитие современной России. М., 1993; Шевцова А. Проблемы и тупики консолидации власти в России// Россия сегодня: трудные поиски свободы. М., 1993; и др.
- 8 Конституция Российской Федерации М., 1997, С. 8.
- 9 Собянин А. Гельман Э. Политический климат России в 1991-1993 годах // М. 1993. №9.
- 10 Харитонова О.Г. Трансформация политической системы СССР: пути демократизации в процессе перестройки. (1985-1991). М., 1994; и др.
- 11 Россия политическая. М, 1998; Харитонова О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей)//Полис. 1996. №5; Вайнштейн Г.Г. Между полной несвободой и полным хаосом. О природе политической системы современной России// Pro et Contra. Лето. 1998. Т.3. №3; Общественные преобразования в России в контексте глобальных политических трансформаций// Эволюция политических институтов на Западе. М., 1999; Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М.: МОНФ, 1999; Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций// Политические институты на рубеже тысячелетий. XX - XXI век. Дубна, 2001; Верниченко М.А. От перестройки к смене модели общественного развития. М., 1999; Россия в условиях трансформации. Материалы научного семинара. Вып. 1-4. М., 2000; и др.
- 12 Гельман В.Я. Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа// Выборы и партии в регионах России. М.-СПб., 2000. С. 17.
- 13 Реформирование России: мифы и реальность (1989-1994). М., 1994; Аннинский Л. Кредо и кодекс власти: Российский избиратель. Тюмень - М., 1996; Сергеев В.М. Становление демократии в России и традиция соборности: источниковедческий анализ материалов Съезда народных депутатов СССР. Дисс... докт. ист. наук. М., 1993; Россия: Власть и выборы. М., 1996; Политический альманах России 1997 г. Т. 1. Выборы и политическое развитие. М., 1998; Крючков М. Новая Россия - новые выборы. М,

-
- 1999; Шевцова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина. М., 1999; Нечипас Ю.В. Исторический опыт реформирования политической системы Российской Федерации в 90-е годы. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000; и др.
- 14 Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М., 1996; Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории. (1917-1918; 1985-1993). Пермь, 1998; Хачатурян Б.Г. Развитие российского федерализма на примере строительства органов власти в дальневосточных субъектах российской федерации (1990-1997 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2000; Шаблинский И. Пределы власти. М., 1997; Шевцова Л. Посткоммунистическая Россия: логика трансформации и перспективы. М., 1995; и др.
 - 15 Собянин А.А. Суховальский В.Г. Демократия, ограниченная фальсификациями (выборы и референдумы в России в 1991-1993 гг.). М., 1995.
 - 16 Красильникова О.В. Избирательные кампании в Республике Татарстан, 1990-2000 гг.: Историко-политический анализ. Дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 105.
 - 17 Сильников А.Н. За кого голосовать на парламентских и президентских выборах 1999 и 2000 гг. М., 1999. С. 14.
 - 18 Анохин М.Г. Выборы как фактор демократического обновления политической системы // Вест. Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 4; Динес В. Николаев А. Выборы как индикатор политических процессов в постсоветской России // Власть. 1998. № 3; Проблемы народного представительства в Российской Федерации. М., 1998; Эксперты о факторах демократической консолидации России. Ч. 1. Избирательный процесс: президентские выборы как платформа для региональных // Полис. 1996. № 4; Комаровский В. Демократия и выборы в России // Социс. 1996. №6; Гельман Г.Я. Голосов Г.В. Политические партии Свердловской области // Мировая экономика и международные отношения. 1998. №5; и др.
 - 19 Федеральное Собрание России: опыт первых выборов / РАН, Ин-т гос. и права; Ред.кол.: Т.А.Васильева и др. М., 1994; Новиков С.В. Выборы 1996. Омск, 1997; Итоги выборов в Государственную Думу и перспективы политического развития России. М., 1996; и др.
 - 20 Антипов А.Н. Головкин А.С. Региональные элиты в избирательных кампаниях 1995 и 1996 гг. // Власть. 1996. № 9; Афанасьев М.Н. В России сформированы представительные собрания правящих региональных групп. // Власть. 1998. №2.
 - 21 Иванченко А.В. Деятельность избирательных комиссий субъектов Российской Федерации по реализации и защите избирательных прав граждан // Государство и право. 1998. № 9; Биктагиров Р.Т., Кораблин В.Е., Платэ А.Н. Средства массовой информации и их роль в избирательной кампании // Выборы депутатов Государственной Думы. 1995: Электоральная стат. М., 1996; Вешняков А.А. Реформа избирательной системы в Российской Федерации и международное право // Бюллетень Центр. избират. комис. Российской Федерации. 1995. №3. С. 29-48; Застрожная О. Актуальные вопросы участия политических общественных объединений в избирательной кампании 1999 года // Вестник Центральной избирательной комиссии. Российской Федерации: Спец. вып.: Выборы депутатов Государственной Думы 19 декабря 1999 года. 1999. Ноябрь. С. 34-36; Ищенко Е.П., Смирнов А.А. Практика рассмотрения избирательных споров, возникших в ходе выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации // Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995-1997: Электоральная стат. М, 1998. С. 605-612.
 - 22 Иванченко А.В. Организационно-правовая основа избирательного процесса в Российской Федерации. Дис. в виде науч. докл. на соискание учен. степ. д-ра юрид. наук. М., 1997; Вешняков А.А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
 - 23 Веденеев Ю.А. Теория и практика переходной демократии в России // Государство и право. 1995. №1; Веденеев Ю.А. Политика и федеральные выборы (взаимодействие между властью и правом) // Государство и право. 1995. №2; Веденеев Ю.А. Избирательная власть: исторический контекст и политико-правовые аспекты // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1995. № 2; Веденеев Ю.А. Политические партии и выборы // Государство и право. 1995. №7; Веденеев Ю.А. Конституционная демократия и правовая культура // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, 1996. №19; Веденеев Ю.А. Новое избирательное законодательство Российской Федерации // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1997. №6; Веденеев Ю.А. Избирательный процесс и политико-правовые технологии // Государство и право. 1997. №8; Веденеев Ю.А. Демократические выборы как политическая ценность и правовой институт // Развитие личности. 1997. № 1,2; Веденеев Ю.А. Электоральные правоотношения // Журнал Российского права. 1998. № 10-11; Веденеев Ю.А. Избирательное право: роль и место в системе права России
-

- // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2003. №2; Веденеев Ю.А. Источники избирательного права Российской Федерации // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2003. №6; и др.
- 24 Большаков СВ., Головин А.Г. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации. М, 2006; Выборы. Итоги. Проблемы., 2003; Заславский СЕ. Зотова З.М. Правовые основы участия политических партий в выборах. М., 2006.
- 25 Гусева Л.А. Сравнительный анализ региональных избирательных систем (на примере республик и областей Поволжья и Предуралья). Дисс. ... канд. полит. наук. Казань, 1998; Фарукшин М.Х. Особенности избирательной системы Татарстана // Политическая регионология: Сб.ст. Н.Новгород, 1999; Чекалкин В.И. Региональные праймериз третьих парламентских выборов // Власть. 1998. №2. С. 37-42. Чугров СВ. Электоральное поведение российских регионов: Стат. анализ выборов декабря 1995 г. // Мировая экономика и междуна. отношения. 1996. №6. С. 27-39. Шатилов А.Б., Нечаев В.Д. Региональные выборы: особенности технологии и характер предпочтений // Свободная мысль. 1997. №6. С. 58-69. Яковлев Н.В. Особенности участия региональных политических структур в выборных кампаниях // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 1998. №4. С. 78-82. Манаенков И.В., Носков И.А., Марченко Г.И. Выборы депутатов высших органов законодательной власти., 1989-1995. С., 1999. Кудинов О.П. Основы организации и проведения избирательных кампаний в регионах России: Теории, методы, технологии, практика. Калининград, 2000; Выборные кампании в Читинской области (1989-1994 гг.): Информ., анализ, прогноз, рекомендации / Калашникова Т. Г. и др. Вып. 1. Чита, 1994; Саначев И.Д., Бирюков М.Б. Основные тенденции избирательных кампаний в Приморье: (1993-1996 гг.) // Изв. Владивостокского ин-та междуна. отношений. 1997. №4 (Декабрь). С. 21-43.
- 26 Мордвинцева С.А. Общественно-политические кампании 1988-1991 гг. в Западной Сибири. Дисс.... канд. ист. наук. Омск, 1997.
- 27 Михайлов С.А. Выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации в 1993 году: (По материалам Ивановской, Костромской и Ярославской областей). Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001; Ужегов Ю.М. Политические партии и общественные организации России на выборах 1995 года в Государственную Думу. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- 28 Горячева Е.Е. Выборы в Советы народных депутатов в Западной Сибири (1988-1990 гг.): (Политический аспект). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1994; Новиков СВ. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимодействия. 1988-1996. Дисс. ... докт. ист. наук. Омск, 2000; Папушев И.А. Выборы в органы государственной власти 1990-1996 гг.: (На материалах Западной Сибири). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1998; Тихомиров Д.В. Становление и развитие российского парламентаризма: Исторический аспект исследования. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997; Красильникова О.В. Избирательные кампании в Республике Татарстан, 1990-2000 гг.: Историко-политический анализ. Дисс.... канд. ист. наук. К., 2002; и др.
- 29 Ковлер А.И. Избирательные технологии: Российский и зарубежный опыт. М., 1995; Кукушкин М.И. Югов А.А. Понятие и структура избирательного процесса // Теория и практика избирательного процесса. 1998. № 2; Лысенко В.И. Выборы в представительные органы в новой Европе: Политологический опыт и тенденции 80-90-х годов. М., 1994; Очерки по истории выборов и избирательного права. М., 1997; Гельман В.Я. Избирательные кампании в России: Испытание электоральной формулы // Политические исследования. 1996. № 2.
- 30 Иванченко А.В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: История, теория, практика. М, 1996; Юдин Ю. Политические партии и право в современном государстве. М., 1998; Вешняков А.А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации. М, 1997; Князев С.Д. Очерки теории российского избирательного права. Владивосток, 1999; Лапаева В.В. Понятие и правовой статус избирательного объединения // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1997. №11.
- 31 Холодковский К. Г. Социально-психологическая дифференциация российского населения и процесс формирования партий//Полис. 2001. №5; Тимошенко В. Российские партии, движения и блоки на выборах в Государственную Думу 17 декабря 1995 года: опыт, проблемы, перспективы//Вестник МГУ. Сер.12. 1996; Зотова З. и Штукина Т. Политические партии и блоки на выборах: тексты избирательных платформ. М., 1993. и др.
- 32 Общероссийские политические общественные объединения на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 1999 году // Под общей ред. Е.П. Дубровиной. М., 2002.
- 33 Холодковский К. Г. Политические партии России//Гражданское общество в России. Структуры и сознание. М, 1998; Кисовская Н. К. Группы интересов и партии. Там же; Пшизова С. Н. Какую партийную модель воспримет наше общество?//Полис. 1998. № 4; Пшизова С. Н. Демократия и политический

- рынок в сравнительной перспективе//Полис. 2000. №2; С. И. Пшизова От подражания к имитации: партийное строительство на постсоветском пространстве//под.ред. Пляйс Я.Л. Партии и партийные системы. М.Ростов-на-Дону. 2004; Холодковский К. Г. Партии: кризис или закат?//Полития. №2(16). Лето 2000; Коргунюк Ю. Г. Избирательная компания 1999 г. и перспективы развития российской многопартийности//Полития. №4(14). Зима 1999-2000; Кисовская Н. Г. Российские партии и западная модель//Полития. № 1(15). Весна 2000; Щербак А. П. Коалиционная политика российских партий//Полис. 2002. №1. и др.
- 34 Данилов А.А. Засорин С.А. Политические партии Российской Федерации на современном этапе. М., 1992; Партийная система в России в 1989-1993 годах: опыт становления. М., 1994; Березовский В.Н. Российская многопартийность в конце XX века: процесс возникновения (1987-1991 гг.). Дисс.... канд. ист. наук. М., 1993; и др.
- 35 Гельман Г. «Яблоко»: опыт политической альтернативы. // Кентавр. 1995. № 6.; Колосов В.А. Туровский Р.Ф. Партии в регионах России: география голосований, результаты и возможности // Sapere Aude: Вестн. Моск. школы политич. исслед. 1995. №2; Туровский Р.Ф. Воронежская область: экономика, партии, лидеры. // Власть. 1995. №11; Зотова З.М. Выборы и перспективы многопартийности в России. // Политические партии в России. Выборы-95 г. Ч. 1. / Под ред. Г.П. Касарова, Г.И. Тафаева; Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, Межрегиональная программа «Новейшие политические партии и национальные движения республик Поволжья и Приуралья (1990-2000 гг.). Чебоксары, 1996.
- 36 Гельман В. Сенатова О. Политические партии в регионах России: динамика и тенденции. // Власть. 1995. №5.
- 37 Острогорский М.Я. Демократия и политические партии М., 1997; Голосов Г.В. Первый электоральный цикл в России(1993 - 1996) под ред. Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. М., 2000; Избирательный процесс и партии в российских регионах//Ляхтерхандт-Михайлева Г., Рыженкова С. Выборы и партии в регионах России. Москва. Санкт-Петербург, 2000; Гельбрас В. Кто есть что? Политические партии и блоки, общественные организации. М, 1994.
- 38 Манихин О. Российская демократическая партия «Яблоко». Краткий исторический обзор. Смоленск. 2003; Островский Е. Техника чистой победы//Эксперт №1 - 2, 17 января 2000: Пешков В. П. Коммунисты: право на власть. Центр исследований политической культуры России. М., 1998; Пастухов В. Б. Перспективы посткоммунистического консерватизма и президентские выборы//Полис. 1996. №2; Динес В. и Николаев Л. От «Единства» к «Единой России»: эволюция идеологических установок// Власть. 2002. №5; Холмская М. Комдвижение в России: организационный этап//Власть. 1994. №12; Соловей В. Электоральная стратегия КПрФ: от парламентских к президентским выборам. Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. М., 1996; Гельман В. Я. «ЯБЛОКО» опыт политической альтернативы/Кентавр. 1995. №6; Смирнов И. Партия российского единства и согласия. (К первой годовщине существования)//Власть. 1995. №1.; Ушакова И.К. Представительная власть Российской Федерации и общественно-политические организации в 1993-1999 гг. (на примере АДПР). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000; Холодковский К.Г. Политические партии России и выборы 1995-1996 гг. // Мировая экономика и международные отношения. 1997. №2; Лапаева В.В. Политические партии в избирательном процессе // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1996. № 8; Серебрянников В.В. Силловые структуры и политические партии // Власть. 1999. № 11; и др.
- 39 Пшеничников П. В. Российские парламентские партии в региональном политическом процессе. Дисс. канд. полит. н.М. 2003; Данилов М. В. Партии в политическом пространстве современной России. Дисс.канд. полит. и. М. 2003; Богданов А. П. Политические партии как субъект региональной политики. Дисс. канд. полит. н. М. 2003; Громов В. И. Политический центризм в партийном спектре современной России. Дисс. канд. полит.н. С. 2005; Подколзина И. В. Становление парламентских партий в России. Дисс. канд. полит. н. СПб. 2004.
- 40 Кобринский А.Л. Политический партии и депутатские группы в Государственной Думе Федерального Собрания РФ в 1990-егг. Дисс. докт. ист.н. М. 2004.
- 41 Боярских В. А. Социологический анализ избирательных кампаний. Дисс. канд. социол. и. Тюмень. 2005; Выхристенко Н.Ю. Освещение средствами массовой информации России парламентских выборов в РФ (2003г.) Дисс. канд. полит, н. М. 2005.
- 42 Егорышева Н. В. Эффективность избирательной кампании в условиях современного российского общества. Дисс. канд. полит, и. Уфа. 2004.
- 43 Андрущенко Е. Почему не сбылись прогнозы? // Власть. 1996. №2; Дмитриев А. Тощенко Ж. Социологический опрос и политика // Социс. 1994. №5; Руткевич М. Выборы-95: прогнозы и результаты // Власть. 1996. №3.
- 44 Ротман Д.Г. Электоральные исследования: сущность и технология // Социс. 1998. №9. С 63.

-
- 45 Почепцов Г.Г. Имидж и выборы. Киев, 1997. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. М., 1999. Почепцов Г.Г. Как становятся президентами. Избирательные технологии XX века. Киев, 1999. Зарубин В.Г. Российский избиратель: опыт социологического анализа элективного действия. СПб. 1997. Зарубин В.Г. Типология элективных групп: к вопросу о формализованном методе обобщения эмпирических данных // Электоральная политология: теория и опыт России. СПб., 1998. Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Политические исследования. 1997. №4. Чазов А.В. Политические предпочтения versus политические технологии // Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии. СПб., 1999. Чугров С. Электоральное поведение российских регионов // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 6. Чугров С.В. О региональной фрагментарности российского политического сознания // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 1.
- 46 Автономов А.С. Основные категории и институты избирательного права // Избирательная кампания. Российский центр избирательных технологий. М., 1995; Алескерев Ф.Т., Ордешук П. Выборы. Голосование. Партии. М., 1995; Веденев Ю.А. Демократические выборы как политическая ценность и правовой институт // Развитие личности. 1997. № 1, 2; Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: Институты, режимы, практики // Политические исследования. 1998. № 1; Гимпельсон В.Е., Чугров С.В. Модели электорального поведения российских регионов: Опыт многомерного статистического анализа итогов выборов 12 декабря 1993 г. // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4; Заславский С.Е. Власть и политические партии в режиме выборов. Становление института партийного представительства: Политико-юридический аспект // Власть. 1994. № 4; Ковлер А.И. Основы политического маркетинга: Технология организации избирательных кампаний. М., 1993; Ослон А. Петренко Е. Факторы электорального поведения: От опросов к моделям // Вопросы социологии. 1994. № 5.
- 47 Белоконев С. Ю. Формирование имиджа конкурента в региональных избирательных кампаниях в России (2000-2002 гг.). Дисс. канд. полит. н. М. 2004; Трошина Н. В. Фактор имиджа в российском электоральном процессе, Дисс. канд. полит. и. Саратов. 2001; и др.
- 48 Коломийцев А. А. Ресурсы политического лидерства. Дисс. канд. полит. и. Ростов-на-Дону. 2002; Максимов М. Ю. Административная модель организации избирательной кампании. Дисс. канд. Полит. н. С. 2002.
- 49 Кудинов О. П. Большая книга выборов: Как проводятся избирательные кампании в России. М., 2003; Л. Цветнов. Управление социально-политическими процессами. М. 1995; Соловей В. Электоральная стратегия КПРФ: от парламентских к президентским выборам. Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. М.. 1996; Мерло П. Избирательные кампании и проблемы их подготовки: «Равное игровое поле» и демократические выборы // Полис. 1995. №4; Корниенко В. У. «Технология выборных кампаний». М., 1997; Макфол М. Осмысление парламентских выборов 1993 в России // Полис. 1994. №5; Дурдин Д.М. «Образ политического лидера и возможности его изменения» // Полис. 2000. №2; Балашова А. Н. «Технология избирательной кампании в западной политической науке» // Вестник МГУ. Серия 12. 2000 №2; Тучков С. М. «К вопросу о законодательном регулировании некоторых аспектов применения технологии паблик рилейшнз в государственном управлении и политических кампаниях» // Вестник МГУ. Серия 12. 2001. №4. и др.
- 50 Пинто-Душинский М. Средства массовой информации и выборы. М., 1998; Мостовщиков В.Д. Избирательные конфликты и практика их разрешения // Выборы и референдумы. Екатеринбург. 1997. № 1; Мостовщиков В.Д. Предвыборная агитация и деятельность избирательных комиссий по осуществлению контроля за соблюдением законодательства о выборах // Выборы и референдумы. Екатеринбург. 1998. № 2; Средства массовой информации и выборы. М., 1995; Князев С.Д. Правовой режим предвыборной агитации по законодательству Российской Федерации // Известия Владивостокского института международных отношений ДВГУ. 1997. № 4; Ташматова Е.В. Роль СМИ Краснодарского края в эволюции электоральных предпочтений в период избирательных кампаний 1991-1996 годов. Дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000; Российские СМИ в избирательных кампаниях 1999 и 2000 годов: Материалы конференции Национального Института Прессы 25-26 апреля 2000 г. М., 2000.
- 51 Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М., 1995.
- 52 Колосов В.А. Туровский Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура, эволюция // Полис. 1996. №4; Комаровский В. Демократия и выборы в России: теория и история вопроса // Социс. 1996. №6; Время выбора / Под ред. В.С. Комаровского. М, 1989.
- 53 Амелин В.Н. Социология политики. М., 1992; Анохин М.Г. Комаровский В.С. Политика: возможность современных технологий. М., 1998; Ковлер А.И. Основы политического маркетинга: (технология организации избирательных кампаний). М., 1993; Морозова Е.Г. Политический рынок и политический

- маркетинг: концепции, модели технологии. М., 1999; Красильникова О.В. Эволюция российской электоральной политики в 1990-2000 гг. Региональный аспект. К., 2005.
- 54 Гринберг Т.Э. Политическая реклама: портрет лидера. М., 1995; Идиатуллина К.С. Личностные факторы государственных политических лидеров республик РФ // Государственное и муниципальное управление: история, теория, практика. Казань, 2002; Она же. Политический лидер в системе государственного управления (на материалах республик РФ) // Гражданское общество, государственная власть и местное самоуправление. Казань, 2001; Политический процесс: региональный вызов. Казань, 1999.
 - 55 Как победить на выборах: Методические рекомендации по современным избирательным технологиям. М., 1997; Кузьмина О.В. Технологии избирательной кампании. Новосибирск, 1998; Мирошниченко А.А. Выборы: от замысла до победы (предвыборная кампания в российском регионе). М., 2003.
 - 56 Голосов Г.В. Политические партии на региональном уровне // Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. Голосов Г.В. Избирательные системы и партийная фрагментация в регионах России, 1993-2003 годы // Власть и элиты в современной России. СПб., 2003. Голосов Г.В. Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // Политические исследования. 1997. № 3. Голосов Г.В. Первый электоральный цикл в России (1993-1999) М., 2000.
 - 57 Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Almond G.A., Powell G.B., Jr. Interest Aggregation and Political Parties // Almond G.A., Powell G.B., Jr. Comparative Politics Today. N.Y. 1996; Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория // Современная сравнительная политология. М., 1997; Дюверже М. Политические партии. М., 2000; Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. №3; Sartori G. Parties and Party Systems. N.Y., 1978; Upset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments // The West European Party System / Ed. P. Mair. Oxford. 1990.
 - 58 Бурдые П. Социология политики. М., 1993; Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997; Лейкман Э., Ламберт Дж. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958; Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Политические исследования. 1995. № 2; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997; Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социальных изменений. М., 1998; Аммулер М. Парламенты. М., 1967; Сандеуар П. Введение в право. М., 1994.
 - 59 Макфол М. Осмысление парламентских выборов 1993 г. в России // Полис. 1994. №5. С. 124-138; №6. С. 179-189; McFaul M. One Step Forward, Two Steps Back // Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. № 3. P. 19-33; McFaul M. The Perils of Russia's Protracted Transition. Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. №2. P. 4-18.
 - 60 Solnick S. Russia's Transition: Is Democracy Delayed Democracy Denied? // Social Research. 1999. Vol. 66. №3. P. 789-824.
 - 61 Remington T. The Russian Parliament. Institutional Evolution in a Transitional Regime, 1989-1999. New Haven & London, 2001; Remington T., Smith S. The Politics of Institutional Choice. The Formation of the Russian State Duma. Princeton & Oxford, 2001; Remington T.F. Politics in Russia. 2nd ed. New York, 2002.
 - 62 O'Donnell G. illusions About Consolidation // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 2. P. 34-51; O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore and London, 1986; Karl T., Schmitter P. Models of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // International Social Science Journal. 1991. Vol. 43. № 128. P. 269-284.
 - 63 Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe America, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore and London, 1996; Ostrow J.M. Comparing Post-Soviet Legislatures. A Theory of Institutional Design and Political Conflict. Columbus, Ohio, 2000; Rawlings H. Law and the Electoral Process. L., 1988. P. 146; Roeder P. Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regime // Post-Soviet Affairs. 1994. Vol. 10. № 1. P. 61-101.
 - 64 Collier D., Levsky S. Democracy with Adjectives. Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430-451; Diamond L. Economic Development and Democracy Reconsidered / Reexamined Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset // G. Marks and L. Diamond (eds.). London, 1992. P. 93-139; Heindl G. Wahlbeobachtung in Russland. Wien, 2004; Nichols T.M. The Russian Presidency. Society and politics in the Second Russian Republic. London, 2000; Noogee J.L., Mitchell R.J. Russian Politics. The Struggle for a New Order. Boston, London, 1996; Sartori G. The Sociology of Parties: A Critical Review / The West European Party System // P. Mair (ed.). Oxford, 1990. P. 150-182; Tsebelis G. Nested Games: Rational Choice in Comparative Politics. Berkeley and Los Angeles, 1990.
 - 65 Журавски М. Я был иностранным наблюдателем № 681 // Власть. 1994. №1. С. 3-5; Мартелло С. Выборы в России глазами американцев // Бизнес и политика. 1996. №1. С. 20-25; Мелник С. Демократия

- и принцип представительства: Краткий сравнительный обзор различных избирательных систем и анализ их сильных и слабых сторон // Избирательные системы и наблюдение за выборами: Краткий обзор (Актуальные тетради, 2). М., 1995; Янг М., Лаунер М., Лихачева И., Вильяме Д., Ишияма Дж. Политическая аргументация партий на выборах в Государственную Думу: уроки усвоенные и неусвоенные // Политая. 1997. №2. С. 33-44.
- 66 The 1999-2000 elections in Russia: Their impact and legacy / Ed. by Vicki L. Hesli, William M. Reisinger. Cambridge, 2003; Democracy and Political Transformation. Theories and East-Central European Realities. Budapest, 1991. P. 209; Democratization in Russia: the Development of Legislative Institutions / Ed. by J. Hahn. New York, 1996; Russian Parliament Encyclopedic Directory. Washington, D.C., 1996.

O. Brusilovskaya

THE ELECTORAL POLICY OF PARTIES IN ELECTION CAMPAIGNS OF 90 TH
XX B (THE PROBLEM HISTORIOGRAPHY)

Abstract: The western political science owing to prescription of traditions of a political competition of ideas, political programs, parties has long history of studying of political election campaigns. The methodology of research of parties as basic participants of election campaigns is widely presented in western партологии. In a domestic historiography questions of participation of the Russian parties on elections require additional studying for the purpose of a reconstruction of a complex picture of evolution of an electoral policy in election campaigns of 90th of the XX-th century.

Key words: electoral, policy, party, selective, campaign.

ЖЕНЩИНЫ-ДЕПУТАТЫ В СОСТАВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ IV СОЗЫВА (2004 – 2007 ГОДЫ)*

Аннотация: Данная статья посвящена актуальной проблеме участия женщин в органах законодательной власти в одной из палат Федерального собрания Российской Федерации – Государственной Думе IV-го созыва. В работе приведены примеры достижений женщин-депутатов при проведении своей политической линии. Рассмотрена необходимость устранения неравенства между мужской и женской частями депутатского корпуса и населения страны в целом.

Ключевые слова: политическое участие, представительство женщин в органах власти, гендерная асимметрия, женщины-политики, Государственная Дума.

В современной России в высших органах власти представительство женщин крайне ограничено. Те из них, которые смогли вступить на политическую арену, как правило, не являются самостоятельными фигурами, способными как-то повлиять на проводимую политику. В законодательной ветви власти диспропорция в представительстве мужской и женской половины населения в Государственной Думе оказывает негативное влияние на проводимую государством политику. Прежде всего, участие женщин в политике государства необходимо потому, что последние с большой ответственностью подходят к проблемам социальной политики государства. Однако мужской взгляд на принятие женского состава в партийные ряды довольно различен. «Партии – фавориты избирателей предлагают три модели государственной политики в отношении женщин: игнорирование проблемы («Единая Россия», КПРФ), откровенно дискриминационная политика (ЛДПР) и политика, в общем ориентированная на преодоление дискриминации женщин («Родина») [5, 3].

В Государственной думе IV созыва были избраны следующие партии: «Единая Россия», в которой было избрано 28 женщин; КПРФ – 6 женщин; блок «Родина» – 4 женщины; ЛДПР – 2 женщины. Была составлена группа независимых депутатов из которых было всего 4 депутата женщины.

Среди них я отмечу некоторых наиболее ярких политиков. Первой яркой женщиной в политике выступает Лахова Екатерина Филипповна. Она Депутат Государственной Думы первого, второго, третьего созывов. В Думе первого созыва – лидер фракции «Женщины России». В Государственной Думе четвертого созыва – Председатель Комитета по делам женщин, семьи и молодежи.

Движение в сторону гендерного равенства облегчает решение гуманитарных проблем общества. Екатерина Лахова в беседе с журналистом Т. Тройновой говорила, что «по данным экспертов ООН, только тогда, когда 20% мест в парламенте принадлежат женщинам, формируются программы в интересах детей, и только тогда, когда среди законодателей 30% женщин, вырабатываются программы в интересах женщин» [12, 20]. В соответствии с показателями, в 15 передовых странах – 48-30% депутатов-женщин, а в парламентах других стран 15,4% [12, 20]. У нас, к сожалению ещё меньше. Примеры гендерной асимметрии будут приведены ниже.

Гендерные системы имеются в разных обществах, и в каждом обществе данные системы асимметричны таким образом, «что мужчины и всё мужское – считаются

* © Першина А.М.

первичными, значимыми и доминирующими, а женщины и всё женское – определяется как вторичное, незначительное с социальной точки зрения и подчинённое» [2, 27]. Поэтому мы можем твёрдо сказать, что гендерная асимметрия остаётся.

«Гендерная асимметрия – неравенство позиций мужчин и женщин по-прежнему остаётся одной из наиболее характерных черт нашей политической жизни. Вот только самые показательные цифры: 9,8% женщин в ГД РФ (IV созыв), 9% – в региональных законодательных собраниях, в пяти регионах женщин вообще нет среди парламентариев. Среди губернаторов – одна женщина и т.д.» [4, 103].

К сожалению, малочисленность, женщин-парламентариев резко усложняет их деятельность, что соответственно снижает уровень законотворческой деятельности, отражается на проведении избирательного процесса и выборе того или иного кандидата, влияет на снижение женской самооценки. Женщины-политики, женщины-парламентарии не могут использовать такие методы политических контактов, которые активно используют мужчины: ходить в парилку, пить пиво, охотиться и т.д.

К женщинам-политикам применяются обществом завышенные требования, что породило остроумное замечание одного из женских политических лидеров: чтобы женщину стали считать заметной фигурой в политике, она «должна работать, как лошадь, и вести себя, как леди» [4, 104]. Но это мало кому удаётся, так как такое положение доставляет женщине большие перегрузки и психологические травмы. Вследствие чего часто происходит распад брака, проблемы с семьёй, детьми и прочее.

Отметим наиболее заметные политические фигуры среди женщин в составе Государственной Думы IV созыва:

Слиска Любовь Константиновна – Первый заместитель Председателя Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации четвёртого созыва с декабря 2003 года, член фракции «Единая Россия», а так же член Комитета Государственной Думы по международным делам. Являлась Депутатом Думы III созыва и Членом Высшего совета политической партии «Единая Россия». Будучи руководителем постоянной делегации Думы РФ в парламентской ассамблее НАТО, выступила на заседании Комитета парламентской ассамблеи НАТО по экономическим вопросам и безопасности, отметив, что деятельность парламентской ассамблеи в отношениях России и НАТО способствует формированию архитектуры европейской безопасности с акцентом на противодействие глобальным вызовам и угрозам международному сообществу. Слиска вела довольно активную деятельность в плане укрепления сотрудничества между Россией и НАТО.

Скромное представительство женщин во властных структурах наблюдается и на уровне принятия практических решений: они почти не представлены на высших государственных должностях в федеральных органах управления. Россия занимает 97 место в мире, между Камбоджой и Суданом, по представительству в высшем законодательном органе страны.

В 1993 году, в Государственную Думу I-го созыва женщин было избрано –13,6%, или 69 человек, в 1995 году в Думе II-го созыва их стало ещё меньше 46, или 9,6%. В Государственную Думу III-го созыва было избрано всего 34 женщины, что составило 7,6%. В Думе IV-го созыва в 2003 году работало всего 44 женщины (около 10% от общего количества депутатов). В составе 178 членов Совета Федерации всего 10 женщин» [5, 116-117]. Иными словами, сегодня женщин в Государственной Думе меньше, чем было 10 лет назад.

Женщины составляют 71% государственных служащих в стране, но на их долю приходится только 12% высших руководящих должностей, занимают от 3% до 10% депутатских мест от политических партий в региональных законодательных собраниях

[5, 117]. Между тем, партнерство женщин и мужчин в политике является источником более полной и представительной демократии, создания реальных возможностей учёта многополюсных интересов в обществе.

Изменить политику – это сегодня не только вопрос оптимизации власти, сегодня это вопрос выживания страны и народа. За полтора десятка минувших лет в высших чиновничьих и политических эшелонах произошёл, по мнению некоторых политиков, антиотбор – худших из худших [6, 292].

Есть надежда, что увеличение женского представительства на всех уровнях власти будет способствовать противодействию всем этим, в том числе коррупционным процессам.

К сожалению, женщины порой и сами менее всего склонны голосовать за кандидата своего пола. Скорее всего, потому, что «избиратели реагируют только на тех персонажей, которые им представлены наглядно, то есть на первых полосах газет и на телеканалах» [1, 9].

Довольно часто мы можем наблюдать картину, когда женщин обвиняют в консерватизме, в излишней самоуверенности в своих действиях. Почему-то консервативность воспринимается как отрицательный фактор, хотя женская терпимость, и толерантность порой необходимы для урегулирования тех или иных политических вопросов. Однако, «в современной России сохраняются гендерные диспропорции и в сфере принятия политических решений, и в сфере их реализации» [5, 95].

Это хорошо прослеживается на примере политической судьбы Галины Петровны Хованской. В 1990 она была избрана депутатом Фрунзенского райсовета, 12 декабря 1993 года стала депутатом Московской городской Думы, в 1997 вошла в партию «Яблоко», в 1998 была избрана Председателем комиссии по жилищной политике и коммунальной реформе Московской городской Думы. В Государственной Думе четвёртого созыва – член Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству.

Оказавшись в Думе, Галина Хованская включилась в борьбу против поспешного принятия Жилищного кодекса, потому, что в этом кодексе, по её мнению, не были чётко прописаны некоторые процессуальные нормы. Например, согласно проекту кодекса, «крыши можно лишить не только взрослого, но и ребёнка, поскольку он теперь, в случае развода родителей, становится «бывшим родственником» и право на жильё теряет. Видимо, при разработке закона о таком очевидном факте забыли» [3, 123]. Галина Хованская разработала альтернативный вариант Жилищного кодекса, но, к сожалению, он был отклонён. Дума рассмотрела и приняла проект, предложенный правительством РФ. Много лет потратив на изучение жилищного законодательства и хорошо разбираясь в законодательстве, Галина Хованская выступила с утверждением, что «Кодекс нарушает 7-ю статью Конституции РФ, где говорится о России, как о «социальном государстве» [3, 125]. Такого рода «государственный подход» может привести только к одному – увеличению числа людей, теряющих право на собственное жильё.

Уже после принятия Жилищного кодекса Хованская внесла 250 поправок в этот документ, и разослала его всем законодательным органам субъектов РФ, получив поддержку ещё от 15 депутатов Думы. Хованская предложила прежде всего не ограничивать право граждан «приватизировать или деприватизировать» квартиры, хотя по данному кодексу теряется право на приватизацию квартир после 1 января 2007 года. Депутат считает, что поправки её улучшат и права жильцов коммунальных квартир, восстановят справедливость очередников и прочее. Чтобы доказать свою правоту, Хованской пришлось долго и упорно идти к победе. Летом 2007 года она вступает в

партию «Справедливая Россия», пожертвовав ради «реальной политики» своей политической независимостью.

В разных составах Правительства современной России женщины были единицами. Вообще влиятельных женщин в российской политике почти не наблюдается, а те, что присутствуют в партийной власти, являются её «солдатами» и «назначенками» партийно-властной элиты и, безусловно, поддерживают её ценности и стандарты. Характерный пример – женщина-губернатор В. Матвиенко или вице-спикер Госдумы Л. Слиска. Хотя последняя и отважилась однажды на самостоятельное резкое заявление в адрес бывшего Президента России Б. Ельцина, однако это было сделано только после его кончины.

Возвращаясь к вопросу о специфике избирательных кампаний, именно женщины менее всего готовы голосовать за кандидата-женщину, подчеркнём, что эта женская антисолидарность особенно ярко проявилась на выборах 17 декабря 1995 года, когда движение «Женщины России» не смогло преодолеть пятипроцентного барьера и переизбраться в состав II Госдумы, «хотя и вошло в историю отечественного парламентаризма в качестве единственной в своём роде попытки создания женской партии, сформированной не на политической платформе, а по признаку пола, явилось краткосрочным и специфически российским экспериментом» [11, 36]. Неудача движения объясняется также и тем, что фракция «Женщины России» не оправдала общественные ожидания, поддерживая непопулярную политику Президента Б. Ельцина и Правительства, не выработав собственной политической платформы. Это и понятно, ведь лидер движения Е. Лахова своей политической карьерой целиком обязана лично Б. Ельцину.

Статья 19 Конституции РФ [7, ст. 19] провозглашает в Российской Федерации демократическое общество, в котором гарантируются человеку равные права и свободы, однако гендерное неравенство по-прежнему продолжает существовать. Е.Ф. Лахова в этой связи подчёркивала следующее: «Общество не может считаться демократическим, если женщины играют в политике пассивную роль (только как избиратели), не участвуют в управлении государством, не занимают руководящих постов, занимают подчинённое место в семье» [8, 5].

Сказанное выше не отрицает того, что среди 45 женщин – депутатов Государственной Думы встречаются яркие личности, достойно представлявшие политику государства.

Одной из таких женщин с полным правом можно считать Наталью Алексеевну Нарочницкую. В 2003 году она была избрана депутатом Государственной Думы четвёртого созыва от избирательного объединения «Родина» – народно-патриотический союз и вошла во фракцию «Справедливая Россия – «Родина», став Заместителем председателя Комитета Думы по международным делам, председателем Комиссии по изучению практики обеспечения прав человека и основных свобод, контролю за их обеспечением в иностранных государствах. У неё появились возможности публичной политики, шанс донести до многочисленной аудитории свои взгляды православно-патриота, твёрдого государственника, политика-международника. Её отличали как парламентария, качества яркого полемиста, легко разбивающего аргументы своих оппонентов.

Н. Нарочницкая поддерживала в IV Думе широкие научные и общественные связи со многими западноевропейскими учёными и научными центрами, которые выступают против глобализации, сохранения государственных суверенитетов. Она чётко формулировала свою политическую позицию, утверждая, что «будущее за теми, кто не побоится во всеуслышание сказать, что русский народ, православный по культу-

ре и по вере, есть основатель и стержень российской государственности. И от того, сохранит ли он себя как преемственно развивающийся субъект мировой истории и культуры, зависит, расцветут ли на этом древе в братском взаимодействии другие наряды, осознанно соединившие с ним свою судьбу» [9, 28].

Вряд ли можно считать случайностью тот факт, что всегда неудобным для многих, более уместны женщины, позирующие для глянцевого журналов. Пример Н. Нарочницкой показывает, что женщины могут успешно действовать в политике наравне с мужчинами и даже быть выше их.

Обращает на себя внимание и политическая активность депутата Елены Григорьевны Драпеко. В 1999 году она была избрана депутатом Государственной Думы РФ и стала заместителем председателя Комитета по культуре и туризму.

В 2003 году Драпеко во второй раз прошла в парламент по списку КПРФ, став депутатом четвёртого созыва. В Думе она вначале вошла в состав фракции, а затем позиционировала себя как независимый депутат. Заняла пост заместителя Председателя Комитета Думы по вопросам культуры [3, 163]. В своё время Комитет по культуре, где она занимает высокий пост, внёс законопроект, согласно которому реклама может демонстрироваться до, после фильма и всего один короткий блок в середине, а не постоянно. Проект был принят в первом чтении. В 2005 году Дума принимает «Закон о русском языке», в подготовке которого Драпеко сыграла немаловажную роль. Вследствие принятия такого закона делопроизводство на всей территории России должно проводиться на русском языке. В этом законе прописаны нормы, по которым, вместо иностранных аналогов должны будут использоваться русские слова. Она также считает, что необходимо принять законодательное решение о гендерных квотах, для того чтобы страной могли управлять и женщины и мужчины.

Женщина может эффективно работать по любым направлениям государственной политики, но на сегодняшний день приоритетом для них являются вопросы социальной политики. И именно потому, что, к великому сожалению, для мужчин они подчас не представляются первоочередными и важными.

Дмитриева Оксана Генриховна – одна из тех женщин-депутатов, которые занимаются социальными проблемами нашей страны. Она была уже депутатом Государственной Думы первого и во второго созывов, являясь членом фракции «Яблоко». В 1998 году – министр труда и социального развития РФ. Переизбрана в Государственную Думу в 1999 году, стала заместителем Председателя Комитета по бюджету и налогам. Сопредседатель партии «Развитие предпринимательства». В Государственной Думе четвёртого созыва – член Комитета по бюджету и налогам. Ещё, будучи министром, она активно выступила за повышение заработной платы работникам бюджетной сферы, направив в правительство предложение об её увеличении с 1 апреля 1999 года в 1,83 раза [3, 138]. Выступала также за пересмотр программы пенсионной реформы. Предлагала подождать и не переходить пока на накопительные принципы, а опробовать сначала негосударственную систему пенсионного обеспечения.

В 2005 году О. Г. Дмитриева выступала за отставку правительства. Она говорила по этому поводу следующее: «Я не вижу ни одного направления, по которому можно было бы констатировать: наметился успех» [3, 143]. Считала, что финансовая политика направлена не на социальное развитие страны, а на пополнение так называемого стабфонда. На это, по её мнению уходит больше средств, чем на различные политические проекты, решение задач, касающихся здравоохранения, образования, культуры. Оксана Дмитриева к тому же занимает пост президента Международного ипотечного клуба. По жилищному вопросу внесла предложения по снижению налогообложения, по ипотечным кредитам у граждан, после чего соответствующие зако-

ны были приняты. Добилась внесения закона о строительных сберегательных кассах, который по её мнению, довольно сильно облегчил реализацию вопросов, касающихся накопления средств на строительство жилья, а также его приобретения.

Таким образом, современное российское общество не может быть благополучным, если женщина играет второстепенную, подчинённую роль в политической жизни страны. Поэтому, в целях осуществления политической гармонизации между мужчинами и женщинами, необходимо добиться обеспечения пропорциональной, гармоничной политической активности мужской и женской половины населения. Это могло бы привести к решению многих политических и социально-экономических проблем. Взаимодополняемость привела бы к тому, что «женская политическая культура способна была бы стать амортизатором агрессивности мужского поведения, в то время как присутствие мужчин придавало бы действиям женщин последовательность и дальновидность» [5, 121].

К сожалению, у нас мало положительных примеров деятельности женщин-политиков в современной России, которые занимали бы самостоятельную, чётко определённую патриотическую позицию, находясь в высших эшелонах власти. Однако это не говорит о том, что у женщин-политиков в России нет будущего, наоборот есть уверенность, что ситуация в ближайшие годы будет меняться в сторону гендерного равенства. Советский опыт построения социально ориентированного государства, те достижения советского общества, о которых простой гражданин «демократической» и «рыночной» России сегодня не может и мечтать, заставляют вспомнить этот недавний опыт и вернуться к тому, что было действительными завоеваниями трудящихся. И думается, что именно женщины, на которых традиционно лежат заботы о воспитании, лечении и обучении детей (что в современном обществе нередко становится привилегией избранных и недоступным для остальных) выдвинут из своих рядов достойных представительниц, которые смогут не только обозначать эти вопросы, но и успешно реализовывать их.

Проблемы равной доступности здравоохранения, образования, борьбы с преступностью, наркоманией, порождаемой неконтролируемой легальной и нелегальной миграцией – это те вопросы, которые нередко не могут и не хотят эффективно решать мужчины-политики. Именно здесь женщины должны сказать своё слово. И положительные примеры, как мы убедились, уже имеются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болов В., Болова Э. Виват Матриархат! М., 2006. С. 9.
2. Воронина О. А. Гендер. // Женщина плюс. №2. 2001. С. 27.
3. Гореславская Н.Б. Женщина во власти. М.: Алгоритм, 2008. С. 123.
4. Женщины и развитие: реальность и перспективы (оценка осуществления конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, пекинской платформы действий и целей развития тысячелетия ООН). Стенограмма семинара. М. 9.12. 2005. // М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский простор», 2006. С. 103.
5. Зуйкова Е.М., Ерусланова Р.И. Феминология и гендерная политика: Учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. С.116-117.
6. Калашников М. Война с Големом. М. 2006. С. 292.6.
7. Конституция 1993. Ст. 19.
8. Лахова Е.Ф. Роль женщин в демократизации российского общества// Женщины в политике, политика для женщин. М., 1996. С. 5.
9. Нарочницкая Н.А. Русский мир. Спб., 2007. С. 28.
10. Рыльникова И. Дороги, которые мы выбираем...//Женщина плюс. №1. 2004. С. 3.
11. Старовойтова Г.В. Каково быть женщине-политику в России сегодня.// Феминистская теория и практика: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции/ПЦГИ. СПб.,

1996. С. 36.

12.Тройнова Т. Возможен ли в России цивилизационный подход к равенству полов? // Женщина плюс. №2. 2002. С. 20.

A. Pershina

FEMALE DEPUTIES IN THE STATE DUMA OF THE FOURTH CONVOCATION
(2004-2007)

Abstract: This paper is devoted to the urgent problem of women's participation in legislative bodies of one of the chambers of Russia's Federal Assembly – State Duma of the fourth convocation. The paper provides examples of what female deputies achieved in pursuing their political line. The paper asserts the necessity to eliminate the inequality between male and female deputies and between men and women in the country as a whole.

Key words: political participation, representation of women in authorities, gender asymmetry, women-politicians, the State Duma.

РАЗДЕЛ III. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 321

Пряжников К.С.

ИДЕОЛОГИИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» И ГОСУДАРСТВО «СОЛИДАРИЗМА» 1930-Х ГОДОВ В РАБОТАХ РУССКОГО СОЛИДАРИСТА Г.К. ГИНСА*

Аннотация: Предлагаемая статья посвящена актуальной теме российской политики – роли правовой идеологии солидаризма в современной России. В статье излагается история создания идеологии солидаризма в концепции ученого и идеолога российских солидаристов русского зарубежья 30-х гг. XX века, – Г.К.Гинса, учитываются позиции российских солидаристов.

Ключевые слова: государство, идеология «третьего пути», демократия на Западе и в России, политика права, политическая философия российского солидаризма.

Сегодняшний день привносит в нашу политическую жизнь все большую убежденность в том, что период политики либеральной демократии 90-х годов и расцвет государства «всеобщего благоденствия», волею исторических судеб себя изжили. Политические системы ценностей по-разному реагируют на вызовы времени, но сегодня, в условиях кризиса, характерным становится их ускоренное взаимодействие и взаимопроникновение. Происходит движение от доминирования элементов идеологий консерватизма и либерализма к социально-либеральному синтезу, характеризующемуся уходом от дихотомии в экономике (план-рынок) и политике (левые-правые). «Третий путь» как модернизированная идеология социал-демократии, признающая базовые ценности либеральной демократии, но проявляющую большую или меньшую оппозиционность неолиберальному проекту 1980-х годов стремится к многомерной, интегральной идеологии [1, 549].

Все более становится очевидным: современный мир в лице Запада и Востока столкнулся не просто с системным кризисом, но с кризисами внутри каждой из систем: экономической, политической, социальной. В условиях продолжающегося кризиса и, несмотря на мощную либеральную антигосударственную пропаганду, государство однако не должно исчерпать существующий кредит доверия и вовремя предложить обществу новую интегральную идеологию.

На протяжении своей истории и всего XX века государство в политической системе как на Западе, так и в России испытывало кризис не раз и не два. Сегодня перспектива государственного воздействия на общество зависит от того сможет ли государство акцентировать основополагающие ценности, определяя (и даже детерминируя), корректируя (но не диктуя) направление движения, вырабатывая процедуры сосуществования многообразия, т.е. того, в чем состоит высший и истинный смысл демократии, потускневший в последние годы [2, 227]. И именно в таком контексте хорошо актуализируется понятие **солидарность**, предполагающее согласие многих сто-

* © Пряжников К.С.

рон, согласование разных интересов, сочетание многих путей, что весьма важно для современного мозаичного российского идеологического поля. Основой и гарантом этого консенсуса в условиях нынешнего кризиса должно быть государство, а в перспективе – государственная идеология. Современные политологи Алмонд Г., Пауэлл Дж. отмечают, что: «Различные политические системы имеют разные «профилирующие специальности»: некоторые производят большое количество товаров и услуг, но почти не занимаются регулированием, другие – наоборот. Государство может активно заниматься извлечением и распределением ресурсов, но при этом практически полностью передавать производство товаров и услуг частному сектору. В целом государства можно классифицировать в соответствии с тем, как сочетаются в нем эти виды деятельности» [3, 241-242]. Например, государство «ночной сторож» (определенный вид государства, описанный Дж.Локком, в первую очередь занято регулированием, направленным на поддержание законности и порядка, создание нормальных условий для торговли и защиту своих граждан от внутренних и внешних рисков. «Полицейское» государство XIX века уже вторгается в жизнь своих граждан значительно сильнее и извлекает ресурсы в более жесткой форме. Фашистские и коммунистические режимы XX века, как правило, требуют, чтобы их граждане отдавали большую часть своего времени службе (военной или иной) государству.

Наконец, современные государства «всеобщего благоденствия» берут на себя распределение ресурсов, предназначенных для здравоохранения, образования, жилищного строительства, занятости трудоспособного населения и для финансовой поддержки (в виде социальных выплат и пособий) своих граждан. Для выполнения этих задач они и ресурсы должны извлекать (взимать налоги) более экстенсивным путем. «Третий путь» не выдвигает новой «большой идеи». У большинства лидеров современных социал-демократических партий концепции «общества совладения» или коммунитаризма не пользуются заметным успехом. В почете – реализм и прагматизм. Немалое признание в кругах «современных социал-демократов» получило мнение, что государство должно гарантировать доступ к ряду социальных благ, но не обязано брать их обеспечение на себя. Вместо этого государству следует делать упор на совершенствование социальной политики в области занятости и уделять первостепенное внимание проблемам образования и повышения квалификации [4, 550].

Одновременно, в условиях глобального экономического кризиса государство начала XXI века сталкивается с задачей перевоспитания человека в совершенно новых качественных условиях и нового рода угроз – сверхэкономической нестабильности, глобальной сети и движений различного рода коммунитаристских движений, создание альтернативных источников власти в государстве. Реформирование современного государства как института политической системы сопровождается построением идеологии на государственном уровне, поиском путей и созидания Большой Идеи для объединения народов России. Стержневой идеей, на которой должна формироваться новая российская идентичность XXI века, должна стать идея, вдохновлявшая всех реформаторов в нашей стране и одновременно глубоко укорененная в народном сознании – идея Великой России, идея **сильного государства**. Однако, не стоит забывать, что ее должна дополнять концепция национальной демократии, а не авторитаризм или олигархия, как это имеет место в современной России. По сути, уже сегодня развернута активная борьба за проекты демократии между странами, в которой России предстоит доказать существование исторических форм демократии и показать их перспективность. В современных условиях, демократия как историческая и политическая форма социального общежития все более отдаляется, отходит от либерализма как социально-экономической доктрины XIX-XX веков.

Характерно, что возможности создания государственной идеологии в условиях экономического кризиса еще в 30-х годах XX века активно изучались в политической мысли русского зарубежья. Тогда была развернута основательная критика основных идеологий и положений как либеральной демократии во Франции, так и тоталитарной в фашистской Италии.

В те годы видный идеолог российских солидаристов и правовед русского зарубежья **Георгий Константинович Гинс (1887-1971)**, предпринял сравнительный анализ существовавших правовых идеологий государств со времени древнего Китая, затем государств Нового времени – с государствами, возникшими главным образом в западноевропейских странах в XIX-XX вв., т.н. «полицейскими» и тоталитарными государствами (т.е. государствами с нацистскими, фашистскими, коммунистическими режимами) [5, 30].

Опыт русской революции 1917 года и наблюдения за жизнью общества и государства в Китае во время эмиграции укрепили убеждения Георгия Гинса в том, что одной идеологии для поддержания социального порядка государству недостаточно, что без правовых основ нельзя построить здоровой государственности и общественной жизни. В обществе всегда наблюдается господство силы, которая постоянно берет вверх над правом. Ни право, ни социальная гармония в обществе не определяют заранее какого-либо содержания. Оба эти понятия формальны. В своих этюдах о китайской этике «Этические проблемы современного Китая» и затем в двухтомнике «Новые идеи в праве» Гинс широко разработал проблемы нового правового строя. Он опирался на идеи русского юриста, основателя психологической теории права Л.И.Петражицкого о том, что общественное значение права заключается в том, что оно устанавливает **равнодействующую** поведения людей. Однообразное понимание прав и обязанностей вносит в человеческое общество мир. Воспитанные в духе права люди заключают между собою договоры, которые выражают большей частью результат компромисса, достигнутого на основе стремления согласовать интересы. Занимаясь историей права и социологией Китая, он приходит к выводу, что право – явление **социальное**.

Так, часто в практической политике государственный деятель обнаруживает способность, которой нет у других, – не только понять задачи момента, но и предвидеть. Такой государственный деятель мог бы достичь вдвое большего, если бы он знал, как подготовить восприятие будущего своего народа. На помощь практическим политикам должна прийти наука, которую проф. Л.И.Петражицкий предложил называть **политикой права**. В своей работе «Обоснование политики права в трудах проф. Л. И. Петражицкого» [6, 11] Гинс поясняет, что наука эта возможна лишь при условии изучения правовой психологии и при знании того влияния, которое оказывает право на поведение людей. На основе этих знаний могут быть установлены методы правовой психологии и можно определять, какие правовые нормы и какие способы воздействия необходимы для того, чтобы содействовать укреплению желательного политико-правового режима или приближению нового порядка. Отмечая новый уровень социальной организации общества 30-х годов, Гинс полагает, что наиболее полно прогрессивной тенденции в обществе не только может, но и должна содействовать этому прогрессивному явлению – **право**, которое предоставляя помощь своего арсенала: т. е. поощряя и принуждая, награждая и наказывая [7, 36].

Опыт отечественной истории учит нас, что человек как *causa efficiens* (действующая причина. – *авт.*) в российской истории, по словам С.А.Левицкого: «есть не только «я», но и член некоего надличного «мы». Поэтому социальность, на основе которой на Западе формально построена демократия оторванная от духовности, не может

привести к оздоровлению и преобразению общества [8, 290]. Однако и духовность, не воплощенная в социальность, не будет иметь того «массового эффекта», в расчете на который должно развиваться всякое социально-политическое учение. Русский быт, по мнению российских солидаристов 30-х годов, был более демократичен, чем быт западный, где содержание демократии слишком часто подменялось формой, где во всех межличностных отношениях господствовал холодный, безличный формализм. Недаром Кейзерлинг утверждал, что русский народ — единственный, сохранивший непосредственное отношение к душе своего ближнего [9, 387].

В своей работе «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму» изданной в Харбине в 1930 году подвергая критике основные государственные идеологии в Европе современности 20-30-х годов, Г.К.Гинс показал, что в основе идеологии либеральной демократии, наряду с идеей свободы, лежит представление об обществе как о механической сумме эгоистических индивидов. Идея свободы здесь практически подменяется идеей личного интереса, т.е. частного выражения свободы. Этика «либеральной демократии» есть этика «разумного эгоизма» веры в то, что «общая воля» вытекает из разумного самоограничения частных интересов. Иначе говоря, либеральная демократия делает ставку на силы эгоизма, исходя из предпосылки, что разумно понятые эгоистические интересы индивида не находятся в непримиримом противоречии с интересами общества.

В связи с этим, Гинс дает формулировку **социального идеала** для сознательного руководства и осуществления социального прогресса [10, 210]. Опираясь на психологическую теорию права Л.И. Петражицкого, Гинс полагает, что **политика права должна ориентироваться на социальный идеал**, тем самым бы открывалась возможность сознательного руководства социальным прогрессом, т.е. такого воздействия на народную психологию, чтобы она приближалась к достижению наиболее совершенного социального характера, чтоб человеческое общество достигло такого состояния, при котором сотрудничество и взаимопомощь происходили бы по свободному побуждению, торжествовала бы готовность творить друг другу добро, где всякий член общества был бы равен другому и пользовался бы правом на достойное существование, где царила бы любовь к ближнему и дальнему.

Великая война в Европе 1914 года, которая, по словам немецкого промышленника В.Ратенау, в действительности была «великою революцией» [11, 159], создала тип государства, совершенно противоположный по характеру либеральному, а именно государство пролетарское, чисто классовое, в котором национальный интерес отождествляется с классовым и где, следовательно, все расходящиеся с пролетарскими интересами и силы подавляются. Причем, между двумя типами нового послевоенного государства: фашистским и коммунистическим, — как замечает Г.К.Гинс, замечается некоторое внешнее сходство. Оба они отрицают чрезмерный индивидуализм и формальную демократию — всеобщее избирательное право, парламентаризм, неустойчивую власть, опирающуюся на число голосов, систему, не обеспечивающую преобладания одной влиятельной группы. Оба признают, что правит государством народ (разоблаченная идея народного суверенитета), а активное руководящее меньшинство «элиты», как это в действительности всегда бывает, но лицемерно вуалируется. Но сходство это чисто внешнее. Корпоративное государство организует все силы нации и партия, руководящая этим государством, по праву революции, должна стремиться к полному слиянию с нацией.

Но есть третья система государства — **солидаризм**, который как указывает Гинс Г.К. «исходит из теории прогресса на основе постепенного улучшения человеческой психологии (*natura non facit saltus*) и опирается на социальный опыт, свидетельству-

ющий, что, при современном еще вовсе не высоком уровне цивилизации и культуры, осуществимы только те общественные преобразования, которые не игнорируют человеческого эгоизма» [12, 41]. Еще в конце XIX века, когда индустриализация потребовала коренного пересмотра общественной философии, солидаризм выявился как наиболее значительная альтернатива социальному дарвинизму. Предпосылка солидаризма – что люди рождаются в долгу перед человеческим обществом [13, 56].

Солидаризм может создать новые формы примирения индивидуальных и общественных начал и хотя он вызывает необходимость вхождения отдельных лиц в различные организации и согласования личных интересов с общественными. Принуждение к солидарным действиям не только противоречило бы духу этой эпохи, которая должна была воспитать зависимую и уверенную в себе личность, но было бы и бесполезно, так как культурная подготовка общества была еще в то время недостаточной. Однако, говорит Гинс, «Эволюция общественной психологии делала свое дело. Современный человек уже достаточно понимает необходимость и выгоду согласованных действий и участия в обществе» [14, 192]. Сама социальная культура воспитала такой тип личности. «Мы идем от либерализма к солидаризму» - формулирует Гинс свои впечатления от изучения новых явлений общественной и политической жизни Европы 30-х годов [15]. Дальнейшее развитие идеи солидаризма у Г.К.Гинса получили в работах «Предприниматель» и «Новое право». В последней автор предлагает новое понятие **регулятивного** права, как основы солидаризированного государства и общества, взамен частного права либерального строя и публичного права, ведущего к порабощению человека при режиме социализма в Советской России и фашизма, типа национал-социализма в Германии 30-х годов. В этих условиях европейская мысль, как зарубежная, так и русская эмигрантская, обратилась к идеологии солидаризма. Когда либеральные режимы казались обреченными демократия, как отмечал русский солидарист В.Сендеров: «Жить не мешает, но сама она оказалась нежизнеспособной; зато Советский Союз демонстрировал леденящую жизнеспособность и мощь. Время человека без государства необратимо кончалось. А государство без человека пленяло лишь мечтателей, остальным и тогда была очевидна его суть» [16, 129].

Благодаря исследованиям по солидаризму русского ученого Г.К.Гинса в 30-е годы в некоторых европейских государствах была выработана стратегия усиления роли государства, учитывая тезис Гинса о том, чтобы «ночной сторож» не превратился в «левиафана». Правительствами этих стран было предложено сохранить демократию, но при этом значительно изменив ее методы и формы. Многопартийность с ее коррупцией и хаосом казалась способом не столько бытия демократии, сколько ликвидации ее. Однако место многопартийности, по мысли многих русских солидаристов [17, 130], должна была занять беспартийная демократия с прямой выборностью наиболее достойных: писались программы, разрабатывались всевозможные проекты «беспартийных парламентов». Это был итог идеологии солидаризма, дальнейшее развитие государства нуждалось в новых идеях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Громыко А.А. Проблемы глобализации в концепциях «третьего пути» // Россия. Политические вызовы XXI века. Второй всероссийский конгресс политологов. 21—23 апреля 2000 г. М.: РОССПЭН, 2002. С. 549.
2. Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Государство в современном мире. М., 2003. С. 227.
3. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие / Сокр. Пер. с англ. А. С. Богдановского, А. А. Галкиной; Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 241-242.
4. Громыко А.А. Ук. Соч. С. 550.

5. Гинс Г.К. На путях к государству будущего (от либерализма к солидаризму). Харбин, 1930. С. 30.
6. Гинс Г.К. «Обоснование политики права в трудах проф. Л.И.Петражицкого». Харбин. 1928 г. С. 11.
7. Гинс Г.К. На путях..... С. 36.
8. Левицкий С.А. Солидаризм и демократия // Левицкий С.А. Свобода и ответственность: «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме. М., 2003. С.290.
9. Keyserling H. Reisetagebuch eines Philosophen [Путевой дневник философа]. Darmstadt, 1919. Bd. II. S. 387.
10. Гинс Г.К. На путях..... С. 210.
11. Walter Ratenau, Politische Briefe, Dresden 1929, S. 159.
12. Гинс Г.К. На путях..... С. 41.
13. Пушкарев Б.С. Солидаризм как ответ на социальный дарвинизм (1981) // Пушкарев Б.С. Россия и опыт Запада. Избранные статьи 1955-1995. М., 1995. С. 56.
14. Гинс Г.К. На путях..... С. 192.
15. ГАРФ, Ф.10143.Оп 16. Кат. 1. К. 55.
16. Сендеров В. Солидаризм - третий путь Европы? // Новый мир. 2003. № 2. С. 129.
17. Там же. С. 130.

C. Pryazhnikov

THE IDEOLOGIES OF THE "THIRD WAY" AND PROSPECT OF SOLIDARISM'S STATE IN PERIOD OF 30-YEARS XX CENTURY IN GUIN'S LAW AND POLITICAL THEORY

Abstract: This article is devoted to the analysis of State ideologies of "Third Way" in Guin's Law and Political theory in post-revolution Russia and view of Russian emigrants – Russian Solidarists on prospect of Solidarism's State in period of 30-years XX century. The article touches upon the concepts of Liberalism, Solidarism in modern Political theory and its use in modern political theory.

Key words: the state, ideology of "the third way", democracy in the West and in Russia, the politician of the right, political philosophy Russian solidarizm.

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ДОГОВОР 1944 ГОДА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ*

Аннотация: Статья посвящена советско-французскому договору о союзе и взаимной помощи, подписанному 10 декабря 1944 г. в Кремле наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и министром иностранных дел Временного правительства Французской Республики Ж. Бидо. Автор рассматривает причины его заключения, двустороннее сотрудничество между Советским Союзом и Францией в политической и экономической сферах в первые послевоенные годы, и факторы, приведшие к денонсации союзного договора в мае 1955 г.

Ключевые слова: Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция, дипломатия, советско-французский договор, репатриация.

В годы Второй мировой войны международный престиж Франции был сильно подорван. Это было обусловлено рядом причин. В предвоенные годы Франция находилась в числе стран, потворствовавших фашистской агрессии и позволивших Германии оккупировать Австрию и Чехословакию. Весной – летом 1940 г. регулярная французская армия была разгромлена вермахтом. Германия оккупировала большую часть территории страны. Ряд представителей правящих кругов и генералитета стали коллаборационистами. Франция фактически утратила статус великой державы.

В стране развернулась широкая партизанская война против нацистов и их пособников. Но даже героические действия французского Сопротивления и «Сражающейся Франции», наносивших ощутимый урон силам оккупантов и вишистов, не могли сравниться ни по масштабам, ни по значимости с боевыми действиями на Восточном фронте и военными операциями англо-американских союзников. В связи с этим Франция была лишена возможности наравне с СССР, США и Великобританией вырабатывать стратегию разгрома стран гитлеровского блока и участвовать в работе Ялтинской и Потсдамской конференций.

2 июня 1944 г. в Алжире на основе Французского Комитета Национального Освобождения было образовано Временное правительство Французской республики во главе с Шарлем де Голлем. Однако, этот орган не был сразу официально признан СССР, США и Великобританией. 6 июня 1944 г. англо-американские войска высадились в Нормандии, начав освобождение Франции. При активном участии отрядов Сопротивления и частей «Сражающейся Франции» союзники к сентябрю очистили от врага почти всю страну. На освобождённых территориях устанавливалась власть правительства де Голля. Но даже после освобождения большей части страны от немецкой оккупации США и Великобритания не спешили официально признавать новую власть. Английская и американская печать неблагоприятно отзывалась о Франции, например, газета «The Daily Express» писала, что было бы лучше, если бы союзные войска оккупировали Францию, и рисовала мрачные картины положения в стране, значительная часть которой состояла будто бы из кучки мелких республик, а находившееся в Париже правительство, совершенно не пользовалось авторитетом.¹

Лишь 23 октября 1944 г. по настоянию Советского Союза великие державы признали Временное правительство Франции во главе с Шарлем де Голлем и установили

* © Бабайцев В.А.

с ним дипломатические отношения.

Правящие круги США и Великобритании пытались воспользоваться ослаблением Франции. Они не помогали французским вооружённым силам, и старались свести к минимуму её участие в послевоенном урегулировании, сделав Францию своим сателлитом. Командование вооружёнными силами союзников систематически дискриминировало французские войска при снабжении их оружием и боеприпасами. Де Голль писал: «Со дня высадки их войск и вплоть до капитуляции Германии наши союзники больше не помогли нам вооружить ни одно крупное соединение. Во время встречи со мной в октябре в Париже генерал Маршалл не оставил на этот счёт никаких иллюзий».² При проведении боевых операций интересы Франции нередко приносились в жертву. Учитывая сложившуюся обстановку, Временное правительство пришло к выводу, что поднять международный престиж Франции можно только сближением с её естественным союзником – СССР.³

8 ноября 1944 г. генерал де Голль в беседе с советским послом Богомоловым высказал пожелание приехать в СССР для установления контакта с Советским правительством. В ответ на это В.М. Молотов 13 ноября 1944 г. официально пригласил де Голля посетить Советский Союз.⁴

2 декабря 1944 г. французская правительственная делегация прибыла в Москву. Вечером начались переговоры. В первой же беседе с И.В. Сталиным де Голль заметил: «В сущности, причиной несчастий, постигших Францию, было то, что Франция не была с Россией, не имела с ней соглашения, не имела эффективного договора». Его собеседник тоже отметил: «То обстоятельство, что Россия и Франция не были вместе, было несчастьем и для нас. Мы это очень почувствовали».⁵ Глава французского правительства подчеркнул, что СССР и Франция «являются соседями Германии и, следовательно, находятся под ее угрозой. Так было в прошлом, так будет и в будущем».⁶ Де Голль предложил заключить договор о союзе и взаимной помощи. Советское правительство согласилось на заключение договора.

5 декабря 1944 г. Черчилль, которому стало известно о начале переговоров, обратился к советскому правительству с предложением заключить трёхстороннее англо – франко – советское соглашение.⁷ Британское предложение было передано де Голлю. 7 декабря Сталин, не получив от него ответа, отправил в Лондон телеграмму со своим согласием.⁸ Однако вскоре де Голль принял решение отклонить предложение Черчилля и предпочёл двусторонний договор с Советским Союзом, несомненно, дававший Франции больше самостоятельности и независимости от США и Великобритании.⁹

В ходе переговоров между сторонами возникли разногласия по польскому вопросу. Франция поддерживала связь с эмигрантским правительством Миколайчика в Лондоне. Советский Союз настаивал, чтобы она признала правительство ПКНО в Люблине, так как не мог гарантировать защиту Франции от германской агрессии в отсутствие дружественной Польши. В итоге удалось достичь компромисса. Де Голль согласился обменяться представителями с люблинским правительством, официально не признавая его. В то же время он продолжал поддерживать дипломатические отношения с Миколайчиком.

10 декабря 1944 г. в Кремле наркомом иностранных дел Советского Союза В.М. Молотовым и министром иностранных дел Временного правительства Французской Республики Ж. Бидо был подписан советско-французский договор о союзе и взаимной помощи сроком на 20 лет.

Стороны подчёркивали решимость «сотрудничать в деле создания международной системы безопасности для эффективного поддержания всеобщего мира и для обеспечения гармоничного развития отношений между нациями».¹⁰ Также выража-

лась уверенность «в том, что заключение союза между СССР и Францией отвечает чувствам и интересам обоих народов, требованиям войны и нуждам мира и экономического восстановления в полном соответствии с целями, которые ставят перед собой Объединенные Нации».¹¹

Стороны обязались бороться до окончательной победы над Германией, не вступать с нею в сепаратные переговоры и не заключать без взаимного согласия перемирия или мира «ни с гитлеровским правительством, ни с каким-либо другим правительством или властью, созданными в Германии с целью продолжения или поддержания политики германской агрессии».¹² По окончании войны стороны обязались не допустить появления новой угрозы войны со стороны Германии и «препятствовать таким действиям, которые делали бы возможной любую новую попытку агрессии с ее стороны».¹³ В случае, если бы одна из сторон оказалась вовлечённой в военные действия с Германией, другая сторона обязывалась оказать всемерную помощь и поддержку. Договаривающиеся стороны приняли на себя обязательство не заключать какого-либо союза и не участвовать в какой-либо коалиции, направленной против одной из сторон.

Также стороны согласились «оказывать друг другу всю возможную экономическую помощь после войны в целях облегчения и ускорения восстановления обеих стран и для того, чтобы внести вклад в дело благосостояния мира».¹⁴

Советско-французский договор мог явиться одной из важнейших основ для сохранения мира в Европе после войны. Его выполнение надежно гарантировало обе стороны от опасности возрождения германской агрессии.

Общественность Франции горячо приветствовала подписание советско-французского договора. Вся французская пресса одобряла его.¹⁵

21 декабря 1944 г. советско-французский договор был ратифицирован Консультативной ассамблеей Франции. Выступавшие депутаты единодушно приветствовали его и отмечали решающее значение сотрудничества с СССР для безопасности Франции. 22 декабря договор ратифицировало Временное правительство Французской республики. 25 декабря 1944 г. его ратифицировал Президиум Верховного Совета СССР.¹⁶

15 февраля 1945 г. в Париже советский посол Богомолов и французский министр иностранных дел Бидо обменялись ратификационными грамотами. Договор вступил в силу.¹⁷

Договор создавал основу для всестороннего сотрудничества. В течение 1945 – 1947 гг. СССР и Франция заключили ряд важных договоров. 29 июня 1945 г. было подписано соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем французских и советских властей. Действие соглашения распространялось на «советских граждан, как бывших военнопленных, так гражданских и военных лиц, оказавшихся под контролем французских властей и не подпадающих под действие соглашений о репатриации от 11 февраля 1945 г., заключенных Советским правительством с правительствами Великобритании и США»¹⁸ и французских граждан, оказавшихся в годы войны на территории советской администрации. Все они должны были «незамедлительно отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях и сборных пунктах до момента передачи их соответственно советским или французским властям в пунктах, согласованных между этими властями».¹⁹ В соответствии с этим соглашением Советский Союз в кратчайший срок репатриировал 315548 французских граждан.²⁰

29 декабря 1945 г. было заключено сроком на пять лет соглашение о торговых взаимоотношениях и о статусе торгового представительства СССР во Франции. В нём подчёркивалось, что стороны «одушевленные желанием возобновить и развить

торговые отношения между обеими странами и ссылаясь на постановления статьи 6 Договора о союзе и взаимной помощи от 10 декабря 1944 г.»²¹ договорились о предоставлении друг другу режима наибольшего благоприятствования во всех вопросах торговли и мореплавания.

Весной 1946 г. в связи с неурожаем, во Франции возник резкий дефицит хлеба. Правительство обратилось за помощью к СССР. Несмотря на собственное тяжёлое экономическое положение, Советский Союз согласился оказать помощь. 6 апреля 1946 г. в Москве было подписано соглашение о поставке во Францию на протяжении апреля – июня 400 тыс. т. пшеницы и 100 тыс. т. ячменя. В связи с недостатком транспортных судов у Франции Советский Союз предоставил свои суда для перевозки хлеба.²²

Вместе с тем в этот период в советско-французских отношениях начали проявляться первые политические противоречия. Вскоре после окончания Второй мировой войны правые круги Франции выдвинули требования «естественных границ» по Рейну, отделения от Германии территорий на левом берегу Рейна, отделения Саара и интернационализации Рурской области.²³ Советский Союз отказался поддержать подобные притязания, так как они противоречили Потсдамским соглашениям и шли вразрез с национальными интересами Франции. Это дало повод французской буржуазной прессе обвинить СССР в невыполнении союзного договора.

Испуганные увеличением популярности ФКП внутри страны и ростом советского влияния на мировой арене, некоторые представители французских правящих кругов стали искать поддержки на Западе. США, предложившие Франции экономическую помощь, фактически поставили её условием удаление коммунистов из правительства и смену внешнеполитического курса. Уже на Парижской мирной конференции, проходившей с 29 июля по 16 октября 1946 г., Франция по ряду вопросов открыто поддержала американскую позицию.

С началом «холодной войны», в развёртывание которой внесли свой вклад и правящие круги Франции, советско-французские отношения развивались неровно и противоречиво. Правительство IV Республики приняло американскую помощь по «плану Маршалла» и поставило свою внешнюю политику в зависимость от США. Франция стала членом враждебных СССР западных военно-политических блоков – Западного союза и НАТО. Тем самым она нарушила ст. 5. договора, в которой заключившие его стороны обязались не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против одной из них. Тем более, что 23 октября 1954 г. Франция подписала Парижские соглашения, согласно которым отменялся оккупационный режим в Западной Германии. ФРГ присоединялась к НАТО. Существенно ослаблялись ограничения, касающиеся западногерманского ВПК. Было легализовано вооружение ФРГ. 30 декабря 1954 г. Национальное собрание Франции незначительным большинством голосов ратифицировало Парижские соглашения. На депутатов парламента было оказано огромное давление со стороны американского и английского посольств, Ватикана, премьер-министра Мендес – Франса.²⁴ Своими действиями Франция нарушила ст. 3 договора, в которой обе стороны обязались не допустить угрозы новой агрессии со стороны Германии. Советский Союз воспринял Парижские соглашения как очередное нарушение советско-французского договора, и 7 мая 1955 г. Верховный Совет СССР аннулировал его.

Денонсация советско-французского договора Советским Союзом в этих условиях являлась вполне закономерной, так как к тому времени он уже фактически перестал действовать. Франция неоднократно нарушала договор. Подписав и ратифицировав Парижские соглашения, она окончательно превратила его в фикцию. В напряжённых условиях складывавшегося блокового противостояния союзный договор 1944 г. стал формальностью.

Тем не менее, советско-французский договор сыграл важную историческую роль. В тяжёлых условиях Второй мировой войны он помог Франции обрести столь необходимый ей союз с СССР – ведущей державой антигитлеровской коалиции. Укрепился международный авторитет Французской республики. Была заложена прочная основа для дальнейшего развития советско-французских отношений. Два десятилетия спустя после его подписания был сделан существенный шаг в улучшении советско-французских отношений в рамках обеспечения европейской безопасности и создания предпосылок для разрядки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Верт А. Франция. 1940 – 1955. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 207.
- 2 Голль Шарль де. Военные мемуары. Спасение. 1944 – 1946. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Транзиткнига», 2004. С. 40.
- 3 История Франции. Т. 3. М.: Наука, 1973. С. 290.
- 4 Арзаканян М.Ц. Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 105.
- 5 Антюхина – Московченко В.И. Шарль де Голль и Советский Союз. М.: Книга, 1990. С. 136.
- 6 Международные отношения после Второй мировой войны. Т. 1 (1945 – 1949 гг.). М.: Госполитиздат, 1962. С. 400.
- 7 Молчанов Н.Н. Внешняя политика Франции. 1944 – 1954. М.: Госполитиздат, 1959. С. 36 – 37.
- 8 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941 – 1945 гг. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 286.
- 9 Молчанов Н.Н. Цит. соч. С. 37.
- 10 Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 – 1945: Документы и материалы. Т. 2. 1944 – 1945. М.: Политиздат, 1983. С. 208. (Далее СФОТ).
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 209.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 210.
- 15 Международные отношения после Второй мировой войны... С. 400.
- 16 СССР – Франция (из истории политических, экономических и культурных отношений). М.: Издательство ИМО, 1960. С. 18.
- 17 Молчанов Н.Н. Цит. соч. С. 42.
- 18 СФОТ, Т.2. С. 354.
- 19 Там же.
- 20 СССР – Франция (из истории политических, экономических и культурных отношений). М.: Издательство ИМО, 1960. С. 18.
- 21 СФОТ, Т.2. С. 470.
- 22 СССР – Франция... С. 22.
- 23 Антюхина – Московченко В.И. СССР и Франция. Советско – французские отношения в 1917 – 1967 гг. М.: Знание, 1967. С. 27.
- 24 История Франции... С. 372.

V. Babajtsev

THE SOVIET-FRENCH CONTRACT OF 1944 AND ITS VALUE

Abstract: Article is devoted the Soviet-French contract on the union and the mutual aid, signed on December, 10th, 1944 in the Kremlin the people's commissar of foreign affairs of the USSR V.M.Molotov and the Minister for Foreign Affairs of Provisional government of the French Republic Z.Bido. The author considers the reasons of its conclusion, bilateral cooperation between Soviet Union and France in political and economic spheres in the first post-war years, and the factors which have led to denouncement of the allied contract in May, 1955

Key words: The Second World War, Antihitlerite coalition, diplomacy, the Soviet-French contract, repatriation

КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ФРГ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛЕВАЦКИМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ С НАЧАЛА 1970-Х ГГ. ДО НАЧАЛА ХХІ В.*

Аннотация: Автор статьи рассматривает эволюцию методов и влияние контртеррористической деятельности в ФРГ на законодательство и в целом на социально-политическую ситуацию в стране во второй половине XX – начале ХХІ вв. Также в статье сделана попытка прогнозирования политических последствий контртеррористической деятельности в ФРГ и предложены способы ее усовершенствования без наступления на демократические права и свободы граждан.

Ключевые слова: терроризм, ультралевые, RAF, история ФРГ.

Одним из последствий «студенческой революции» 1968 г. стало появление целого ряда левацких террористических групп, таких, как «Прямое действие» во Франции, «Красные бригады» в Италии, «Фракция Красной армии» («Rote Armee Fraktion», RAF, другое название – «Группа Баадера-Майнхоф») и «Революционные ячейки» в ФРГ. Эти группы, объясняя свои действия левой идеологией, не предложили, однако, достаточно состоятельной теории политического развития, а выступали лишь за немедленное свержение капиталистического строя, в качестве средства революции избрав акты «индивидуального террора», который подвергал критике сам вождь Великой Октябрьской революции В. И. Ленин [1].

На наш взгляд, судьба RAF – хрестоматийный пример деятельности левацких террористических организаций, члены которых настаивают на скорейшей насильственной смене общественно-экономических формаций без учета объективных факторов, которые должны сформироваться для такой перемены. Это ведет к многочисленным и бессмысленным жертвам, как среди членов самих таких групп, так и среди тех, кого они избирают объектами своих терактов, не говоря уже о рядовых гражданах, которые в больших количествах погибают при проведении акций. По словам специалиста по истории военных режимов Е. Н. Пашенцева, «Темпы развития революции ставились леваками в зависимость не от готовности народных масс, наличия и зрелости их политического авангарда, а от субъективного желания добиться скорейшим образом «скачка в революции». «Скучный» процесс подготовки «скачка» сводился к революционной риторике» [2]. По этому пути пошла и RAF. Такие группы, многие из которых сформировались в рамках студенческого движения 1968 г. и ставили своей целью противодействие как западной модели капитализма, так и бюрократической диктатуре Восточного блока, почти всегда (в большинстве случаев против собственного желания) начинали играть на руку им обоим.

Террорист-левак поначалу стал для германских властей принципиально новым типом преступника, что видно из тактики противодействия властей ФРГ акциям RAF. С осени 1970 г. первый состав RAF совершил ряд преступлений в разных городах ФРГ. В этой ситуации 29 января 1971 г. был подписан акт ÖS 6-625 050/14 о том, что Федеральное управление уголовной полиции (Bundeskriminalamt – БКА) начинает преследование «Группы Баадера – Малера – Майнхоф». Полиция собирает все сведения о

* © Базаркина Д.Ю.

«Группе Баадера – Майнхоф», поддерживает тесный контакт с «региональными специальными комиссиями», основанными в западногерманских землях, и координирует их действия.

Сотрудничавший с БКА политолог Вилли Терстиге сообщал в своем отчете: «Большие трудности создавал новый тип преступника... Полиция привыкла бороться с «правильными» уголовниками – в большинстве случаев с соответствующим опытом, который часто начинался с магазинной кражи... Еще существовали изменники родины. Теперь, однако, приходится иметь дело с людьми, которые «вышли из 68-го года», нередко владели недюжинным умом, происходили из среды рафинированной интеллигенции, нередко были детьми университетских профессоров... К тому же ранее присутствовал мотив. Теперь полиция столкнулась с людьми, которые действовали более или менее бескорыстно. Они не хотели наживаться, как бухгалтер-мошенник. Они хотели создать новое сознание – для Вьетнама, для третьего мира... Это были в значительной степени вышедшие из-под контроля дети буржуазии» [3].

Таким образом, с самого начала обращалось внимание на то, что члены левацких групп – часто люди образованные. Действительно, в первом составе RAF преобладали представители интеллигенции (студенты), о чем заявляет в своих исследованиях политолог И. А. Морозов [4].

Убийства генерального прокурора Зигфрида Бубака и исполнительного директора концерна «Даймлер-Бенц» Ганса-Мартина Шляйера потребовали от полиции новой мобилизации. Обнаруженная в марте 1991 г. тайная система связи RAF позволила службам безопасности не только выявить растущие разногласия в среде «красноармейцев», но и доказать причастность многих людей к деятельности RAF. Кроме того, 27 марта 1991 г. были арестованы пятеро сотрудников «Штази» (Staatssicherheitsdienst, сокращенно «Stasi» – Служба государственной безопасности ГДР), которых обвинили в том, что с 1978 по 1984 г. они тренировали «красноармейцев» на базе «Штази» рядом с Франкфуртом-на-Одере, в частности обучали террористов стрелять из гранатомета RPG 7, который использовался в нападениях на генерала Ф. Кройсена и на американскую военную базу в Рамштайне в 1981 г. [5] Этот успех спецслужб стал причиной того, что к весне 1992 г. члены RAF, вероятно, осознали, что продолжение вооруженной борьбы на базе прежней идеологии и в столь сложном положении невозможно и объявили о прекращении вооруженной борьбы.

Рассмотрим вкратце основные последствия деятельности RAF. «Немецкая осень» 1977 г., время самых жестоких терактов RAF, стало временем чрезвычайных законов при необъявленном чрезвычайном положении. До настоящего времени изоляция, в которой находились арестованные члены RAF, считается причиной того, что так мало процессов по их делам удалось выиграть их адвокатам.

1 октября 1977 г. в набор поступил Федеральный закон 66/1977 – «Закон об изменении введения к закону о судопроизводстве». Были опубликованы семь параграфов, в которых говорилось об изоляции преступника [6], история возникновения которой является для парламентаризма в ФРГ беспрецедентной. Ни один закон не принимался в ФРГ так поспешно. Он был разработан тогдашним федеральным министром юстиции Гансом-Йохеном Фогелем (СДПГ) и явился первым в ряду антитеррористических законов в ФРГ, принятых после терактов 1970-х гг.

На год позже, в следующем антитеррористическом законе, разделительные стекла вводились при беседе между защитником и обвиняемым, расширялся список причин отзыва адвоката, облегчался порядок обыска квартир, вводились контрольные пункты для проверки личностей. В дальнейшем это значительно упростило представление доказательств в уголовных процессах.

Уголовная полиция и федеральная прокуратура были убеждены в том, что полная изоляция арестантов из террористических групп могла бы облегчить уголовное преследование и предотвратить новые преступления. Это была ошибка с тяжелыми последствиями. Закон об изоляции применялся не только против террористов RAF. Стремление изолировать террористов исключало все попытки включения их в общество. Эта реакция властей породила в среде сторонников RAF повышенное внимание к теме изоляции, что придавало уверенности арестованным террористам в том, что соратники на воле борются за них. «Пытки изоляцией» породили сочувствие к заключенным, которое мы встречаем в публикациях до настоящего времени. Так, Г. Прантль говорит о «ресоциализации» системы уголовных наказаний, проблему которой было вынуждено решать государство после RAF [7].

Также отклонения от моральных норм видят в использовании «главных свидетелей», которые оставались безнаказанными, выдавая правосудию своих бывших соратников. Три раза – в 1975, 1977 и 1986 гг. – «главный свидетель» подвергся единой гласной критике общественности как воплощение несправедливости. Под одним из протестов подписались 90 профессоров уголовного права. В 1989 г. консервативное законодательство восстановило положение о «главном свидетеле». Это удалось благодаря тому, что одновременно был введен жесткий, грозивший штрафом запрет на ношение скрывающей лицо одежды, направленный против демонстрантов. На этом запрете сконцентрировалась общественная критика, не обратив внимания на положение «главных свидетелей». Так же это удалось уже в 1981 г. в новом законе о наркотических веществах. Таким образом, положение «главных свидетелей» было прописано в §31 Уголовного кодекса ФРГ до 1994 г. [8].

Это ужесточение преследования потенциальных террористов привело к новой волне радикализации молодежи в объединенной Германии. Веским доказательством того, что левый экстремизм (в данной статье мы используем этот термин как синоним левачества, следуя за многими немецкими авторами – Д. Б.) до сих пор расценивается как среда, из которой исходит реальная угроза новых терактов, являются официальные заявления Ведомства по охране конституции ФРГ, опубликованные на интернет-сайте учреждения по адресу: www.verfassungsschutz.de. Если политическим интересом начала 1990-х гг. было – показать связь RAF со «Штази», то сейчас идет активное переосмысление роли левоэкстремистского движения, как самими его представителями, так и властями. Однако официальная версия событий мало изменилась и в настоящее время. С точки зрения специалистов Ведомства по охране конституции, 1990-е гг. стали временем затишья в левоэкстремистской среде в связи с распадом Советского Союза и с «крушением коммунизма». Это подтверждают и сами бывшие члены RAF.

С 1990-х гг. все более размытыми становятся границы между автономными группами левых экстремистов и террористическими организациями. Таким образом, берлинская организация «Класс против класса» совершила более пятидесяти поджогов и шесть взрывов. Группа «К.О.М.И.Т.Е.Е.» в 1994 г. подожгла районную контрактную воинскую часть в Бад-Фрейенвальде. Склонность к террористической активности продемонстрировала наиболее непримиримая часть автономий в ответ на письмо, в котором было объявлено об окончательном самороспуске RAF в 1998 г. Автономии настаивали в Геттингенской прокламации «EinSatz» на продолжении борьбы против «капиталистического варварства» [9].

В последние годы отмечается рост числа приверженцев левого радикализма: по сведениям из того же источника, группы существуют в почти всех больших городах, в частности, в густонаселенных центрах Берлина, Гамбурга, области Майна, Рейнской области, районе Дрездена / Лейпцига, а также в более мелких университетских горо-

дах, таких, как Геттинген и Фрайбург. Численность состоящих в них людей – примерно 6000 человек (в 2005 г. примерно 5500 человек). Публикаций движения насчитывается более пятидесяти; изданиями федерального значения являются, прежде всего, издающееся в Берлине «Временное Соглашение», а также подпольный листок «Радикал» [10]. Эти леворадикальные организации и расцениваются Ведомством по Охране конституции как потенциальный источник экстремизма. Нельзя не обратить внимания на то, что сторонники западной либеральной модели часто отождествляют левых радикалов с террористами-леваками, возможно, чтобы снять угрозу, которую леворадикальные движения могут представлять для официальных властей в будущем.

В сплочении существующих сегодня автономий их представители видят следующие возможности:

- сделать видимой для общества «незаконность и бессмысленность» встреч лидеров Большой Восьмерки;
- обеспечить критическую для сторонников глобализации массовую мобилизацию;
- осуществлять акции протеста;
- перейти в критике процессов глобализации полностью на левые позиции [11].

Последнее заявление настораживает тем, что в нем можно увидеть опасность перехода леворадикальных молодежных групп к догматизму (вернее было бы, на наш взгляд, заявить о необходимости совершенствования теоретической базы левого движения в соответствии с требованиями времени). В этих заявлениях мы также видим потенциальную опасность отождествления левого движения в целом с теми левоекстремистскими элементами, которые могут выйти из антиглобализационного движения и выступить за насильственные меры, необоснованные достаточно состоятельной политической теорией.

Эти заявления встречают критику скептиков, которые видят во всем этом «левую спекуляцию», применяемую лишь для того, чтобы «приукрасить» реальное положение вещей. По их мнению, левое движение, несмотря на все успехи, занимает в настоящее время оборонительную позицию. Сомнительно, что демонстранты, пытавшиеся сорвать встречи лидеров государств Большой Восьмерки, высказывали общие цели. Таким образом, леворадикальное движение Германии сейчас более, нежели в активной практике, нуждается в разработке теории общественного развития, отвечающей современным требованиям [12].

Что касается современных методов, которые используют власти в борьбе с терроризмом, отношение к ним остается двойственным. С одной стороны, безопасность граждан государства требует привлечения новых тактик и методов. С другой стороны, эти методы часто встречают осуждение и сопротивление в обществе.

Один из последних скандалов вокруг антитеррористической политики в Германии связан с высказываниями министра внутренних дел Германии Вольфганга Шойбле, который заявил в интервью еженедельнику «Stern», что «в вопросах борьбы с терроризмом нужно действовать без оглядки на Конституцию». По мнению министра, в первую очередь необходимо отказаться от презумпции невиновности. «Что более правильно: позволить случиться десяти терактам или не дать это сделать тому, кто и так не собирался осуществлять теракт? По-моему, перестраховка никому не мешала», — развил он свою мысль. Поддержала планы Шойбле и министр юстиции, член Социал-демократической партии Германии Бригитта Цюприс: «Презумпция невиновности не может работать в вопросах борьбы с террористическими угрозами» [13].

Следуя этой логике, считают в редакции журнала «Эксперт», «презумпция невиновности будет распространяться лишь на вынесение приговора судом, в то время как все следственные действия, направленные на борьбу с терроризмом, начнут исхо-

доть из того, что каждый проживающий в стране человек замышляет теракт» [14].

Ранее в Германии был принят закон о создании единой информационной системы в борьбе с терроризмом. Это означает беспрепятственный обмен данными между 38 различными службами, сообщает радио «Свобода»: «Бундестаг одобрил документ, согласно которому к базе данных получают доступ 38 организаций и служб. Работники полиции и разведки смогут получить общие сведения об интересующих их лицах, проживающих в Германии, а также найти их фотографии. По особым запросам следователям будет предоставляться дополнительная информация, например, сведения о телефонных номерах и переговорах, о пользовании Интернетом и т.п.» [15].

На фоне этих событий все чаще антитеррористическая политика в ФРГ становится предметом критики. Что касается конкретных предложений по противодействию терроризму, как считает исследователь психологии терроризма И. Е. Иванов, прежде всего, необходимо выработать правовые и организационные гарантии защиты прав граждан от злоупотребления возможностями борьбы с терроризмом, от выхода должностных лиц за пределы Конституции, чем бы они ни пытались оправдаться. Одной из таких гарантий является жесткая индивидуальная ответственность за принимаемые решения и осуществляемые действия.

Тот же исследователь предлагает «пересмотреть широко распространенное мнение, в соответствии с которым приоритет в организации борьбы с терроризмом должен принадлежать спецслужбам и правоохранительным органам. Если мы обратимся к упоминавшемуся опросу руководителей контртеррористических подразделений, то увидим, что в качестве факторов, порождающих сегодня терроризм, выступают социальные, экономические и политические причины, рычаги прямого воздействия на которые находятся вне компетенции органов безопасности и правоохраны». Главными субъектами борьбы с терроризмом должны быть само государство, законодательная и исполнительная ветви власти, считают исследователи психологии терроризма [16].

Только на длительном пути к гражданскому обществу, справившись с факторами появления терроризма, возможно победить эту проблему и достичь мира и взаимопонимания в любом государстве. Для этого сегодня как никогда необходимо налаживание диалога различных политических сил, что относится не только к положению в Германии, но и к ситуации во всех остальных странах, где активно идет обсуждение проблемы международного терроризма. В данном случае неважно, идет речь о левацком или об этнорелигиозном терроризме, особенно сейчас, когда в ряде случаев исламские лозунги используются представителями стоящих на распутье групп левацкого толка. Важно понять, что толкает людей на путь террора и бороться не с симптомами болезни, а с ее причиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вэйг Т. Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963 - 1993. Гродно, 2004.
2. Германия: создана единая база данных для борьбы с терроризмом // Полит.Ру // www.polit.ru/news/2006/12/02/_terror_germ.html
3. Долой бундесконституцию! // «Эксперт Украина» №16 (114).23.04.2007 // www.expert.ru/printissues/ukraine/2007/16/news_borba_s_terrorizmom/
4. Иванов И. Е. Психология терроризма. Предупреждение и пресечение террористических актов. СПб. 2005.
5. Ленин В. И. С чего начать? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 5.
6. Ленин В. И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6.
7. Ленин В. И. Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6.
8. Морозов И. А. Политический экстремизм – леворадикальные течения. Волгоград, 2002.
9. Пашенцев Е. Н. Военные режимы: история и современность. М., 1997.

10. Analyse & Kritik. Zeitschrift für Sozialtheorie // www.analyse-und-kritik.net.
11. Der Verfassungsschutzbericht 2006. Bundesministerium des Innern. Berlin, 2006.
12. Der G8Prozess als erfolgreiche politische Imagination // Gipfelsoli Infogruppe: Meldungen über globalisierte Solidarität und die Proteste gegen unsolidarische Globalisierung // gipfelsoli.org.
13. Extremistische Globalisierungskritik nach Heilgendamm. Köln, 2008.
14. Kailitz S. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Wiesbaden, 2004.
15. Linksextremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Allgemeine Entwicklung. Landesamt für Verfassungsschutz Baden-Württemberg, 2003.
16. Peters B. RAF: Terrorismus in Deutschland. Stuttgart, 1991. S. 105.
17. Prantl H. Verdächtig. Der starke Staat und die Politik der inneren Unsicherheit. Hamburg – Wien, 2002.
18. Rau M. Country Report Germany // TrackingTheThreat.com – a database of open source information about the Al Qaeda terrorist network // www.trackingthethreat.com/genBinaries/1055_entity.pdf;
19. Zöllner V. Liberty Dies by Inches: German Counter-Terrorism Measures and Human Rights // German Law Journal No. 5 (1 May 2004) – Special Edition.

Сноски и примечания:

1. Ленин В. И. С чего начать? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 5. С. 7-8; Он же: Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6. С. 375-376; Он же: Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6. С. 380-387.
2. Пашенцев Е. Н. Военные режимы: история и современность. М., 1997. С. 35.
3. Peters B. RAF: Terrorismus in Deutschland. Stuttgart, 1991. S. 105.
4. Морозов И. А. Политический экстремизм – леворадикальные течения. Волгоград, 2002. С. 46-47.
5. Спорность этих обвинений обсуждается исследователями до настоящего времени.
6. Rau M. Country Report Germany // TrackingTheThreat.com – a database of open source information about the Al Qaeda terrorist network // www.trackingthethreat.com/genBinaries/1055_entity.pdf; Zöllner V. Liberty Dies by Inches: German Counter-Terrorism Measures and Human Rights // German Law Journal No. 5 (1 May 2004) – Special Edition.
7. Prantl H. Verdächtig. Der starke Staat und die Politik der inneren Unsicherheit. Hamburg – Wien, 2002. S. 30 – 31.
8. Prantl H. Verdächtig. Der starke Staat und die Politik der inneren Unsicherheit. Hamburg – Wien, 2002. S. 32 – 33.
9. Kailitz S. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Wiesbaden, 2004. S. 126.
10. Der Verfassungsschutzbericht 2006. Bundesministerium des Innern. Berlin, 2006. S. 151.
11. Der G8Prozess als erfolgreiche politische Imagination // Gipfelsoli Infogruppe: Meldungen über globalisierte Solidarität und die Proteste gegen unsolidarische Globalisierung // gipfelsoli.org.
12. См. подробнее: Analyse & Kritik. Zeitschrift für Sozialtheorie // www.analyse-und-kritik.net.
13. Долой бундесконституцию! // «Эксперт Украина» №16 (114).23.04.2007 // www.expert.ru/printissues/ukraine/2007/16/news_borba_s_terrorizmom/
14. Долой бундесконституцию! // «Эксперт Украина» №16 (114).23.04.2007 // www.expert.ru/printissues/ukraine/2007/16/news_borba_s_terrorizmom/
15. Германия: создана единая база данных для борьбы с терроризмом // Полит.Ру // www.polit.ru/news/2006/12/02/_terror_germ.html
16. Иванов И. Е. Психология терроризма. Предупреждение и пресечение террористических актов. СПб. 2005. С. 61-63.

D. Bazarkina

THE COUNTER-TERRORIST POLICY IN FRG: THE COUNTERACTION TO THE LEFTIST TERRORIST ORGANIZATIONS. THE IMPROVEMENT OF THE PRACTICAL METHODS AND THE CHANGES IN THE LEGISLATIVE SYSTEM FROM THE BEGINNING OF 1970TH TO THE BEGINNING OF 21ST CENTURY

Abstract: The author of the article has a good look at the evolution of methods of counterterrorist activities in FRG and their influence upon the legislative system and the political situation in the country as a whole in the second half of the 20th – at the beginning of 21st centuries. Efforts were made to forecast the political consequences of the counterterrorist

activities in Germany and the ways of its improvement are suggested without the offensive against the democratic rights and freedoms.

Key words: terrorism, ultra-left/leftists, RAF, history of FRG.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИТАНСКОЙ СЕКРЕТНОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В 80-Е ГГ. XX ВЕКА *

Аннотация: Разведка – это коммуникативная деятельность.

Для разведки важен имидж, который строится на процессах умолчания. Благодаря ореолу таинственности и всеисильности разведка привлекает общественность. Умение собирать, обрабатывать информацию, принимать на ее основании решения и осуществлять их влияет на эффективность деятельности спецслужб.

Автор рассматривает коммуникационный аспект деятельности британской спецслужбы МИ-6 периода 80-х годов XX века.

Ключевые слова: коммуникация, PR, разведка, анализ, сбор информации, военные операции.

Коммуникация является одной из центральных составляющих современного общества. Статус страны, фирмы, организации в реальном мире определяется ее статусом в информационном пространстве, в котором имеют место психологические войны и пропагандистские кампании [5, 71].

Сегодня они опираются на четкое знание коммуникативных закономерностей и моделей, которые помогают создать эффективные процессы воздействия в рекламе, публичных релейшнз и коммуникационном менеджменте. Информация становится все более важной составляющей национальной безопасности любого государства [8, 292].

Разведка – это тоже коммуникативная деятельность. В классическом смысле под разведкой понимается сбор информации, оценка ее достоверности и объединение отдельных фактов в аналитическую картину. Информация поступает как от иностранцев, делающих это специально или случайно, так и от технических средств информации [8, 559].

Найденные сведения оказывают влияние на общественное мнение, госструктуры, отдельных деятелей. В США – это более ярко выражено в отличие от Великобритании. Опыт показывает, что в годы «холодной войны» информация была острым и эффективным инструментом в руках разведок, использование которого зачастую будоражило весь мир.

Разведка включает в себя полный набор коммуникационных процессов, условно подразделяемых на четыре класса:

А. Работа с фактами:

а) сбор; б) оценка достоверности; в) аналитическая работа, сопоставление факта с системой.

Б. Работа с носителями фактов:

а) вербовка; б) допрос; в) повышение имиджа спецслужб; г) распространение фактов; д) пропаганда; е) политические акции; ж) поддержка необходимых средств массовой коммуникации.

В. Передача фактов: безопасная передача фактов [8, 263].

Главными принципами информационной работы разведки являются:

1. Определение понятий.

* © Зудочкина С.В.

2. Использование всех источников.
3. Раскрытие значения фактов.
4. Установление причин и следствий.
5. Учет национального характера народа.
6. Определение тенденций развития.
7. Степень достоверности.
8. Выводы.

Факты, с которыми работает разведка, не всегда являются объективными. В случае дезинформации факт может оказаться ложью. Причем понять это зачастую очень затруднительно.

Аналитическая работа – это одна из главных и решающих сфер деятельности разведки, поскольку именно она придает фактам объективность [7, 600].

Между разведкой и публичными отношениями (PR) много общего, хотя есть и элементы полного несовпадения – ориентация на секретность в разведке и ориентация на информирование в PR. Руководители спецслужб стараются не встречаться с прессой, кроме особых случаев, в то время как руководители иных структур ищут поддержки СМИ в своих начинаниях и своей работе. Если для спецслужб характерным является лозунг «без контактов» и «без комментариев», то он совершенно неприемлем и определенно ошибочен в ситуациях PR. Разведка, как и PR, классифицирует каналы информации, применяет ситуационный анализ всего коммуникационного поведения, организации для выяснения в полной мере как осуществляется ее общение с публикой, при этом учитывается следующее:

1. Необходимость информации по данной проблемной ситуации.
2. Тип информации реально используемой людьми.
3. Восприятие людьми этой информации.
4. Результат использования информации [7, 596].

У. Лакер пишет: «Хорошая разведка может иметь место при минимуме теории, но она вряд ли будет иметь место при минимуме знаний. Мы вполне можем перенести это наблюдение и на область PR, где все время возникает проблема, является ли эта сфера наукой или искусством. Соответственно проблема «ремесло это или наука» стоит и перед разведкой» [7, 603].

Для разведки важен имидж, который строится не на раскрытии позитива, а на процессах умолчания. Благодаря ореолу таинственности, с одной стороны, и всеисильности, с другой стороны, разведка привлекает внимание общественности. В PR и в разведке важны отношения первых лиц и данных спецслужб по вопросам передачи информации. М. Хендель определяет два этапа поддержки разведкой процессов принятия решений.

С одной стороны, информация и аналитика помогают лидеру принять решение, затем разведслужба отслеживает удачу или неуспех этого решения и реакцию на него оппонентов. С другой стороны, и это более болезненный этап, разведслужбы могут оценивать и критиковать удачность политики первого лица, что особенно важно для вариантов долговременной политики. Определяются следующие уровни разведки [7, 598].

- политико-стратегическая разведка;
- операционно-тактическая и кризисная разведка.

Для политико-стратегической разведки характерно:

- часто долго- или средневременные оценки и решения: недостаточное или не немедленное давление времени на действия;
- долговременные политико-стратегические намерения оппонента более трудно

определить или оценить. Это оставляет относительно большой зазор для автономного взгляда лидера и субъективной интерпретации;

- новые политики и стратегии могут быть разработаны позднее, чтобы противодействовать оппоненту. Прямой эффект таких контрстратегий не всегда может быть правильно понят и оценен;

- последствия часто отдалены во времени и не всегда могут быть привязаны к конкретному лидеру или решению. Неудачи могут передаваться следующим лидерам.

Для операционно-тактической и кризисной разведки характерно:

- в основном кратковременные оценки и решения; непосредственное давление на действия;

- необходимая информация часто может быть хорошо определена;

- ошибки, относящиеся к разведке до некоторой степени могут компенсироваться высшим командованием (или дипломатическим искусством в случае кризиса), а также материальным превосходством в военных действиях;

- последствия ошибки проявляются сразу и четко идентифицируются. Прямую ответственность легче приписать лидеру.

Разведывательный цикл определяет операции: направление, сбор, обработка, распространение, и использование. Он имеет вид круга, по которому можно двигаться бесконечно. Направленность разведывательной деятельности соответствует потребностям тех, кто принимает военно-политические решения. Обработка информации превращает огромные потоки неупорядоченных данных в систему фактов. При этом информация, которая не является необходимой для данного анализа, сортируется и хранится для быстрого компьютерного выхода на нее в случае необходимости. Аналитики оценивают и интегрируют информацию, интерпретируют ее значение и значимость. Важным моментом является разработка систем, не позволяющих посторонним подключаться к любым видам коммуникаций (включая и компьютер) [8, 565].

Разведка анализирует человеческие и технические возможности информационной войны потенциальных противников, а также стратегии, которые те могут использовать, поскольку некоторые государственные и негосударственные действующие лица (включая террористов, транснациональные криминальные группировки, религиозные движения) будут брать на вооружение информационные стратегии, которые не сходны со стратегиями технологически развитых государств [6, 21].

Таким образом, коммуникация играет значительную роль в деятельности разведки, в частности, в работе спецслужб. Умение собирать, обрабатывать информацию, принимать на ее основании решения и осуществлять их влияет на эффективность деятельности спецслужб, в конечном счете, на формирование стратегии и тактики государства.

В своей статье автор рассматривает коммуникационный аспект деятельности британской спецслужбы МИ-6 периода 80-х годов XX века. Обращаем внимание на использование в деятельности британской спецслужбы различных источников получения информации, а также применение их госструктурами для осуществления военных операций, экономического и политического шпионажа.

Британская секретная разведывательная служба, более известная как МИ-6, является одним из самых закрытых ведомств Соединенного Королевства. В течение долгих лет правительство не подтверждало даже сам факт ее существования.

МИ-6 собирает секретные разведывательные данные для правительства и государственных департаментов, служб и предпринимает тайные операции за рубежом. До середины 80-х гг. МИ-6 размещалась в здании "Сенчури хаус", в центре Лондона

рядом с Вестминстерским мостом. Исключение составил лишь период войны, когда ряд подразделений размещался в Лондоне по адресу Бродвей-стрит, 54 [3].

Секретная разведывательная служба была основана в 1909 году в качестве Иностранного отдела Бюро секретной службы. С тех пор за МИ-6, существовавшей под разными названиями и аббревиатурами, сохраняется ответственность Иностранного отдела за сбор внешних разведсведений. МИ-6 – это отдел Министерства по делам государственной службы, поэтому будущие сотрудники Разведывательной службы сначала должны выдержать те же экзамены, что и неиссякаемый поток кандидатов в другие государственные ведомства, будь то МИД, Казначейство или Министерство торговли и промышленности [7]. Кредо административно-кадрового управления МИ-6 может считаться следующий тезис: «Империя в упадке, но тайная национальная элита сохраняет чистоту традиций, и в этом заложена сила британской нации, что и способствует ее выживанию; основой британской государственности являются лояльность и патриотизм; престиж нации – имидж и репутация недеklarированного превосходства британского джентльмена» [4].

Около половины разведчиков МИ-6 и большая часть технического персонала находятся в Лондоне. Их главная задача поддерживать тех, кто работает за границей, планировать операции, осуществлять связь с иностранными разведслужбами и представлять разведданные тем, кто принимает решения в Уайт-холле.

Донесение разведчиков помечается знаком «СХ». Томлиссон в книге «Большой провал» сообщает, что Служба тогда была настолько секретной, что донесения разведчиков не выходили за стены МИ-6 и потому помечались “Каммингсу исключительно”, сокращенному до СХ. Разведданные ничего не стоят, если их не сообщать тем, кто принимает решения, и сейчас донесения СХ распространяются гораздо шире. Министерство иностранных дел и министерство обороны являются самыми важными «клиентами», однако СХ мог получить любой правительственный департамент, если материал имеет к нему отношение. Даже некоторые крупные британские компании, такие как “Бритиш аэроспейс”, “Шелл”, “Бритиш пейтент”, “Бритиш эйрвейс” держат в штате офицера связи МИ-6, получающего СХ. Разведчики действуют под «дипломатической крышей», где располагаются резидентуры. Таких во всем мире 50. Самыми мощными в конце 80-х годов XX века являлись Восточноевропейские и Западноевропейские управления. Внутри каждой резидентуры существуют определенные системы руководства, технического обеспечения и контроля. Основная деятельность МИ-6 заключается в работе с агентурой. В соответствии с хартией «Книгой приказов» разведчик должен был обладать способностью планировать и осуществлять специальные операции почти военного характера. У офицеров МИ-6 не было необходимой военной подготовки, чтобы проводить эти операции самим. Их задача – наметить цели операции и добиться у министра иностранных дел политического урегулирования. После этого в дело вступали офицеры и солдаты из всех трех родов вооруженных сил [9].

Руководителями МИ-6 в 80-е годы были:

- Артур Фрэнкс 1979-1982;
- Колин Фигерс 1982-1985;
- Кристофер Керуэ 1985-1989;
- Колин Маккол 1989-1994 [4].

Каждый руководитель известен как глава СИС, или «Си»-«С» (по установившейся традиции от первого главы разведслужбы Мэнсфилда Камминга (Mansfield Cumming) который подписывался первой буквой своей фамилии «С») и имел привычку писать зелеными чернилами. С тех пор все, кто сменяли его на этом посту, придерживались двух этих традиций. Назначение на должность определялось не только

заслугами и способностями, но и стратегией внешней политики. Так, Колин Маккол в 1989 году вступил в должность, сменив Кристофера Керуэ – надежного и последовательного руководителя, чтобы придать динамизм и гибкость руководству. Колин Маккол начал свое продвижение по служебной лестнице в период работы в Индокитае. С 1958 по 1962 г. Маккол занимал разные посты в Бангкоке (Таиланд) и Лаосе, где являлся заместителем резидента, а потом и резидентом.

В 80-е годы XX века приоритетным направлением в деятельности МИ-6 была работа против Советского Союза, что объяснялось курсом «холодной войны». После того как Черчилль в 1946 г. провозгласил в своей речи в Фултоне политику холодной войны, английская разведка стала основным инструментом психологической войны. Следует подчеркнуть, что наряду со специальными политическими акциями в понятие «психологическая война» руководство МИ-6 включало и акции по террору, диверсиям и саботажу [2].

В книге Стефана Доррилла «МИ-6. Пятьдесят лет специальных операций» отмечается операция МИ-6 на Фолклендских островах в 1982 году. Планы вторжения на эти острова были разработаны секретной группой. Седьмой отдел управления считался «латинским». Наибольшая активность его резидентур проявлялась в Аргентине (особенно в период Мальвинского, или Фолклендского кризиса), а также в Уругвае, Сальвадоре, Гватемале, Чили, Бразилии, Мексике и Колумбии.

Скрытым фактором, обеспечившим Англии победу в конфликте 1982 г. с Аргентиной из-за Мальвинских островов, был тайный союз ЦРУ, МИ-6, чилийской военной разведки и израильской разведки Моссад. Это секретное соглашение дало правительству М. Тэтчер возможность использовать в период вторжения секретные аэродромы союзников для британских самолетов-шпионов, базы коммандос этих стран, шпионские центры и другие важные военные объекты, находящиеся на чилийской территории. Известно, что английская разведка в период Мальвинского конфликта активно использовала агентуру чилийских спецслужб для сбора информации об аргентинских вооруженных силах. В Пунта-Аренасе были созданы центры, проводившие интенсивную разведку средствами связи с помощью английского электронного оборудования. Они занимались перехватом донесений, направлявшихся аргентинским вооруженным силам.

Вместе с тем большинство политиков, дипломатов, военных руководителей до последнего момента не знали об операции. Лорд Френкс в декабрьском выпуске газеты «Ревью» 1982 г. осудил МИ-6, сказав, что газетной кампании верится больше, чем сообщениям разведки. «Ревью» критиковало аппарат управления, который был «слишком пассивным в действии, чтобы быстро отвечать на изменившуюся ситуацию». Руководитель МИ-6 Колин Маккол позже признавал, что после войны на Фолклендских островах стало понятно, что кадровый состав оказался слишком слабым. Было решено расположить на территории Южной Америки дополнительно три станции и штаб офицеров. Премьер-министр Великобритании М. Тэтчер поддерживала разведывательное сообщество больше, чем любой другой послевоенный премьер-министр, и если постоянный комитет по разведывательной службе приводил доводы в пользу увеличения бюджета, она «принимала положительные решения кивком головы». В период ее правления расходы на разведывательное сообщество выросли более чем вдвое [1, 746].

Руководящий принцип во внешней политике был лучше всего сформулирован советником М. Тэтчер по внешней политике и новым директором Объединенного комитета разведывательных служб Перси Крэдоком в начале 1985 года, который верил, что холодная война «будет длиться вечно», и разделял мнение, что Москва все еще

добивается мирового господства.

Британская разведка имела крайне мало информации относительно работы советской разведки. «К советскому дипломатическому движению не имелось никакого доступа», – так сообщал журналист ВВС Марк Урбан. В 1985 году, имея около 2400 штатных сотрудников, МИ-6 разделила своих офицеров на службу общего назначения и собственно службу разведки. Служившие в отделе Советского блока сотрудники службы разведки расценивали себя как элиту. Например, О. Гордиевский был «звездным призом», резидентом КГБ в Лондоне. Он информировал МИ-6 относительно «Операции Райан» (ракетно-ядерный удар) и передавал информацию своему диспетчеру. Однако 17 мая 1985 года первый секретарь советского посольства был вызван в Москву. В июле 1985 года премьер-министр М. Тэтчер приказала МИ-6 устроить «возвращение» Гордиевского из Москвы. **В 1985 г. более 70 советских дипломатов, журналистов и торговых работников по требованию британских властей покинули Лондон.** Разгром лондонской резидентуры КГБ можно было считать «заслугой» ее сотрудника **Олега Гордиевского**. Д. Скарлетт – будущий глава МИ-6 вел агентурную разработку и осуществил операцию по вывозу Гордиевского из СССР, куда он был отозван из командировки. Выйдя из дома на утреннюю пробежку, Гордиевский разместился в багажнике дипломатического автомобиля и был доставлен в нем в Финляндию. **В августе 1985 г. он был заочно приговорен к расстрелу.** 20 лет спустя, когда газеты стали обсуждать назначение Скарлетта, перебежчик отблагодарил его, назвав «самым талантливым и успешным британским разведчиком нашего времени». «Он любит Россию», – утверждал Гордиевский, рассказывая, что во время проведения явок Скарлетт просил говорить только по-русски и даже назвал русскими именами своих дочерей. Используя информацию, полученную от Гордиевского, в течение сентября разведслужба распространила среди британских и американских политиков пятидесятистраничный брифинг «Советское восприятие ядерной войны». Копия читалась Президентом США Р. Рейганом. Гордиевский встретился с начальниками штабов и помог МИ-6 анализировать стратегическую информацию. Гордиевский утверждал, что «бывший КГБ активизирует свою деятельность в Великобритании и действует новыми, более современными методами». Он подчеркивал, что «масса бывших офицеров КГБ ежегодно прибывает в Великобританию под видом работников новых коммерческих структур с тем, чтобы вести подбор талантливых кандидатов для дальнейшей вербовки, а в отдельных случаях для добычи полезной информации промышленно-коммерческого характера» [1, 643].

Очень скоро британских налогоплательщиков удалось убедить в том, что российская разведка возобновила отправку в Лондон своих сотрудников под видом представителей предпринимательских структур. Для западной общественности была очевидной первостепенная необходимость для русских догнать внешний мир в области электроники, а также то, что шпионаж (с использованием «русской мафии») является, мол, единственной возможностью для достижения этой цели [2].

Р. Томлинсон в книге «Большой провал» рассказывает о тесном сотрудничестве МИ-6 и ЦРУ. К. Маккол, глава МИ-6, считал, что у американцев просто сказочные технические возможности. «Чтобы иметь доступ к их достижениям, мы должны быть для них ценным партнером, используя для этого наши преимущества – коварство и природную хитрость – в получении агентурных разведсведений». МИ-6 и ЦРУ с самого начала оккупации СССР Афганистаном в декабре 1979 год поддерживали моджахедов. Премьер-министр Великобритании М. Тэтчер уполномочивала МИ-6 предпринимать «подрывные действия». Наиболее важным вкладом была помощь в организации связи в 1982 году, благодаря поставке нескольких тактических радио-

станций [1, 641].

В эти годы разведка сосредотачивала свое внимание на Ближнем Востоке, проблемах терроризма, распространения ядерного, химического, биологического оружия, а после распада СССР особое внимание уделялось Ирану и Ираку, коммерческому шпионажу [1, 775].

В конце 1980-х годов, несмотря на долгое присутствие на Ближнем Востоке, МИ-6 пренебрегала этим регионом, предпочитая концентрировать свои ресурсы на Советском блоке. Несмотря на то, что иракская резидентура МИ-6 смогла своевременно выявить попытки Багдада приобрести химическое и биологическое оружие, британские спецслужбы не смогли предсказать в конце 80-х гг. развитие событий в Персидском заливе. Доказательством неэффективности английской разведки оказалась ее неспособность своевременно сигнализировать о вступлении иракских войск в Кувейт, что нанесло немалый ущерб национальным интересам Великобритании и поставило под угрозу жизнь британских подданных [2].

В Багдаде у нее не было даже агентов, а всего лишь несколько высококлассных офицеров. Источником информации о положении дел являлись газеты. Согласно Марку Урбану скорее как «политический жест», чем как действительный, МИ-6 планировала разрушительные акции, нацеленные на поддержку кувейтцев и подрыв режима Саддама. В Саудовской Аравии был расположен учебный центр для кувейтских добровольцев, но вскоре стало очевидно, что они не готовы для ведения партизанской войны и разведки. Более успешной была Группа советников по обороне – объединенный комитет МИ-6 и министерства обороны, которая координировала психологические операции. Видеокассеты с оппозиционными режиму записями тайно были завезены в Ирак, в то время как радиостанция «Свободный Ирак» подстрекала население к восстанию. Однако все усилия оказались безуспешными, потому что были плохо определены политические цели, и существовала нехватка опытных специалистов по ведению информационно-психологической войны. Наиболее огорчительным было отсутствие материальной помощи иракцам и курдам, которых поднимали на восстание. Как результат, сотни людей погибли, пока Саддам укреплял свою власть в стране [1, 753].

В 1984 г. секретарь министерства финансов Питер Мидлтон добился предоставления МИ-6 ассигнований для сбора информации экономического и коммерческого характера. После этого сфера экономики становится для британской разведки главной. Началась агрессивная охота за технологическими и экономическими секретами конкурентов. В последнее время с целью сбора экономической информации активно использовались торгово-экономические каналы, в частности поездки британских предпринимателей по российским предприятиям как гражданского, так и военного профиля под предлогом оценки их перспективности для создания совместных предприятий или их возможного участия в конверсии.

Управлением деятельностью разведывательного сообщества Великобритании в сфере промышленного шпионажа ведал межведомственный орган в лице Комитета по внешнеэкономической разведке. Курирование деятельности деловой и финансовой разведки осуществлял заместитель министра финансов по внешнеэкономическим вопросам. Этот комитет руководил всеми четырьмя разведорганизациями Великобритании по добыванию коммерческой и экономической информации, а также ведал ее обменом [1, 734].

Таким образом, секретная служба Великобритании МИ-6, используя активные коммуникации и технологии PR предоставляла Британскому правительству уникальную и ценную информацию для того, чтобы поддерживать и защищать националь-

ную безопасность Соединенного Королевства, а также осуществлять стратегические направления во внешней политике. С окончанием холодной войны и падением Берлинской стены в 1989 году начался кризис в системе разведслужб Великобритании. Меняющийся мир выдвигал требования пересмотра деятельности разведслужбы. Началось освоение новых направлений деятельности разведслужбы. Однако служба СИС медленно приспосабливалась к создававшемуся положению. Комитет парламента по вопросам разведдеятельности и госбезопасности, подчиняющийся только премьер-министру, создавал видимость контроля. Тема деятельности разведорганов была практически закрыта для прессы, общественности. Вместе с тем МИ-6 продолжала удерживать рычаги власти и не была подотчетна общественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Доррил С. МИ-6. Пятьдесят лет специальным операциям, Лондон, Четвертое издательство, 1999. 747 с.
2. Лекарев С. Джентльмены, нарушающие законы. Британской разведке Сикрет интеллидженс сервис – 90 лет // Независимое военное обозрение. 22. 10.1999.
3. МИ-6. История СИС// <http://www.mi6.gov.uk/output/Page238.html>
4. МИ-6. Руководители // <http://www.mi6.gov.uk/output/Page238.html>
5. Пашенцев Е.Н. Паблик рилейшенз и коммуникационный менеджмент, стремительное развитие , глобальный охват // Паблик рилейшенз и коммуникационный менеджмент. Зарубежный опыт. М.: Слово, 2006. 91 с.
6. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. М.: Синтег, 2000. 180 с.
7. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшенз. М.: Рефл-бул, Ваклер, 2000. 600 с.
8. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-Ваклер, 2001. 649 с.
9. Томлинсон Р. Большой провал. Раскрытые секреты британской разведки МИ6./Пер.сангл//<http://www.ruslib.com/DETEKTIWY/TOMLINSON/mi6.txt>

References:

1. Dorril, S. MI-6 Fifty Years of special operations. London, Fourth Estate, ISBN 1-85702-701-9. Humphreys, Rob (1999).747p.
2. MI-6 History of SIS <http://www.mi6.gov.uk/output/Page238.html>
3. Pocheptsov G.G. Teorija komunikatsij. M.Refl-bul , Vacler, 2000. 600 p.
4. Pocheptsov G.G. Informatsionno-phihiologichisray vojna. M. Sinteg, 2000. 180 p.
5. Pocheptsov G.G Publik Relations. M. Refl-bul, Vacler, 2000. 600 p.

S. Zudochkina

COMMUNICATIVE ASPECT OF THE BRITISH INTELLIGENCE SERVICE IN THE 80'S OF THE XX

Abstract: The Intelligence Service is a communicative source. The attention is paid to some aspect of MI 6 in the 80's of the XX. As Britain's secret service, SIS provides the British Government with a global covert capability to promote and defend the national security and economic well-being of the UK. SIS operates world-wide to collect secret foreign intelligence in support of the British Government's policies.

Key words: PR, intelligence service, secret intelligence service, special operations, communicative source.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА*

Аннотация: В статье описывается развитие коммуникационного менеджмента и его технологий в рамках работы Генерального управления внешней безопасности Франции в 90-е годы XX века. Автор анализирует предпосылки, стимулировавшие это развитие в названный период, способы применения инструментов коммуникационного менеджмента в деятельности французской внешней разведки, а также цели и эффективность использования этих инструментов.

Ключевые слова: коммуникационный менеджмент, внешняя разведка, медиатизация, информационные войны

В 90-е годы XX века в деятельности французской внешней разведки DGSE (*Direction générale de la sécurité extérieure* – Генеральное управление внешней безопасности) наблюдается активное использование средств и методов коммуникационного менеджмента, который определяется как «профессиональное управление людьми и капиталами посредством коммуникаций» [1, 21] и расценивается как «наиболее инновационный механизм формирования и развития всего спектра общественных связей и отношений, консолидации интеллектуального капитала людей, технологичного введения его в разнообразные виды их практической деятельности» [2, 31].

Осознание значимости коммуникационного менеджмента (*далее КМ*) в деятельности французской внешней разведки в 90-е годы отражается в появлении ряда тенденций, связанных с изменением принципов работы DGSE. Первая тенденция – это начало активного использования СМИ, как французских, так и международных, в качестве инструмента экономической разведки, как правило, с целью дискредитации конкурентов на международном рынке. Вторую можно описать как движение в сторону большей открытости работы французской разведки для общественности, что также осуществляется с помощью сотрудничества со СМИ. Обе эти тенденции являются двумя сторонами одного явления, которое получило название «медиатизация».

Авторство использования термина «медиатизация» применительно к работе DGSE принадлежит главе службы Пьеру Брошану, который по прошествии 90-х годов заявил в интервью журналу «Армэ д'ожурдуй» («*Armées d'Aujourd'hui*»), что одной из задач DGSE является адаптация деятельности службы к «растущей медиатизации общественной жизни». Декларируя стремление спецслужб к сближению со СМИ, П.Брошан однако подчеркнул, что «национальная безопасность требует определенных ограничений, несовместимых с догмой универсальной и абсолютной прозрачности» [3, 7].

Начало медиатизации французской внешней разведки в 90-е годы XX века является попыткой, во-первых, использования СМИ в целях сугубо разведывательных, а, во-вторых, оказания посредством СМИ определенного влияния на мировую политическую и бизнес-аудиторию. Другими словами, медиатизация DGSE является средством КМ на международном уровне, цель которого состоит в получении экономических и политических «дивидендов» с помощью направленного формирования информационно-коммуникационного поля.

* © Карбасова О.В.

Надежные контакты в СМИ являются в современной практике спецслужб залогом успеха проведения различных операций, которые в конце XX века все больше перемещаются в область экономической разведки. Журналист, эксперт по вопросам безопасности И.А. Невдашов описывает следующую схему использования СМИ спецслужбами: «Например, для компрометации конкурирующей компании добывается соответствующая развединформация, затем в печати поднимается, например, тема коррупции и со страниц СМИ сообщается о том, что такая-то фирма дала взятку какому-нибудь местному чиновнику, причастна к загрязнению окружающей среды, «отмыванию денег» или каким-нибудь другим темным делам. После чего подключаются оппозиционные партии и движения, либо неправительственные организации, которые требуют начать парламентское расследование, уголовное преследование или гражданское судебное разбирательство в отношении конкурентов. В то же время, чтобы за этим не было видно «ушей разведки», любая спецслужба, в том числе и DGSE, должна иметь серьезные позиции в СМИ, среди НПО и оппозиционных партий других государств» [4].

В 80-е и начале 90-х гг. DGSE уступает по уровню отношений со СМИ своим зарубежным коллегам, в связи с чем почти не имеет возможностей проводить подобные операции за рубежом. В 90-е годы в DGSE практически «отсутствуют специалисты и имеются ограниченные возможности по проведению за рубежом активных мероприятий в области ведения «информационной войны», в том числе акций «черного PR» в отношении конкурирующих с французскими предприятиями фирм» [4]. Отсутствие PR- и КМ-специалистов является причиной слабого влияния DGSE во французских и международных СМИ.

Яркой иллюстрацией сложившейся в 90-е годы ситуации является нашумевший как в зарубежной, так и в отечественной прессе случай, связанный с отставкой шефа DGSE Жака Деватра, возглавившего службу 7 июня 1996г. и оставившего свой пост в марте 2000г. Его отставку связывают с неудачной работой DGSE во время югославской кампании, точнее с обнаружившейся в ходе кампании «несостоятельностью французской разведки» [5].

С точки зрения КМ, в этом эпизоде интересным является не сам «сюжет» произошедшего, а то, какое освещение данное событие получило в СМИ. Учитывая, что «характерной особенностью французских спецслужб была и остается герметическая непроницаемость их деятельности» [5] для общественности, прессы и большинства государственных органов, тот факт, что некоторые детали деятельности DGSE и ее директора Жака Деватра просочились в СМИ в «необработанном» виде, говорит о слабости не только разведки, но и низком уровне КМ всей осуществляемой в ее рамках деятельности. В частности, прессе стали известны случаи выражения недовольства работой ведомства со стороны президента и правительства. Кроме того, широко обсуждалась в СМИ личность Ж. Деватра, а именно его размовки с коллективом и многочисленные заграничные командировки, о которых он не ставил в известность премьер-министра. Данный эпизод демонстрирует отсутствие у DGSE устойчивых контактов во французских и международных СМИ, которые могли бы обеспечить желаемое освещение произошедшего и таким образом уменьшить ущерб, нанесенный кризисной ситуацией.

Отсутствие у DGSE такого ресурса как СМИ или неумение его использовать во многом объясняет возникновение в 90-е годы устойчивого «тренда» в работе французских спецслужб, направленного в сторону повышения уровня отношений со СМИ путем активного их вовлечения в арсенал используемых разведкой средств.

Одним из стимулов медиатизации, помимо указанных недостатков в области

«медиа-релейшнз», явилась определенная переориентация в работе DGSE с «обслуживания» преимущественно военной сферы на область экономики, политики и дипломатии. Эти перемены происходят в 90-е годы XX века, хотя их предпосылки, связанные с окончанием холодной войны, начали формироваться еще в 70-е – 80-е гг. Если до этого Франция, несмотря на многочисленные оговорки («особые» отношения с СССР, традиционно независимая внешняя политика, «антиамериканское» наследие «голлизма»), входила в число стран «капиталистического лагеря», и ее спецслужбы, как говорится на официальном сайте DGSE, «вместе со своими союзниками активно участвовали в холодной войне» [6] против стран соцлагеря, то теперь пришло время пересмотреть свою доктрину в связи с изменением привычной парадигмы международных отношений.

Поскольку в конце XX века на исторически важных для Франции направлениях (в Европе, Северной Африке, Индокитае и на Ближнем Востоке) ее интересы приобрели скорее экономический и стратегический характер, чем военный, начиная с 80-х годов в истории развития французских спецслужб наступает этап «демилитаризации». Так, в июне 1981г. на должность главы службы был назначен Пьер Марион, бывший директор парижского аэропорта. С тех пор, несмотря на скорую отставку П.Мариона в связи с неудачей в осуществлении контртеррористической кампании, началась постепенная замена управленческого персонала DGSE с военного на гражданский. По данным на 1996г. общее число служащих DGSE составляло 2500 человек, из которых 1700 были гражданскими лицами. Общее финансирование на этот год составляло 1350000000 франков, причем половина этих средств шла на политическую и дипломатическую разведку, а вторая половина на военную и экономическую [7]. То есть доля финансирования военной разведки составила примерно четверть от общего финансирования DGSE. Кроме того, показателем определенной смены приоритетов в деятельности спецслужб в 90-х гг. явилась новая кадровая политика DGSE, основным направлением которой стала замена менеджмента и рядовых сотрудников с военных на гражданских. При этом в прессе отмечается «интенсивный набор специалистов высокого класса в таких отраслях, как экономика, информатика, точные науки»[5].

Таким образом, в 90-е годы XX века одним из явлений, сопутствующих медиатизации внешней разведки Франции и одновременно являющихся ее стимулом, стала «демилитаризация» DGSE, связанная с переоценкой ценностей после крушения биполярного мира, когда военные интересы в значительной мере уступили место экономическим. В новых условиях медиатизация оказалась необходимой, поскольку экономическая и политическая разведка нуждались в установлении крепких связей со СМИ. Сотрудничество со СМИ становится одним из принципов работы DGSE, не противоречащим принципу секретности. В конце XX века СМИ становятся одним из орудий экономической разведки, позволяющим управлять информационно-коммуникационными потоками с целью обеспечить успех в информационной войне с конкурентами. Основными средствами КМ в такой войне являются дискредитация конкурирующей компании (нанесение ущерба ее репутации) путем публикации полученной от спецслужб компрометирующей развединформации («черного PR») и спина ситуации с целью нанесения максимального ущерба. Желаемым результатом при использовании такой технологии КМ является выведение конкурента из числа игроков.

Другой стороной медиатизации стало движение в сторону большей открытости работы DGSE для общественности. В 90-е годы в Национальном собрании неоднократно звучат призывы «посвящать хотя бы в общих чертах о работе спецслужб тех депутатов, которые имеют к ним непосредственное отношение». В результате в конце

90-х один из депутатов, Артур Раеш, внес проект закона «о допущении разумной прозрачности и гласности в деятельности спецучреждений, «как это делается в других демократических странах, например в Германии»» [5]. В связи с этим новым шагом в КМ деятельности французских спецслужб в конце 90-х стало создание нового имиджа французской разведки – имиджа организации значительно более открытой, чем это было ранее.

Говоря об имидже DGSE, глава спецслужбы П.Брошан отмечает, что для общественного мнения этот имидж «в основном связан с тайной и основан на мифах, часто ассоциирующихся с деятельностью разведки». П.Брошан говорит, что зачастую этот имидж основан на фантазиях, которые замещают в представлении аудитории реальность, а также является туманным для людей, не интересующихся «в силу личного вкуса» работой спецслужб. Кроме того, недостатки имиджа DGSE во многом, по мнению П.Брошана, связаны с французской культурой восприятия спецслужб как «необходимого зла» [3, 7].

Таким образом, глава DGSE указывает на следующие недостатки имиджа его ведомства: «таинственность», «туманность» «фантастичность». Их корни П.Брошан видит в стереотипности мышления, поэтому «борьба со стереотипами» в его понимании является основным методом «продвижения имиджа». В качестве одного из средств он называет «ознакомление широкой публики со службой, которая является незаменимой для безопасности общества» [3, 7]. Очевидно, что такое ознакомление возможно только через СМИ. Сам факт того, что П.Брошан дает интервью журналу «Армэ д'ожурдюи» является подтверждением того, что DGSE взяло это средство на вооружение. При этом в качестве одной из составляющих нового имиджа DGSE П.Брошан видит «профессионализм и серьезность в выполнении доверенных ей деликатных миссий».

Средства и технологии КМ, используемые в рамках движения по медиатизации, активно эксплуатируются французской внешней разведкой в области ведения так называемых информационных войн (ИВ). Ранее уже упоминалось использование разведкой СМИ как средства дискредитации конкурентов на международном рынке, однако в 90-е годы DGSE зарекомендовала себя как спецслужба, способная эффективно применять и другие КМ-технологии в качестве информационного оружия.

Значительных успехов DGSE добилась в области формирования ассоциированных местных элит (ФАМЭ). Данная КМ-технология основана на управлении людьми, принимающими решения. Она состоит в «ассоциировании» (дословно – «связывании», «привязывании») лидеров или политической элиты страны, являющейся объектом информационного воздействия, со страной – источником информационного воздействия. Традиционным механизмом ФАМЭ является создание психоаналитического портрета представителя политической или бизнес-элиты с целью выявить слабые звенья в психике и воздействовать на них.

Именно с помощью технологии ФАМЭ в 90-е годы во время событий в Югославии разведке удалось обеспечить прочные позиции французскому бизнесу. Результатом, в частности, стало строительство в Боснии завода по сборке автомобилей «Renault». Кроме того, в это же время французский бизнес приобретает крупные пакеты акций горно-обогатительных и металлургических предприятий в Косово и Македонии.

Достижение французской экономикой этих результатов на рынках бывшей Югославии стало возможным благодаря проведению «изучения политических лидеров и представителей местных деловых кругов, налаживания с ними доверительных отношений». Последнее подразумевает в первую очередь «предоставление гумани-

тарной и финансовой помощи», а также «проведение различного рода акций гуманитарного характера в целях завоевания симпатий населения и политической элиты интересующих Париж стран» [8].

Кроме медиатизации в двух ее проявлениях – активного использования СМИ в качестве инструмента экономической разведки и движения в сторону большей открытости, сопряженного с созданием нового имиджа DGSE – в 90-е годы XX века наблюдается тенденция по усилению технической составляющей работы французской внешней разведки. Эта тенденция является закономерной, так как высокий уровень управления коммуникациями или менеджмента коммуникаций является «технологической основой», на базе которой «образуется самостоятельная система управления – коммуникационный менеджмент» [2, 30].

Стимулом к развитию технологической базы DGSE в начале 90-х годов послужил ряд поражений, которые потерпела французская внешняя разведка. В это время экономические разведки Франции, США и Англии боролись за контракты на поставки авиационной техники в Саудовскую Аравию. Здесь французские спецслужбы проиграла сначала ЦРУ США, а потом английской МИ-6, в результате чего вместо «Аэрбасов» и «Миражей» Саудовская Аравия приобретает «Боинги» и «Торнадо». Причиной неудачи в первом случае стало прослушивание сотрудниками ЦРУ переговоров французской делегации, а во втором – перехват МИ-6 факсимильных сообщений о торговых условиях франко-саудовской сделки, а также дезинформация саудовской стороны через завербованных англичанами посредников, участвующих в сделке, о, якобы, низких технических характеристиках французских самолетов.

Уже в 1993г. французская экономическая разведка, сделав соответствующие выводы из предыдущего неудачного опыта, во время переговоров с Южной Кореей по поводу закупки скоростных вагонов сумела добыть секретную информацию у конкурирующей немецкой фирмы «Siemens», в результате чего заказ был получен французской фирмой «GEC-Alsthom» [4].

В техническом отделении DGSE интенсивное развитие технологической базы также объясняют «трудностью покрытия определенных зон с опорой исключительно на человеческие источники». Среди других причин этого развития называются «информационная революция» и развитие спутниковой связи [3, 31].

Основными функциями технического отделения являются:

- 1) перехват различных сообщений и расшифровка изображений, получаемых методом спутниковой съемки (главными источниками этих снимков являются два французских военных спутника Гелиос);
- 2) информационная поддержка традиционной разведки (техническое отделение обеспечивает агентов материалами, необходимыми для секретных операций);
- 3) «логистическая» функция. Здесь имеется в виду использование специальных коммуникационных систем «для получения и использования информации от сотрудников» [3, 32].

В развитии технологического направления КМ в 90-е годы интересно отметить очевидный прогресс в области радиоперехвата. Так, именно в этот период Служба технической разведки и радиоперехвата DGSE стала выполнять в интересах французских компаний «ограниченный перехват несложных с точки зрения дешифровки сообщений конкурентов». Кроме того, если ранее данная служба могла осуществлять перехват сообщений, передаваемых только с одного спутника, то теперь она способна контролировать передачу информации с 10 спутников. Более того, служба «стала оснащаться передвижными станциями, позволяющими вести автоматическую селективную (по ключевым словам) регистрацию и перехват разговоров, а при необходи-

мости и дешифровку сообщений» [4].

Эффективный менеджмент коммуникаций или техническая поддержка французской разведки, особенно экономической, обеспечивает возможность ведения «промышленного шпионажа» в интересах французского как крупного, так и мелкого бизнеса. Информация, получаемая таким путем не только благодаря работе самого DGSE, но также из французских посольств, консульств, научных агентств, торговых представительств и палат за рубежом, оценивается и используется с конечной целью «управления людьми и капиталами». Эта цель достигается через «активное оказание помощи французским предпринимателям на внешних рынках, в том числе путем выявления и использования в своих интересах коррумпированных связей иностранных чиновников, добывания финансовых и технических предложений конкурентов, проведения специальных мероприятий по нейтрализации деятельности конкурирующих фирм» [4].

Таким образом, в 90-е годы XX века в работе французской внешней разведки наблюдается активное использование средств и методов КМ в рамках его двух традиционных направлений:

- «технологического», обеспечивающего эффективный менеджмент коммуникаций, и
- «репутационно-имиджевого», основанного на технологической базе и нацеленного «на развитие таких нематериальных активов как имидж и репутация посредством обеспечения открытости, прозрачности, инвестиционной привлекательности» [2, 184-186] и т.п.

В технологическую базу КМ входят средства разведки, во многом направленные на ведение «экономического шпионажа» в интересах французского бизнеса. Это объясняется сращением экономических и внешнеполитических интересов стран в конце XX века, что связано с растущей ролью бизнеса в мировой политике.

Средством развития нематериальных активов в рамках репутационно-имиджевого направления в 90-е годы является медиатизация в двух ее проявлениях – использовании СМИ в качестве инструмента экономической разведки и обеспечении большей открытости, неразрывно связанной с созданием нового имиджа DGSE.

Отдельного внимания заслуживает использование разведкой КМ в области ведения информационных войн. Здесь наиболее распространенными КМ-технологиями являются использование СМИ для дискредитации конкурентов на международном рынке и технология ФАМЭ, направленная на поглощение экономик «кризисных» государств.

В заключение необходимо отметить, что структура DGSE состоит из пяти отделений: административного, оперативного, разведывательного, стратегического и технического [3, 6]. При этом функции по КМ работы спецслужбы возложены в основном на стратегический отдел. Это говорит о том, что КМ обладает стратегической ролью в деятельности DGSE, которое видит в нем средство управления общественным мнением на мировом уровне, позволяющее оказывать необходимое воздействие на международную экономическую конъюнктуру в интересах французского государства, политики и бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пашенцев, Е.Н. Коммуникационный менеджмент: стратегия успеха в современном бизнесе [Текст] / Е.Н. Пашенцев // Коммуникационный менеджмент в мировой политике и бизнесе: сб. науч. работ. М.: БФРГТЗ «Слово», 2007. Т. 1. С. 15-65.
2. Шепель, В.М. Коммуникационный менеджмент [Текст]: учеб. пособие / В.М.Шепель. М.: Гардарики,

2004. 352 с.

3. Dossier DGSE. / Armées d'Aujourd'hui n° 276 – déc. 2002 – janv. 2003. // Site non officiel de la Direction Générale de la Sécurité Extérieure. – (<http://www.dgse.org/>).
4. Невдашов, И.А. У бизнес-разведки – глубокие корни. / И.А. Невдашов // Частный охранный бизнес. 2006. № 1. Технологии разведки для бизнеса. – (<http://www.it2b.ru/it2b2.view3.page314.html>).
5. Катин, В. Разведка Франции не на высоте. / В. Катин. // Независимая газета. 28.12.1999. (http://www.ng.ru/world/1999-12-28/6_france.html).
6. Ministère de la défense de la France. – (<http://www.defense.gouv.fr/dgse/layout/set/popup/content/view/full/87903>).
7. French Intelligence Agencies. – (<http://fas.org/irp/world/france/defense/dgse/>).
8. Невдашов, И.А. Бизнес в горячих точках – опыт стран Запада. / И.А. Невдашов. // Технологии разведки для бизнеса. – (<http://www.it2b.ru/it2b3.view3.page187.html>).

О. Karbasova

COMMUNICATION MANAGEMENT IN THE ACTIVITIES OF THE FRENCH EXTERNAL SECURITY SERVICE IN THE 90IES OF THE XX CENTURY

Abstract: This article describes the development of communication management and its technologies in the performance of the General Directorate for External Security of France in the 90ies of the XXth century. The author analyzes the factors that stimulated this development in the named period, the ways communication management tools were applied in the activities of the French external security service as well as the purposes and the efficiency of using these tools.

Key words: communication management, external security, mediatization, information warfare.

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИОСОФИЯ

УДК

Шабазга А.В.

СОЦИАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ВЛИЯНИЯ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА*

Аннотация: В статье идентичность исторического субъекта рассматривается в парадигме социального окна, согласно которой переход обществом из одного социального континуума в другой осуществляется посредством осознанного выбора одной из эвентуальных возможностей, основанных на конструкторе ментального пространства. При этом особое внимание уделяется темпоральному аспекту измерения социальных хронотопов.

Ключевые слова: социальное окно, социальный хронотоп, идентичность, исторический субъект, социальное окно, темпоральность.

В рамках предложенной статьи мы намерены рассмотреть некоторые аспекты идентичности исторического субъекта с точки зрения его пространственных или, точнее, социопространственных изменений, которые, будучи порождены обществом, имеют, в свою очередь, большое влияние на ход социального развития вообще и идентичность исторического субъекта в частности. Из этого следует, что мы собираемся рассмотреть не столько физические характеристики изменений времени и пространства, в котором развивается тот или иной социум, сколько особенности включённости его в тот или иной *социальный хронотоп* (1). То есть в совокупность социального пространства-времени, воспринимаемого как единый феномен (2). Ибо социальное пространство порождает социальное время, которое, в свою очередь, проявляет себя через социальное пространство. Поэтому, с нашей точки зрения, в корректном описании идентичности всякого исторического субъекта наряду с социальным пространством, должны быть указаны и его темпоральные характеристики (3). При этом под различными фазами социального времени-пространства мы подразумеваем качественно отличающиеся друг от друга состояния социального пространства. Из чего следует, что социальное время представляет собой способ измерения изменений социального пространства. В силу этого к социальным хронотопам могут быть отнесены такие известные всем феномены, как урбанизация, христианство, колониализм, постиндустриализация, а также коммунизм, неофеодализм и т.п. Поэтому социальное время-пространство может иметь как умозрительный (предлагаемый *социальный хронотоп*), так и воплощаемый характер (реализуемый *социальный хронотоп*). Отметим также, что практически все *социальные хронотопы*, будучи по своей природе связаны с изменениями общественной мысли и общественных отношений, были так или иначе предложены обществу. Но далеко не все из них были выбраны (4). На это существовали разные причины: и неприятие обществом, и неготовность, и невозможность принятия по причине внешней зависимости и т.д.

* © Шабазга А.В.

Отметим также, что изменения, порождённые социальным хронотопом, могут происходить сразу же (синхронно) или иметь отложенный вид. Чтобы не быть голословным, приведём примеры для обоих случаев. Первый проиллюстрируем в связи с резкими пространственными изменениями в Москве, произошедшими в результате выбора, сделанного Петром. Этот выбор привёл к тому, что была предпринята попытка насильно навязать русскому обществу конца XVII – начала XVIII века взятый в качестве образца, западноевропейский (голландский) хронотоп. Одним из ближайших следствий этой попытки стало резкое изменение облика Москвы. Разумеется, Москва не приобрела ни облика, ни статуса западноевропейского исторического субъекта (поскольку этот образец был обязателен лишь для дворян и служилых людей). Но, тем не менее, за короткий период правительственные учреждения, а вслед за ними и дворцы с усадьбами, за которыми последовали и жилища простого люда, переместились из центра города на север. В Немецкой слободе и прилегающей к ней местности были выстроены здания Сената, царской резиденции и т.д. Излишне говорить, что архитектура этих сооружений и планировка местности резко отличались от кремлёвского образца. Даже в настоящее время к северу от Кремля сосредоточена основная масса дворцов как правительственного, так и частного назначения. Эти здания до сих пор, даже потеряв прежний статус, определяют особенности развития города. Они продолжают задавать тон в организации «идеального» пространства с его упорядоченной архитектурной планировкой, парками, включающими в себя отрегулированные водные бассейны и т.п., то есть всего того, что было в крайне малой степени присуще допетровскому способу организации пространства (5).

Приведём другой пример. Мы знаем, что главной улицей в современной Москве является Тверская. Но она была главной не всегда. Тверская, как свидетельствуют источники, возникла в XV веке на месте проселочной дороги из Москвы в Тверь. В это время Тверь была крупнейшим из городов, расположенных сравнительно недалеко от Москвы. Однако знание нюансов подобного рода еще не дает нам ответ на вопрос, почему главной стала именно она, а не часть бывшей дороги на другой крупный город - Дмитров, превратившаяся примерно в это же время в улицу Дмитровку (сейчас – улица Большая Дмитровка, расположенная неподалеку от Тверской). Поэтому продолжим наши изыскания. Заглянув в литературу, относящуюся к XVIII веку, мы найдем сообщение о том, что в результате переноса столицы России из Москвы в Петербург эта улица получила особый статус: по ней проезжали русские цари для коронации в Кремле и ею же возвращались обратно в Петербург. И хотя последняя коронация была в России более ста лет назад, общественная структура улицы сложилась настолько прочно, что даже после неоднократной смены политических режимов за Тверской сохранились не только те социальные функции, что были присущи ей прежде, но и добавились новые. Помимо дома московского градоначальника (нынешняя мэрия), на Тверской появились новые министерства и управления – то есть возросло ее значение, как управленческого центра. Помимо старых, всем известных московских магазинов (Елисеевский гастроном, Филипповская булочная) появились новые, были реконструированы и расширены старые гостиницы («Националь», «Центральная» и др.). Это увеличило значение Тверской, как торгового и туристического центра. Перевод Государственной Думы на угол Тверской повысило статус улицы до уровня одного из политических центров общества. Таким образом, мы видим, как социальное время-пространство создаёт предпосылки для изменения городского пространства и даёт импульс развитию многообразных социальных связей этой части Москвы.

Приведём ещё несколько примеров. Возьмём для начала послереволюционный Париж. Одним из внешних проявлений социальных изменений, вызванных Великой

революцией, была его пространственная реконструкция. Но если Бастилия была снесена в самом начале революционных событий (на её месте появилась площадь), то для появления многочисленных проспектов и бульваров, возникших на месте бывших частных владений и монастырей, понадобилось около ста лет. Они связали разные части города, что напрямую отвечало потребностям победивших страт – буржуазии, торговцев, ремесленников, рабочих (6). В результате Париж окончательно утратил следы феодального устройства, соответствовавшего прежнему времени и пространственному способу организации общества. Похожие попытки подогнать физическое пространство под ментальные пространственные конструкторы были свойственны и более поздним социальным радикалам. В Советской России на смену частным владениям пришли коммунальные дома, которые преобразовывали среду городов и зданий в пространство, соответствующее концепции взаимной помощи и поддержки (7). В фашистской Италии была предпринята попытка преобразовать социальную среду, исходя из совмещения классических представлений об организации пространства с функционализмом первых десятилетий XX века. В столице страны, Муссолини, пытаясь воодушевить римлян на распространение итальянского владычества на средиземноморском пространстве (некогда входившего в состав империи), приказал снести сотни строений, чтобы открыть доступ к форумам эпохи Древнего Рима. Имея в виду древнеримский способ освоения пространства, Муссолини давал задания своим градостроителям относительно строительства городов с принципиально новой организацией пространства (8) и модернизации старых городов за счёт новых функциональных построек (9).

На этом основании мы можем дать ещё одно определение *социального хронотопа*. Он представляется нам, как мыслимое, идеальное время-пространство, которое в случае его принятия обществом, может быть реализовано в физическом пространстве. В некоторых случаях это пространство может быть принято обществом, но не иметь своего физического воплощения (т.е. существовать в виде *социального фантома*). Это ментальное пространство в том смысле, что, во-первых, оно порождено умом и существует в умах людей (10), а, во-вторых, потому, что структура этой ментальности имеет пространственную организацию. Под пространственной организацией мы понимаем то, что ментальная структура состоит из элементов, связи между которыми предопределяют объём, как в случае представления структуры в виде образа, так и в случае воплощения этой структуры в реальном пространстве.

Можно отметить ещё одну особенность социального хронотопа: он представляет собой концептуальное пространство. Это пространство концептуально в том смысле, что его структура парадигмальна, то есть, представлена в виде некоего образца, следуя которому можно изменить «действительное» пространство (как физическое, так и социальное). В результате воздействия концептуального пространства, физическое приобретает такую форму, в которой всё становится сообразно и соразмерно человеку (11). В частности это находит своё проявление в особом виде времени. В.И.Вернадский в этой связи высказывал предположение, что ноосфера, будучи продуктом «переработки научной мысли социального человечества» представляет собой особый пространственно-временной континуум, в котором время проявляется не в качестве четвёртой координаты, а в виде смены поколений (12).

Пространственная организация ментального хронотопа связана, на наш взгляд, со свойством человеческого мышления оперировать в своей деятельности пространственными образами. Ибо линии, схемы и абстрактные понятия, используемые человеком для описания тех или иных явлений и процессов, являются для него лишь языком, то есть средством передачи тех или иных качеств объёмного мира. Этот язык

(как естественный, так и искусственный) был призван описывать пространство и все явления в нём проистекающие. В силу этого всякая попытка вытеснения из языка пространственных характеристик связана со значительными условностями. Возьмём в качестве примера рассуждения Платона. Большинство его идей в неявной форме обладают пространственными характеристиками – например, идея корабля, в которой уже заложен принцип длины, ширины и высоты (13). Что касается других – например, идеи прекрасного, добродетели или свободы, о которых так любил рассуждать платоновский Сократ, – то они также немислимы вне пространства или, точнее, социального пространства. Коротко говоря, пространственное мышление было свойственно всем социальным мыслителям, как древним, так и современным. Благодаря этому мы не только понимаем, но и представляем утопические общества Платона, которые он изобразил в повествовании об Атлантиде и в диалоге о государстве (14), Т.Мора (15) и их многочисленных последователей. Одни из них предпочитали населять своими конструктами южные острова, другие – отдалённые земли (16), а в последние двести лет стали создавать образцы идеальных обществ на других планетах. Да что говорить об островах и планетах, если даже рай и ад, согласно ряду христианских концепций, имеют свою топографию (17). Подобные творения обычно относят к социально-философской литературе, определяя их, как утопические (т.е. описывающие несуществующее место). Подобное название, которое после «Утопии» Т.Мора стало определять целый жанр, служило указанием того, что речь идёт только о концептуальном, а не о реальном пространстве (18). Но пренебрегать значением подобных концептуальных пространств, которые обладают парадигмальным потенциалом для преобразования, тоже было бы весьма опрометчиво. Ибо, если они и не всегда обладают прямым воздействием на выбор образца, с которым большинство общества хотело бы так или иначе идентифицироваться, то косвенное воздействие (подчас в весьма отдалённой перспективе) на поиск желаемого социального пространства вряд ли стоит кому-либо доказывать.

Но, разумеется, поиски новой концептуально-пространственной идентичности были свойственны не только социальным мыслителям; это было и есть повсеместное явление. Объяснение сего феномена заключается в том, что, во-первых, представления о необходимости изменения социального ландшафта нередко зарождались даже в низах (о чём свидетельствуют многочисленные бунты и восстания бедноты в разных странах). А, во-вторых, в произведениях признанных и влиятельных философов наиболее значимые и востребованные феномены (такие как свобода, права личности и др.) были подчас настолько лапидарно описаны, что создавалось впечатление о преднамеренном отсутствии точного определения (19). Рассмотрим это утверждение на примере понятия «свобода», которое было ключевым для значительной части французов XVIII в., не представлявших без неё грядущего переустройства социального пространства Франции. При этом французы (мы имеем в виду, прежде всего, т.н. третье сословие) в конце XVIII в. боролись не за какие-то абстрактные идеи свободы и равенства. Думать так – значит сильно недооценивать их умственные способности. Они прекрасно понимали, что эти идеи лишь упрощённо выражают то, что они достаточно ясно представляли себе в виде вполне житейских ценностей, воплощённых во временно-пространственных координатах. И представляли подчас весьма отлично от того, как их изображали признанные идеологи того времени, такие как Вольтер, энциклопедисты, Руссо (20). Что, кстати говоря, вполне соответствовало представлениям одного из них (Гельвеция), заметившего, что от несчастных нельзя требовать совершенства. К тому же идеологи, ориентируясь на свои концептуальные пространства, призывали по существу к разным свободам. Вольтера вполне устраивало про-

странство современной ему Франции, которое нужно было лишь иначе обустроить (кстати, под надзором королевской власти). А вот Руссо утверждал, что настоящая свобода была возможна лишь на лоне природы, в пространстве, лишённом почти всяких признаков культуры, ибо немыслимое без частной собственности культурное пространство, равно как и породившее его гражданское общество, являются величайшим злом человечества (21).

Всё это привело к тому, что идеи просветителей были приспособлены под насущные проблемы наиболее радикальных представителей третьего сословия, проповедовавших беспощадную войну против аристократов. Понятие свободы (как, впрочем, равенства и братства) было настолько искажено, что проявлялось в чуть ли не вседозволенности народных масс, руководимых «друзьями народа». Ближайшим следствием этого явилась социальная агрессия. Вначале она была обращена вовнутрь общества (что привело к неслыханному ранее во Франции террору), а затем перенаправлена вовне (в этом случае объектом террора стали все европейские государства). В результате социальное пространство и время Франции, а затем и обществ Западной и Центральной Европы (жертв французской агрессии) изменилось почти до неузнаваемости. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на идентификационных изменениях. Французы уже никогда не расставались с самоощущением личной свободы. В остальных западноевропейских странах, под влиянием занесённых французами идей о примате нации, постепенно происходила смена феодальной (т.е. узкосословной) идентичности их сообществ и наметился явный крен в сторону движения к образованию национальных государств. Иными словами изменение социального хронотопа повлекло за собой и изменения идентичности исторических субъектов.

Приведя примеры того, как пространственная идентичность зависит от *социального хронотопа*, укажем также на случаи его влияния на темпоральную идентичность исторического субъекта. Критерием этого влияния будет, так же как и в случае с городским пространством, социальная маркировка. Только индикаторами будут уже не обозначения, опирающиеся на оппозиции «центр-периферия», «власть-подчинение», «богатство-бедность» (ибо именно они объясняют причины разделения и распределения пространства), а показатели, указывающие в основном на идею, господствующую в обществе в это время. Возьмём, например, эллинский хронотоп – древнегреческую модель организации времени-пространства. Будучи принятым, точнее, насаждённым, но не отторгнутым – в обществах Востока, он породил там то время, которое мы сейчас обозначаем, как эпоху эллинизма. Заметим, что терминам «эллинизм», «эллинистическое искусство», «эллинистические государства» и т.д. около двухсот лет, хотя все они обозначают события, которые происходили в период с IV по I вв до н.э. В такой маркировке, помимо темпоральной составляющей присутствует и телеологическая (точнее *квазителеологическая*, поскольку телеологическое содержание было приписано позднее) компонента, указывающая на цель развития поименованного субъекта. Но «эллинизм» – далеко не единственная темпоральная и телеологическая маркировка исторического субъекта, произошедшая *a posteriori*: наименование «ренессанс» тоже «возникло» после исчезновения феномена – через 400-600 лет после того времени, которое нам сейчас известно как эпоха Возрождения (22). Впрочем, бывают и синхронные маркировки таких событий, которые качественно преобразуют общество. Например, все революционные события – будь то революции во Франции, России или других странах, если они действительно резко изменяют идентификационные качества субъекта, – замечаются современниками сразу и получают (иногда вместе с субъектом) соответствующие темпоральные характеристики. Например, конец «Июльской монархии» во Франции положила «революция 1848 года». А в России

«Временное правительство» пало в результате «Октябрьской революции».

Продолжая рассуждать по поводу хронотопов, заметим, что для любого субъекта время проявляет себя через пространство. Если пространство не меняется, то и время воспринимается как застывшее. Таким образом, только изменение пространства (внешнее или внутреннее) даёт субъекту точку отсчёта времени (23). И оно же, наряду с особенностями человеческого развития определяет направленность времени. В этом смысле мы можем воспринимать направленность времени как субъективный произвол. Ибо различают ли время за пределами нашего социума, а если различают, то как воспринимают, мы пока знать не можем. В последнее время получили распространение гипотезы о том, что время может иметь разную направленность (24). Нас в данном случае подобные предположения могут заинтересовать тем, что они противоречат традиционному способу анализа социальных субъектов. Ибо существующие способы идентификации исторических субъектов, а также прогнозы их дальнейшего развития основаны на т.н. «стреле времени», предполагающей уникальность (единственность) прошлого. Но способны ли мы, опираясь на гипотетическую возможность обратимости или разнонаправленности времени, извлечь что-либо полезное для характеристики исторических субъектов? На наш взгляд нет. Мысленный эксперимент на эту тему как-то предложил Н.Винер. Он представил как некое разумное существо, время которого имеет противоположную по отношению к нам направленность, посылает нам сигнал. В случае, если бы мы были в состоянии уловить этот сигнал, мы бы восприняли его в обратном порядке. А потому то, что являлось бы для нашего респондента причиной, для нас бы явилось следствием. И наоборот. Посему договориться бы не удалось (25). Если продолжать размышления на эту тему и допустить существование существ, у которых время в принципе не пересекается с нашим (то есть мы находимся в разных пространствах), то о взаимной идентификации вообще не может идти никакой речи.

Но возвратимся к социальным особенностям восприятия времени. С одной стороны, пространство, в котором мы некогда появились, задало нам те ориентиры, которые были в дальнейшем использованы для выработки представлений о времени и его характеристиках. Если отвлечься от утверждений, что представления о пространстве и времени являются врождёнными характеристиками (26) и не рассуждать в этой связи о пра-человеке и его предках, а сосредоточиться на деятельности человека в узкосоциальном смысле, когда совокупность разумных людей (*homo sapiens*) уже могла совершенно осмысленно соотносить свою деятельность с особенностями вмещающего их пространства, то, как справедливо писали многие антропологи, наблюдаемая *homo sapiens* регулярность изменений, связанных с движением Земли и других космических тел относительно друг друга (Солнца, Луны и др.) задала размерность, которая стала использоваться людьми в качестве одного из основных критериев пространственных изменений. В дальнейшем на этой основе, по мере востребованности, были созданы более мелкие единицы вплоть до миллионной и более доли секунды. Да и сами способы измерения времени становились всё более изощрёнными. В частности, на парижской конференции по мерам и весам (1964 г) за эталон секунды было признано 9 192 631 770 колебания генератора, вызванных пространственными перемещениями атомов цезия.

В связи с особенностями восприятия времени можно вспомнить об известном предположении, что время является незаконорождённым понятием, возникшим в результате появления в сознании идеи пространства (27). Нам не слишком близка эта мысль, так как мы полагаем, что идея о временной размерности генетически связана с представлениями человека о пространственных изменениях. Иначе говоря: от

фиксации изменений пространства, породившей идею времени, человек перешёл к идее движения в пространстве. В связи с этим у него возникла мысль и о движении времени. И потому вряд ли стоит говорить о незаконнорождённости этого понятия. Но ассоциация движения со временем привела к вопросу о том, куда может двигаться время? Самовосприятие человека устроено таким образом, что он, вне зависимости от направленности движения (в т.ч. вверх и вниз) по большей части ощущает, что движется вперёд. Это связано с особенностью расположения его зрительных органов. В силу этого, рассуждая по аналогии с собой, он предположил, что и время движется вперёд. Но правильное чередование времён года, а также практика существования в трёхмерном мире показывала человеку, что движение вперёд не исключает возвращения к прежнему состоянию или объекту. Видимо, нередко были случаи, когда человек, двигаясь, как ему казалось только вперёд, приходил в исходную точку. Или мореплаватели, плывя по возможности прямо, полностью огибали острова и т.п. Подобные явления могли порождать циклические представления о времени, которые затем в некоторых обществах были заменены на волнообразные концепции, финалистские и др.

В начале XX века получила широкое распространение темпоральная концепция развития общества «по спирали». В конце XX века в моду вошло «разгибание» спирали (28). Излишне говорить, что все эти темпоральные описания имели важное отношение к проблеме идентичности исторического субъекта. Ибо они задавали ему ориентиры, согласно которым он определял своё положение по отношению к настоящему и будущему. На волне интереса к ориентирам во Франции появилась даже новая историческая школа (Анналов), обратившая достаточно пристальное внимание на проблему идентичности субъектов. Первые «анналисты» сгоряча провозгласили лозунг «тотальности» истории, что должно было привести к интерпретации исторического континуума если не в его предельной пространственной полноте, то с максимально возможным учётом всех внутренних и внешних связей субъекта. Но на деле вышло иначе. Большинство представителей этой школы, понимая невозможность охватить необъятное, принялись за эскизные наброски, в которых притязание на всесторонний анализ исторических субъектов, «уравновешивалось» популярным описанием наиболее значительных явлений и процессов (29). Методологические притязания анналистов в каком-то смысле спас Ф.Бродель. Стремясь не выходить за пределы методологии «анналистов», он стал рассматривать исторические субъекты в концептуально новых пространственно-временных границах (30). Наиболее отчётливо это проявилось в его исследовании квазиавтономной торговли России в XVI-XVIII вв., экономики Венеции XV в., Антверпена-Амстердама XVI-XVII вв. и др. Следующий шаг в методологическом аспекте пытался сделать М.Фуко, который, воодушевившись идеей членения социального пространства, стал везде искать прерывности, считая их наиболее надёжными идентифицирующими факторами (31). Но эту попытку вряд ли можно считать успешной, поскольку суетливое стремление чуть ли не в каждом социальном феномене видеть конец одного процесса и начало другого ведёт к тому бессмысленному умножению сущностей, об опасности которого предупреждал Окам. В силу этого броделевская мысль о том, что при исследовании социального пространства следует обращать основное внимание на периоды большой протяжённости, кажется нам значительно более продуктивной (32).

Поэтому, пытаясь дать ответ относительно обстоятельств, которые приводят к переходу к другой пространственно-временной парадигме (т.е. перехода от одного социального хронотопа к другому), скажем следующее. Нам представляется, что для исследования процессов перехода исторического субъекта от одного социального

хронотопа к другому, целесообразно ввести понятие *социального окна* [эвентуальных (33) возможностей], приоткрывающего для общества в зависимости от состояния среды возможность перехода в иной социальный континуум (34). В этой парадигме социальное окно будет являть собой тот самый переход, посредством которого социальный хронотоп из предмета преимущественно эпистемологического рассмотрения (предлагаемый хронотоп) переходит в новое состояние, имеющее в основном онтологический статус (реализуемый хронотоп). Кроме того мы видим определённые перспективы и для введения другого понятия – *пространства социальных возможностей*, которое с течением времени меняется, так как, будучи мыслительным конструктом, напрямую зависит от коллективных представлений той или иной эпохи (35). То есть тем, что И.Кант называл трансцендентным, ноуменом (noumena) и интеллигибельным (intelligibilia) (36).

В этом смысле нам близка мысль И.Р.Пригожина о том, что время не только конструируется в каждый данный момент, но и может находиться в зависимости от решений, принимаемых социумом (37). Правда, в отличие от автора, мы склонны истолковывать её не в отношении физических процессов, где возможность влияния на них человека крайне невелика, а в социальном смысле и при условии неразрывной связи и зависимости времени от пространства. А также уточнив, что, возможно, время и «конструируется» каждый день, но далеко не каждый день этот конструкт способен проявить себя в качестве одного из решающих обстоятельств. Или, говоря иначе, полагая пространство основополагающей субстанцией, оказывающей сильнейшее воздействие на исторический субъект, мы, в отличие от геополитиков, считаем, что оно способно оказывать воздействие на его идентичность только в том случае, если это социально освоенное или же социально преобразованное пространство. То есть, представляет из себя объект, который преобразован в соответствии с ценностями некоего общества или которому приписывают определённые ценности (38). В этих случаях результат его воздействия на исторический субъект если и не обладает «зеркальным эффектом», то даёт нечто весьма на него похожее.

Что касается времени, то мы считаем его не атрибутом пространства, а одним из способов его измерения. И в этом смысле социальное время также является весьма значимым способом измерения социального пространства, ибо без него идентификация того или иного субъекта будет неполной. Поэтому, идентифицируя тот или иной исторический субъект по пространственным параметрам, мы по необходимости должны учитывать его темпоральную индикацию (например, «Дания XI века»). Из этого мы выводим два заключения. Первое состоит в том, что использование контаминации «хронотоп» в качестве термина, указывающего на основные показатели, которые мы применяем при определении идентичности, является вполне оправданным. Суть второго заключается в том, что благодаря способу темпорального измерения взаимовлияния и взаимопроникновения ментального и социального пространств, мы можем дать ещё одно определение идентичности исторического субъекта. Согласно ему, идентичность может рассматриваться также как способ связи ментальных и социальных пространств, направленный на оправдание существования исторического субъекта. В этой парадигме назначение идентичности заключается в том, чтобы придать смысл перехода исторического субъекта от одного социального пространства к другому, показывая при этом, что сам субъект по-прежнему сохраняет свои основные качественные характеристики.

Примечания:

1. Одним из первых термин «хронотоп» стал использовать М.М.Бахтин (вслед за А.А.Ухтомским и др.). Под хронотопом М.М.Бахтин понимал формально-содержательную категорию, предопределяющую образ человека в литературе (Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975. С. 234-235).
2. Об этом писал В.И.Вернадский: «Философ вынужден считаться сейчас с существованием пространства-времени, а не с независимыми друг от друга двумя «естественными телами» – пространством и временем (Вернадский В.И. *Научная мысль как планетное явление*. М., 1991. С. 155).
3. В этой связи приведём интересное утверждение немецкого философа и теолога Мейстера Экхарда, ещё в XIII в заметившего, что эти понятия носят ярко выраженный социальный характер. По его словам, именно пространство и время представляют душе наибольшие затруднения в познании Бога (Eckhart. Meister Eckharts. Schriften und Predigten - Jena, 1921. Ss.137-138, 201).
4. Впервые проблему выбора обществом иного образца развития поднял Лейбниц. Он рассматривал её в духе соответствия того или иного возможного мира такой степени совершенства, который будет признан Богом достаточным для его перехода из исключительно ментального состояния в реальное пространство (Лейбниц Г.-В. *Монадология* // Лейбниц Г.-В. *Соч. в 4-х тт.* Т. 1. М., 1982. С. 413-429).
5. Мы, прежде всего, имеем в виду дворцы Лефорта, Слободской, Екатерининский, Разумовского. Но на севере Москвы много и других зданий, преобразовавших её в совершенно новое социальное пространство.
6. Хальбвакс М. *Планы расширения и благоустройства Парижа до XIX века* // *Социальные классы и морфология*. М.-СПб., 2000. С. 223-224, 234-237.
7. В дальнейшем как удачные (свойственные раннему советскому зодчеству), так и неудачные (связанные с поздним периодом советского зодчества) решения этой архитектурной парадигмы были заимствованы и воспроизведены во многих градостроительных проектах стран Западной и Центральной Европы.
8. Эти проекты были реализованы как в самой Италии (в Истрии, Апулии, Сицилии, Сардинии), так и в итальянских колониях (в Ливии, Эфиопии, Эритрее).
9. К наиболее удачным проектам, по-новому организующим социальное пространство, относятся здания вокзалов в Риме и Флоренции.
10. На то, что возможный «мир» имеет исключительно ментальную природу указывали не раз. См.: Крипке С. *Тождество и необходимость* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII *Логика и лингвистика*. М., 1982. С. 354; Хинтика Я. *Логика в философии – философия логики* // *Логико-эпистемологические исследования*. М., 1990. С. 39; Степанов Ю.С. *Пространство и миры – новый, «воображаемый», «ментальный» и прочие* // *Философия языка: в границах и вне границ*. Международная серия монографий. Т. 2. Харьков, 1994. С. 11.
11. Это было подмечено еще в древности. Первым, кто объявил человека мерилем всего сущего был Протагор.
12. Вернадский В. И. *Химическое строение биосферы Земли и ее окружения*. М., 1965. С. 201; Вернадский В.И. *Научная мысль как планетное явление*. М., 1991 (I, I, 11-12).
13. Это сознавал и сам Платон, связывая пространственность своих идей с особенностями восприятия, приводящего к якобы «незаконному умозаключению»; хотя на деле бытие, пространство и возникновение появились «порознь ещё до возникновения неба» (Тимей 52а). См.: Платон. *Тимей* // Платон. *Собр. соч.* в 4 тт. Т. 3. М., 1994. С. 421-500.
14. Платон. *Государство*. Критий // Платон. *Собр. соч.* в 4 тт. Т. 3. М., 1993. С. 501-515.
15. Мор Т. *Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии* // *Зарубежная фантастическая проза прошлых веков*. М., 1989. С. 17-130.
16. Среди этих последователей укажем на француза Бернардена, для которого воплощение идеала человеческого существования было возможно лишь на лоне дикой природы – он описывает жизнь счастливой пары на острове Маврикий (Бернарден де Сен-Пьер Ж.-А.. *Поль и Виргиния* – М.-Л., 1937), и на русского учёного М.М.Щербатова, также описавшего счастливое общество на далёком юге (Щербатов М.М. *Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкого дворянина* // *Русская литературная утопия*. М., 1986. С. 37—79).
17. Её даже можно увидеть на некоторых иконах. Что касается словесных описаний, см.: Бытие 2:8; Откровение святого Иоанна Богослова 21: 1-25. Ср. топологию рая и ада у Данте и Д.Л.Андреева (Данте Алигьери. *Божественная комедия*. М., 1982; Андреев Д. *Роза Мира*. М., 2006).
18. Хотя в качестве текста любое произведение и даже сообщение уже существует в пространстве и в этом смысле обладает пространственными характеристиками. См.: Топоров В.Н. *Пространство и текст* // *Текст: семантика и структура*. М., 1983. С. 227.

19. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 188.
20. Скажем в этой связи, что один из лидеров третьего сословия М.Робеспьер в речи 9 мая 1794 г оценивал энциклопедистов, как секту, в которую входило множество шарлатанов, никогда не ставивших высоко права народа, которые были горды в своих писаниях, но унижались в передних высокопоставленных лиц и прекрасно жили, получая пенсии от деспотов (Робеспьер М. Избр. произв. Т. 3. М., 1965. С. 133).
21. Свою мысль о вреде окультуренного пространства он иллюстрирует следующим образом: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это моё!» и нашёл людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберёг бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегайтесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!» (Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1968. С. 74).
22. Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 377-387.
23. Бергсон А. Восприятие изменчивости. СПб., 1913. С. 31-32.
24. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 298-355.
25. Винер Н. Кибернетика или связь в животном и машине. М., 1983. С. 87-88.
26. Это мнение И.Канта, полагавшего, что пространство, как и время, даны нам a priori. См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. в 8 тт. Т. 3. М., 1994.
27. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч. Т. 1. М., 1992. С. 94.
28. См., например, рассуждения Ж.Делёза, сравнивавшего «сгибание и разгибание» у М.Фуко и М.Хайдеггера (Делёз Ж. О смерти человека // <http://www.antropolog.ru/doc/library/delez/delez>).
29. См., например: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; Дюби Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.
30. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Тт. 1-3. М., 1986-1992.
31. Фуко М. Археология знания – К., 1996. С. 9-12 и др.; Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. С. 329-330.
32. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Тт. 1-3. М., 1986-1992.
33. То есть, допустимых при определённых условиях.
34. Этот образ использовал ещё А.С.Пушкин, определяя действия Петра по строительству новой столицы словами, что он «в Европу прорубил окно» («Медный всадник», Вступление).
35. Наша позиция отчасти пересекается с концепцией П.Бурдьё, который понимал под социальным пространством поле структурированных позиций акторов. См.: Bourdieu P. Quelques propriétés des champs // Questions de sociologie. P., 1984. P. 113.
36. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. в 8 тт. Т. 3. М., 1994. С. 719-722.
37. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии, № 6, 1991. С. 52.
38. Так поступали в XVII-XVIII вв многие европейские переселенцы в Северную Америку, приписывая новым землям новые идентификационные характеристики. Значительная часть колонистов была привержена различным радикальным течениям реформационного христианства и потому находившаяся в конфронтации с властями тех земель, откуда они прибыли. В силу этого сам процесс переселения они воспринимали, как переход в иное пространство, уподобляя себя ветхозаветным евреям, которым, после заключения договора с Богом, был дарован для поселения Израиль. Одним из проявлений подобного отождествления была долго сохранявшаяся у потомков первых поселенцев мода на ветхозаветные имена: Абрахам (Авраам), Сара, Сэмуэль (Самуил), Бенджамин (Венеамин) и т.п. Следующие, более многочисленные волны эмигрантов, переселявшиеся преимущественно по экономическим причинам, идентифицировали североамериканские штаты совсем иначе, что нашло, в частности, своё проявление в том, что новозаветные имена – Джон (Иван), Мэри (Мария), Пол (Павел), Томас (Фома) и др. – почти вытеснили ветхозаветные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М., 1991.
3. Eckhart. Meister Eckharts. Schriften und Predigten - Jena, 1921.
4. Лейбниц Г.-В. Соч. в 4-х тт. Т. 1 – М., 1982.
5. Хальбвакс М. Планы расширения и благоустройства Парижа до XIX века // Социальные классы и морфология. – М.-СПб, 2000.

6. Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII Логика и лингвистика – М., 1982.; Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики // Логико-эпистемологические исследования – М., 1990; Степанов Ю.С. Пространство и миры – новый, «воображаемый», «ментальный» и прочие // Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. Т. 2 – Харьков, 1994.
7. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения - М., 1965. С. 201; Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М., 1991.
8. Платон. Тимей // Платон. Собр. соч. в 4 тт. Т. 3. – М., 1994.
9. Платон. Государство. Критий // Платон. Собр. соч. в 4 тт. Т. 3. – М., 1993.
10. Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков – М., 1989.
11. Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина // Русская литературная утопия – М., 1986.
12. Данте Алигьери. Божественная комедия – М., 1982; Андреев Д. Роза Мира – М., 2006.
13. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура – М., 1983.
14. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени – М., 1994.
15. Робеспьер М. Избр. произв. Т. 3 – М., 1965.
16. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты – М., 1968.
17. Февр Л. Бои за историю – М., 1991.
18. Бергсон А. Восприятие изменчивости - СПб., 1913.
19. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса – М., 1986.
20. Винер Н. Кибернетика или связь в животном и машине - М., 1983.
21. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. в 8 тт. Т. 3. – М., 1994.
22. Бергсон А. Собр. соч. Т. 1. – М., 1992.
23. Делёз Ж. О смерти человека // <http://www.antropolog.ru/doc/library/delez/delez>
24. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992; Дюби Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о себе самом – М., 2000.
25. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Тт. 1-3. – М., 1986-1992.
26. Фуко М. Археология знания – К., 1996. С. 9-12 и др.; Фуко М. Герменевтика субъекта – СПб., 2007.
27. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Тт. 1-3. – М., 1986-1992.
28. Bourdieu P. Quelques propriétés des champs // Questions de sociologie – P., 1984. P. 113.
29. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. в 8 тт. Т. 3. – М., 1994.
30. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии, № 6, 1991.

A. Shabaga

SOCIAL CHRONOTYPE AND FEATURES OF ITS INFLUENCE ON IDENTITY OF THE HISTORICAL SUBJECT

Abstract: In article identity of the historical subject is considered in a paradigm of a social window according to which transition by a society from one social continuum in another is carried out by means of the realised choice of one of the eventual possibilities based on construction of mental space. Thus the special attention is given to temporal aspect of measurement social chronotops.

Key words: social window, social chronotype, identity, the historical subject, a social window, temporality.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК

Файзрахманов Р.

ВООРУЖЕННОЕ НАСИЛИЕ В СИСТЕМЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Аннотация: Статья «Вооруженное насилие в системе властных отношений», представленная для публикации, представляет собой изложение взглядов автора на одну из политолого-правовых проблем, актуальность и практическая значимость которой со временем все более возрастают. Свидетельством тому служат многочисленные примеры применения вооруженного насилия в различного рода и уровня отношениях (террористические акты во всем мире, события на Северном Кавказе, операция по принуждению Грузии к миру в августе 2008г. и т.д.).

Ключевые слова: власть, властные отношения, вооруженное насилие, война, вооруженные силы.

Государственно организованное общество, этап развития которого человечество переживает уже не первое тысячелетие, объективно и закономерно породило властные отношения. Представляя собой принципиально важную разновидность и часть общественных связей, они отличаются рядом особенностей, концентрация внимания на которых обеспечит нам возможность достигнуть цели, поставленные перед настоящей статьёй:

1) содержанием этих отношений была и остается борьба за захват, удержание и использование политической власти, которая и порождает особую сферу жизни и деятельности людей. Из массива определений власти, данных разными авторами, выберем тот вариант, который дает возможность представить власть как способность и возможность одних субъектов с помощью разнообразных средств и методов оказывать определенное влияние на других в интересах достижения каких-либо конкретных целей;

2) они закономерно вызывают заслуженный интерес у представителей различных обществоведческих наук, которые традиционно характеризуют эти отношения качеством системности. По нашему глубокому убеждению, это качество проявляется двояко. С одной стороны, властные отношения являются элементом системы социальных отношений, с другой же стороны, сами по себе, они представляют собой стройную систему;

3) они отличаются разнообразием субъектов, участвующих в них, а также используемых в процессе борьбы за власть средств и методов, что позволяет представить их в виде определенно сложившейся политико-правовой конструкции, представляемой нами несколько уже, нежели система;

4) они детерминированы уровнем и качеством развития соответствующей социо-культурной макросреды, что обуславливает их динамизм и преемственность и, следовательно, диктует необходимость историко-политологического взгляда на ин-

* © Файзрахманов Р.

тересующий нас социальный феномен. Последнее обстоятельство требует конкретизации, ибо под феноменом властных отношений мы понимаем взгляд на них не только как на явление и процесс, но и видение в нем соответствующей проблемы, которая и не позволяет снимать его с повестки дня, актуализирует повышенное внимание к ним.

Исходя из всего этого, вычленим среди множества явлений, процессов и проблем те, что представляют для нас повышенный интерес.

В ряду таких издревле были и остаются *вооруженные силы*, в состав которых, в первую очередь, традиционно включаются армия и флот, а также *вооруженное насилие*, зачастую доходящее до такой своей крайней формы, как *война*. Они органично и конструктивно входят в структуру и содержание властных отношений.

Естественно, вооруженное насилие в данном контексте понимается нами как разновидность насилия политического и оно отграничивается нами от вооруженного насилия, проблемами которого занимаются представители уголовно-правовой и криминологической наук. Оно само по себе представляет отношения, которые, в свою очередь, по конструкции во многом схожи с властными отношениями. К наиболее распространенным формам вооруженного насилия, помимо войны относят бунты, мятежи, государственные перевороты и др. На большей части из них и, в том числе, причинах, их порождающих, сосредоточил свое внимание еще Аристотель в своей знаменитой книге «Политика».

В различной интерпретации и в зависимости от конкретных целей и обстоятельств они предстают перед исследователем как *средство* и *метод* осуществления политики, реализации властных целей. В числе первых, кто аргументировано обосновал связь их с политикой, был прусский военный теоретик и историк К. Клаузевиц. Он утверждал, что «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими средствами»¹. Этими «другими средствами» являются, в том числе и, прежде всего, вооруженные силы. И еще одно немаловажное обстоятельство, на которое, как нам кажется, нельзя не обратить внимание. К. Клаузевиц характеризует войну как своеобразную «троицу», составленную:

- во-первых, из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт;
- во-вторых, из игры вероятностей и случайностей, что делает ее свободной душевной деятельностью; -
- в-третьих, из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она становится достоянием непосредственно рассудка.

Каждая из этих сторон имеет своего конкретного адресата, в качестве которого, соответственно, выступают народ, полководец и его войско, а также правительство.

Тем самым, автор подводит нас к мысли о непосредственной связи всего происходящего на войне с сознанием участвующих в ней субъектов. Непременной составляющей этого сознания являются такие его элементы, которые лежат в основе политолого-правовой оценки вооруженного насилия в любой форме.

В этой связи обратим внимание на такой факт. К сожалению, не все знают, что еще в 1805 г. Г.Д. Бюлов – один из интереснейших и значительных классиков военной литературы, произведения которого полны противоречий и порой парадоксов, прямо указал на связь политики, насилия и вооруженных сил. Не риторически вопрошая, может ли военная наука не заключать в себе политику, он почти за два десятка лет до Клаузевица утверждал, что «политическая стратегия относится также к военной стратегии, как последняя – к тактике»². Войну же он определяет через уголовно-правовые

понятия, понимая ее как науку о разбое, грабежах и воровстве.

Задолго до этих авторов на связь войны и политики обратил внимание китайский полководец Сунь-цзы – автор всемирно известного трактата о войне, появившегося на свет на 500 лет раньше Библии. Он писал, что «...Искусство войны имеет первостепенное значение для государства. Это дело жизни и смерти – путь к существованию либо к гибели»³. Небесспорно, но, по его мнению, одним из основных и «постоянных» факторов достижения победы наряду с нравственным законом, методом и дисциплиной (а все это есть порождение, результат и уровень соответствующего политического и правового сознания), выступает, полководец, который является вершителем народной судьбы – человеком, от которого зависит безопасность страны.

Другой, не менее известный мыслитель древности Цицерон в своем последнем философском труде «Об обязанностях» заметил: «Ведь войны происходили, можно сказать, всегда»⁴. Здесь же он выделяет один нюанс, который, несмотря на свою неоднозначность, сегодня может быть актуален как никогда. Цицерон, как доподлинно известно, подчеркивал, что первый благоприятный отзыв о молодом человеке на его пути к славе мог бы быть достигнут его воинскими подвигами, на этом поприще многие отличились во времена предков. Молодые римские граждане начинали свою карьеру именно с военной службы. Как свидетельствуют источники того времени, бог войны Марс был покровителем юношества.

Обращение в этой связи к истории Древнего Рима как одного из первых наиболее развитых государств, убеждает нас в том, сколь велико в его политической жизни и соответствующей системе властных отношений было значение двух анализируемых нами институтов. Права, как нам кажется, О.В. Сидорович, которая отмечает, что: «История Рима в обыденном сознании связывается с победами его армии, в результате которых в Средиземноморье сложилась новая политическая организация – Римская империя»⁵. То же самое утверждает другой исследователь В.Н. Токмаков: «Как известно, мощь Рима покоилась на его военной организации, структура которой совершенствовалась в течение многих веков...»⁶.

В силу ряда причин в те времена не столь остро стоял вопрос о классификации различных форм вооруженного насилия, в том числе войн, а также функций вооруженных сил. Поначалу насилие во всех его проявлениях в политике оправдывалось и считалось естественным методом и/или средством достижения поставленных целей. Еще Гераклит указывал, что «война всеобща» и «все происходит через борьбу и по необходимости». Он был уверен, что война есть «отец всего и всего царь; одним она предопределила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными»⁷.

То же самое в своих «Законах» утверждал Платон, отмечая, что война против всех вытекает из самой природы общества, из тех противоречий, что присущи отношениям людей друг к другу. Он был убежден, что «существует вечная непримиримая война между государствами»⁸.

Справедливости ради заметим, что в глубокой древности, не обратиться к которой в контексте обсуждаемых проблем нам просто нельзя, предпринимались лишь некоторые, можно сказать, едва заметные попытки деления войн на справедливые и несправедливые, оборонительные и захватнические. В трактате Цицерона «Об обязанностях» читаем: «Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны... Поэтому войны надо начинать с целью, не совершая противозаконий...»⁹. Интересна его позиция по поводу справедливости войны. Справедливой, по его убеждению, может быть только такая война, которую ведут после предъявления

требований или же предварительно возвести и объявили. В этих и других словах без труда прослеживаются очертания принципов, на которых зиждется современное представление о справедливой войне, а также норм современного международного права, действующих в период войн и вооруженных конфликтов.

Совершенно прав наш соотечественник И.А. Ильин, который насилие и войну называл «хозяйственно-политическим и социально-культурным самоубийством или во всяком случае самоизуродованием» друг друга воюющими сторонами. По нему, война является «культурно разрушительным способом разрешения споров»¹⁰.

Не вдаваясь в подробности, заметим, что человечество до сих пор не нашло вооруженному насилию в разных его проявлениях разумной альтернативы. Насилие до сих пор в политическом арсенале тех, кто пытается добиться своих определенных целей (причем на внешней и внутренней арене борьбы за власть), не гнушаясь при этом никакими средствами и методами. Ежегодно мы становимся свидетелями и, соответственно, если условно выразиться, непосредственными или опосредованными жертвами порядка 30 войн и вооруженных конфликтов самых разных по характеру, напряженности, длительности и последствиям.

В этой связи интересным, на наш взгляд, является мнение профессора В.В. Серебрянникова, который, оценивая тенденции эволюции сознания наших современников в отношении войны, указывает, что «некоторые исследователи, как Ч. Москос, полагают, что в конце XX века рождается общество отрицания войны, антивоенный человек, что обещает полную победу мира над войной в XXI веке»¹¹. Вряд ли это так. Ведь войну начинают политики, а народы в них только участвуют и им не под силу самим себя избавить от этого зла. Поскольку война есть продолжение политики, в настоящее время представляется трудным воображение мира без войн и насилия, без вооруженных сил. Сама жизнь диктует необходимость переосмысления и переоценки этих институтов. Коль скоро любое вооруженное насилие и, прежде всего, война приводят общество в то или иное политико-правовое состояние, что порождает соответствующие политико-юридические последствия.

В конституциях и иных нормативно-правовых актах современных государств мы, естественно, не найдем ни одного положения, которое было дало повод предположить, что кто-либо готов использовать войну как средство достижения цели, применяемое по собственной инициативе. Например, в ст. 11 Конституции Итальянской Республики от 22 декабря 1947, однозначно подчеркивается, что «Италия отвергает войну как орудие посягательства на свободу других народов и как способ разрешения международных споров»¹². Ст. 26 Основного закона ФРГ от 23 мая 1949 г. гласит: «Действия, способные нарушить мирное сосуществование народов и предпринимаемые с этой целью, в частности для подготовки к ведению агрессивной войны, являются антиконституционными. Они должны быть наказуемы»¹³.

Если обратиться к Конституции РФ, то в ней мы не найдем прямого указания на отказ от войны как средства политики. Зато данное положение мы видим в Военной доктрине РФ, которая представляет собой совокупность официальных взглядов (установок), определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические и иные основы обеспечения военной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 2000 г. В ней, в частности, отмечается, что военная доктрина носит *оборонительный характер*, что предполагает органическое сочетание в ее положениях приверженности миру с твердой решимостью защищать национальные интересы, гарантировать военную безопасность РФ и ее союзников.

Что касается вооруженных сил как одного из средств решения задач в анализируемой нами сфере общественных отношений, то здесь большой интерес вызывает

вопрос классификации их функций. В большинстве случаев их сводят к двум основным – внешним и внутренним. Правда, нормативно и в прямой постановке в законодательстве современных государств это непосредственно, как правило, не закреплено. Так, в ст. 79 Конституции Австрийской Республики от 10 ноября 1920 г. говорится, что «на федеральную армию возлагается вооруженная оборона страны». Кроме того, «если законной гражданской власти требуется ее содействие», на нее возлагаются задачи защиты конституционных учреждений и обеспечение условий их деятельности, а также демократических свобод граждан, общее поддержание порядка и безопасности внутри страны, оказание помощи при стихийных бедствиях и катастрофах, значительных по своему масштабу¹⁴.

Подобные положения зафиксированы в ст. 58 Союзной конституции Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г.: «Армия служит для воспрепятствования войне и содействует сохранению мира; она защищает страну и ее население, Она поддерживает гражданские власти при отражении серьезных угроз внутренней безопасности и при ликвидации других чрезвычайных ситуаций. Закон может предусмотреть дальнейшие задачи»¹⁵.

Из приведенных формулировок явно прослеживаются два направления в деятельности вооруженных сил: 1) защита от внешней угрозы и 2) участие в решении некоторых внутригосударственных задач.

Непременным условием решения этих задач, стоящих перед властными структурами любого государства и Российского, в частности, является усиление его *военной мощи*. Посредством этой политологической категории мы имеем возможность проанализировать и оценить возможности того или иного властного субъекта политики в специфической сфере деятельности. В качестве такового на первое место закономерно выдвигается государство. Т.е. через понятие военной мощи раскрывается потенциал соответствующего государства как властного элемента, дается характеристика его с точки зрения статической.

Наиболее важным элементом военной мощи государства выступает *боевая мощь* его вооруженных сил, в основе которой, большинство специалистов видят конкретно определенную *военную силу*. Практическое использование последней влечет за собой возможность реального применения вооруженного насилия. Это, в свою очередь дает возможность характеризовать государство и его властные структуры с точки зрения динамической.

Логика подсказывает, что в контексте всего изложенного выше нельзя не обратиться к тексту Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Она является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности.

Особенностью документа, рассчитанного на ближайшую перспективу, является то, что в нем нет прямого выражения и закрепления тех понятий, которые мы выделили выше. Зато вместо понятия *военная мощь* мы читаем здесь, что в *систему обеспечения национальной безопасности* Российской Федерации входят:

– «*силы обеспечения национальной безопасности*» – Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации. В политологической литературе для обозначения тако-

вых, как известно, используется такое синтетическое понятие, как вооруженная организация общества;

– «*средства обеспечения национальной безопасности*» – технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

Возможно, такое понимание системы обеспечения национальной безопасности с точки зрения научной трудно сравнимо с понятием военной или оборонной мощи государства. Однако сделать это по некоторым основаниям будет вполне корректно. Подход, предложенный авторами Стратегии национальной безопасности, видится нам несколько зауженным, поскольку при оценке сил и средств обеспечения национальной безопасности акцент ими делается, в основном, на военную составляющую. Упускаются из виду такие компоненты, без которых трудно представлять военную мощь государства. Это, в первую очередь, экономический компонент, социально-демографический, морально-психологический и др. В любом случае, к ним уместно будет прибавить такой компонент, как политико-правовой, обеспечивающий и гарантирующий формально-организационную и структурно-функциональную стороны деятельности по наращиванию мощи и обеспечению безопасности государства. Еще накануне первой мировой войны наш соотечественник известный российский правовед С.А. Котляревский, формулируя теоретико-методологические основы правового государства, обращал внимание на то, что нет и не может быть противоречия между началами правового государства и требованиями государственной безопасности и мощи. Напротив: известный минимум правопорядка необходим для самой безопасности, не говоря уже о мощи. И тут же он утверждает, что популярную на всех уровнях формулу «от силы к праву», пережитую не одним поколением людей, ни в каком отношении нельзя признать удачной. Сила остается таким же признаком государства в настоящее время, как и в незапамятные эпохи, в которых надо искать его происхождение. Даже, напротив, эта организация (имеется ввиду государство - Р.Ф.) увеличила находящийся в ее распоряжении капитал силы. Под таковым автор подразумевал, прежде всего, достижения научно-технического прогресса, что свидетельствует о его прозорливости и способности предвидеть определенные тенденции в социально-политическом развитии.

Скорее всего, в новых военно-политических документах, которые планируется принять в развитие названной Стратегии, в частности, в новой военной доктрине, вопрос о компонентах безопасности и мощи найдет более адекватное отражение. Ее обсуждению, кстати, была посвящена военно-научная конференция, проведенная в начале 2007г. в Академии военных наук по теме: «Структура и основное содержание новой военной доктрины России». В одноименном докладе Президента академии профессора М.А. Гареева приведен один любопытный исторический факт. Когда после Второй мировой войны на международной арене начали проявляться попытки принизить роль Франции, Шарль де Голль сказал, что Франция может быть только великой державой. Или она будет такой, или это будет не Франция, а какое-то другое государственное образование. Это положение известный военный теоретик экстраполирует на современную Россию, имея для этого достаточно оснований. Не согласиться с этим, как нам кажется, довольно трудно.

Что касается вооруженных сил современной России, в настоящее время они реализуют и внешнюю, и внутреннюю функции. Это с очевидностью вытекает из тех нормативно-правовых актов, которые составляют правовую основу жизни и деятель-

ности нашей армии и флота. Более интересным нам видится вопрос об участии российских военных во власти и властных отношениях. В последние годы чаще предпринимаются попытки обосновать, что российские военные активны в политике. Так ли это? Скорее всего, наоборот. Есть основания полагать, что на протяжении практически всей российской истории военные, скорее всего, *не вмешивались* в политические и связанные с ними процессы, а *их использовали* в качестве самой организованной и вооруженной силы. Единственной, пожалуй, попыткой вмешательства армии в политику было восстание декабристов 1825 г. Без ноты пессимизма, заметим и это известно всем, чем оно закончилось для его участников. То есть, можно полагать, что российской армии не присуща относительная самостоятельность как политико-правового института, что характерно для вооруженных сил многих других государств, особенно развивающихся. Так, по данным американского автора С.Е. Уэлча за два десятилетия (1958-1977) в Азии, Африке и Латинской Америке имела место 151 попытка военных переворотов, из которых 97 были успешными.

Причин относительной политической пассивности российских вооруженных сил достаточно много. Основные из них коренятся в особенностях российского менталитета вообще и политического и правового сознания российских военнослужащих, в частности. Сознание это своими корнями уходит в далекое прошлое, оно пока не в полной мере освободилось от той рабской психологии, которая в определенной мере насаждалась соответствующими органами и службами. Известные слова прусского короля и полководца Фридриха II о том, что от офицера до последнего рядового никто не должен рассуждать, а лишь должен исполнять, что приказано прямо и непосредственно, относилось и относится ко всей системе обучения и воспитания самых различных слоев российских военнослужащих.

В современных условиях, когда армия и флот в силу ряда причин, не пользуются должным авторитетом и доверием среди населения, пока не представляется возможным говорить о качественном решении стоящих перед ними задач. Преодолеть эту проблему можно и должно. Как это следует делать, подсказывал еще Г. Гегель: «Сила страны состоит не в количестве жителей и солдат, не в плодородии земли и не в количестве территории, а в том, как посредством разумного соединения частей в единую государственную власть все это используется для реализации великой цели – совместной защиты»¹⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Клаузевиц К. О войне. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Terra Fantastica, 2003. С. 39.
- 2 См.: Стратегия в трудах военных классиков. – М.: ИД Финансовый контроль, 2003. С. 366, 337.
- 3 Сунь-цзы Искусство войны /Пер. с англ. Издание второе. – Ростов-на-Дону, 2004. С. 5.
- 4 Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанности. – М.: Наука, 1975. С. 111.
- 5 Сидорович О.В. Единоборство в системе ценностей римского гражданина эпохи Республики // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные исследования. М.: РОСПЭН, 2005. С. 18.
- 6 Токмаков В.Н. Римлянин Ранней Республики на войне: права и обязанности // Там же. С. 5.
- 7 Цит. по: Шерпаев В.И.: Проблемы войны и мира в политологии: Учеб. пособие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 8.
- 8 Платон. Соч. Т. 4. С.72
- 9 См.: Там же. С. 66-67.
- 10 Ильин. И. Соч. в 10 томах. Т. 1. М.: Русская книга, 1995. С. 216.
- 11 Серебрянников В.В. Массовое сознание: проблемы войны и мира // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 45.
- 12 Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 105.
- 13 См.: Там же. Т. 1. С. 589.

- 14 См.: Конституции стран Европы... Т. 1. С. 71, 546.
15 См.: Там же.
16 Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 104.

R. Faizrakhmanov

THE ARMED VIOLENCE IN SYSTEM OF IMPERIOUS RELATIONS

Abstract: Article represents a statement of sights of the author on one of politologo-legal problems, the urgency and which practical importance more and more increase in due course. As the certificate that is served by plural examples of application of the armed violence in any and level relations (acts of terrorism all over the world, events in the North Caucasus, operation on compulsion of Georgia to the world in August 2008r. Etc.).

Key words: the power, the imperious relations, the armed violence, war, armed forces.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ МОДЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ*

Аннотация: Статья характеризует сущностные стороны *политического дискурса* и *политической коммуникации* в исследовании *моделей политического лидерства* в постсоветских политических режимах.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая коммуникация, модели политического лидерства, постсоветские политические режимы.

Актуальность данной статьи объясняется выработкой перспективных аналитических подходов в исследовании субъектов политического процесса с помощью теоретико-методологического арсенала *политической лингвистики*, где изучение *политических дискурсов* политических лидеров и элит (далее – властных политических субъектов) способствует комплексному изучению политических механизмов власти в условиях режимных изменений в процессе постсоветских трансформаций. В континууме политического процесса, с помощью *политических дискурсов*, властные политические субъекты в совокупности реализуют комплексный *процесс политической коммуникации*. Поэтому в целостном политологическом обосновании политического лидерства в условиях «переломных» модернизационных этапов общества и государства необходимо использовать теоретико-методологический арсенал *политической лингвистики*. Это позволит сформировать научное представление о политическом лидерстве, изъять его из контекста «недобросовестные» политические и PR-технологии, а также создаст предпосылки для непредвзятого изучения политического лидерства как сложного политического механизма власти и комплексного социально-психологического феномена, всесторонне проявляющего себя в политическом процессе. Ключевыми понятиями в анализе особенностей субъекта (субъектов) политического процесса в условиях режимных изменений в процессе постсоветских трансформаций, являются *модель политического лидерства* и *политическая коммуникация*.

Модель политического лидерства предстает совокупностью устойчивых и динамичных институциональных и неинституциональных структурно-морфологических и процедурных методов, способов, средств, ресурсов, механизмов обеспечения политического доминирования властного субъекта в (национальном, региональном, международном) политическом процессе, формирующихся в результате политического взаимодействия участников (субъектов и акторов) политического процесса в континууме их политической борьбы за власть. *Политическая коммуникация* описывает характер взаимодействия участников в континууме политического процесса (т.е. раскрывает особенности имеющейся той или иной *модели политического лидерства*), в рамках которого формируется конкретный политический режим. Сущность политического режима определяется посредством *институциональных* (в рамках формальных правил и процедур) и *неинституциональных* (неформальных альтернативных методов, способов и путей) *особенностей политической коммуникации* между субъектами и акторами политического процесса.

Анализ особенностей политического процесса в условиях политической и соци-

* © Чуркин М.Г.

ально-экономической трансформации позволяет говорить об усиливающейся роли: **во-первых, коммуникативных средств** (относящихся к сфере политической коммуникации и обеспечивающих методы, способы и механизмы политического общения и обмена информацией между участниками политического процесса), которые целостно раскрывают коммуникативный потенциал субъектов и акторов политического процесса в ведении эффективного политического диалога, достижения консенсуса в решении многих проблем, возникающих в процессе их политической коммуникации; **во-вторых, коммуникационных средств** (представляющих собой технологические институциональные и процедурные способы, средства, механизмы анализа, синтеза и обмена информацией, а также информационные цепочки, технологические каналы и центры – инфраструктуру политической коммуникации), которые позволяют обеспечивать процесс политических отношений субъектов и акторов политического процесса, технологически наполняя его континуум реальным политическим содержанием.

Сущность политического режима «переходного» типа раскрывается в процессе политических отношений политического лидера, элит и последователей. Политические отношения описывают особенности политического взаимодействия участников политического процесса, и, в зависимости от характера данных отношений, способны приобретать *вертикальную* или *горизонтальную* структуру (которая определяет сущность политического режима). Структура политических отношений, качественно характеризующая политический режим и динамику его изменений, может быть выявлена посредством *моделей политической коммуникации* (представляющих собой совокупность коммуникативных и коммуникационных средств), которые складываются между участниками политического процесса. *Модели политической коммуникации*, с одной стороны, раскрывают особенности политического режима и, с другой – формируют специфичные *модели политического лидерства*.

Участники (субъекты и акторы) политического процесса активно используют политические дискурсы для артикуляции своих политических целей, действий, программ, стратегий, служащих фактическим материалом, который: **а)** качественно характеризует их политическое кредо, описывает их политический статус и перспективы в условиях (конкурентной или неконкурентной) политической среды; **б)** они используют для агрегации определенных политических интересов, служащих стимулом политической мобилизации последователей, их групп и объединений для совместных политических действий; **в)** говорит о специфике политических отношений между участниками и описывает коммуникативный потенциал моделей политического лидерства, формирующихся в процессе политической борьбы за власть; **г)** составляет содержание их политической деятельности, заполняет технологические информационные цепочки и каналы, «питает» механизмы политической коммуникации между ними.

Анализ политического процесса предполагает, таким образом, полифакторное исследование специфики процесса политической коммуникации, ведущейся его участниками. Количество участников политического процесса, наличие совокупных прямых и альтернативных способов политической коммуникации между ними во многом определяют структурно-морфологические и процедурные особенности *моделей политического лидерства* и соответствующие им политические режимы. При этом, следует учитывать, что в условиях демократического транзита (перехода) политический режим предполагает привлечение максимального количества участников к политическому диалогу в национальном политическом процессе. Это также способствует увеличению числа каналов связи между ними и росту информационных потоков, требующих адекватной и эффективной переработки и усвоения в ходе демократической

(т.е. конкурентной) политической борьбы: «В современном мире именно массовая политическая коммуникация обеспечивает трансляцию информации между политической и социальной системами...».¹

В условиях недемократического политического режима количество участников политического процесса ограничено, политическая конкуренция между ними сведена к минимуму. Политический процесс жестко детерминирован и представляет собой лишь «политическую игру», ведущуюся между основными участниками – субъектами политического процесса. В целях обеспечения своего политического доминирования они стремятся перекрыть все возможные каналы связи между альтернативными политическими группами, нивелируя возможности политической мобилизации оппозиционных политических сил, способных составить реальную политическую конкуренцию в борьбе за власть.²

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости выработки полифакторном аналитического подхода в изучении властных субъектов политического процесса, активно использующих *коммуникативные и коммуникационные средства* в политической борьбе за власть. Определенная совокупность данных *средств* также способна формировать специфичные *модели политической коммуникации*, являющиеся непосредственными атрибутами *моделей политического лидерства* в современную информационную эпоху.

В заключение необходимо отметить, что изучение особенностей *политической коммуникации* в анализе политического процесса в условиях постсоветских трансформаций поможет: *а)* охарактеризовать формы, средства, механизмы реализации внешней политики стран бывшего Советского Союза (БСС) по отношению друг к другу в международных организационно-политических формированиях, таких как СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС; *б)* полифакторно описать постсоветские трансформационные процессы, определить направленность и измерить их политическую динамику; *в)* выявить *модели политического лидерства*, формирующиеся в условиях постсоветских политических режимах в процессе постсоветских трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу / Полис № 3, 2003. С. 109.
2. См. Пугачев В.П. О скрытых политико-психологических механизмах политического доминирования. Управление свободой. М., 2005.

M. Churkin

POLITICAL DISCOURSE AND POLITICAL COMMUNICATIONS IN RESEARCH OF MODELS OF POLITICAL LEADERSHIP IN POST-SOVIET POLITICAL MODES

Abstract: Article characterises the intrinsic parties of a political discourse and political communications in research of models of political leadership in Post-Soviet political modes.

Key words: political discourse, political communications, models of political leadership, Post-Soviet political modes

ЭТАТИСТСКИЙ (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ) НАЦИОНАЛИЗМ КАК ТИП ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА НА ВОСТОКЕ*

Аннотация: Специфика политического лидерства на Востоке в XX веке тесно связана с проблемой колониализма и его наследия, которая воздействовала на политическую культуру восточных социумов. И это один из аспектов проблемы. Синтезированный социум, комбинированное общество, возникшее на Востоке в ходе и в результате колониализма, добившись независимости, поставило перед новыми политическими лидерами задачу легитимизации их властных полномочий. Именно способы, типы легитимизации, могут быть, по мнению автора, положены в основу классификации политических лидеров на Востоке, в целом, и в мусульманском мире, в частности.

Ключевые слова: легитимизация, лидерство, Восток, этатизм, колониализм.

Исследование природы политического лидерства на Востоке и его типологизацию не стоит сводить к изучению видов политических режимов и типов соответствующих им политических лидеров. Структурируя политические режимы на три классических типа: авторитарный, тоталитарный и демократический, следует помнить, что «в чистом виде» они отсутствуют в природе политической жизни и что последний из них (демократический) пока и в обозримом будущем не представлен на Востоке в качестве устойчивой и функционирующей модели. Здесь мы говорим именно о сущности политического режима, опирающегося на традиции и политическую культуру социума, а не о политическом «еврофасаде» квазидемократического толка, время от времени возникающем в архитектуре ряда политических систем Востока. Власть на Востоке в XX веке носила и носит авторитарный характер. [Воронин, 1997, Он же, 2000] При этом особо хотелось бы отметить необходимость отказа от оценок ряда западных исследователей, апологетически защищающих и проповедующих ценности демократии – как единственно возможной политической системы организации социума. Подразделяя политические режимы на три вида, следует учитывать, что «в политическом режиме название не более чем символ, – как подчёркивает Н.Э.Севортьян – суть же заключена в типе генезиса (естественный или искусственный) и органичности его живой ткани обществу – его потребностям, уровню зрелости, возрасту, традициям, социально-психологическим сдвигам, предубеждениям, ожиданиям, упованиям». [Севортьян, 1991, с.218]

Таким образом, опираясь на подобную систему координат, мы получаем многозначную неопределённость общих дефиниций. Перед нами рисуется картина авторитарного Востока и осознание того, что название режима лишь символ, а самоидентификация намного сложнее. Значит необходимо снятие идеологических смысловых нагрузок и более сложное, многомерное, многослойное подразделение восточного политического лидерства. При рассмотрении этого феномена необходимо избегать стандартизации причин при изучении современной политической истории Востока. Л.Б.Алаев видел методический порок в использовании общих экономических и социологических категорий «безотносительно к изучаемой ... реальности и в небрежении ею». [Алаев, 1982] А видный учёный – востоковед В.Ф.Ли отмечал некорректность

* © Воронин С.А.

сведения социального содержания политического процесса к ключевым знаменателям, как то харизматическое лидерство, архаичное сознание, нефтедоллары. [Ли, 1990, с.13]

Обретение независимости бывшими колониями и полуколониями выдвигало на первый план задачу нациестроительства. Катализатором и направляющей силой этого процесса на Востоке выступало государство.

Для социокультурной и политико-экономической жизни во всемирной истории до начала нового времени был характерен полицентризм. Империи представляли собой конгломераты политических образований в рамках общего географического пространства. Государства строились на примате религиозного мировоззрения, тотальной власти государства над всеми сферами социально-экономического и культурного бытия социума. Социокультурная действительность была неизменной, обладала константой ценностных доминант. Интеграция между государствами до периода новой истории носили фрагментарно-латентный характер. Экономический и культурный обмен происходил лишь в торговых центрах. В целом, до конца XVIII в. наблюдалась локально-спорадическая картина политической жизни мира.

Великие географические открытия значительно расширили уровень международных контактов, явились первым шагом к мировой интеграции и глобализации мира за счет эксплуатации ресурсов стран Востока. Различия в путях развития и становления капитализма выразились и в различных путях формирования национальных особенностей и национальных государств. На Западе переход от нации к нации-государству произошел естественным путем. На Востоке государство-нация стало результатом целенаправленной деятельности политических лидеров. На Западе национальное государство возникло, на Востоке было создано, искусственно сформировано.

В доколониальный период на Востоке функционировала устойчивая система регуляции взаимоотношений власти и граждан, коллектива и индивида, межличностных контактов и взаимоотношений. Колониальная политика, с одной стороны, разрушила традиции и ценностные установки восточного социума, а с другой, осуществляла консервацию самых архаичных методов и форм регуляции, привнося извне в традиционные общества капиталистические взаимоотношения. Колониализм нанес удар по индивидуальному и массовому сознанию, выдавив индивида из комфортного социального окружения семьи, рода, племени.

Новации метрополии вызывали резкое отторжение в колониях. В конце XIX в. возникают политические движения, нацеленные на борьбу за независимость и создание национальных государств.

Анализируя процесс формирования «государства–нации» на Востоке, как типа легитимизации политического лидерства, следует различать понятия «этническое» «национальное». Этнос – естественный способ групповой организации населения, первичная форма воспроизводства общности людей, на основе общей почвы и крови. Совокупность культурных, географических, социальных, антропологических и хозяйственных факторов [Ерасов, 2002, с. 333–334]. Доминантой этнического сознания выступает биологическая сторона, выражающаяся в чистоте происхождения «своего», соплеменника. С.В. Лурье видит в этнической культуре источник ценностей витального значения. Не чувствуя этнической идентичности, индивид испытывает ощущение незащищенности и потери самоидентификации [Лурье, 1998, с. 127]. Деление традиционного сознания на «мы» и «они», «свои» и «чужие» синтезировано с интегративностью и витальностью этнического сознания и культуры. С целью идентифицировать общность, отличить ее от других, за основу берется один из признаков (язык, конфессия и т.д.). Это естественноэтнические признаки. Их синтез с искусственными

ми признаками (социально-политические доктрины и т.п.) формируют, по мнению Б.С. Ерасова, суперэтнизм как властное самоутверждение прав этноса на территорию на основе этнодифференцирующих признаков и исторической памяти [7, с. 338].

Суперэтнизм близок по содержанию к понятию этничности, которую, по мнению И.Д. Звягельской, можно определить как форму социальной организации культурных различий. Этническая идентичность – разделяемые членами этнической группы общие представления социокультурной традиции, месте происхождения, формирующиеся в процессе взаимодействия с другими народами [Конфликты на Востоке..., 2008, с. 33].

История этносов не является историей в форме кумулятивного накопления времени, а представляет собой лишь смену одних временных и событийных этапов другими. Это чередование количественных характеристик не порождает нового качества, формирует ощущение бессмысленности бытия, возникает негативизм в сознании этноса по поводу своей экзистенции. Таким образом, этнос и подходит к новому этапу, где период смены событий заканчивается и начинается собственно история. Порогом, отделяющим этап «джахилийи» (анархии, междоусобиц), то есть период чередования событий, у арабов стало появление пророка Мухаммеда в VII в. и принятие ислама. Период вражды арабских племен сменился историей арабов.

Формирование нации не исключает и не уничтожает этничность, которая остается одним из значимых компонентов национального чувства. Нация – образование высшего порядка по отношению к этничности, она вбирает ее в себя, создавая более высокую коммуникативную плотность. Основными компонентами нации выступают государство, хозяйственная деятельность и культура [7, с. 339]. Нация, как образование более высокого порядка, ассимилирует совокупность этнических образований. По мнению Б.С. Ерасова, происходит снятие генетической иерархии старых отношений в пользу новой социально – стратификационной дифференциации. Различия этнических единиц нивелируются в пользу новой общности – нации [7, с. 342]. Излишняя этническая гетерогенность социума приводит к эффекту выдавливания или поражения в правах некоторых этнических единиц. Иллюстрацией может послужить индо-мусульманский конфликт, возникший в ходе раздела колониальных владений Британской Индии.

Нация выступает в хронологическом плане как более поздняя и в организационном – как более высокая форма регуляции социокультурных отношений, присущих индустриальным обществам с развитым разделением труда [7, с. 342]. Национальная идентификация является следствием взаимодействия различных социальных компонентов. С возникновением нации этнические признаки становятся второстепенными.

Основы национализма это социально-политические доктрины, формирование единой «Большой» культурной традиции. Все эти факторы ведут к интеграции общества, формируя ценностные доминанты, допускающие единство в многообразии [7, с. 343]. При этом этничность и национализм объединяют подразделение мира на «мы» и «они», на «своих» и «чужих».

Сформировались три подхода к изучению национализма как социально-политического феномена. Б.С. Ерасов в фундаментальной монографии «Цивилизации. Универсалии и самобытность» анализирует и дает оценку сложившимся концепциям в изучении национализма, выделяя формалистический, релятивистский и культурно-коммуникативный подходы [7, с. 197, 344–347].

1.) Формалистическая концепция базируется на естественном характере национальных общностей, на самоутверждении этноса (или этнических групп), имеющего

общий язык, исторический опыт, верования, устойчивые поведенческие нормы, обладающие экономической и географической общностью. При этом все перечисленные характеристики носят условный характер. Яркой иллюстрацией таких условностей являются арабы. Диалектические различия разговорного арабского языка приводят к отсутствию коммуникации у арабов из разных стран. Араб-египтянин не понимает араба-марроканца. Даже литературный арабский язык не является единым (Ирак, Йемен, Египет и т.д.). В конфессиональном плане не все арабы-мусульмане, а в свою очередь, многие исповедующие ислам – не арабы. Историческое прошлое арабских стран весьма различно. Несмотря на апологетику арабизма и ненависти к периоду джахилии, понятие «арабская нация» носит условно-теоретический характер. Это и привело к формированию государственных видов национализма (египетского, ливийского и т.д.). Панарабизм доказал свою историческую несостоятельность. Концепция арабского единства используется сегодня лишь как возможность противопоставить «своих» (арабов) «чужим» (неарабскому миру и Израилю).

2.) Релятивистский подход основан на осознании идентичности этноса или нации по отношению к внешнему миру. Нация формируется как результат самосознания и стремления к единству. Общие признаки создаются в процессе нациестроительства.

3.) Культурно-коммуникативная концепция основана на выявлении значимых факторов коммуникационного единства.

Обретение независимости на Востоке в XX в. не устранило задержки в развитии, вызванной колониализмом. Деятельность политических лидеров, направленная на нациестроительство, была нацелена, но не устранила «комбинированное общество», основными характеристиками которого, является:

1. Типологическая разнородность и слабая интегрированность компонентов его структуры;

2. Взаимосвязь компонентов обеспечивается:

– внешними, по отношению к ним, силами;

– территориально-географическими факторами;

– социальными связями, разрыв которых не затронул бы сущности компонентов (сосуществование автономных укладов: традиционный, местный уклад и колониальный, иностранный).

Эти связи могут вступать во взаимодействие, а могут существовать автономно. Один не влияет на другой.

После достижения независимости вектор борьбы против колониального политического насилия сменяется вектором, направленным на консолидацию вокруг национального лидера. Как отмечает Н.А. Симония: «Эта сплоченность может действовать еще некоторое время после достижения независимости, но отнюдь не беспредельно. Центробежные тенденции, имеющие своими истоками разнородность... компонентов комбинированного общества, оживают с первыми шагами по пути независимого развития и побуждают национальные правительства задумываться над разработкой стратегии национально-государственной интеграции» [*Эволюция восточных обществ...*, 1984, с. 267–268].

Национально-государственная интеграция тесно связана с проблемой легитимизации лидеров. Политические лидеры на Востоке в XX в. пытались решать эту проблему, как силой харизматического авторитета, так и при опоре на социально-политические доктрины, с помощью законодательных инициатив. Зачастую национальная интеграция носила декларативный характер. Национальным лидерам необходимо было осознавать невозможность резкого перехода от комбинированного социума к

нации, без переходного этапа синтезированного общества. Основной задачей синтезированного социума, в соответствии с концепцией Л.И. Рейснера и Н.А. Симонии, являлась структурная перегруппировка и модификация его неоднородных компонентов таким образом, чтобы бывшие несущественные связи трансформировались в существенные. «В самом общем плане эта задача синтеза на Востоке обществ, эволюционирующих по капиталистическому пути, имела некоторые черты, сходные с европейской модернизацией» [15, с. 268]. В ряде европейских стран также наблюдалось несоответствие декларируемого политической властью общества и реального. На Востоке создание национальных государств требовало значительной централизации власти, поскольку формирование «государства-нации» происходило сверху, в ходе достижения независимости. Либо в результате национально-освободительных движений, либо в результате переговорного процесса политической элиты бывших колоний и метрополий (провозглашение независимости Ливии в 1952 г. во главе с Идрисом I в результате дипломатических переговоров) [Васильев, 1998, с. 115].

Строительство устойчивой политической модели осуществляется при условии выполнения политическим лидером формулы взаимоотношений власти (патрона) и социума (клиента). Лидер должен уравновесить разнородные элементы с целью нахождения компромисса в комбинированном обществе.

По мнению Н.А. Симонии, социальная структура стран Востока во 2-ой половине XX в. это существование двух типов традиционного: результата колониального синтеза и архаичного, то есть доколониального, традиционного.

1.) Колониальный синтез полностью выстроен на социально-экономической системе, привнесенной метрополией. С формированием национального экономического уклада продукт колониального синтеза перестал быть современным и оказался противопоставлен новой национальной экономике.

2.) Архаичный тип представлен социальными структурами, ставшими традиционными с момента возникновения колониального синтеза и в связи с этим, сохранившимся как реликты традиционного, вплоть до обретения независимости. Их сохранение связано с тем, что метрополии либо не смогли, либо не захотели «перемолоть» все традиционные уклады [15, с. 272–273].

Основной задачей, решаемой политическими лидерами Востока во 2-й половине XX в., стало микширование результатов, полученных в ходе колониального синтеза и архаичных традиционных укладов. Виды их преломления в современных национальных государствах Востока носили характер видоизменения и интеграции продукта колониального синтеза в национальную экономику и «обволакивания» [15, с. 273] архаичных укладов, с целью их модернизации. Все эти функции на Востоке, учитывая роль и природу государства, взяли на себя политические лидеры и государственные институты.

Этатизм выполняет преобразовательную и созидательную роль. Государство на Востоке – эффективный инструмент для преодоления центробежных тенденций. Политические лидеры должны решать всю совокупность проблем, возникающих в процессе нациестроительства и на последующих этапах от политики до экономики. Необходимо соблюдать «золотую середину» без перекосов в сторону идеологических доктрин и лозунгов. Вопрос устойчивой национально-государственной интеграции решается тогда, когда лидер учитывает весь комплекс социально-экономических аспектов бытия социума. Относительно сбалансированным решением проблем в политике и экономике является ливийская модель развития М. Каддафи. В рамках индонезийской модели в период Сукарно произошел явный перекосяк в сторону массовой политизации при игнорировании социально-экономической стороны развития. По-

этому, в целом, его деятельность была малоэффективна. Перенос приоритетов развития на экономику при Сухарто привнес иную положительную динамику в развитие индонезийского общества.

Пытаясь понять природу национализма на Востоке как социально-политического явления, являющегося средством легитимизации политических лидеров, напомним, что на Востоке создание национальных государств носило характер инициативы, направленной сверху вниз, от государства к нации. Это был политический инструмент для консолидации компонентов комбинированного общества с их дальнейшей интеграцией в нацию. В этом смысле процесс нациестроительства носил искусственный характер в отличие от Запада, где создание нации-государства происходило естественным путем. Повторение этого тезиса было необходимо в связи с тем, что в национализме на Востоке, в специфике его природы и причин возникновения, видят с одной стороны политический плагиат Запада, перемещенный на Восток, представителями истеблишмента, воспитанного и получившего образование на Западе, которые стремятся к захвату политической инициативы; с другой – в национализме видят синергетический эффект самоидентификации в ответ на колониальный период. Р.А. Ульяновский отмечал: «Вариации национализма многообразны и политический спектр его широк. Его метаморфозы порой неожиданны. Прогрессивность его на одном этапе, сменяется консерватизмом и реакционностью на другом, эволюция национализма крайне противоречива, а диапазон противоречий необычайно широк – от национализма патриархально-родовых племен, ведущих вооруженную борьбу с колонизаторами, до национал-реформизма, склонного к соглашательству...» [Ульяновский, 1977, с. 137].

З.И. Левин, отмечая многослойность и противоречивость субъекта националистического движения и сознания, выделяет типы национализма:

1. Субнациональный: племенной, этнический, этнический, коммуналистский.
2. Собственно национальный.
3. Наднациональный: панарабизм, панафриканизм и т.д.

Уровни этих движений направлены на разные принципы социальной интеграции и виды лояльностей [Левин, 1979, с. 42–45].

На формирование и влияние типов национализма оказывают воздействие как внутренние, так и внешние факторы. На примере панарабизма просматривается амплитуда колебаний маятника, вся подъемно-откатная волна этого типа национализма. Развитие парадигмы панарабизма, прошло путь от успеха антитурецкого восстания арабов до угасания идеи, которая вновь возродилась и обрела второе дыхание в период Тройственной агрессии, после чего вновь стала аморфной до следующего витка конфронтации с миром неарабов.

Вопросы национально-политической интеграции тесно связаны с противоречиями этнического и экономического характера. Освободительные движения, которые явились прологом к образованию «государств-наций», базировались на принципах солидаризма, поскольку конечная цель была очевидной – достижение независимости и борьба с колонизаторами. Солидаризм порождал осознание единства на субнациональном, национальном и наднациональном уровнях.

Характерен синтез компонентов комбинированного общества, воплощенный в принципе НАСАКОМа идеологии Сукарно, который стал синтезом национального, конфессионального и доктринального единства. Национализм выступал инструментом борьбы, механизмом самоидентификации, ислам воплощал идеалы справедливости, марксистская доктрина являлась рационалистической идеологией, которая представляла ключ к решению проблем социально-экономического характера. Доми-

нантой этого синтеза выступал национализм, впитавший марксистскую революционность [Беленький, 1978, с. 205–208].

Учитывая центростремительные тенденции компонентов комбинированного общества, государства-нации, достигшие независимости, подходили к новому этапу развития, когда интегрирующая роль сотрудничества и объединения всех угнетенных против угнетателей переставала быть актуальной.

Лидеры и социум оказывались в ситуации, когда политическая концентрация опережала экономическую. Порой экономические условия для интеграции и вовсе отсутствовали. Государственный национализм и политические лидеры, создававшие его архитектуру, порой игнорировали сформировавшиеся за длительный период хозяйственные связи и контакты, приводили к территориальной дискретности этнических групп. Основной задачей была национальная консолидация и интеграция. Когда она выполнялась, как правило, возникал приоритет экономических связей в национальном сознании. Но концепция интеграции по хозяйственному признаку входила в конфликт с концепцией интеграции на основе религии и культуры, на политической основе. Так в арабском мире и по сей день не утихает дискуссия о соотношении «кауумийя» (народ как «сообщество сердец и душ») и «ватанийя» (отечество как единство территории). Каумийя – идеология панарабизма, а ватанийя – арабского национализма [Expectant Peoples, 1967].

Основными доминантами политических систем Востока во 2-й половине XX в. стали этатизм и авторитаризм. Государство и лидер выступали главными силами в интеграции разрозненных в культурно-этническом и хозяйственном аспектах социальных образований. Содержанием понятия «государство-нация» является ощущение идентификации данного социума с конкретным политическим образованием. Со стороны государства это осуществление политики, нацеленной на создание и укрепление государственности, сформированной в рамках территориальных границ, направленной на устранение племенной, этнической и конфессиональной автаркии и сепаратизма, как препона для национальной и социально-экономической интеграции [Этингер, 1972, с. 115].

На Востоке, как правило, конфигурация «государство-нация» (государственно-го национализма) персонифицирована в фигуре политического лидера, являющегося воплощением концентрации власти в государстве. Лидер и государство формируют суперэтническую общность, которая уравнивает и создает баланс между этносами, в нее входящими.

Как уже отмечалось «этническое» и «национальное» является характеристиками разного порядка. Этническое это ступень на пути к национальному, дополненная общностью территории, среды обитания, языка, религии, специфики менталитета, традиций. Однако совокупность этих признаков не приводит к созданию нации.

Влияние этнической составляющей на формирование нации относительно. М.С. Лазарев отмечает, что характеристики этноса включают несколько признаков, из которых сложно выявить основополагающий, определяющий. Это делает характеристики условными, и конституирующую роль приобретает специфика социально-исторического и политического развития общества [Лазарев, 1967, с. 33]. Историческое развитие арабского мира показывает, что даже относительная этническая гомогенность не формирует единой общности. Многие государственные образования на Востоке носят полиэтнический и поликонфессиональный характер, создавая преграды к национальной интеграции. Это служит источником постоянного напряжения и дестабилизации. Помимо этнических существуют локальные образования и движения. Это социальные группы интегрированные сами по себе, вне этносов и нации.

Приверженцы национальной и наднациональной интеграции считают этничность и локализм реликтами прошлого, отрицая их роль в современном мире. Апологеты панарабизма называют чувство территориальной принадлежности (у этноса, нации) «пережитком животного начала» [*Arab Nationalism*, 1962, p. 227].

Столь же относительный признак – общность территории – в силу миграционных процессов, особенно у кочевых народов. Учитывая кочевой образ жизни, у арабов трудно увидеть совпадение экологического и географического ареалов с этническим.

Средством консолидации нации и ее специфической характеристикой является язык. Но и его роль в формировании нации неоднозначна. Высокая степень языковой гетерогенности не препятствует созданию государства – нации (Индонезия, Индия), а наличие языковой гомогенности (арабы) не приводит к созданию единого государства.

Таким образом, объективные критерии формирования нации (общность территории, этнические характеристики, общность языка и т.п.) носят условный характер. Наличие вышеуказанных признаков может привести к формированию нации, а может и нет. Э. Кедури отмечает, что «составные части формирования национализма... дезориентируют людей в достижении их целей и ведут к самообману» [*Nationalism in Asia...*, 1970, p. 30]. Б. Шейфер видит в национализме «веру, которая не имеет реальной основы, которой придерживаются индивиды, пытаясь найти ответ на необъяснимое» [Shafer, 1972, p. 313].

В основе формирования нации лежит коллективная воля, пассионарность социальных образований, это примат субъективного над объективным. Л. Биндер полагает, что «общность языка, менталитета... зависят от предварительного психоэмоционального принятия нации как основы политической общности». По его мнению, национализм это порыв, субъективное чувство, не имеющее рационального объяснения [Binder, 1964, p. 76].

Г. Кон и К. Силверт солидаризируются с выводом Л. Биндера, отмечая, «нация формируется решимостью создать нацию» [Kohn, 1955, p. 101], в основе национализма «чувство, идея, эмоциональная установка» [*Expectant Peoples*, 1967, p. 17]. Синтез воли и сознания лидера и социума – главные инструменты создания национальной идеологии формирования «государства – нации». Фундаментом национального единства выступают психологические, а не этнические и социально-экономические детерминанты. Абдалла аль-Алайили, характеризуя феномен арабизма, писал о том, что общность должна быть в сердце, поскольку вера более прочный фактор, нежели разум, «то, что утвердилось в сердце, формирует ум, тогда как обратная связь совершенно не обязательна» [Nuseibeh, 1959, p. 59]. К. Дейч и Э. Шилз видят фундамент национализма в самосознании, в материализованной системе образов [Deutsch, 1967, p. 173; Shils, 1975, p. 390].

Анализируя источники формирования национализма, следует отметить, что значение имеют как объективные факторы (вторичные), так и субъективные (первичные), находящиеся во взаимозависимости.

1. Объективные: территория, язык, менталитет.
2. Субъективные: воля, сознание, пассионарность, харизма лидера.

Синтез этих факторов приводит к рождению нового качества социально-политической интеграции. Важны не только сами характеристики общности, а по мнению Ю.В. Бромлея, функционирование этих характеристик, как разграничителей с другими нациями и этносами [Бромлей, 1973, с. 56–57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1.Алаев А.Б. Рец. на монографию Володина А.Г. Буржуазная оппозиция в социально-политической структуре Индии. М., 1982.
- 2.Беленький А.Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии 1912–1942. М., 1978.
- 3.Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
- 4.Васильев А.С. История Востока. Ч. 2. М., 1998.
- 5.Воронин С.А. Анвар Садат: Эволюция внешнеполитического курса в процессе решения ближневосточного конфликта. М., 1997.
- 6.Воронин С.А. Политическое лидерство на мусульманском Востоке во второй половине XX века (на примере внешнеполитических концепций А. Садата, Р. Хомейни, А. Акаева). М., 2000.
- 7.Ерасов Б.С. Цивилизации, универсалии и самобытность. М., 2002.
- 8.Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под. ред. Воскресенского А.Д. М., 2008.
- 9.Лазарев М.С. К национальной ситуации на современном Востоке. Методологический подход //Национальные проблемы современного Востока, М., 1967, с.33
- 10.Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли (1917–1945). М., 1979.
- 11.Ли В.Ф. Введение // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.
- 12.Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.
- 13.Севортян Н.Э. Исторический опыт жесткой власти (индонезийский пример) // Авторитаризм и демократия в “третьем мире”. М., 1991.
- 14.Ульяновский Р.А. О характере национализма в развивающихся странах Азии и Африки // Проблемы международной политики КПСС и мирового коммунистического движения. М., 1977.
- 15.Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
- 16.Этингер Я.Я. Международные отношения в Африке. М., 1972.
- 17.Arab Nationalism. An Anthology. Berkley & L.-A., 1962.
- 18.Binder L. The Ideological Revolution in the Middle East. N.Y., 1964.
- 19.Deutsch K.W. Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1967, p. 173; Shils E. Center and Periphery. Essays in Macrosociology. Chicago, 1975.
- 20.Expectant Peoples. Nationalism and Development. N.Y., 1967.
- 21.Nationalism in Asia and Africa. L., 1970.
- 22.Nuseibeh N.Z. The Ideas of Arab Nationalism. N.Y., 1959.

S. Voronin

STATE NATIONALISM AS A KIND OF LEGITIMIZATION OF POLITICAL LEADERSHIP IN THE EAST

Abstract: Specific character of political leadership in the East in the 20-th century is closely related to the problem of colonialism and its legacy that had an influence on the political culture of oriental societies. That is one aspect of the problem. Synthesized and combined society that arose in the East in the course and as a result of colonialism, having obtained its independence, set new political leaders a problem of legitimization of their powers of authority. Exactly the means, the types of legitimization could be the basis of the classification of the political leaders in the East in whole and in Moslem region particularly in the author's opinion.

Key words: legitimization, leadership, the East, этатизм, colonialism.

МОЛОДЕЖЬ И НАРКОТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы и выявляются основные причины молодежной и подростковой наркомании в современной России, подчеркивается, что тенденция наркотизации этой части населения в последние пятнадцать лет имеет устойчивую тенденцию к росту, что дает возможность, к сожалению, вести речь о сформировавшейся в нашей стране специфической молодежной наркотической субкультуре. В статье высказывается действительная озабоченность и тревога за судьбу втянутого в наркотический омут подрастающего поколения, которое практически лишено будущего.

Ключевые слова: наркомания, наркотизация, молодежь, современная Россия, наркотическая субкультура.

В последнее десятилетие ситуация со злоупотреблением наркотиками и их незаконным оборотом в Российской Федерации продолжает обостряться. Особый смысл наркоугроза приобретает еще и потому, что наркомания, как смертоносный омут, затягивает будущность России - ее молодое поколение. Если в середине 90-х гг. средний возраст зарегистрированных наркоманов составлял 21 год, к концу 90-х гг. - 18 лет, то в начале XXI в. - 12-14 лет [1]. Уровень заболеваемости наркоманией среди подростков примерно в 2 раза выше, чем среди населения в целом. Подростки злоупотребляют наркотиками в 7,5 раза, а ненаркотическими (ПАВ) веществами - в 11,4 раза чаще, чем взрослые.

Ситуация усугубляется тем, что в недалеком прошлом ранняя алкоголизация и токсикомания преимущественно поражали детей из неблагополучных семей, родители которых вели асоциальный образ жизни. Сегодня численность молодых наркоманов пополняется в не меньшей степени подростками из благополучных слоев общества, семей с высоким достатком. Согласно экспертным оценкам специалистов, число потребителей наркотических средств в сентябре 1991 г. составляло около 1 млн. человек, в 1995 году - 1,5 млн., в 1997 г. превысило 2 млн. человек. За пять лет - с 1995 по 2000 гг. количество потребителей наркотиков возросло почти в 3,6 раза, к 2003 г. превысило 3 млн. человек, а к 2008 г., по различным данным, достигло 6-8 млн. человек [2]. Согласно принятым Всемирной организации здравоохранения нормам, на учет становится лишь каждый 50-й наркоман. Следовательно, пересчет на этот коэффициент позволяет предположить, что реально эта цифра несопоставимо выше.

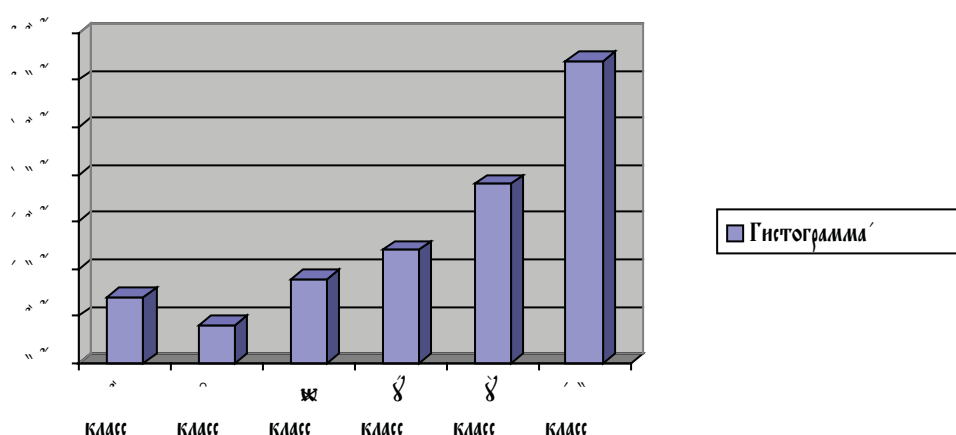
Эти цифры - лишь информация для более глубоких размышлений и ответов на ставшие почти традиционными в России вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» В чем причина массовой подростковой и молодежной «наркоэпидемии» и что делать с теми, кто в столь раннем возрасте приобщился к наркотикам? Как быть с тем, что нынешние подростки и школьники, опустившиеся на «наркотическое дно», завтра придут в студенческие аудитории, а послезавтра - вольются в число дипломированных специалистов и каждый в своей мере будет определять социальное лицо нашего общества и перспективы его развития?

Особая опасность наркомании для общества состоит именно в том, что она ведет к интеллектуальной деградации тех, кто должен составить новую образованную и

* © Кирсанов А.И.

квалифицированную элиту государства. В этом отношении *тенденция снижения возраста вновь пристращающихся к наркотикам* выглядит удручающе: сегодня в России около 60% потребителей наркотиков составляют молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, а подростки злоупотребляют наркотическими средствами в 11,4 раза чаще, чем взрослые. В исследовании, проведенном в рамках реализации программы «Знания для противодействия ВИЧ/СПИДу в Российской Федерации» (2002-2005 гг.) отмечается, что 21% делали первую наркоинъекцию в возрасте до 15 лет, 64% - в возрасте 16-20 лет, 9% - 21-25 лет и 6% - старше 26 лет [3]. Из ниже приведенной гистограммы видно, что приобщение к наркотикам начинается еще в школьном возрасте (причем предпочтения в приобретении наркотических и иных психоактивных веществ отдается опять-таки школе, особенно старшим товарищам и одноклассникам).

Возрастной уровень наркотизации школьников [4]

Разумеется, дать точные данные о потреблении наркотических средств в медицинских целях среди молодежи и подростков сегодня не представляется возможным по объективным обстоятельствам. Согласно опросу, проведенному Центром социологических исследований Министерства образования Российской Федерации, на вопрос: «По Вашему мнению, какой процент молодежи Вашего региона, потребляющей наркотики, учтен в официальной статистике?» эксперты – специалисты по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, наркологи, члены комиссий по борьбе с наркоманией администраций различного уровня Северо-западного и Южного федеральных округов – дали примерно однозначный ответ: от 15,1 до 20,2 % соответственно [5].

Особая опасность наркомании в подростковой и молодежной среде состоит и в том, что генетически иммунитет молодых людей, сопротивляемость к воздействию наркотических средств еще достаточно слабы, психические состояния исключительно подвижны, и привыкание к наркотикам наступает иногда с первых доз употребления. Автор, занимаясь проблемами социального противодействия наркомании и борьбы с наркобизнесом более 20 лет, пришел к выводу, что основные причины и мотивация употребления наркосодержащих и психоактивных веществ в подростковом и молодежном возрасте относительно *стабильны*. Глубоко ошибается тот, кто думает, что наркомания характерна для социально неблагополучных и недостаточно обеспеченных или, наоборот, элитных слоев общества - эти факторы, безусловно, играют свою негативную роль в приобщении к наркотикам, но главным, тем не менее, остается *личностный фактор*: наркомания не поражает всех без разбора. Это подтверждается

данными парламентских слушаний по проблемам незаконного оборота наркотиков, в которых из перечисленных причин *первичного приема наркосодержащих веществ* в качестве наиболее важных выделены: любопытство; неверие во вредность наркотиков; желание противопоставить себя другим; одиночество и подавленность; ощущение своей личной ненужности; разочарование в жизни; разочарование в близком человеке; потрясения, вызванные гибелью близких; желание забыться или уйти хоть на время от жизненных проблем [6].

Разумеется, это не единственные причины. Скатыванию в наркобездну в значительной мере способствуют:

1. *Воздействие молодежной субкультуры*, ведущими ценностями которой являются свободное гедонистическое времяпровождение в сочетании с определенным стилем жизни. Если в недалеком прошлом ранняя алкоголизация и токсикомания преимущественно поражали детей из неблагополучных семей, родители которых вели асоциальный образ жизни, то сегодня численность молодых наркоманов пополняется в не меньшей степени подростками из благополучных слоев общества, семей с высоким достатком. Как правило, в подобных случаях гипоопека и невысокие морально-этические нормы, сложившиеся в семье, сочетаются с финансовой свободой подростков, связанной с легко доступными деньгами.

2. *Снижение превентивной психологической защиты и низкий ценностный барьер* у большинства детей и подростков. Несовершеннолетний, начинающий принимать наркотики, находится в своеобразной социально-психологической ситуации: с одной стороны – массовое распространение наркотиков, мощный прессинг рекламных предложений нового стиля жизни и новых ощущений, связанных с наркотизацией, в сочетании с доминирующими у подростка мотивами любопытства и подражания, с другой – растерянность и некомпетентность родителей, педагогов, социальных работников, с третьей – борьба правоохранительных систем с потребителями наркотиков и других психоактивных веществ.

3. *Индивидуальные особенности психики*, являющиеся пусковым механизмом начала употребления наркотиков и последующего злоупотребления ими, – индивидуальная дисгармоничность, наследственная генетическая дефицитарность, врожденные аномалии характера, проявляющиеся в виде негативных аффективных и поведенческих расстройств и т.д.

4. *Низкий уровень информированности населения о профилактике наркотической патологии* и малая доступность квалифицированной бесплатной консультативной и лечебно-реабилитационной помощи детям и подросткам, больным наркоманией, и превентивной помощи лицам, только приобщающимся к употреблению ПАВ. По данным НИИ наркологии РФ, около 60% опрошенных детей и подростков и 28% взрослых не представляли, куда можно обратиться при появлении наркотических проблем (при этом в основном население ориентировано на анонимную наркологическую помощь) [7].

5. *Низкий уровень общего физического здоровья детей и подростков*. По данным Министерства здравоохранения РФ, из 6 миллионов подростков в возрасте 15 – 17 лет, прошедших профилактические осмотры, у 94,5 % были зарегистрированы разные заболевания, основные из которых – близорукость (за время обучения число детей с близорукостью увеличивается в пять раз), заболевания опорно-двигательного аппарата, органов дыхания, пищеварения, нервной системы, причем распространенность заболеваний, ограничивающих выбор профессии, достигает 30%. Распространенность психических заболеваний среди детей и подростков возрастает каждые 10 лет на 10-15%, частота психических заболеваний достигает у детей 15%, у подростков – 20-25%.

Психические заболевания являются причиной инвалидности с детства в 70% случаев, непригодности к военной службе - в 33% случаев. В детских домах психически здоровы лишь 10% детей, а в приютах практически все дети имеют клинически выраженные нервно-психические расстройства, причем треть из них – в стадии декомпенсации [8].

6. *Неадекватная система воспитания* в элитных школах, гимназиях, колледжах, являющихся своеобразной экспериментальной базой для внедрения новых «прогрессивных» методов обучения. На этой причине следует остановиться особо. Программы обучения в элитных образовательных учреждениях, как правило, не сертифицированы гигиенистами и внедряются без участия органов здравоохранения (только в Москве в 2005 году при проверке образовательного процесса выявлено около 350 авторских программ, которые не проходили санитарно-гигиеническую и медицинскую экспертизу). Жесткие учебные нагрузки далеко не всегда соответствуют возможностям растущего организма (например, с компьютеризацией, которой гордятся все элитные негосударственные образовательные учреждения, связывают возникновение заболеваний органов зрения 40% школьников). По данным Министерства здравоохранения России, до 50% гимназистов заканчивают учебный день с признаками сильного переутомления (в общеобразовательных школах таких школьников 20-30%); у 55-83% учащихся школ нового типа диагностируется повышенная невротизация; более половины учеников этих школ имеют хронические болезни, а среди практически здоровых - две трети детей имеют морфофункциональные изменения [9]. В конечном итоге пристрастие к наркотикам есть фактор утраты качеств суверенной личности, ее правовой, нравственной, психической и физической деградации.

7. *Легкая доступность* наркотиков и других психоактивных веществ. Около 60% опрошенных несовершеннолетних, употребляющих наркотики и токсические вещества, отмечают относительную несложность их приобретения – в школах, на дискотеках, в кафе, в хорошо известных местах на улицах, в парках, а также на квартирах распространителей и торговцев наркотиками [10]. Наркодельцы давно определили для себя образовательные учреждения как мини-рынки сбыта наркотиков и противостояния мощным наркогруппировкам.

8. *Низкий уровень функционирования социального механизма противодействия наркотизации молодежи и подростков в обществе.* Под социальным механизмом противодействия наркотизму понимается деятельность социальных субъектов, в первую очередь, базовых институтов общества – права и закона, здравоохранения, медицины, образования, культуры, семьи, а также иных общественных организаций по профилактике злоупотреблений наркотиками, лечению и реабилитации наркозависимых лиц. Результативность противодействия наркотизации на уровне институциональной структуры во многом зависит от взаимного соответствия формальных норм и реальной практики борьбы с наркоманией. Если на уровне формальных норм выработана относительно действенная государственная антинаркотическая политика, то на уровне социальных институтов, обеспечивающих ее реализацию проблем более чем достаточно. Употребление несовершеннолетними и молодежью алкоголя, наркотических и других психоактивных веществ – это реальная угроза здоровью населения, социальной сфере, генофонду нации, в целом безопасности общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ли В.А., Ли К.В. Наркотики. Трагедия для родителей, беда для общества: Краткая грамматика профилактики подростковой наркомании. - М.: Информэлектро, 2001. - С.7.

2. Наркомания в России в оценках социологов. – М.: ИАГ ВЦИОП, 2007. – С.17.
3. Барбашин И.В. О распространении наркотиков в России и мерах их профилактики и борьбе с наркоугрозой // Аналитический вестник Совета Федерации РФ. - 2005. - №34. – С.9.
4. Статистика подростковой наркомании. НИЦ «Регион» УАГУ. // <http://navigator.simb.ru/p63.htm>.
5. Экспертная оценка состояния противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в субъектах Российской Федерации. Приложение 2-1. Южный федеральный округ. Приложение 2-2. Северо-западный федеральный округ. – М.: Министерство образования России, Центр социологических исследований, 2002. - С.10,11.
6. Стенограмма парламентских слушаний «Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности и целостности России», 2001. - 26 октября.
7. Неверов В.Н. Особенности психофизиологической адаптации и риск формирования наркозависимости у студентов // Наркоугроза и противодействие. - М.: МОСУ, 2000. - С.122.
8. Стешиц В.К. О личности наркомана и мотивах потребления наркотических веществ // Interfax. - 2001. - 18 апреля.
9. Неверов В.Н. Особенности психофизиологической адаптации и риск формирования наркозависимости у студентов. – С.89.
10. Виноградова О.Е. Наркомания: сравнительный анализ социальной политики европейских стран // Социальная политика и социология. – 2007. - №3. – С.56.

A. Kirsanov

YOUTH AND NARCOTICS IN MODERN RUSSIA

Abstract: In this article are considered actual problems and main causes of drug addiction among the youngsters in modern Russia, underlines, that tendency of narcotisation of this part of population in last fifteen years has stable growth. This fact gives an opportunity to speak about specific drug subculture of youngsters, generated in our country. In this article states the real worry about the destiny of young generation involved in this slough of drugs and actually deprived of the future.

Key words: narcotic, drug addiction, youngsters, modern Russia, drug subculture.

МИРОВЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ И ПОСТАВЩИКИ НАРКОТИКОВ*

Аннотация: В статье «Мировые производители и поставщики наркотиков» автор анализирует динамику и географию производства и сбыта наркотиков в мире. Показаны усилия государств и правительств по противодействию наркобизнесу.

Ключевые слова: наркобизнес, наркотики, динамика, география, производители, поставщики, противодействие наркобизнесу.

Среди глобальных угроз современности особо сегодня особо следует выделить транснациональный наркобизнес как одну из самых серьезных угроз человечеству, глобальную угрозу экономике, правопорядку, национальной безопасности и здоровью населения государств во всем мире. Наркобизнес – крупнейшее преступление перед человечеством, его последствия сопоставимы с последствиями войны с применением ядерного оружия: в обоих случаях подрываются основы существования цивилизации.

Сегодня традиционно производство наркотиков сосредоточено в трех районах: Золотой полумесяц (Golden Crescent) – Афганистан, Пакистан и Иран; Золотой треугольник (Golden Triangle) – Мьянма, Таиланд и Лаос и Центральная Америка (Central America) – Колумбия, Перу, Венесуэла, Боливия. Однако если регион Центральной Америки никогда не играл лидирующей роли в мировом производстве опия-сырца и героина, сосредоточиваясь на выращивании куста коки и крэка, то Золотой полумесяц и Золотой треугольник на протяжении всей второй половины XX века оспаривали сомнительное первенство в объемах производства опийных наркотиков.

К началу третьего тысячелетия (2001 г.) интенсивный рост посевов опийного мака и производства героина в Афганистане разорил производителей опийных наркотиков в странах Золотого треугольника. В настоящее время в Афганистане производится героина больше, чем когда-либо за всю историю этой страны. В результате к 2003 г. Афганистан стал мировым монополистом в производстве героина.

Попытки мирового сообщества решить данную проблему не дают никакого эффекта. В условиях отсутствия реальной власти Кабула над всей территорией страны средства, выделяемые международными организациями на замещение посевов мака другими сельскохозяйственными культурами, расходуются на прямо противоположные цели. В 2004 г. Правительство Хамида Карзая предложила афганским земледельцам 1250 долларов за каждый уничтоженный гектар опийного мака, в то время как скупщики сырья для нарколабораторий предлагали 16000 долларов за урожай с одного гектара (а в этих климатических условиях можно собирать по два-три урожая в год). Ситуация, связанная с культивированием опия в Афганистане, не является стабильной и постоянно меняется, притом не всегда в лучшую сторону. Если в 2003 г. опийный мак высевался на площади в 80 тыс. га, то уже в 2004 г. данная культура выращивалась на 131 тыс. га. Только за один год (2003-2004) площадь земель, занятых посадками опия, увеличилась на 64%¹.

В 2006 году, по оценкам Управления по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций (УНП ООН), ситуация в Афганистане ухудшилась. Не получив обещанной помощи в развитии традиционного сельского хозяйства от правительс-

* © Курсанов А.И.

тва страны, афганские крестьяне вернулись к культивированию опийного мака, в результате чего площадь маковых полей увеличилась по сравнению с 2005 г. более чем в полтора раза и составила 165 тыс. га. В 2007 году Афганистан произвел 8200 тонн опиума-сырца, из которых там же было изготовлено 820 тонн чистого героина (на 1 кг героина нужно 10 кг опия). Никакой другой экономики, кроме героиновой, в Афганистане просто нет. «Урожай смерти» приносит свыше 100 млрд. долларов в год².

Афганистан сегодня – настоящее наркогосударство. Выращиванием опийного мака занимается более 3 млн. человек, и эта цифра неуклонно растет. Уничтожение посевов мака вызывают озлобление и противодействие местного населения. Попытки склонить крестьян к переходу на другие сельскохозяйственные культуры практически провалились, так как доходность от наркопосевов несравненно выше. Талибы, противостоя международным силам, поощряют выращивание опиумного мака на контролируемых ими территориях, достигая, таким образом, укрепления своего влияния³.

За последние годы Афганистан инвестировал в другие страны объемы денежных средств (поступивших от наркотиков), превышающие объемы полученной зарубежной помощи. По данным экспертов УНП ООН, прибыль от продажи опиатов равна 2,8 млрд. долларов США в год, что составляет около одной трети валового национального продукта Афганистана⁴.

Наркобизнес чувствует себя настолько уверенно, что в течение последних пяти-семи лет производство героина было освоено на крупных фармацевтических предприятиях в Пешаваре (Пакистан) и Желалабаде (Афганистан), не говоря уже об огромных нарколабораториях, способных перерабатывать десятки тонн опийного сырца в сутки (таких лабораторий сегодня насчитывается более 400). От 60 до 80 процентов валового внутреннего продукта Афганистана составляют доходы от наркоторговли.

Действительной кокаиновой империей являются страны Андского треугольника – Колумбия, Перу и Боливия. Их объединяет не только географическая близость, но, главным образом, полная мировая монополия производства коки, полуфабрикатов кокаина, его гидрохлорида и большей части рафинированного наркотика и тесная кооперация между наркодельцами этих стран под эгидой колумбийской наркомафии, которая уже давно вышла за пределы американского континента. Колумбия занимает ведущее место среди этих стран по производству наркотиков, в частности, коки и является крупным поставщиком на мировой рынок героина и марихуаны. Производство наркотиков в Боливии нацелено на экспорт в США и страны Западной Европы, где цены на героин выше, чем на североамериканских рынках. В Европу колумбийский героин переправляется, главным образом, морскими путями через испанские порты. Мощности Колумбии по изготовлению кокаина оцениваются примерно в 350-500 т. Масштабы наркопроизводства внутри страны огромны: наркотики производятся в 23 из 32 департаментов. Несмотря на то, что в последнем десятилетии XX века на уничтожение посадок коки и мака было потрачено 625 млн. долларов, площадь их посевов увеличилась почти втрое⁵.

Другой активный участник Андского треугольника – Перу – до конца двадцатого столетия имела самые большие в мире площади под посадками коки и только в начале третьего тысячелетия уступила свое первенство Колумбии. Наркобизнес в Перу является теневой частью экономики и оказывает влияние практически на все стороны социально-экономической жизни. Значительная часть экономически активного населения, в первую очередь, жители сельскохозяйственных районов, в той или иной мере связаны с производством, переработкой и распространением наркотиков. По различным источникам, их численность в начале нового столетия превысила 1 млн. человек. Доходы крестьян – владельцев земельных участков средних размеров

за счет выращивания коки колеблются от 500 до 1200 долларов в месяц, что значительно превышает доходы тех, кто занимается производством продовольственных и технических культур. При этом особого внимания заслуживает тот факт, что к концу XX века Перу из страны – производителя наркотиков превратилась в крупного их потребителя. Как и в соседней Колумбии, в Перу хорошо отлажены и десятилетиями проверены взаимовыгодные связи с уголовным миром, партизанскими и экстремистскими организациями. В целом весь наркобизнес в Перу контролируется восемью мафиозными организациями, имеющими между собой родственные связи.

Третьим в мире производителем листьев коки и кокаина после Колумбии и Перу является Боливия. Ее зависимость от наркодоходов значительно сильнее, чем в других странах Андского треугольника. В конце 90-х гг. наркоиндустрия приносила Боливии примерно 1 млрд. долларов, в то время как весь ВВП Боливии составлял 8 млрд. долларов. Доходы наркомафии в этот же период составляли в среднем 2,5 млрд. долларов в год⁶. Из 7,5 млн. человек населения Боливии, по разным данным, от 200 до 300 тысяч напрямую связаны с выращиванием кустарника коки, культивирование которого в Боливии столь же традиционно, что и в Перу. Примерно такое же количество боливийцев вовлечено в сферу наркоторговли. В общем итоге разведением коки занята примерно пятая часть крестьянства (в основном индейцы, у которых кока имеет давние корни). В Настоящее время Боливия является удобным плацдармом для переправки кокаина в соседние страны – Бразилию, Чили, Парагвай, а также в Центральную Америку (Мексику, США) и далее – в Европу и Азию.

Растущим производителем наркотиков и транзитным узлом в Центральной Америке является Мексика. По структуре наркобизнеса и по производству наркотиков Мексика заметно отличается от стран Андского треугольника. Она занимает четвертое место в латинской Америке по суммарному производству наркотовара растительного происхождения и значительно превосходит любую страну Андского треугольника по производству синтетических наркотиков. Кроме того, этой стране наряду с Колумбией принадлежат ведущие позиции в регионе по выращиванию опийного мака и производству героина.

В последнее десятилетие XX века, несмотря на большие усилия мексиканского правительства по уничтожению посевов, площадь под опийным маком увеличилась в 1,5 раза, хотя ликвидация посевов за это время увеличилась в 2 раза. (Эксперты объясняют этот феномен искусным сокрытием посевов наркотических растений среди легальных сельскохозяйственных культур – кукурузы, папайи, бананов; перенесением плантаций на другие места; ротацией марихуаны и мака на одних и тех же участках за счет разницы их производственных циклов; ирригацией и применением новейшей агротехники). На этих плантациях заняты 50 тыс. крестьянских семей⁷.

По транзиту наркотиков в США (в основном кокаина) Мексика занимает первое место в Латинской Америке – протяженность границы между Мексикой и США по суше составляет 2600 км. Значительная часть наркотиков попадает в Мексику и далее в США морским путем. По оценке американских экспертов, через Мексику в Соединенные Штаты поступает до 50% всего кокаина, потребляемого в этой стране⁸. Влияние наркобизнеса сказывается во всех областях жизни Мексики, однако, мексиканские эксперты правомерно считают, что степень наркотизации ее меньше, чем в андских или карибских странах в силу ее большей диверсифицированности и масштабы.

О транснационализации наркобизнеса, его наступательной стратегии в начале третьего тысячелетия свидетельствуют следующие данные. По приблизительным подсчетам, на сегодняшний день по всему миру свыше 200 млн. человек употребляют

наркотики различного вида. В том числе примерно 140 млн. человек курят марихуану - самый распространенный наркотик; кокаин употребляют 13 млн. человек, героин - 8 млн., 30 млн. человек злоупотребляют стимуляторами амфетаминового ряда. Количество потребителей наркотиков увеличивается с каждым годом, причем в основном за счет поражения наркотиками наиболее уязвимой части населения - молодежи. В некоторых странах число школьников и совершеннолетних молодых людей, которые, по собственному признанию, пробовали потреблять марихуану, составляет 37 %⁹.

Наркоиндустрия является достаточно устойчивой из-за постоянного спроса и приносит немалые прибыли в связи с отсутствием сколько-нибудь серьезной конкуренции между организациями, занимающимися этим видом преступного бизнеса. Оборот мировой наркоиндустрии оценивается экспертами ООН примерно в 400 млрд. долларов в год, что составляет около 8% оборота всей международной торговли. Еще в 2005 году в докладе ООН о положении с наркотиками в мире отмечалось, что мировой оборот наркобизнеса в отдельные годы превышал оборот мирового рынка автомобилей или мирового рынка черных металлов. Одни только колумбийские картели, представленные более чем 500 компаний, в конце 90-х гг. XX века извлекали из торговли наркотиками в США 20 млрд. долларов ежегодной прибыли. Для сравнения отметим, что суммарно национальные бюджеты Колумбии, Боливии и Перу составляли на тот момент лишь около 9 млрд. американских долларов ежегодно³.

Транснациональные наркосиндикаты в преступной деятельности используют самые современные средства вооружения и боеприпасы, системы электронного оснащения, новейшие методы обеспечения собственной безопасности. Часть прибыли, полученной от торговли наркотиками, наркодельцы направляют на приобретение аппаратуры связи, шифровальных устройств, радио с использованием скоростного измерения частоты, приемников для выявления радаров. По оценкам специалистов, наркобизнес ежегодно вкладывает около 125 млн. долларов в закупку новой «техники сигнальной разведки». Ежегодно у наркопреступников из всех регионов мира изымается около 100 тыс. единиц огнестрельного оружия; выявляется свыше 500 тайных взлетно-посадочных полос и площадок, плюс примерно такое же количество летательных аппаратов, используемых наркосиндикатами, сбивается во время перелета или конфискуется. Несмотря на это, ежедневно осуществляется около 300 вылетов с незаконным грузом наркотиков¹⁰.

Транснациональный размах преступной деятельности позволяет преступникам использовать каналы быстрого и относительно надежного аудио- и видеоконтакта. Так, наибольшее распространение получают случаи использования глобальной информационной сети Internet для заключения бесконтактных сделок. По сообщениям агентства Reuters, наркоторговцы и их клиенты все чаще заключают сделки в «private-room» (закрытых комнатах) чат-каналов, защищенных от постороннего взгляда программно-аппаратными средствами. Отследить подобные сделки практически невозможно. Internet-аптеки выдают без рецепта психоактивные препараты. И, наконец, голландские и канадские компании через Internet торгуют по всему миру семенами каннабиса, травяным экстази, эфедринном.

Все чаще наркодилеры «отмывают деньги» через Internet-банки. Поскольку международный рынок наркотиков охватывает все регионы мира и практически каждую нацию, отмывание денег, полученных в результате торговли наркотиками, также приобрело транснациональный характер. Только в пределах Российской Федерации «отмывается» от 2 до 7 млрд. наркодолларов - эти средства затем фактически беспрепятственно перемещаются за рубеж¹¹. В этом свете становится реальной оценка, согласно которой ежегодно в мире легализуются (отмываются) доходы, полученные в

результате наркобизнеса, в размере 300-800 млрд. долл. США. Если бы удалось перекрыть основные каналы отмывания наркодолларов, то наркобизнес в немалой степени потерял бы свою привлекательность - баснословные доходы от наркооборота, исчисляемые миллиардами долларов, невозможно хранить «в чулке». Однако перекрыть каналы не удастся, ибо существует множество методов отмывания наркодолларов, и слишком могущественные силы наживаются на этих операциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 См.: См.: Хохлов И.И. Производство опийных наркотиков (героина) в Афганистане: инфраструктура наркобизнеса (<http://www.nationalstcurity.ru/library/00021/>)..
- 2 См.: Степенин М. Против нас развернута полномасштабная героиновая агрессия //Труд. – 2009. – 13 марта.
- 3 См.: Хохлов И.И. Производство опийных наркотиков (героина) в Афганистане: инфраструктура наркобизнеса (<http://www.nationalstcurity.ru/library/00021/>)
- 4 См.: Там же. – С.53.
- 5 См.: Plan Colombiana. ANCOL. - Bogota, 2000. – P.8, 9.
- 6 См.: Por la Dignidad. Estrategia Boliviana de la Lucha contra el Narcotrafico 1998-2002. - La Paz, 2002. - P.6-7.
- 7 Подробнее см.: Транснациональный наркобизнес: Новая глобальная угроза. – С.90.
- 8 См.: Там же. – С.91.
- 9 См.: Всемирный доклад о наркотиках 2008. – С.78.
- 10 См.: Карасев А.М. Транснациональный наркобизнес // <http://bank.referatoff.ru/009857-1.html>.
- 11 См.: Фоменко С. ФСБ против наркомафии // <http://www.fsb.ru/smi/article/fomenko.html>.

A. Kirsanov

WORLD MANUFACTURERS AND SUPPLIERS OF DRUGS

Abstract: In the article author analyses the dynamics and geography of drug manufacturing and involvement of the citizens in this process. For example, author analyses the efforts of governments in state policy of drug circulation prevention.

Key words: arcobusiness, drug, dynamic, geography, manufacturing, involvement, struggle against narcobusiness and drug addiction.

ДЕЛО БИЗНЕСА – ДЛЯ ОБЩЕСТВА*

Аннотация: Статья представляет широкую и узкую трактовки корпоративной социальной ответственности. Обе трактовки сегодня определяют отношения российского бизнеса с государством, общественными организациями, сотрудниками и другими стейкхолдерами. Автор делает вывод о важности следованию широкой трактовки и описывает имеющиеся для этого исторические и современные предпосылки.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, ожидания общества.

В 1962 году в книге «Капитализм и свобода» американский экономист Милтон Фридман сформулировал принцип «дело бизнеса – это бизнес». Этот принцип и аргументация в пользу жесткой привязки социальных проектов к максимизации прибыли стали основой понимания корпоративной социальной ответственности вплоть до конца XX века, оказав весьма положительное влияние на бизнес-сообщество. Но сейчас такой подход стал казаться узким. Стало казаться, что он не отвечает интересам сотрудников, потребителей, государственных, общественных и иных организаций, связанных с компаниями. Более того, сегодня вытекающее из фридмановского подхода представление о корпоративной социальной ответственности (КСО) стало противоречить долгосрочным целям самих компаний и мешать осуществлению КСО как капиталобразующей активности.

Вместе с тем, в России по-прежнему многие представители бизнеса-сообщества воспринимают и реализуют КСО в ее узкой трактовке, смысл которой сводится к уплате налогов, созданию рабочих мест и производству качественных продуктов. В результате игнорирования международных рекомендаций более прозрачного ведения бизнеса и подготовки качественной корпоративной отчетности, в том числе нефинансовой, продолжает расти размер нереализованной рыночной стоимости российских компаний, который, по некоторым оценкам, уже составляет 1 трлн. долл.¹.

Развитие глобализации, общественных организаций и СМИ, изменение потребителя и многие другие факторы, приведшие в целом к изменению общества и экономики, определили необходимость по-новому, более широко взглянуть на корпоративную социальную ответственность. Сегодня в развитых странах КСО – это показатель культуры ведения бизнеса, неотъемлемая часть стратегического менеджмента и фактор социально-экономического развития регионов. Сегодня от того, как предприятия понимают свою социальную ответственность, зависит благополучие и среда обитания многих людей.

Активно отходить от узкого понятия КСО к широкому представителю международного сообщества стали в конце 1990-х. Новая, широкая трактовка КСО связывается с представлениями о необходимости «устойчивого развития», «корпоративного гражданства» и определяется тем, что включает экономические, правовые и этические ожидания, а также ожидания в области филантропии, возлагаемые обществом на коммерческие организации в конкретный период времени². Новая трактовка означает возросшую ответственность компаний перед обществом в экологической, экономической и социальной сферах, означает необходимость следовать бизнес-этике в

* © Яровой А.И.

широком смысле независимо от отраслевой принадлежности. Вместе с тем, КСО продолжает оставаться добровольной, что без сомнения правильно. КСО нельзя сводить к элементу государственной социальной политики или рассматривать ее в качестве некоего искупления. Так, добровольность КСО была подчеркнута в соответствующей трактовке, сформулированной Комиссией Европейского Сообщества в 2001 году, а также в стандартах и рекомендациях по международной нефинансовой отчетности.

Однако добровольность КСО не должна стать причиной легкомысленного отношения к ней. Игнорирование ключевых принципов КСО может существенно снизить рыночную стоимость компании, бизнес может стать менее стабильным в экономическом и социальном плане и одновременно более уязвимым к атакам стейкхолдеров. Поэтому КСО в ее широком понимании развивается так активно.

Сегодня КСО нацелена на формирование и поддержание стабильных условий ведения бизнеса. Опыт международных компаний демонстрирует подход, согласно которому они получают от КСО конкретные выгоды и преимущества аналогично другим направлениям работы по поддержанию внешней среды в состоянии, удобном для операционной деятельности. Получаемый от КСО эффект формирует лояльность и доверие к компании различных заинтересованных сторон. Поэтому КСО может выступать предметом и площадкой отношений с органами государственной власти, автоматически выполнять PR-функцию, способствовать эффективным отношениям с инвесторами, многогранно помогать менеджменту в области управления персоналом, содействовать маркетинговому и брэндинговому направлениям работы. Результаты влияния КСО в конечном итоге проявляются в росте стоимости акций и общем повышении экономической эффективности³.

Однако приобрести эти столь важные для современного бизнеса выгоды и преимущества можно, только если широкое понимание КСО на деле превращается в соответствующую практику.

В России к осуществлению КСО в широком понимании активно подталкивают не только современные факторы, но и убедительные исторические предпосылки и традиции. Во-первых, важно помнить о дореволюционной благотворительности и меценатстве. Этот опыт призывает не ограничиваться результатами, автоматически появляющимися из самой деятельности предприятия, а по мере возможности оказывать содействие культуре, науке, образованию, медицине и т.д. Во-вторых, обращает на себя внимание организованная в СССР система социальной поддержки градообразующих предприятий. Это меры, связанные, например, с обучением, отдыхом, социальными благами, и осуществляемые, в частности, в целях повышения производительности труда и развития предприятия. Таким образом, и благотворительность и своеобразная советская ответственность предприятий в свое время уже вышли за рамки узкого понимания КСО.

Сегодня число сторонников широкой трактовки КСО в России хоть и невелико, но их становится все больше. Одним из доказательств этого служит динамика увеличения числа корпораций, подготавливающих нефинансовые отчеты по международным стандартам и рекомендациям. Согласно национальному регистру РСПП сегодня уже более 60 компаний готовят нефинансовые отчеты, в то время как 3 года назад их было немногим больше 30, пять лет назад – почти 10, а восемь лет назад – всего 1⁴. В пользу развития темы говорит и внимание к ней СМИ, и ежегодно возрастающие объемы социальных инвестиций, и регулярные конференции специалистов, символизирующие, что КСО постепенно выделяется в отдельную сферу знаний.

К тому, чтобы выходить за рамки узкого понимания КСО подталкивает и объективная реальность в регионах – во многих областях по-прежнему остро стоит про-

блема с «унаследованной» социальной нагрузкой на предприятия. Ее возобновление – это та же современная социальная ответственность бизнеса, просто не всегда еще идентифицируемая руководством предприятий как таковая. Она может и должна трактоваться как КСО в широком смысле, для этого ее нужно лишь отчасти трансформировать согласно наработанным современным зарубежным стандартам и рекомендациям, чтобы она приносила более существенную отдачу для компании. Со временем станет актуальной тема не только возобновления угасшей, но и внедрения принципов корпоративной ответственности в тысячах предприятий и компаний среднего бизнеса, открытых в стране за последние 20 лет.

Таким образом, несмотря на развитие в России КСО в ее широком понятии, многие представители постперестроечного бизнеса все еще фокусируются на ее устаревшем, узком смысле. Недооценивая имеющуюся историю и опыт, а также современные условия ведения дел, ряд бизнесменов воспринимает КСО в ее широкой трактовке как привносимое чисто западное явление, смысл которого не всегда четко виден или «работает только в западных условиях». Конечно, трудности с развитием практики КСО в стране есть, но вместе с тем, сталкиваясь сегодня с ней, они забывают о том, что сама идея социальной ответственности бизнеса для России не нова. Об успешности перехода на современную идеологию КСО говорит и опыт передовых российских бизнес-структур. Сегодня широкое понимание КСО в стране объективно востребовано и имеет хорошую исторически подготовленную почву. Таким образом, в нашей стране в перспективе должны появиться основания говорить об изменении фридмановского высказывания: «дело бизнеса – для общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Будущее корпоративной отчетности. Как вернуть доверие общества. – М.: Альпина Паблишер, 2003. С.6
2. Business Ethics. Dirk Matten, Andrew Crane. 2007, Second Edition by Oxford University Press Inc., - стр. 49
3. Corporate Social Responsibility Handbook. Tony Hoskins. ICSA Publishing Ltd, 2007, - стр. 204
4. Развитие социально-ответственной практики. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов. РСПП, 2008, - стр. 14, стр.18.

A. Yarovoy

BUSINESS CASE – FOR SOCIETY

Abstract: The article describes broad and tight interpretations of corporate social responsibility. Both interpretations are relevant to define relations of Russian business with government, non commercial organizations, personnel and other stakeholders. Author comes to conclusion that there is a need to comply with broad interpretation and describes respective historic and modern background.

Key words: corporate social responsibility, sustainable development, society's expectations.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шестая научно-практическая конференция «Проблемы истории Московского края»

С 1999 года в МГОУ регулярно проводятся научные конференции, посвященные истории Московской земли. 15 декабря 2008 г. состоялась уже шестая конференция, посвященная 300-летию учреждения Московской губернии. В подготовке конференции приняли участие преподаватели МГОУ – факультета истории, политологии и права, а также кафедры истории России и Московского региона. Организационный комитет конференции возглавил декан факультета истории, политологии и права проф. Н.И.Смоленский. Финансовая поддержка была оказана Российским гуманитарным научным фондом совместно с правительством Московской области в рамках регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее».

Как известно, впервые Московская губерния была образована по указу Петра I от 18 декабря 1708 г. Столь значимая веха в истории Московской земли послужила не только поводом созыва конференции, но и обусловила ее содержание. Целью участников стало представить и обсудить результаты новейших исследований «губернского периода» в истории Московской земли, который охватывает более двух столетий: от учреждения губернии до ее упразднения в связи с образованием Московской области в 1929 г.

В конференции приняли участие как маститые ученые, так и начинающие исследователи, аспиранты; как ученые академических учреждений, так и преподаватели вузов, сотрудники столичных институтов, а также просветительских и образовательных учреждений нескольких городов Московской области. Всего было заслушано и обсуждено 32 доклада. Наиболее активное участие приняли представители Московского государственного областного университета и Коломенского государственного педагогического института.

Авторы докладов и участники дискуссии на конференции стремились прежде всего рассмотреть Московскую губернию с точки зрения определенного единства, выявить насколько оно имело место, в чем именно проявлялось и каким образом было связано с модернизационными процессами в столичном регионе России в эпоху нового времени. Рассматривались различные аспекты формирования данного пространства, которые были сгруппированы в рамках социально-экономической и социо-культурной проблематики, в соответствии с чем были образованы две основные секции конференции: «Московская губерния в XVIII – начале XX вв. как социо-культурное пространство» (руководитель: проф. О.В. Волобуев, МГОУ) и «Социально-экономическое пространство Московской губернии в XVIII – начале XX вв.: промышленность, торговля, финансы, сельское хозяйство» (руководитель: проф. Д.В.Ковалев, КГПИ).

В секции, посвященной социо-культурной проблематике, большое внимание уделялось мещанству, как одному из основных сословий населения подмосковных городов. В докладе А.И. Аксенова (Институт российской истории РАН) была выявлена особая устойчивость этого социального слоя на протяжении длительного периода, в течение XVIII и XIX веков, что проявилось в наличии целого ряда династий, составивших ядро городских обществ, в известном консерватизме мышления, стремлении сохранить традиционный уклад жизни. Участники дискуссии пришли к выводу о кон-

центрации уездного городского общества по семейно-родовому признаку. В докладе А.О. Ложкина (краевед, г. Дмитров) прослеживается история одной из таких семей, типичных для г. Дмитрова на протяжении трех веков. Утверждение идеологии рационализма, индивидуализма, личного успеха касалось лишь отдельных представителей данного сословия к началу XX в. Тем самым процесс модернизации социо-культурной жизни выглядит достаточно противоречивым, что отметила в своем докладе А.А. Зайцева (Российский институт культурологии). Сословие мещанства, которое оставалось основным городским сословием губернии, тем не менее, размывалось под воздействием миграции сельских обывателей. Как показал А.В. Долгопятов (Российский государственный социальный университет), этот процесс затронул только наиболее динамично развивающиеся города Подмосковья и в меньшей степени те уездные центры, которые переживали застой в торгово-промышленном развитии.

Другим важным аспектом социо-культурного пространства, привлечшим внимание участников данной секции, стало развитие просвещения, культуры и здравоохранения. Практически все доклады данной проблематики были посвящены второй половине XIX и особенно началу XX вв., причем авторам удалось показать, насколько значимые процессы происходили в культурной жизни столичной губернии в эту эпоху. Важно, что власть и представители верхов общества в это время предпринимают усилия в отношении культурной жизни широких слоев населения губернии, что способствует модернизационным процессам. Л.В. Климова (МГОУ) отметила активное и целенаправленное участия губернских властей в благотворительной, санитарно-просветительной деятельности. В.В. Тихонов (Институт российской истории РАН) посвятил свой доклад Московскому обществу народных университетов и участию в нем крупных ученых, в частности Б.И. Сыромятникова. Н.А. Александрова (Московский государственный университет культуры и искусств) выявила роль представителей рода Самариных в развитии просвещения в Богородском и других уездах губернии. Все большее значение приобретают массовые мероприятия с участием учащихся, молодежи, как это отмечено в докладе Н.С. Ватника (КГПИ) о праздновании в губернии 100-летия Отечественной войны 1812 г.. События самой войны 1812 г. также не остались без внимания участников конференции, в докладе И.Н. Федорова (школа № 10 г. Дмитрова) речь шла об общественных настроениях жителей Подмосковья во время нашествия Наполеона.

Не менее важной сферой, где происходили модернизационные процессы в рассматриваемую эпоху была и экономика края. Участники соответствующей секции продемонстрировали это на примере развития подмосковной металлургии, торговли, сферы обслуживания, землевладения, финансов и бюджета. Тенденции к обновлению замечены уже в XVII в., в частности при исследовании документации о владении недвижимостью в сфере промыслов, результаты которого представил М.Б. Булгаков (Институт российской истории РАН). Как показал докладчик, уже тогда традиционная официальная документация заменялась частно-правовыми актами, составлявшимися в предпринимательской среде. В докладе Е.А. Ломако (школа № 18 г. Коломны) выявлены новые тенденции в развитии экономической инфраструктуры Коломны в XVIII в., что связано не только с появлением крупных промышленных заведений, но и с возникновением предприятий в сфере обслуживания, мелкой розничной торговли, судоходства и т.п. И.Н. Юркин (Институт истории естествознания и техники РАН), рассмотревший обстоятельства ликвидации подмосковной металлургии в 18 в., отметил не только алчность графа П.И. Шувалова, но и подчеркнул экологический этих мер. В ряде докладов по историю финансовых органов и местных бюджетов в Подмосковье в XIX в., продемонстрирован противоречивый характер развития финан-

сов – стремление к централизации и попытки децентрализации вплоть до создания специальных местных налогов, взимаемых органами самоуправления. Я.В. Соловьев (МГОУ) показал, как губернская Казенная палата, учрежденная в конце XVIII в. с целью усиления роли местных органов в финансовом управлении, с самого начала оказалась в сильной зависимости от центральных властей, что представляет собой и ныне актуальную проблему. Л.Н. Соза (КГПИ) в отношении уже пореформенной эпохи выявила значительную роль бюджетов органов местного самоуправления города Коломны в финансировании насущных потребностей социально-экономического развития края. Аналогичный вопрос по отношению к губернскому земству и финансированию дорожного строительства рассмотрен П.В. Галкиным (КГПИ). Е.Н. Савиновой (Государственный музей-заповедник «Горки Ленинские») было рассмотрено землевладение представителей московской буржуазии, обладателей усадеб, где возникла тенденция формирования многоотраслевых латифундий, стали использоваться передовые сельскохозяйственные технологии, возникли новые отношения между предпринимателем и работником.

Хронологические рамки докладов конференции все же оказались шире, чем период существования Московской губернии. Это вполне оправданно, поскольку было важно рассмотреть предпосылки формирования единства данного региона в допетровскую эпоху. Это стало одной из главных задач секции «Предыстория и историческая география Московской губернии. Проблемы геральдики и археологии», которая работала под руководством проф. А.Б. Мазурова (КГПИ). Большинство участников данной секции рассматривали предпосылки формирования губернии в историко-географическом ключе, с точки зрения изучения внешних границ Московского региона и составляющих его частей (удельных княжеств, уездов, волостей, районов), что нашло свое отражение в докладах К.А. Аверьянова (Институт российской истории РАН), В.Н. Захарова (МГОУ), В.А. Ткаченко (Сергиев-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник), В.С. Кашко (Музей-заповедник «Дмитровский кремль»). Возникла дискуссия, насколько устойчивыми были границы между различными регионами внутри столичной области, были ли они традиционно обусловлены или определялись властями произвольно. К единому мнению участники секции не пришли.

В рамках данной секции рассматривались вопросы геральдики и генеалогии. О.Н. Наумов (МГОУ) выявил новые источники по истории родословных дворянства столичной губернии, а именно данные о неутвержденных гербах ряда дворянских фамилий. В.В. Кузнецов (Российский государственный гуманитарный университет) проследил соответствие символики городов губернии историческим реалиям данной местности.

Особое место в программе конференции занимали доклады секции, которые были посвященной истории края в первые десять лет Советской власти, пока еще существовала Московская губерния. Руководил работой секции проф. В.В. Журавлев (МГОУ). Здесь было важно выявить историческую преемственность между дореволюционную губернией и ныне существующей Московской областью, что наиболее последовательно проведено в докладе М.В. Юдина (МГОУ). Становление новых органов судебной власти рассмотрено в докладе Я.А. Прусского (Музей-заповедник «Дмитровский кремль»). Сложный, противоречивый характер революционных преобразований в крае отражен в докладах Ю.В. Аксютин (МГОУ) и М.Э. Михайлова (МГОУ), которые обратили внимание на выступления рабочих и крестьян против представителей большевистской власти. Важной задачей того периода было сохранение культурного и исторического наследия, что стало задачей создаваемых музеев, работы

археологов, что нашло свое отражение в докладах Н.В. Табуновой (Музей-заповедник «Дмитровский кремль»), Е.В. Видной (Сергиев-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник). Р.Н. Сунгурова (Музей-заповедник «Дмитровский кремль»).

Участники конференции на заключительной дискуссии обратили также внимание на актуальность исследования взаимосвязей Москвы и Подмосковного региона, особенно с точки зрения исторического опыта совместного и отдельного существования в определенных административных рамках. Также весьма важными представляются дальнейшие историко-географические исследования, как суб- так и микро-регионального уровня. В связи с этим необходима разработка исторических карт всех районов Подмосковья, и области в целом, на основании данных новейших исследований, архивных данных, материалов археологии и исторической топографии и исторической экологии.

Захаров В.Н.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеев Денис Александрович, аспирант кафедры Новейшей истории России Московского государственного областного университета; тел. 8-905-788-95-49

Бабайцев Вячеслав Анатольевич, аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московский государственный областной университет; e-mail: bobbi2009@mail.ru

Базаркина Дарья Юрьевна, преподаватель отделения «Связи с общественностью» философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета; e-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru

Брусиловская Оксана Александровна, аспирант кафедры политической истории факультета Государственного Управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: gorod-group@yandex.ru

Володина Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Московского педагогического государственного университета; e-mail: volodinanatalya@mail.ru

Воронин Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, докторант Отдела комплексных проблем международных отношений Института востоковедения РАН; e-mail: 6771443@mail.ru

Гаврилов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, заместитель начальника кафедры общественных наук и военно-гуманитарных дисциплин Военной академии тыла и транспорта им. А.В. Хрулева; e-mail: Gavrilov-vat@rambler.ru

Гайденок Павел Иванович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Казанского государственного технологического университета; e-mail: paul08kaz@rambler.ru

Долгих Аркадий Наумович, кандидат исторических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета; тел. 8-915-858-50-60

Захаров Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент заведующий кафедрой истории России средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: v.zakharov@inbox.ru

Карбасова Ольга Вячеславовна, старший преподаватель Самарского государственного технического университета, соискатель кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета; e-mail: kov-81@mail.ru

Постнов Николай Витальевич, аспирант института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: nikola-post@rambler.ru

Галкин Павел Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой муниципального управления и социального сервиса Коломенского государственного педагогического института; e-mail: pvgalkin@nm.ru

Камолов Сергей Георгиевич, кандидат экономических наук, заместитель главы администрации Одинцовского района Московской области; e-mail: skamolov@yahoo.ru

Кирсанов Анатолий Иванович, кандидат политических наук, проректор Московского городского психолого-педагогического университета; e-mail: kirsanov_ai@mail.ru

Мазин Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент ИТиГ (г.Москва) (филиал) ГОУВПО РГУТиС

Михайлов Михаил Эрнестович, аспирант кафедры новейшей истории России

Московского государственного областного университета; тел. 676-96-82

Ореханов Юрий Леонидович, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, проректор по внутривузовской системе менеджмента качества образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; e-mail: georgorehanov@mail.ru

Струков Алексей Валерьевич, соискатель степени кандидата наук кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; тел. 469-52-38

Фомина Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Набережночелнинского государственного педагогического института; e-mail: stal73@yandex.ru

Гребешев Игорь Владимирович, кандидат философских наук старший преподаватель кафедры истории философии Российского университета дружбы народов (ГОУ ВПО РУДН); e-mail: info@rudn.ru

Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (г. Новочеркасск); e-mail: tatjana@novoch.ru

Тикиджян Руслан Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Ростовской академии сервиса (филиал) Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса; тел. (863) 300-13-72

Першина Анастасия Михайловна, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: nastyapershina@yandex.ru

Пряжников Константин Станиславович, соискатель кафедры политологии и социальной политики Российского Государственного Социального Университета (г. Москва); e-mail: priaj@mail.ru, cpryanikov@yahoo.com

Зудочкина Светлана Владимировна, исследователь Международного центра социально-политических исследований и консалтинга; e-mail: asp.zsv@mail.ru

Файзрахманов Рафаил Хаббитрахманович, доцент кафедры теории государства и права Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург); e-mail: rafnt@mail.ru

Чуркин Максим Григорьевич, аспирант кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; тел. 8-909-937-38-69

Шабага Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент социальной философии, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российский университет дружбы народов; e-mail: schabandr@rambler.ru

Яровой Александр Ильич, аспирант кафедры «Теория и практика взаимодействия бизнеса и власти» ГУ-ВШЭ. Управляющий партнер Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти. Директор проектов агентства PRP Group Ph.D. Fellow, GR Department, State University – Higher School of Economics. Partner of GR Research & Consulting Center, PRP Group Account Director; e-mail: yuriym@softline.ru

Содержание

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

ФОМИНА Т.Ю. Повседневно-бытовая культура Великого Новгорода X-XII вв. (по археологическим материалам и письменным источникам)	3
МАЗИН К.А. Первая эмиграция запорожских казаков	9
ДОЛГИХ А.Н. О программе Павла I по крестьянскому вопросу	22
ГАВРИЛОВ С.В. Реорганизация управления снабжением русской армии в 1816-1825 годах	28
ГАЛКИН П.В. Проблема изменения юридического статуса городских органов самоуправления (по материалам Московской губернии)	35
ГАЙДЕНКО П.И., ПОСТНОВ Н.В. Становление «критического метода» в церковной исторической науке (историографические наброски по истории Русской церкви Киевского периода)	43
ОРЕХАНОВ Г.Л. Некоторые особенности генезиса и восприятия учения Л.Н. Толстого в России	54
ГРЕБЕШЕВ И.В. Метафизика личности в историософии Л.П. Карсавина	60
МИХАЙЛОВ М.Э. О покушении на митрополита Московского и Коломенского Макария (Невского) в 1912 году	68
СТРУКОВ А.В. Причины слабости правых партий в России на примере «Союза Русского Народа»	78
АЛЕКСЕЕВ Д.А. Генеалогическая терминология в эмигрантской мемуаристике	85

РАЗДЕЛ II.

ИСТОРИЯ РОССИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ВОЛОДИНА Н.А. Культура и искусство в советской системе политического контроля	92
ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА Т.В., ТИКИДЖЬЯН Р.Г. Особенности создания идеологической платформы советской обрядности: «красные праздники» в казачьих станицах Юга России 1920-х гг.	97
КАМОЛОВ С.Г. Жилищное строительство в СССР в послереволюционный период (1917-1926)	105
БРУСИЛОВСКАЯ О.А. Электоральная политика партий в период избирательных кампаний 90-х гг. ХХ в. (Историография проблемы)	110
ПЕРШИНА А.М. Женщины-депутаты в составе Государственной Думы Федерального собрания IV созыва (2004 – 2007 годы)	123

РАЗДЕЛ III.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ПРЯЖНИКОВ К.С. Идеологии «третьего пути» и государство «солидаризма» 1930-х годов в работах русского солидариста Г.К. Гинса	130
БАБАЙЦЕВ В.А. Советско-французский договор 1944 года и его значение	136
БАЗАРКИНА Д.Ю. Контртеррористическая политика в ФРГ по отношению к левачским террористическим организациям: совершенствование практических методов и изменения в законодательстве с начала 1970-х гг. до начала XXI в.	141
ЗУДОЧКИНА С.В. Коммуникационный аспект деятельности Британской Секретной разведывательной службы в 80-е гг. XX века	148
КАРБАСОВА О.В. Коммуникационный менеджмент в деятельности французской внешней разведки в 90-е годы XX века	156

РАЗДЕЛ IV.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИОСОФИЯ

ШАБАГА А.В. Социальный хронотоп и особенности его влияния на идентичность исторического субъекта	163
--	-----

РАЗДЕЛ V.

ПОЛИТОЛОГИЯ

ФАЙЗРАХМАНОВ Р. Вооруженное насилие в системе властных отношений	174
--	-----

ЧУРКИН М.Г. Политический дискурс и политическая коммуникация в исследовании моделей политического лидерства в постсоветских политических режимах	182
ВОРОНИН С.А. Этатистский (государственный) национализм как тип легитимизации политического лидерства на Востоке	185
КИРСАНОВ А.И. Молодежь и наркотики в современной России	194
КИРСАНОВ А.И. Мировые производители и поставщики наркотиков	199
ЯРОВОЙ А.И. Дело бизнеса – для общества	204

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шестая научно-практическая конференция «Проблемы истории Московского края»	207
НАШИ АВТОРЫ	211

Содержание

SECTION I. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

T. FOMINA. Everyday-domestic culture of Great Novgorod of the X-XII centuries (compiled from archeological materials and written sources)	3
K. MAZIN. The first emigration of the Zaporozhye Cossacks	9
A. DOLGIKH. About the program of Paul I in the sphere of the peasant question	22
S. GAVRILOV. Reorganization of management by supply of russian army in 1816-1825 years	28
P. GALKIN. The problem of modification of legal position of town institutions of local governing (by the example documents of Moscow region)	35
P. GAIDENCO, N. POSTNOV. The use of the "critical method" in church historiography: Historiographical sketches on the history of the Russian church of Kievan period	43
G. OREKHANOV. Certain features of the genesis and public perception of Leo Tolstoy's teachings in Russia	54
I. GREBESHEV. Metaphysics of the person in L.P. Karsavin's historysophy	60
M. MIKHAYLOV. On the attempt upon life of metropolitan of Moscow and Kolomna Makariy (Nevskiy) in 1912	68
A. STRUKOV. The reasons of weakness of right parties in Russia on an example of "the Union of Russian People"	78
D. ALEKSEEV. Genealogic terminology in memoirs of emigrants present clause opens features of application of genealogic terminology in memoirs of russian emigrants	85

SECTION II. HISTORY OF RUSSIA OF THE NEWEST TIME

N. VOLODINA. Culture and art in the Soviet system of political control	92
T. PANKOVA-KOZOTCHKINA, R. TIKIDZHYAN. Features of Soviet Ritualism Ideological Platform: "Red Holidays" in Cossack Villages in the South of Russia in 1920-ies	97
S. KAMOLOV. Housing construction in the USSR in the post-period (1917-1926)	105
O. BRUSILOVSKAYA. The electoral policy of parties in election campaigns of 90 th XX century (the problem historiography)	110
A. PERSHINA. Female deputies in the state дума of the fourth convocation (2004-2007)	123

SECTION III. GENERAL HISTORY

C. PRYAZHNIKOV. The ideologies of the "third way" and prospect of solidarizm'state in period of 30-years XX century in guins's law and political theory	130
V. BABAJTSEV. The Soviet-French contract of 1944 and its value	136
D. BAZARKINA. The counter-terrorist policy in FRG: the counteraction to the leftist terrorist organizations. The improvement of the practical methods and the changes in the legislative system from the beginning of 1970-th to the beginning of XXI-st century	141
S. ZUDOSHKINA. Communicative aspect of the British Intelligence Service in the 80's of the XX	148
O. KARBASOVA. Communication management in the activities of the French external security service in the 90ies of the XX century	156

SECTION IV. HISTORIOGRAPHY AND HISTORIOSOPHY

A. SHABAGA. Social chronotype and features of its influence on identity of the historical subject	163
---	-----

SECTION V. POLITOLOGY

R. FAIZRAKHMANOV. The Armed violence in system of imperious relations	174
---	-----

M. CHURKIN. Political discourse and political communications in research of models of political leadership in Post-Soviet political modes	182
S. VORONIN. State nationalism as a kind of legitimization of political leadership in the East	185
A. KIRSANOV. Youth and narcotics in modern Russia	194
A. KIRSANOV. World manufacturers and suppliers of drugs	199
A. YAROVY. Business case – for society	204

SCIENTIFIC LIFE

The sixth scientifically-practical conference «Problem of history of the Moscow edge»	207
OUR AUTHORS	211

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета – «Вестник МГОУ» – включено в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 6.07.2007г. (См. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», каждая из серий будет выходить 4 раза в год, все 10 – в рекомендательном списке ВАК (см.: прикрепленный файл на сайте www.mgou.ru).

Первый номер по всем сериям подписывается в печать 5 февраля, второй - 5 мая, третий - 5 августа, четвертый - 5 ноября; с этой даты статью можно указывать в авторефератах.

Подписка на Журнал осуществляется через Роспечать или непосредственно в издательстве МГОУ.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»

в каталоге «Газеты и журналы», 2009, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов.**

Для публикации статей в сериях «Вестника МГОУ» необходимо по электронному адресу vest@mgou.ru прислать в едином файле (в формате Word) следующую информацию:

а) авторскую анкету:

- фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках;
- ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название, а не аббревиатура) на русском и английском языках;
- адрес (с индексом) для доставки Ваших номеров журналов согласно подписке;
- номер контактных телефонов (желательно и мобильного);
- номер факса с кодом города;
- адрес электронной почты;
- желаемый месяц публикации;

б) аннотацию на русском и английском языках (примерно по 400 знаков с пробелами);

в) текст статьи;

г) список использованной литературы.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно 1) раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов, 2) отмечается научная и практическая значимость статьи, 3) указывается на соответствие ее оформления требованиям «Вестника МГОУ». Замечания и предложения рецензента, если они носят частный характер, при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию «Вестника МГОУ»: vest@mgou.ru. Конт.тел. (495) 723-56-31. Наш адрес: ул. Радио, д.10А, комн.98.

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, обед с 13 до 14 часов. Потапова Ирина Александровна. Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович. Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

Требования к оформлению статей

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

В начале публикуемой статьи приводится индекс УДК, который должен проставить автор, руководствуясь сведениями, полученными в библиографических отделах библиотек, которые располагают изданиями «Универсальной десятичной классификации» (УДК), или в Интернете.

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Аннотация»
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Abstract»
на русском и английском языках	Перечень ключевых слов в количестве 5-7
на русском языке	Для докторантов минимальный объем статьи 16000 символов, включая пробелы Список литературы

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт не менее 14 пунктов, междустрочный интервал — полуторный.

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем — не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок
- **запрещено уплотнение интервалов;**

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на диске и бумажного варианта!

В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «История и политические науки» — доктор исторических наук, профессор Смоленский Николай Иванович.

Адрес редколлегии серии «История и политические науки» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а, МГОУ, факультет истории, политологии и права. Телефон 8(495) 261-19-19.

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Исторические науки»

№ 3

Подписано в печать: 10.06.2009.

Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «Warnock Pro».

Уч.-изд. л. 17,25. Усл. п. л. 13,75. Тираж 355 экз. Заказ № 111.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.